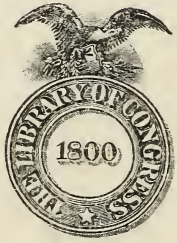
LIBRARY OF CONGRESS
0000257875A

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928




Class PS2368

Book .M8 S86

YUDIN COLLECTION

S
368
18
86

# УСПѢХЪ ВЪ ЖИЗНИ

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЬГЕЛЬМА МАТЬЮ

Профессора реторики и англійской литературы университета въ Чикаго.

---

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЛИДІИ ЕВРѢИНОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874

Mathews, William

# УСПѢХЪ ВЪ ЖИЗНИ

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЬГЕЛЬМА МАТЬЮ

Профессора реторики и англійской литературы университета въ Чикаго.

---

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ЛИДІИ ЕВРЕИНОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.

Екатерининскій каналъ, 168.

---

1874

BJ1611
.M4517
1874

88-150825
EP35
6-16-88

# ПРЕДИСЛОВІЕ.

Успѣхъ предлагаемой мною читателямъ книги въ Америкѣ краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ доказательствъ говоритъ въ ея пользу. Едва появилось въ концѣ тысяча восемьсотъ семьдесятъ перваго года ея первое изданіе, какъ въ началѣ семьдесятъ втораго послѣдовало новое, значительно дополненное, которое и послужило мнѣ подлинникомъ для перевода.

Предметъ сочиненія Матью не новъ, но тѣмъ не менѣе авторъ удачно выполнилъ свое предпріятіе: въ немъ виденъ тонкій наблюдатель человѣческихъ недостатковъ, роковыми послѣдствіями которыхъ являются наши жизненныя неудачи. Не отрицая вполнѣ существованія счастливыхъ и несчастныхъ случайностей, онъ проводитъ рѣзкую границу между тѣмъ, чѣмъ человѣкъ бываетъ обязанъ самому себѣ, и тѣмъ, за что онъ долженъ благодарить свою судьбу, и указываетъ на частое злоупотребленіе словомъ счастіе. Под-

крѣпляя свои мнѣнія фактами изъ жизни замѣчательныхъ людей, Матью дѣлаетъ свое сочиненіе занимательнымъ и общедоступнымъ.

Цѣль, которою онъ руководился, именно — возбудить въ начинающихъ жизненное поприще довѣріе къ своимъ силамъ и стремленіе къ самовозвышенію и подстрекнуть ихъ къ осмысленному выбору и настойчивому продолженію занятій, доказываетъ честное направленіе автора, и намъ остается только пожелать, чтобы эта цѣль была имъ достигнута.

Не желая утомлять читателей повтореніемъ однихъ и тѣхъ же примѣровъ, я по возможности сократила мой переводъ англійскаго текста.

*Переводчица.*

Псковъ,
7-го Іюня 1873 года.

# ГЛАВА I.

## Успѣхъ и неудача.

Пусть человѣкъ занимается и занимается въ высшей степени серьозно тѣмъ, на что онъ по своимъ способностямъ болѣе пригоденъ; тогда онъ умретъ съ чистою совѣстью, сознавая, что онъ все исполнилъ.

*Сидней Смитъ.*

Люди должны знать, что на жизненномъ театрѣ только Богъ и Ангелы остаются зрителями.

*Бэконъ.*

Тогда только можно достигнуть успѣха, когда мы будемъ добросовѣстно заниматься нашимъ дѣломъ, не помышляя о славѣ.

*Генрихъ Лонгфелло.*

Слушая концерты въ нашихъ столицахъ, не замѣтили ли вы когда-нибудь, какая громадная бездна лежитъ между главнымъ и второстепенными музыкантами. Первый полонъ огня, энергіи, энтузіазма; то онъ движеніями въ воздухѣ сдерживаетъ мелодію, то онъ ускоряетъ ее и извлекаетъ изъ своей скрипки звуки, которые рѣзко выдаются посреди оглушающихъ звуковъ трубы и рога, пискливыхъ нотъ флейты и рыдающей віолончели; его скрипка заглушаетъ громовые раскаты оркестра. Одѣтый неизмѣнно въ художественный костюмъ, ударяя въ тактъ ногой и важно покачивая головой справа налѣво, онъ весь погруженъ въ музыку. Все же это происходитъ оттого, что онъ — дирижеръ оркестра и первый скрипачъ. Теперь взгляните на

рядомъ, только нѣсколько ниже, сидящаго съ нимъ скрипача—въ немъ вы не замѣтите ни малѣйшаго энтузіазма; Онъ терпѣливо и спокойно перебираетъ струны своей скрипки; онъ скорѣе похожъ на работника, чѣмъ на музыканта; въ глазахъ его не видно огня; онъ ихъ не возводитъ къ небу и не опускаетъ быстро снова на землю; рука его не прикасается легко къ струнамъ, выдѣлывая мелодическія руллады; онъ не покачиваетъ головой, но ударяетъ въ тактъ ногой, нисколько не заботится о томъ, чтобы придать болѣе выраженія своей игрѣ, и только добросовѣстно выигрываетъ ноту за нотой; его звуки внѣ оркестра напоминаютъ жужжаніе волынки и однообразны, какъ картина освѣщенная на всемъ пространствѣ и лишенная тѣней. Онъ работаетъ прилежно, но безъ энтузіазма; въ немъ нѣтъ вдохновенія художника, а одинъ только холодный разсчетъ; онъ мѣняетъ звуки свои на доллары и знаетъ, что каждой трелью онъ заработываетъ больше хлѣба для своего семейства. Но этотъ автоматъ, эта музыкальная машина, которая, повидимому, имѣетъ то же значеніе въ музыкѣ, какое счетная машина Бебэджа въ разрѣшеніи математическихъ задачъ, можетъ быть одарена отъ природы такимъ же геніемъ, такимъ же огнемъ, какъ громовержецъ-Юпитеръ оркестра—дирижеръ; но, увы! она только вторая скрипка.

Свѣтъ—это оркестръ, а люди—музыканты. Всѣ мы способствуемъ жизненной гармоніи; но одни изъ насъ управляютъ капельмейстерскимъ жезломъ и обращаютъ на себя вниманіе публики, другіе же остаются на всю жизнь вторыми скрипачами, смиренно сознавая свое ничтожество. Предметъ моего сочиненія показать причины этого неравенства, а главное доказать, что будь человѣкъ первымъ или вторымъ игрокомъ, талантливымъ или нѣтъ, онъ всегда имѣетъ призваніе къ чему-нибудь и возможность честно выполнить свои обязанности.

Въ этой главѣ я желалъ поговорить объ успѣхахъ въ жизни или, другими словами, отвѣтить на вопросъ, которымъ каждый молодой человѣкъ долженъ задаться, вступая въ свѣтъ, а именно: «Буду ли я имѣть успѣхъ въ жизни?» Задача эта такъ же стара, какъ человѣческое племя, и хотя нѣсколько томовъ были написаны объ этомъ предметѣ, но, вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій во взглядахъ общества, онъ всегда будетъ неистощимъ. Мы будемъ здѣсь говорить о такихъ вещахъ, которыя возбуждаютъ живой интересъ въ умахъ юношества, имѣющаго принять участіе въ жизненной драмѣ. Для большинства людей, а въ особенности для тѣхъ, которые вступаютъ на жизненной путь, мой разсказъ будетъ занимателенъ.

Человѣка, вступающаго на жизненной путь, можно сравнить съ военнымъ судномъ, получившимъ предписаніе оставить гавань. Провидѣніемъ ему всѣ дороги открыты, и онъ не знаетъ, къ какимъ гаванямъ долженъ онъ пристать и по какимъ морямъ плыть. Всевозможныя опасности предстоятъ ему на пути: подводные рифы, снѣжныя горы, бурные мысы, грозящіе погибелью, и неизвѣстныя ему скалы. Чрезъ страшныя бури и опасное затишье долженъ онъ себѣ пролагать путь, не имѣя подъ руками карты, которая могла бы служить ему проводникомъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ точно идти по дорогѣ, проложенной его предшественникомъ; напротивъ, каждый человѣкъ, пускаясь въ океанъ жизни, совершаетъ свой путь подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ никому вѣтровъ. Подобно моряку Кольриджу, онъ можетъ быть единственнымъ, могилой которому будетъ служить уединенное море.

Когда мы осматриваемся въ кругу нашихъ знакомыхъ, то насъ поражаетъ незначительное количество тѣхъ изъ нихъ, которые, совершивъ свое путешествіе, благополучно достигли гавани, къ которой они стремились. Иногда простое двухмачтовое судно, тихо поки-

дающее гавань, благополучно достигаетъ пристани, тогда какъ галера, снабженная артиллеріей, оставляющая берегъ при радостныхъ крикахъ «ура» съ экипажемъ, воодушевленнымъ самыми блестящими надеждами, погибаетъ въ волнахъ океана. Дѣйствительно, какого безотраднаго положенія достигаютъ иногда люди, полные въ молодости силъ и энергіи. Что́, напримѣръ, сдѣлалось съ первымъ ученикомъ академіи, старымъ по университету товарищемъ, съ клубнымъ ораторомъ, со школьникомъ или съ лицеистомъ? Гдѣ мы находимъ геніальныя силы разныхъ сословій общества? На берегахъ огромнаго океана разсыпаны остатки послѣ крушенія тѣхъ, которые, казалось, начали свое путешествіе подъ самою счастливою звѣздою. Они были полны надеждъ, и имъ не было нужды до того, что на какихъ-нибудь мелякъ или подводныхъ камняхъ они могутъ погибнуть; кто же пойдетъ вслѣдъ за ними и будетъ разбирать причины ихъ неудачъ, тотъ, кромѣ возбужденія живѣйшаго интереса, спасетъ нѣсколько тысячъ людей отъ подобной же участи.

Прежде чѣмъ я стану розыскивать причины крушеній, я хочу предупредить нѣкоторыя возраженія, которыя могутъ мнѣ сдѣлать. Во-первыхъ, станутъ отрицать, что успѣхъ преимущественно желателенъ или что онъ во всякомъ случаѣ тождественъ со счастіемъ. Безъ сомнѣнія есть много наслажденій, кромѣ успѣха въ жизни. Напримѣръ, пріятнѣе вставать въ восемь часовъ утра, чѣмъ въ пять; пріятнѣе въ сильную бурю сидѣть передъ пылающимъ каминомъ, чѣмъ находиться подъ открытымъ небомъ; пріятно также проводить вечера въ семействѣ, встрѣчать то зиму, то весну, жить въ городѣ или въ деревнѣ, смотря по времени года, наблюдать за солнечнымъ восходомъ и т. д. Путь къ жизненному успѣху никогда не бываетъ легокъ, и въ настоящее время онъ тернистѣе, чѣмъ когда-либо. Никогда въ исторіи міра не было бо́льшаго соперничества по

всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, чѣмъ въ девятнадцатомъ столѣтіи. Успѣхъ въ жизни въ настоящее время требуетъ много физическихъ и нравственныхъ качествъ, какъ-то: дѣятельности, осторожности, рѣшительности, смѣлости и бодрости. Карлейль совершенно вѣрно говоритъ, что теченіе жизни сдѣлалось напряженнымъ, что люди стараются наступить другъ-другу на ногу, и горе тому, кто захочетъ ихъ остановить. Довольно одного этого факта, чтобъ опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что успѣхъ въ настоящее время дѣло весьма обыкновенное. Не смотря на случайное торжество посредственныхъ людей и шарлатановъ, всетаки можно сказать, что людямъ открыто пробивающимъ себѣ путь и достигающимъ своимъ личнымъ характеромъ славы или богатства мало одной наглости, и Годсонъ и Фискъ никогда не достигли бы такого положенія въ общества, еслибы не присоединяли къ своимъ большимъ недостаткамъ блестящихъ качествъ.

Успѣхъ въ жизни не всегда приноситъ счастье; часто добычи жизни, какъ содомскія яблоки, превращаются въ пепелъ, когда мы ихъ захватываемъ въ руки. О всякомъ предметѣ, который блескомъ своимъ манитъ издали и который человѣкъ преслѣдуетъ, можно сказать то, что одинъ поэтъ сказалъ о женщинѣ:

The lovely toy, so fiercely sought,
Hath lost its charm by being caught *).

Но люди, примѣняющіе это правило къ жизни, забываютъ, что человѣческое счастіе не состоитъ въ удовлетвореніи желаній, въ отчужденіи отъ всякаго рода заботъ, т. е. въ воображаемомъ спокойствіи, котораго люди такъ

*) Любимая, столь желанная игрушка теряетъ свою прелесть, коль скоро мы ее пріобрѣтаемъ.

стараются достигнуть, и для достиженія котораго они только и работаютъ, сами того не понимая, что такого рода спокойствіе несноснѣе, скучнѣе и невыносимѣе трудовъ дѣятельной жизни. Правда, что цѣли, которыя мы горячо преслѣдуемъ, весьма незначительны сами по себѣ и никогда не удовлетворяютъ нашихъ обширныхъ надеждъ, но это вовсе не доказываетъ, что мы должны отказаться отъ ихъ преслѣдованія. Чтобы придать имъ цѣну, надо принять въ соображеніе тѣ пріятныя волненія, которыя мы будемъ испытывать до пріобрѣтенія ихъ. Истинное счастіе состоитъ въ средствахъ, а не въ концѣ — въ пріобрѣтеніяхъ, а не въ обладаніи. Кто взращиваетъ дерево, тотъ получаетъ гораздо больше удовольствія ухаживая за нимъ, чѣмъ собирая съ него плоды. Дайте охотнику дичи, а игроку денегъ, которыя онъ надѣятся выиграть; такимъ образомъ оба они получатъ безъ всякихъ волненій желаемые ими предметы. Что-же, будутъ они довольны? Нѣтъ, они будутъ насмѣхаться надъ вами. «Если мой сынъ — сказалъ однажды одинъ здравомыслящій человѣкъ своему расточительному наслѣднику — найдетъ такое же удовольствіе, расточая мое добро, какое я нашелъ собирая его, тогда я не буду о немъ сожалѣть».

Лессингъ сказалъ, что еслибы ему предложили выборъ между обладаніемъ истиной и удовольствіемъ разслѣдованія ея, то онъ, не колеблясь, выбралъ бы послѣднее. Состояніе постояннаго обладанія въ дѣйствительности было бы для насъ весьма прискорбнымъ состояніемъ, оно въ высшей степени отвращало бы насъ ото всего, мы были бы лишены надеждъ и волненій, и такимъ образомъ свѣтъ, единственно увеселяющій нашъ жизненный путь, погасъ бы. Еслибы наши желанія были пресыщены отъ рожденія, или еслибъ мы были довольны своимъ настоящимъ, то намъ вовсе не было бы необходимости идти все впередъ, и вслѣдствіе этого образовался бы жизненный застой. Короче сказать, человѣкъ

созданъ для дѣятельности, а жизнь представляетъ ему широкую арену для занятій ума и сердца, на которой главное удовольствіе человѣка заключается въ преслѣдованіи его цѣлей. При продолжительныхъ неудачахъ это удовольствіе слабѣетъ, а при совершенномъ достиженіи цѣли — совершенно блекнетъ. Надежда есть обманчивая волшебница, проливающая солнечные лучи на нашу жизнь и не всегда употребляющая свое волшебство въ нашу пользу. Весьма рѣдко достигаемъ мы того, что́ она сулитъ намъ.

Разумъ говоритъ, что мы по бо́льшей части обязаны своимъ счастіемъ нашимъ ошибкамъ. Созерцаніе внутренняго достоинства предметовъ, которые мы преслѣдуемъ, неизбѣжно ведетъ насъ къ непреодолимому уваженію человѣческой жизни.

Но каковы бы ни были наши стремленія, одно только можно навѣрно сказать, что если счастья нельзя найти въ успѣхѣ, то во всякомъ случаѣ его нельзя найти внѣ его.

Тяжело становится намъ, когда вездѣ преслѣдуютъ насъ неудачи, когда нашъ разсудокъ гибнетъ и таланты наши расточаются безполезно; тяжело сознавать, что мы не успѣли на жизненномъ поприщѣ; грустно видѣть себя безславно выброшеннымъ на мель, тогда какъ вмѣстѣ съ нами отправлявшіеся въ странствованіе плывутъ себѣ спокойно, распустивъ знамена и поднявъ паруса. Посредственные люди часто смѣшиваютъ слово стремленіе и вдохновеніе; у нихъ первоклассное властолюбіе и третьестепенныя способности, что́ и способствуетъ къ образованію у человѣка весьма неровныхъ ногъ, которыя неудобно ведутъ его по жизненному пути, заставляя его безпрестанно спотыкаться и подвергая его всевозможнымъ огорченіямъ.

Философія и религія могутъ вывести человѣка изъ такого рода обманутаго ожиданія; но вообще несовмѣстимость понятій о счастіи и неудачахъ такъ велика, что не смотря

на все желаніе примѣрами доказать, что успѣхъ не есть счастіе, надо согласиться, что онъ необходимъ для него. Самое лучшее мгновеніе человѣческой жизни есть то, когда человѣкъ, какъ Александръ Македонскій, сознаетъ, что подвигъ его такъ великъ, что свѣтъ не въ силахъ вознаградить его. Предметъ, которымъ мы стремимся овладѣть, есть въ одно и то же время источникъ радостей и горя. Китсъ нисколько не преувеличилъ, сказавъ, что неудача въ большомъ предпріятіи возбуждаетъ страшный адъ въ нашей душѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что успѣхъ въ предпріятіи, на которое мы тратимъ всѣ наши силы и которое занимаетъ нашъ умъ днемъ и ночью, наполняетъ наше сердце такимъ блаженствомъ, которому равнаго мы не можемъ найти на землѣ: человѣкъ тогда чувствуетъ себя награжденнымъ завсѣ свои труды и лишенія.

Еще повторяю, что хотя успѣхъ необходимъ для счастія, но онъ бываетъ весьма условнымъ; другими словами, есть различныя степени успѣха въ жизни, изъ которыхъ самыя высшія недоступны всѣмъ и вовсе не необходимы для счастія. Человѣкъ можетъ быть хорошимъ адвокатомъ, хотя ему не удалось сдѣлаться начальникомъ правосудія въ Соединенныхъ Штатахъ; точно также купецъ можетъ считать себя богатымъ, хотя его состоянія нельзя и сравнить съ богатствомъ Стьюарда, Жирарда или Астора. Все это, должны мы согласиться, совершенно условно, и мы даже не стали бы повторять эту аксіому, еслибъ въ различнаго рода студентскихъ хроникахъ, въ статьяхъ для народа, въ газетахъ и въ книгахъ, издаваемыхъ для юношества, не противорѣчили этой истинѣ.

Непостоянство, недовольство своимъ жребіемъ, презрѣніе къ возможнымъ и вѣроятнымъ успѣхамъ увлекали молодежь въ юной Америкѣ.

Извѣстный классъ писакъ подстрекалъ молодыхъ людей

презирать сферу, въ которой они вращались, не довольствоваться своею ничтожною ролью въ свѣтѣ, а стараться сдѣлаться великими людьми, какъ напр. правителями, членами конгресса, иностранными министрами, генералъ-маіорами и т. п., и при этомъ всегда говорилось, что довольно только одной твердой воли для того, чтобы человѣкъ занялъ видное мѣсто на общественномъ поприщѣ. Авторы такого рода сочиненій забывали, что всякаго рода занятіе благородно, если его исполняютъ добросовѣстно, и что не дѣло человѣка краситъ, а человѣкъ дѣло. Кузнецъ можетъ быть приличнымъ человѣкомъ и милліонеръ—шутомъ; иной сапожникъ можетъ больше придать вкуса и генія своей работѣ, чѣмъ другой адвокатъ своей рѣчи. Такого рода сочинители ссылаются обыкновенно на Гершелей, Стефенсоновъ, Асторовъ; они говорятъ юношамъ, что всѣ они имѣютъ возможность блистать на горизонтѣ науки, искусства и богатства, если они въ молодости научатся презирать удовольствія, соберутъ всю свою энергію и превратятъ въ себѣ алмазную пыль въ драгоцѣнный брилліантъ.

Изъ этого можно предположить, что эти господа сочинители думаютъ, что каждый человѣкъ отъ природы надѣленъ талантами Шекспира и Ньютона, и что по надлежащемъ образованіи и довольно упорномъ трудѣ онъ можетъ поразить свѣтъ появленіемъ «*Гамлета*» или и *Принциповъ*». Они соглашаются съ Бюффономъ въ его опредѣленіи слова «терпѣніе» и въ томъ значеніи, которое онъ ему придаетъ; упоминая имя Ньютона, они говорятъ, что онъ ничѣмъ инымъ не отличался отъ другихъ людей, кромѣ «терпѣнія мысли». Замѣчательные ораторы какъ Клэй или Чатамъ, великіе музыканты Гендель или Россини, знаменитые архитекторы Ренъ или Де-Кинсей сами пробили себѣ дорогу, по которой и шли твердо; по ней могутъ слѣдовать и другіе люди, но только въ такомъ слу-

чаѣ, если они будутъ концентрировать всѣ свои силы на днномъ какомъ-нибудь предметѣ, а не будутъ разомъ преслѣдовать нѣсколькихъ цѣлей.

Разыскивая причины превосходства, ослѣпляющаго насъ, и анализируя ихъ, просматривая всѣ періоды, чрезъ которые человѣкъ прошелъ прежде, чѣмъ онъ достигъ своего могущества, мы замѣчаемъ, что жизнь его дѣйствительно была безпрерывнымъ трудомъ; но это вовсе не доказываетъ, что всѣ горячо преслѣдующіе свою цѣль приходятъ къ хорошему результату. Напротивъ, очень часто случается, что участь многихъ людей, начинающихъ жизнь при одинаковыхъ обстоятельствахъ, полныхъ энергіи и пылающихъ любовью къ труду, бываетъ совершенно различна: одни изъ нихъ выплываютъ на поверхность жизненнаго океана, другіе же погибаютъ на его днѣ. Изъ этого можно вывести, что Шелли слишкомъ преувеличилъ, сказавъ, «что Всемогущій далъ людямъ довольно длинныя руки, протянувъ которыя они могутъ доставать звѣзды. Если только молодой человѣкъ соберетъ въ себѣ всю силу воли и характера, то нѣтъ положенія въ свѣтѣ, котораго онъ не могъ бы достичь».

Но какъ обширно слово «*если*» и чего оно стоитъ! Это все равно, что сказать: еслибы моя тетка была мужчиною— она была бы мнѣ дядею. Тѣ, которые это говорятъ, забываютъ, что терпѣніе также отчасти принадлежитъ геніальнымъ натурамъ; оно составляло сущность характера Ньютона.

Постоянство и сосредоточенность мыслей находится въ прямой пропорціи съ размѣромъ и жизненностью умственныхъ способностей человѣка. То, что дѣлаетъ человѣкъ, есть явный признакъ того, что онъ способенъ сдѣлать; а говорить, что вотъ онъ могъ бы совершить такое-то великое дѣло, еслибъ только умъ его былъ предпріимчивѣе, все

равно, что сказать: какъ силенъ былъ бы человѣкъ, еслибъ у него было больше силы, или сказать: какъ скоро плылъ-бы пароходъ, еслибъ его паровой котелъ былъ больше или паръ былъ гуще».

Легко разсуждать, чѣмъ могли бы быть люди, еслибъ они не были совершенно похожи на тѣхъ, какими теперь мы ихъ видимъ. Дайте всякому человѣку умственную энергію и интеллектуальную силу Ньютона, и онъ безъ сомнѣнія произведетъ на свѣтъ такія же великія вещи, какъ и тотъ. Дайте собакѣ силу мускуловъ и извѣстныя физическія качества, и она сдѣлается такъ же опасна, какъ царь звѣрей; или отнимите у льва кровожадные инстинкты, и онъ будетъ отличною забавою для вашихъ дѣтей и вашихъ собакъ.

Опытъ показываетъ, что генію присущъ терпѣливый трудъ. Изъ этого можно вывести, что геніальный человѣкъ есть ничто иное, какъ терпѣливый работникъ. Но хотя геніальный человѣкъ существенно дѣятеленъ и любитъ трудъ, тѣмъ не менѣе заключеніе, которое мы можемъ вывести изъ этого, именно, что усилія труда могутъ пополнить недостатокъ генія и что обширныя желанія ведутъ всегда къ неограниченной власти, будетъ совершенно ложно. Развѣ можетъ надѣяться черепаха своею медленною поступью догнать и опередить борзую собаку, или можетъ ли ломовая лошадь быть соперницею рысаку, а обезьяна превосходить силою льва. Можно даже допустить сомнѣніе въ томъ, что не всегда какое-нибудь великое открытіе стоитъ огромныхъ трудовъ, такъ какъ великое дѣло можетъ быть сдѣлано только великимъ человѣкомъ, а онъ дѣлаетъ его безъ особеннаго труда. Газлиттъ пошелъ дальше и сказалъ: «совершенствующійся актеръ никогда не будетъ великимъ». Я могу указать на нѣсколько лицъ, которыя медленно, но твердо подвигались по своей дорогѣ; вдругъ явился геніальный человѣкъ и преградилъ имъ ее: онъ достигъ апогея славы, а они заняли вторыя мѣста. Про это одинъ

писатель говоритъ: «Вулканъ не предупреждаетъ о своихъ изверженіяхъ, а гроза не посылаетъ предвѣстниковъ своего наступленія. Геніальный человѣкъ принадлежитъ къ особому роду людей; его нельзя не замѣтить, какъ нельзя не видѣть пантеру, которую показываютъ вамъ въ клѣткѣ».

Великія событія не производятъ великихъ людей, что́ къ прискорбію и доказываетъ совершенно ясно послѣдняя американская гражданская война и борьба Франціи съ Пруссіей. Великія событія возникаютъ вслѣдствіе необходимости, а великіе люди служатъ имъ средствами. Великія люди обыкновенно рождаютъ великія событія. Скажу еще болѣе: они-то и есть великія событія въ исторіи человѣчества; они не только маяки, освѣщающіе путь человѣческаго прогресса, но они сами существенныя побудительныя причины— они составляютъ исторію. При этомъ надо повторить великую истину, произнесенную на одномъ изъ англійскихъ ученыхъ митинговъ профессоромъ Оуэномъ, почерпнутую имъ изъ записокъ доктора Гёнтера, именно, что тотъ человѣкъ, который желаетъ быть великимъ человѣкомъ, никогда не будетъ имъ. Совершить великое дѣло можно только незамѣтно для самого себя. Развѣ мы можемъ посредствомъ размышленія прибавить себѣ роста хоть на одинъ локоть. Великость души человѣческой только выражается великими дѣлами, они ее олицетворяютъ, а не великость души рождается отъ великихъ дѣлъ. Авторы замѣчательныхъ произведеній писали ихъ не для того только, чтобъ обезсмертить свое имя, а также съ практическими цѣлями; такъ Гомеръ пѣлъ отчасти для того, чтобы воодушевить своихъ согражданъ патріотизмомъ, отчасти же, скитаясь по Азіи и Греціи, онъ хотѣлъ посредствомъ пѣнія открыть себѣ гостепріимство. Шекспиръ писалъ свои драмы для денегъ; сочиненія Гукера были написаны съ цѣлью прекратить распри того времени; образцовое произведеніе Борка, богатое мыслями, было выпущено

въ свѣтъ какъ бастіонъ, съ цѣлью охранить англійскую цитадель отъ французскаго республиканизма. То же мы видимъ и въ другаго рода призваніяхъ. Когда герцогъ Веллингтонъ производилъ свои стратегическія операціи въ Испаніи, или когда онъ увѣнчалъ арку своей славы при Ватерлоо, думалъ ли онъ о наградахъ и о знакахъ отличія, ожидающихъ его. Онъ думалъ только о томъ, какъ нанести страшный ударъ Франціи.

Всѣмъ уже извѣстно, что поклонники героевъ недовольны президентомъ Грантомъ. Между тѣмъ строгое изслѣдованіе чертъ его лица и отсутствіе рисовки показываютъ въ немъ слѣды генія. Сенаторъ Йотсъ замѣтилъ въ своей рѣчи, что геній президента Гранта «не есть геній тщеславія или драматическій геній, но геній исполненія». Когда его работа сдѣлана, то сдѣлана такъ, какъ она должна быть сдѣлана. Этотъ человѣкъ исключительно созданъ для дѣла, а такова рода люди обыкновенно заняты только дѣломъ и предоставляютъ заботу о славѣ самой славѣ.

Какъ ни странно это кажется, но тѣмъ не менѣе это истина, которая, впрочемъ, не должна поощрять лѣность или льстить убѣжденію въ ниспадающихъ съ неба геніяхъ, не имѣющихъ необходимости трудиться. Эта истина говоритъ только, что воронъ не можетъ сравняться съ орломъ, а всѣ взятыя вмѣстѣ на небѣ звѣзды не могутъ образовать солнца. Впрочемъ, одинъ талантливый писатель замѣтилъ: «Нѣтъ ни одного человѣческаго занятія, къ которому человѣкъ не имѣлъ бы способности; пусть онъ только работаетъ усидчиво и спокойно и въ результатѣ увидитъ, что онъ исполнилъ свой долгъ. Ни борьба, ни порывы сердца не могутъ привести его ни къ чему лучшему. Если онъ великій человѣкъ, то вслѣдствіе его трудовъ явятся на свѣтъ великія дѣла; если же онъ не великій, то явятся небольшія дѣла; но всегда, если дѣло совершено спокойно и мирно, оно будетъ сдѣлано

хорошо, честно; напротивъ, если оно сдѣлано порывомъ и изъ тщеславія, оно будетъ несправедливо, гадко и достойно презрѣнія».

Писатели, толкующіе о великихъ подвигахъ, которые, по ихъ словамъ можно, совершить силою воли, забываютъ, что эта сила воли въ большомъ объемѣ есть также даръ природы, и такъ же рѣдко встрѣчается, какъ и другія хорошія вещи на свѣтѣ. Еще скажу, что когда талантливые люди слѣдуютъ по заранѣе предначертанному ими пути, то многіе изъ нихъ лишаются способности распознавать цѣль, къ которой они стремятся. Одинъ писатель говоритъ: «Человѣкъ, выступая на жизненное поприще, и сами не понимаетъ того, что онъ выдвигается изъ толпы. Прогрессъ идетъ шагъ за шагомъ. По всей вѣроятности онъ не различаетъ цѣли. Только въ книгахъ говорится, что озаренный первымъ лучемъ тщеславія, человѣкъ старается добиться во чтобы то ни стало извѣстнаго положенія; но въ дѣйствительности онъ только думаетъ объ успѣхѣ и посвящаетъ ему всѣ свои способности. Онъ выбираетъ себѣ друзей, способныхъ помочь ему въ его предпріятіи, пріобрѣтаетъ любовь къ извѣстнаго рода принципамъ, и обыкновенно, относясь къ далекому, но славному будущему, онъ работаетъ для него, становясь вслѣдствіе этого самоотверженнѣе и проницательнѣе. Его истинкты оживаютъ и онъ испытываетъ такія ощущенія, которыя недоступны людямъ, живущимъ только настоящимъ. Этимъ онъ образуетъ и возвышаетъ природное благоразуміе, которое придаетъ больше силы и вѣса другимъ дарованіямъ; онъ работаетъ терпѣливо до тѣхъ поръ, пока успѣхъ его не будетъ признанъ всѣми».

Опытъ говоритъ, что люди при рожденіи различаются одинъ отъ другого умомъ, точно такъ же, какъ они различаются чертами лица. Но эта истина должна ли обезоруживать молодыхъ людей, жаждущихъ пріобрѣсти успѣхъ въ жизни?

Никогда. Ни одинъ человѣкъ не знаетъ, какъ велики его способности и въ состояніи ли онъ совершить великія или ничтожныя дѣла, до тѣхъ поръ, пока онъ не испытаетъ этого. Пусть онъ употребитъ на какое-нибудь дѣло всю свою физическую и нравственную силу, тогда только можно будетъ сказать, имѣетъ онъ геній или нѣтъ. Сэръ Іоссія Рейнольдъ сказалъ: «Если у человѣка есть большіе таланты, образованіе выкажетъ ихъ; если у него только посредственныя способности, наука пополнитъ ихъ недостатокъ». Чѣмъ ограниченнѣе ваши способности, тѣмъ больше требуется отъ васъ усилій; чѣмъ незначительнѣе результаты вашихъ усилій, тѣмъ необходимѣе ихъ удвоить. Посредственныя способности увеличиваются рѣшительностью и продолжительностью усилій. Одинъ Спартанскій юноша жаловался своей матери, что у него коротокъ мечъ. Она ему отвѣчала: «Прибавь къ нему еще шагъ». Такимъ образомъ вы должны пополнять пробѣлъ вашихъ способностей удвоеннымъ прилежаніемъ и рѣшимостью. Если слова Іоссія Рейнольда, что ничто не противится усиленному труду—преувеличены, то совершенно справедливы слѣдующія, въ которыхъ онъ говоритъ, что ничего невозможно пріобрѣсти безъ труда. «Въ обширномъ значеніи—говоритъ Вильгельмъ Пеннъ—наука пополняетъ недостатокъ способностей; прилежаніе и терпѣніе, какъ вѣра, двигаютъ горы». «Нѣтъ на землѣ человѣка, за исключеніемъ умалишенныхъ—говоритъ сэръ Эдуардъ Бульверъ Литтонъ, слова котораго должны запечатлѣться въ памяти юношества—который не былъ бы способенъ творить добро». Что же могутъ сдѣлать больше этого писатели, ораторы и различнаго рода дѣятели. Посѣщали ли вы когда-нибудь хижины, говорили ли на полѣ съ крестьяниномъ или толковали ли у токарнаго станка съ механикомъ, и не нашли ли вы, что у каждаго изъ этихъ людей есть талантъ, котораго у васъ нѣтъ, и знанія, которыя вамъ неиз-

вѣстны. Самое безполезное созданіе, зѣвающее въ клубѣ или считающее червяковъ на своихъ тряпкахъ подъ жгучимъ солнцемъ Калабріи, не лишено совершенно интеллектуальныхъ способностей. Чего же человѣку недостаетъ, какъ не сильной воли и любви къ труду.

Одна ошибка свойственна всѣмъ молодымъ людямъ, именно: они думаютъ, что безъ большихъ талантовъ нельзя надѣяться на успѣхъ въ жизни. Умамъ, обладающимъ недостаточною энергіею, кажется невѣроятнымъ, чтобы люди, занявшіе мѣсто въ исторіи въ связи съ современными имъ событіями и вліяніе которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій отражалось на перемѣнахъ судебъ народовъ, имѣли одинаковые съ другими людьми интеллектуальныя способности. Но выводы опыта вовсе не обезоруживаютъ посредственныхъ людей, и мы видимъ, что въ наше время торжество посредственности встрѣчается довольно часто. Недостатокъ геніальныхъ силъ, потребныхъ для общества, возвышаетъ тысячи людей, неимѣющихъ особенныхъ дарованій. Люди измѣряются необходимостью извѣстнаго рода дѣятельности, а вовсе не высшею степенью ихъ умственнаго развитія. Самыхъ обыкновенныхъ способностей довольно для того, чтобы сдѣлать человѣка полезнымъ членомъ общества; напротивъ того, иногда излишніе таланты приносятъ людямъ весьма мало пользы, и именно въ то время, когда они дѣлаются предметомъ всеобщаго удивленія. Часто случается, что проекты такихъ людей превышаютъ ихъ способности, и благосклонное счастье, какъ бы изумленное ихъ недостатками и ошибками, отступаетъ отъ нихъ. Кромѣ того успѣхъ въ жизни зависитъ не столько отъ превосходства умственныхъ способностей, сколько отъ умѣнія приложить ихъ къ дѣлу. Самый незначительный талантъ можетъ принести полезные результаты и будетъ имѣть больше значенія для человѣчества, чѣмъ высшее дарованіе человѣка, неспособнаго къ приложенію его, т. е.

неспособнаго чисто къ механической работѣ. Разнообразные таланты, выставляемые на показъ нѣкоторыми людьми, слишкомъ щедро вознаграждаются, когда мы разсмотримъ въ частности ихъ незначительность. У человѣка должна быть одна способность, именно способность мышленія, которая и не имѣетъ себѣ равныхъ.

Жизнью сэра Франциска Гэрнера мы постараемся доказать только что высказанную нами истину. Вотъ что пишетъ про него Кэкбурнъ въ своихъ мемуарахъ: «Онъ умеръ на тридцать восьмомъ году, пользуясь большимъ вліяніемъ, уважаемый и искренно оплакиваемый всѣми, за исключеніемъ только людей безсердечныхъ и подлыхъ. Никогда еще парламентъ не оказывалъ большихъ знаковъ уваженія кому-либо изъ своихъ умершихъ членовъ. Теперь всякій задаетъ мнѣ вопросъ, какимъ образомъ Гэрнеръ пріобрѣлъ такое значеніе въ свѣтѣ. Своимъ чиномъ? Онъ былъ сынъ эдинбургскаго купца. Богатствомъ? Никогда не только у него, но и у всѣхъ его родственниковъ не бывало лишнихъ шести пенсовъ въ карманѣ. Службою? Онъ занималъ весьма незначительную должность и получалъ очень маленькое жалованье. Талантами? Онъ не былъ блистательнымъ геніемъ, осторожнымъ и медленнымъ; у него было единственное желаніе—быть только справедливымъ. Краснорѣчіемъ? Онъ говорилъ спокойно, ясно, и только; въ его разговорѣ не было ораторскаго блеска. Ослѣпительностью манеръ? Онъ былъ учтивъ и любезенъ. Ну чѣмъ же?—Здравымъ умомъ, образованіемъ, хорошими принципами и добрымъ сердцемъ, т. е. такими качествами, достигнуть которыхъ представляется возможнымъ всякому съ небольшими способностями человѣку. Гэрнеръ возвысился посреди толпы силою своего характера, который, надо замѣтить, не былъ данъ ему отъ природы, но который онъ выработалъ въ себѣ самъ. Гэрнеръ былъ рожденъ для того, чтобы показать людямъ, къ чему могутъ привести умѣрен-

ныя дарованія даже тогда, когда ихъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ соревнованіе и зависть общественной жизни».

Дѣйствительно, достойно удивленія, если человѣкъ со скудными талантами достигаетъ при благопріятныхъ условіяхъ успѣховъ въ жизни и занимаетъ видное мѣсто въ обществѣ. Извѣстность по бо́льшей части пріобрѣтается ловкостью, хитростью, поддержкою господствующихъ мнѣній, или лестью предразсудкамъ могущественной партіи, и кромѣ того благоразуміемъ, которое стоитъ выше самыхъ обширныхъ знаній и самыхъ высокихъ интеллектуальныхъ дарованій. Люди же, работающіе на жизненномъ поприщѣ, раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ. Одни изъ нихъ могутъ давать полезные совѣты относительно дѣлъ другихъ, но у нихъ всегда чувствуется, по какому-то необъяснимому случаю, большой недостатокъ правильнаго сужденія о своихъ собственныхъ дѣлахъ; они полезны подъ чьимъ-нибудь руководствомъ, но предоставленные самимъ себѣ, они погружаются въ болото, и услуги, прежде приносимыя ими обществу, дѣлаются безполезными. Мы видимъ еще другой классъ людей съ дарованіями сравнительно гораздо меньшими, которые служатъ инструментами въ рукахъ людей богато одаренныхъ природой. Люди съ незначительными дарованіями знаютъ силу своихъ способностей и никогда не прицѣливаются въ предметы, стоящіе выше ихъ. Подобные люди старательно наблюдаютъ за средствами къ достиженію успѣха, но никогда не напрягаютъ своего вниманія такъ, чтобы обозрѣть всѣ условія одинаково важные для успѣха. Они никогда не борятся упрямо съ потокомъ и всегда готовы при перемѣнѣ взгляда на вещи мѣнять свои проекты или ослаблять свои дѣйствія; однакожъ, не смотря на всѣ эти измѣненія, они всегда имѣютъ передъ глазамисвою цѣль. Предпочитая маленькую игру возвышенію и довольствуясь маленькими успѣхами, когда большой невозможенъ, они понемногу ускоряютъ свой шагъ, и если

счастіе имъ благопріятствуетъ, расширяютъ свои проекты; такимъ образомъ, непзвѣстные свѣту, они имѣютъ болѣе вліянія на его судьбы, чѣмъ нѣкоторые изъ людей, занимающихъ видное мѣсто въ глазахъ общества.

Еще бо́льшій источникъ отчаянія для молодаго человѣка, вступающаго въ свѣтъ, чѣмъ сознаніе ограниченности своихъ способностей, представляетъ ощущеніе того, что ему нѣтъ мѣста въ большомъ народномъ ульѣ. Огладываясь кругомъ, молодые люди видятъ, или по крайнѣй мѣрѣ думаютъ, что они видятъ, что каждое отдѣленіе мастерской полно рабочихъ рукъ, и что если имъ удастся пріискать себѣ свободное мѣсто, то старый искусный работникъ будетъ съ неудовольствіемъ смотрѣть на ихъ труды. И вотъ они стоятъ въ нерѣшимости, какъ крестьянинъ думающій перейти рѣку, погрузиться ли имъ въ занятія, или погружаются въ нихъ безъ надежды и не прилагая къ нимъ всей своей умственной силы. «Еслибы мы выступили дѣятелями въ свѣтъ столѣтіемъ раньше или столѣтіемъ позже, можетъ быть мы имѣли бы успѣхъ безъ особеннаго труда— такъ думаютъ они—но не въ эту эпоху». Успѣхъ имъ кажется невозможнымъ. «Мы могли бы пріобрѣсти славу и богатство, но только полстолѣтіемъ раньше или позже, а не въ настоящія тяжелыя времена». Успѣхъ—это застѣнчивая дѣвушка, отъ дверей которой женихи не отходятъ толпами, и которая послѣ ихъ предложеній сдѣлалась еще несговорчивѣе. Обыкновенно каждому, вступающему въ жизнь, всегда приходится работать при такихъ безпорядкахъ. Ему на долю всегда достается злое время: хорошее время или прошло или должно еще придти, но оно никогда не существуетъ въ настоящемъ. Изъ этого можно вывести, что это карканье о несчастномъ времени совершенно неосновательно теперь и не имѣло никогда основанія, во всѣ періоды существованія міра. Тяжело жить въ мірѣ, но въ немъ, собственно говоря, существуетъ одна только трудная вещь: это—занять людямъ способнымъ и

честнымъ соотвѣтственныя себѣ мѣста; но и то, не скрывая застѣнчиво своихъ дарованій, они могутъ найти ихъ. Всегда было и всегда будетъ, что труднѣе найти талантъ для дѣла, чѣмъ дѣло для таланта. Одно человѣческое себялюбіе, не будь другихъ побужденій къ труду, не потерпитъ, чтобы люди съ дарованіями погрязли въ лѣности.

Поэтому не отчаивайтесь, если для успѣха въ жизни вамъ придется имѣть дѣло со многими соперниками. Драйденъ говоритъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ отчаиваться получить отказъ отъ дѣвушки, сердцемъ которой онъ уже успѣлъ овладѣть; точно то же можно сказать и о нашемъ успѣхѣ. Лэди Марія Уортлей Монтегю говоритъ: «Если вы желаете успѣть, то вы должны поступать такъ, какъ поступили бы, желая посреди толпы народа пробраться къ воротамъ, къ которымъ всѣ одинаково стремятся. Твердо стойте на вашемъ мѣстѣ и подвигайтесь впередъ. Остановка на пути означаетъ потерю, или по крайней мѣрѣ ослабленіе надежды». Употребите всю вашу энергію, на которую только вы способны; будьте добры, терпѣливы и работайте упорно, пользуйтесь случаями, будьте строго честны, надѣйтесь всегда на все лучшее. И если вамъ не удастся успѣть въ достиженіи своихъ цѣлей, что̀ весьма возможно, не смотря на всѣ старанія съ вашей стороны, то всетаки вы умрете съ спокойной совѣстью, сознавая, что вы сдѣлали все, что̀ отъ васъ зависѣло, и это есть уже одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ успѣховъ, котораго человѣкъ можетъ добиться.

## ГЛАВА II.

### Счастіе и несчастіе.

Le bien nous le faison; le mal c'est la fortune;
On a toujours raison, de Destin toujours tort.
*La Fontaine.*

Прежде чѣмъ начать изслѣдованіе основныхъ правилъ успѣха въ жизни, слѣдуетъ въ краткихъ словахъ разрѣшить вопросъ, который прямо вытекаетъ изъ предъидущаго, а именно: на сколько человѣкъ обязанъ успѣху въ жизни своимъ собственнымъ заслугамъ и на сколько случайнымъ, счастливымъ обстоятельствамъ?

Иногда встрѣчаются на свѣтѣ такіе люди, которыхъ судьба преслѣдуетъ безъ устали съ колыбели до могилы и которые, вслѣдствіе этого, никогда не могутъ успѣть въ чемъ нибудь. Родятся ли они богатыми, это не мѣшаетъ имъ впослѣдствіи обѣднѣть; если же они вступаютъ въ свѣтъ бѣдняками, то имъ никогда не удается выбраться изъ своего незавиднаго положенія. Можетъ быть такіе люди родятся на свѣтъ глупцами? Не всегда, но во всякомъ случаѣ ихъ ошибки такъ велики и рѣзки, что заслуживаютъ безконечнаго изученія и наблюденія. Докторъ Джонсонъ весьма типично описываетъ такого рода личности въ своемъ отчетѣ объ разговорѣ съ Шериданомъ: «Почему Шерри такъ глупъ, сэръ? Отъ при-

роды ли?» — «Нѣтъ, надо принять въ соображеніе тѣ страданія, которыя выпали на его долю и которыя сдѣлали его такимъ, какимъ мы его видимъ. Такая чрезмѣрная тупость не можетъ быть дарованіемъ природы».—Теперь попробуйте заставить такого рода людей убѣдиться въ томъ, что у нихъ неуспѣхъ въ жизни ихъ собственная вина. Они приписываютъ его или злой судьбѣ, или людской подлости, или неподходящей организаціи общества, или.... однимъ словомъ всему, за исключеніемъ только своего невѣжества, лѣности и недостатка ума.

Дѣйствительно, ни однимъ словомъ изъ всенароднаго словаря не злоупотребляютъ больше, чѣмъ словомъ «счастіе». Оно какъ будто служитъ отвѣтчикомъ и порукою за всѣ человѣческія неудачи и неуспѣхи, за его преступленія и небольшія проступки. Мы часто весьма ошибаемся, думая, что счастіе, безъ всякой борьбы для его завоеванія съ нашей стороны, можетъ вдругъ повернуться къ намъ лицомъ. Поговорите вы съ банкротомъ, погубившимъ свое состояніе расточительностью, дикими спекуляціями или недостаткомъ энергіи — онъ утѣшаетъ свое раненое самолюбіе тѣмъ, что его поступками руководила сама судьба и, съ радостью ухватываясь за эту мысль, онъ смотритъ на себя, какъ на жертву несчастія. Посѣтите заключеннаго преступника, руки котораго запятнаны кровью своего ближняго, и вы найдете, что онъ также употребляетъ всѣ усилія поспѣшно помириться съ совѣстью, стараясь увѣрить себя сначала до конца, что онъ былъ жертвою печальныхъ случайностей. Поговорите съ человѣкомъ посредственнаго ума и съ небольшими природными дарованіями, и вы увидите, что сознавая незначительность своего успѣха на земномъ поприщѣ и возвышеніе людей, которыхъ онъ внутренно презиралъ, какъ стоящихъ ниже его по уму и по образованію, онъ уже душевно радуется тому, что можетъ все это приписать

своей злой судьбѣ. Однимъ словомъ, отъ нашихъ самыхъ малыхъ ошибокъ до крупныхъ преступленій мы все приписываемъ судьбѣ. Таково уже самопснисхожденіе, развитое въ громадныхъ размѣрахъ во всемъ человѣческомъ родѣ.

Отрицать совсѣмъ вліяніе судьбы въ такихъ случаяхъ, надъ которыми мы не имѣемъ нашего собственнаго надзора, нельзя; но обыкновенно это вліяніе слишкомъ преувеличиваютъ. Совершенно справедливы слова Шекспира:

It is not in our stars
But in ourselves, that we are underlings *).

Де-Муавръ думалъ вычислить съ математическою точностью то, что онъ называетъ «ученіемъ вѣроятности», но опытъ хочетъ доказать несправедливость этого вычисленія, представляя, что вѣроятность статочностей равняется пяти на десять.

Часто бываетъ, что плохой полководецъ одерживаетъ побѣду, между тѣмъ какъ иногда знаменитый воинъ бываетъ совершенно разбитъ. Случается, что самые ловкіе капитаны теряютъ корабли, тогда какъ другой, менѣе опытный, не потеряетъ ни одной мачты.

Иногда случается, что дома, много лѣтъ страхованные, сгораютъ по окончаніи срока страховки, между тѣмъ другіе дома стоятъ незастрахованными нѣсколько лѣтъ и ничего имъ не дѣлается. То же самое бываетъ и съ людьми. Иной человѣкъ, не смотря на всю свою дѣятельность и экономію, не можетъ себѣ скопить небольшаго состоянія; у другаго же всѣ денежныя спекуляціи оканчиваются успѣхомъ, и все, что ни побываетъ у него въ рукахъ, превращается въ золото. Бо-Брюммель съ своими счастливыми шестью пенсами въ карманѣ выигралъ въ Лондонѣ у игральныхъ столовъ сорокъ тысячъ; но онъ потерялъ свой магическій талисманъ, а съ

*) Не въ нашей звѣздѣ, но въ насъ самихъ мы находимъ орудіе.

нимъ и счастье, состояніе же его пошло прахомъ, а самъ онъ былъ принужденъ бѣжать съ материка. Вотъ что́ насмѣшливо разсказываетъ о своихъ испытаніяхъ въ жизни одинъ Кумберландецъ: «Я ни передъ чѣмъ не останавливался, ничто не приводило меня въ отчаяніе; я перепробовалъ всевозможныя житейскія странствованія и теперь похожъ на человѣка, умирающаго съ голода. Нѣтъ ни одного искусства, котораго я не изучалъ бы, ни одного знанія, котораго я не старался бы пріобрѣсти и потомъ приложить къ дѣлу. Кажется я перебывалъ во всѣхъ концахъ земли. Я кричалъ о правахъ, былъ ревностнымъ защитникомъ и проповѣдникомъ свободы. Я предложилъ свои услуги моему отечеству и я взялся ему измѣнить. Разъ я открылъ книжный магазинъ, и народъ пересталъ читать. Клянусь, еслибъ я сдѣлался мясникомъ, то люди перестали бы ѣсть».

Эрскайнъ однажды объявилъ въ парламентѣ, что успѣхъ больше зависитъ отъ счастливыхъ случайностей и отъ физическихъ выгодъ, чѣмъ отъ блестящихъ талантовъ и глубокихъ знаній. Одинъ умный народный вождь сказалъ: «Когда я оглядываюсь на моихъ соперниковъ и разсматриваю мои собственныя качества, то мнѣ кажется очень страннымъ, какимъ образомъ я могъ достигнуть того мѣста, которое я теперь занимаю. Я это могу объяснить только сравненіемъ судебнаго поприща съ узкою горною дорогою, пролегающею чрезъ одинъ изъ горныхъ проходовъ. Я прихожу первый въ ясную погоду и спокойно иду по ней; другой же находитъ ее заваленною и приходитъ слишкомъ поздно на мѣсто своего назначенія, между тѣмъ какъ тотъ, такъ и другой одинаково хорошіе пѣшеходы».

Призрачно судьба имѣетъ такое вліяніе на человѣческую жизнь, что самъ Мазарини и Ротшильдъ склонны были смотрѣть на счастіе, какъ на главный элементъ, необходимый для достиженія успѣха. «Опытность, энергія, мудрость

и предпріимчивость не имѣютъ никакого значенія, если человѣкъ, обладающій ими, не рожденъ подъ счастливою звѣздою».

Человѣка, страждущаго мучительною болѣзнію, доводившею его почти до самоубійства, и поправившагося по окончаніи внутренняго нарыва; персіянина, котораго приговорили къ жестокой казни, именно къ отрѣзанію языка, и операціею у котораго не была уничтожена способность говорить; художника, старающагося придать эффектъ своей картинѣ и послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ бросающаго кистью въ эту же картину; страстныя попытки музыканта-композитора, выбивающагося изъ силъ, желая представить въ дикихъ, раздирающихъ сердце звукахъ бурю на морѣ — все это можно сравнить съ пароксизмами причудливой судьбы, которая однимъ людямъ даетъ въ удѣлъ богатство и полное счастіе, другихъ же, болѣе способныхъ и обладающихъ бо́льшими свѣдѣніями, она погружаетъ на дно житейскаго океана. Оттого мы видимъ, что цѣлыя тысячи людей, сидя сложа руки, остаются хладнокровными зрителями въ жизненномъ театрѣ, сохраняя полную увѣренность, что успѣхъ зависитъ не отъ дѣятельности и борьбы, а просто отъ счастливаго случая, вслѣдствіе чего терпѣливо ждутъ, когда счастіе повернется къ нимъ.

Но вотъ одинъ весьма замѣчательный фактъ относительно слова «счастіе», которое отвѣчаетъ за всѣ наши худые поступки и неудачи, но которому въ случаѣ успѣха мы не приписываемъ никакого значенія. О всемъ хорошемъ, о всякомъ успѣхѣ въ жизни мы говоримъ, что мы обязаны этимъ самимъ себѣ. Въ этихъ случаяхъ мы придерживаемся новѣйшаго принципа, именно, что силою своего характера можно успѣть если не во всемъ, то весьма во многомъ.

Въ случаѣ успѣха мы стараемся убѣдить свѣтъ, что достиженіемъ своихъ цѣлей мы обязаны своей предпріимчи-

вости, героической энергіи, которыми мы и пробили себѣ дорогу. Въ этихъ случаяхъ мы поступаемъ, какъ поступилъ англійскій матросъ Джо Миллеръ. Онъ упалъ на деки съ вершины мачты, не причинивъ себѣ паденіемъ никакого вреда, быстро вскочилъ на бортъ корабля и закричалъ стоявшему подлѣ нѣмецкому кораблю, совершившему въ свое плаваніе нѣсколько значительныхъ подвиговъ: «Можетъ ли кто-нибудь изъ васъ, олухи, совершить то, что́ я совершилъ сейчасъ».

Я вывожу изъ предъидущихъ примѣровъ, что человѣкъ въ нѣкоторомъ отношеніи дитя случая. Уважая въ высшей степени наши личныя способности, мы всетаки должны сознаться, что въ нашемъ успѣхѣ намъ также оказали дѣятельную помощь различныя счастливыя обстоятельства: низкій, растущій на болотистой почвѣ кустарникъ становится большимъ деревомъ, если его посадить на возвышенное мѣсто; Шпицбергенскіе лѣса высоки, а Ново-Шотландскіе болиголовы придаютъ печальный видъ странѣ, одѣтой подъ сумрачнымъ небомъ саванами изъ бѣлаго мха. Одинъ остроумный французскій писатель говоритъ: «Природа, этотъ сѣятель людей, распредѣляетъ по землѣ соразмѣрное количество и качество сѣмянъ; но она разсыпаетъ горстями не всѣ сѣмяна съ зародышами». Извѣстному нравственному темпераменту необходимо развить извѣстные таланты; если ихъ у человѣка нѣтъ въ зародышѣ, то попытки будутъ неудачны. Вслѣдствіе этого, если темпераментъ измѣняется, то и свойства таланта также измѣняются, такъ что мы можемъ хорошо распознать нравственное строеніе человѣка, выбирая изъ различныхъ свойствъ его характера самое существенное свойство, которое стояло бы гораздо выше надъ всѣми другими.

Мрачныя думы Кромвеля и Мильтона заключаютъ въ себѣ истину, хотя она нѣсколько и преувеличена. Есть мгновенія

въ человѣческой жизни, въ которыя человѣкъ, какъ язычникъ, склоненъ вѣрить, что имъ руководитъ насмѣшливая судьба, находящая удовольствіе въ неожиданномъ уничтоженіи всѣхъ его плановъ и въ его неудачныхъ успѣхахъ. Чувствуя себя ежеминутно осмѣяннымъ, онъ приходитъ въ отчаяніе и говоритъ самому себѣ: «Безполезно барахтаться въ сѣти, въ которую я запутался; все въ заговорѣ противъ меня, и я никогда не могу отдѣлаться отъ судьбы собственными силами; чѣмъ скорѣе я прекращу борьбу, тѣмъ лучше будетъ для меня». Древніе слѣпо вѣрили въ судьбу. «Нѣкоторые народы—говоритъ Плиній—не приписываютъ своихъ успѣховъ добродѣтели и способностямъ, а говорятъ, что они всѣмъ обязаны судьбѣ».

Александръ Македонскій много зависѣлъ отъ своего счастія, а Плутархъ разсказываетъ намъ, что судьба такъ благопріятствовала Сулѣ, что онъ получилъ названіе: «Счастливаго». Цицеронъ упоминаетъ о счастіи Фабія Максима, Марцелла, Сципіона и Марія, какъ о вещи давно рѣшенной. «Не только своей храбрости—говоритъ онъ—они обязаны тѣмъ, что съумѣли расположить въ свою пользу народъ и сдѣлаться главнокомандующими арміей, но и счастливымъ обстоятельствамъ, такъ какъ нельзя сомнѣваться, что, кромѣ большихъ способностей, при достиженіи успѣха въ такихъ важныхъ дѣлахъ счастіе играло у нихъ весьма не послѣднюю роль». Цезарь такъ вѣрилъ въ свое счастіе, что однажды во время сильной бури сказалъ кормчему лодки: «Caesarem portas et fortunam ejus (вы везете Цезаря, а съ нимъ и его счастіе)». Нѣкоторые изъ величайшихъ новѣйшихъ полководцевъ соглашались съ Бэкономъ, что многіе важные случаи чисто зависятъ отъ счастія. Мальборугъ, заботливо начертывавшій себѣ планы военныхъ дѣйствій, часто приписывалъ свои удачи счастію. У Кромвеля были свои счастливые дни, изъ нихъ между прочимъ день его рожденія, въ ко-

торый онъ выигралъ двѣ большія битвы; у Нельсона также дни раздѣлялись на свѣтлые и черные.

Когда мы видимъ Магомета, спасшагося бѣгствомъ отъ преслѣдованій своихъ враговъ и укрывшагося отъ нихъ въ паутинѣ, или когда мы подумаемъ о томъ, что министерство виговъ было лишено власти въ Англіи за то, что обрызгало водою платье одной знатной дамы; когда мы находимъ, что у Франклина рваная рукопись Котона Матера: «Попытка къ добру», произвела важный переворотъ въ образѣ его мыслей и дѣйствій; когда мы видимъ Брюса, прошедшаго благополучно черезъ столько опасностей, сколько драматическіе писатели и романисты никогда не могли придумать для своихъ героевъ, и погибшаго вслѣдствіе ушиба, причиненнаго паденіемъ съ лѣстницы въ то время, когда онъ велъ подъ руку даму послѣ обѣда, или когда мы себѣ представимъ Спика, избѣгнувшаго множества опасностей во время своего путешествія по Нилу и нечаянно застрѣлившагося въ Англіи въ своей комнатѣ; когда мы слышимъ, что одинъ человѣкъ, кушая апельсинъ, подавился и тотчасъ умеръ, а другой проглотилъ цѣлый перочинный ножикъ и остался живъ — тогда мы должны невольно согласиться съ Соломономъ, бывшимъ часто свидѣтелемъ превратностей человѣческой жизни, что время и счастіе приходятъ періодически ко всѣмъ людямъ, и что различнаго рода случайности имѣютъ большое значеніе въ нашей жизни.

«Мы смотримъ на жизнь, какъ на путешествіе—говоритъ Сидней Смитъ.—Это путешествіе чрезвычайно разнообразно; однимъ изъ насъ приходится идти по бархатнымъ зеленымъ лугамъ, вѣтеръ не преграждаетъ имъ дороги и солнце не палитъ ихъ своими жгучими лучами; другихъ же путь идетъ черезъ узкую альпійскую тропинку; ежеминутно ихъ ожидаетъ борьба съ различными препятствіями, буря скорбей проносится надъ ихъ головами, и они продолжаютъ

свой путь съ босыми ногами и обнаженною грудью, изнуренные трудною борьбою и охлажденные неудачами».

Отсюда слѣдуетъ, что нельзя совершенно отрицать въ извѣстныхъ фактахъ вліянія случайностей, которымъ человѣкъ обязанъ своимъ успѣхомъ или своей неудачей. Но въ то же время, хотя различныя обстоятельства могутъ быть полезными или вредными человѣку, надо замѣтить, что человѣкъ по бо́льшей части самъ можетъ создать себѣ эти обстоятельства. Допуская, что счастіе или несчастіе суть два обстоятельства, нами непредвидѣнныя и независящія отъ насъ, но распоряжающіяся нашею судьбою, всетаки намъ легко будетъ доказать, что изъ десяти случаевъ только въ одномъ они имѣютъ такую силу, въ остальныхъ же девяти мы жестоко преувеличиваемъ изъ лѣности и самоснисхожденія значеніе этихъ словъ. Два человѣка, повидимому, имѣютъ одинаковыя данныя для достиженія своихъ цѣлей, но только одинъ изъ нихъ имѣлъ успѣхъ — и мы сейчасъ кричимъ, что этотъ человѣкъ счастливѣе другаго.

Разсмотрѣвъ же внимательнѣе, мы увидимъ, что со стороны перваго было сдѣлано гораздо больше усилій для достиженія успѣха, чѣмъ со стороны втораго. Два пилигримма отправляются вмѣстѣ въ путь; одинъ изъ нихъ медленно, но твердо подвигается къ цѣли своего путешествія; другой же торопится, но изнуренный, измученный, съ признаками агоніи на челѣ онъ падаетъ на дорогѣ, не будучи въ состояніи продолжать свой путь, между тѣмъ какъ онъ, можетъ быть, былъ лучшимъ пѣшеходомъ. Назовете ли вы перваго пилигримма счастливѣе втораго? Нѣтъ, онъ только благоразумнѣе послѣдняго. Успѣшный бѣгъ часто не зависитъ отъ скорости, точно такъ же, какъ побѣда въ битвѣ не есть всегда достояніе самаго сильнаго. Только прилагая какъ слѣдуетъ вашу быстроту и вашу силу, вы можете успѣть въ достиженіи вашей цѣли. Не довольно совершить честное дѣло, но надо совершить его честнымъ

путемъ и въ надлежащее время—тогда только наше торжество будетъ совершенчымъ. Обстоятельства же, на которыя сѣтуютъ, есть ничто иное, какъ инструменты, съ помощію которыхъ мы должны работать, или ступени лѣстницы, по которымъ мы должны подниматься. Въ жизни, какъ на морѣ, бываютъ вѣтры и затишье, изъ которыхъ опытный морякъ долженъ извлечь себѣ пользу. По словамъ Венделля Филипса, здравый разсудокъ говоритъ намъ, что мы должны сыграть игру съ тѣми картами, какія у насъ есть. Вмѣсто постояннаго сѣтованія на тяжелую судьбу или на неблагопріятныя обстоятельства, не лучше ли намъ поставить самихъ себя въ связи съ обстоятельствами и стараться приладиться къ нимъ, а не возставать противъ силъ природы.

Мистеръ Гэльтонъ въ своемъ произведеніи: «Наслѣдственность генія», говоритъ, «что еслибъ великіе люди всѣхъ временъ сдѣлались опять дѣтьми, то бо́льшая часть изъ нихъ, проживъ и сохранивъ здоровье за пятьдесять лѣтъ, не смотря на измѣнившіяся обстоятельства, достигла бы снова своего величія. Вслѣдствіе этого кажется невѣроятнымъ соединеніе такихъ обстоятельствъ, которыя помѣшали бы лорду Бруму возвыситься изъ неотличенной посредственности. Если только человѣкъ одаренъ умственною способностью, рвеніемъ къ труду и физическою возможностью трудиться, то я не могу понять, какъ такой человѣкъ можетъ быть угнетенъ обстоятельствами. Дѣйствительно, свѣтъ наполненъ различными затрудненіями, которыя должны быть разрѣшены, и борьба съ идеями и съ чувствами людей еще не даетъ намъ блестящихъ результатовъ. Но еслибы явился человѣкъ, способный преодолѣть всѣ эти затрудненія и который подалъ бы голосъ противъ идей свѣта, то можно навѣрное сказать, что онъ былъ бы встрѣченъ народными рукоплесканіями. Мы же съ своей стороны прибавимъ, что какъ только этотъ человѣкъ прикоснулся бы перомъ къ

бумагѣ, такъ изъ-подъ пера его вышло бы образцовое произведеніе».

Та роль, которую счастье играетъ въ успѣхѣ человѣка, ярко обрисовывается въ судьбѣ знаменитаго адвоката Томаса Эрскайна. Когда онъ начиналъ свое поприще, то достиженіе успѣха было для него дѣломъ невѣроятнымъ; безъ средствъ, безъ связей, онъ могъ надѣяться на весьма немногое. Судьба столкнула его съ капитаномъ Бэлли, процессъ котораго онъ взялся вести. Но даже тогда, когда процессъ находился въ его рукахъ, онъ не могъ надѣяться на блестящій успѣхъ, еслибы снова счастливый случай не помогъ ему. Въ судѣ, увидѣвъ имена извѣстныхъ адвокатовъ съ противной стороны, онъ смутился и уже отчаился быть выслушаннымъ послѣ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, но къ счастію клятвенныя показанія продолжались такъ долго, что нѣкоторые адвокаты были уже не въ состояніи болѣе оставаться въ судѣ и просили предсѣдателя прекратить на время засѣданіе, который и отложилъ его до другаго дня, такъ что у Эрскайна оставалась цѣлая ночь, въ которую онъ могъ внимательно разсмотрѣть процессъ и собраться съ мыслями. На другой день успѣхъ его былъ полный, и рѣчь была произнесена имъ съ такимъ искусствомъ и одушевленіемъ, что лордъ Кэмпбелль сказалъ, что такого торжества не запомнятъ британскія судебныя хроники. Эрскайнъ между тѣмъ всегда упоминалъ, что онъ обязанъ успѣхомъ единственно счастливымъ обстоятельствамъ. Дѣйствительно, подобнаго рода блестящій успѣхъ, обезпечивающій благосостояніе цѣлой жизни, очень рѣдко бываетъ слѣдствіемъ такихъ счастливыхъ обстоятельствъ; но при этомъ должно замѣтить, что они не принесли бы никакой пользы молодому адвокату, еслибы онъ не былъ достаточно подготовленъ для того, чтобы воспользоваться ими; еслибы онъ не обладалъ краснорѣчіемъ, не былъ серьозно образованъ и предусмотрителенъ, то

какую бы пользу могъ онъ извлечь изъ представившагося ему случая?

Въ жизни самыхъ несчастныхъ людей иногда бываютъ счастливыя минуты; съумѣй они воспользоваться ими, и они могли бы достигнуть того, о чемъ они давно мечтаютъ. Рэли, бросивъ въ грязь свою куртку съ золотыми позументами, пріобрѣлъ расположеніе королевы. Одинъ сельскій аптекарь рѣшился войти во дворецъ въ то время, когда Георгъ IV лежалъ въ обморокѣ; онъ пустилъ ему кровь, привелъ его въ чувство и своею непритворною, игривою веселостью разсмѣшилъ короля. Монархъ почувствовалъ къ нему расположеніе и сдѣлалъ его своимъ лейбъ-медикомъ. Каждому человѣку въ жизни представлялись два или три такіе счастливые случая. «Нѣтъ никого на свѣтѣ — говоритъ одинъ кардиналъ — кого счастіе не посѣтило бы хоть однажды въ жизни; но если оно не найдетъ ничего приготовленнымъ къ его прибытію, то оно входитъ въ дверь и выходитъ въ окно». Благопріятный случай застѣнчивъ. Беззаботность, медленность, лѣность и невнимательность дѣлаютъ его невидимымъ и отнимаютъ у человѣка всякую возможность воспользоваться имъ. Человѣкъ же умный, свѣдущій, дѣятельный, предусмотрительный схватываетъ его на лету. Но не довольно ухватиться за случай, когда онъ пришелъ; не довольно дожидаться, когда онъ повернется къ намъ — надо заставить его повернуться. «Недостаточно только ковать желѣзо, пока оно горячо, но надо сдѣлать его горячимъ».

Мысль, что великія изобрѣтенія суть результаты того, что́ мы называемъ счастливымъ успѣхомъ, и что эти результаты пріобрѣтаются болѣе случайнымъ способомъ, чѣмъ головоломною работою, есть общая идея всѣхъ. Дѣйствительно, величайшія открытія — самыя простѣйшія, и истина ихъ кажется очевидною; но професоръ Уйвель совершенно спра-

ведливо замѣтилъ: «Ни одинъ, человѣкъ издали слѣдящій за великими открытіями и за умственнымъ процессомъ, ихъ раскрывающимъ, не можетъ серьозно поддерживать мнѣнія, что они есть послѣдствіе простаго случая. Тысячи людей, занимающихся различными изслѣдованіями, видѣли паденіе тѣлъ, и никто изъ нихъ не пришелъ къ тому заключенію, къ которому пришелъ Ньютонъ». Бюффонъ, другой авторитетный судья въ этомъ дѣлѣ, говоритъ, что разныя изобрѣтенія далеко не зависятъ отъ случая и достаются терпѣніемъ. «Разсматривайте и наблюдайте долго тотъ предметъ, которымъ вы занимаетесь, пока мгновенный, похожій на электрическую искру свѣтъ не озаритъ вашу мысль. Это и есть появленіе генія».

Кардиналъ Ришелье не сдѣлалъ грубой ошибки сказавъ, что слова «несчастный» и «неблагоразумный» человѣкъ синонимы. Всякій человѣкъ зависитъ въ извѣстной степени отъ обстоятельствъ и отъ другихъ людей; но онъ также властенъ покориться имъ или выйти изъ борьбы побѣдителемъ. Они могутъ сильно ему противодѣйствовать, но не могутъ его совершенно раздавить, если онъ только употребитъ противъ нихъ всю силу своей воли. На жизненномъ полѣ битвы насъ, какъ новобранцевъ, могутъ лишить оружія, но отъ насъ самихъ зависитъ выказать храбрость или трусость, великодушіе или жестокость. «Адмиралтейство—пишетъ Нельсонъ, ожидавшій въ то время получить начальство надъ первымъ въ мірѣ флотомъ — можетъ поручить мнѣ маленькій ялботъ, тѣмъ не менѣе я и съ нимъ выполню свои обязанности». Теперь всѣмъ уже извѣстно, что неудача англичанъ во время войны съ русскими, проистекала отъ ихъ колебанія, потому и говорятъ: «у Англіи есть флотъ, но нѣтъ твердой воли». «Въ нѣкоторомъ отношеніи— говоритъ французскій адмиралъ Колиньи—я могу считать себя выше Александра, Сципіона и Цезаря. Правда, они выиграли большія сраженія, а я проигралъ четыре битвы;

но, не смотря на это, я еще съ бо̀льшею храбростью выступаю противъ непріятеля». Человѣкъ, обладающій такою силою воли, въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ надъ судьбою. Такіе люди хотя погружаются въ воду, но впослѣдствіи, подобно пробкѣ, всегда выплываютъ на поверхность. Цезарь собственно только одною своею предусмотрительностью избѣгалъ различнаго рода непріятныя случайности и, какъ олицетворенное провидѣніе, велъ къ постоянному успѣху легіоны своихъ солдатъ; съ помощію предусмотрительности и рѣшительности ему удалось разбить Помпея, которому Цицеронъ далъ названіе: «*semper felix*» — всегда счастливаго.

По словамъ Бэкона, благосклонность, случайность, смерть другихъ суть ступени, ведущія насъ къ успѣху. Очень страненъ фактъ, что Веллингтонъ, никогда не проигравшій ни одной битвы, никогда не говорилъ о счастіи, между тѣмъ какъ Наполеонъ вѣрилъ въ свою звѣзду. Онъ считалъ себя избранникомъ судьбы. «Народъ толкуетъ о моихъ преступленіяхъ—говоритъ онъ.—Такіе люди, какъ я, не могутъ совершать преступленій. Если я что-нибудь дѣлаю, то дѣлаю это потому, что это необходимо. Я дитя судьбы». Вѣроятно вслѣдствіе этого мнѣнія, когда счастіе отвернулось отъ него, то нѣсколькихъ лѣтъ ссылки было совершенно достаточно, чтобы убить его, тогда какъ такой человѣкъ, какъ Веллингтонъ, не скоро упалъ бы духомъ и не покорился бы обстоятельствамъ до тѣхъ поръ, пока не испробовалъ бы всевозможныхъ средствъ выйти изъ своего тягостнаго положенія.

Пусть человѣкъ не плачется на свою судьбу, а если споткнется или упадетъ на жизненномъ поприщѣ, то пусть онъ спотыкается, какъ Цезарь, «все впередъ», не обращая вниманія ни на какія предзнаменованія или объясняя ихъ смыслъ въ свою пользу. Сила воли должна возвысить его надъ несчастіемъ, и съ каждымъ днемъ онъ будетъ все хладнокровнѣе смотрѣть на преслѣдованія судьбы. Стараясь наперекоръ ей про-

бить силою себѣ дорогу и неуклонно продолжая это, онъ наконецъ поставитъ счастіе въ зависимость отъ своей воли.

«Жизнь слишкомъ коротка—замѣтилъ одинъ остроумный мыслитель—чтобы можно было терять драгоцѣнныя минуты, оплакивая свои неудачи; мы должны быстро идти вслѣдъ за успѣхомъ, не ожидая той минуты, когда онъ захочетъ придти къ намъ.

---

## ГЛАВА III.

### Выборъ занятія.

Будьте тѣмъ, чѣмъ назначила вамъ быть сама природа, и вы успѣете въ жизни; захотите вы быть чѣмъ нибудь другимъ, и вы будете въ тысячу разъ хуже, чѣмъ ничто.

*Сидней Смитъ.*

Истина, которую я скажу, именно—что первое дѣло въ жизни есть осмысленный выборъ занятія, есть такая аксіома, которую по всей вѣроятности никто не станетъ оспаривать. Изъ тысячи людей, восходящихъ по жизненной лѣстницѣ, только весьма немногіе не имѣютъ необходимости въ выборѣ какого-нибудь занятія, и ихъ число было бы еще менѣе, еслибы эта незначительная часть людей знала всѣ бѣдствія праздности, которыя многочисленнѣе и ужаснѣе бѣдствій самаго усиленнаго и тяжелаго труда. Въ нашъ вѣкъ — вѣкъ дѣятельности, когда тысячи людей соперничаютъ въ трудѣ, ясно сознается, что счастіе не можетъ быть совершеннымъ безъ труда. Всѣ люди опытные, испытавшіе на себѣ что́ называется прожиганіе жизни на однихъ только удовольствіяхъ, признаютъ, что счастіе въ жизни состоитъ въ обмѣнѣ труда и отдыха, работы и забавы. Трудъ такъ необходимъ для полноты нашей жизни, что даже люди живущіе праздно изобрѣта-

ютъ какую нибудь-работу для себя; они превращаютъ въ трудъ свои удовольствія, и вслѣдствіе недостатка дѣла препровожденіе времени бываетъ для нихъ чрезвычайно трудно и изнурительно. Для избѣжанія бѣдствій отчаянной скуки они утѣшаютъ себя различными иллюзіями труда. Ихъ удовольствія аккуратно распредѣлены, что̀ дѣлаетъ ихъ еще болѣе однообразными и скучными.

Самымъ ничтожнымъ вещамъ они придаютъ весьма важное значеніе и обыкновенно обращаютъ вниманіе на внѣшность предмета, не придавая никакого значенія внутреннему его содержанію. Такимъ образомъ умъ празднаго человѣка не остается незанятымъ, но онъ поглощенъ самыми мелкими и ничтожными интересами, такъ что при наступленіи ночнаго часа, онъ съ нѣкоторымъ даже чувствомъ удовлетворенія, но весьма отличнымъ отъ чувства труженика, можетъ произнести слова поэта:

«Be the day weary, or be the day long,
At length it ringeth to evensong» *).

Правда, значительное число людей убиваетъ себя работою, но ихъ число сравнительно съ тѣмъ, сколько умираетъ отъ насилованія законовъ природы, весьма не велико, и кромѣ того смерть отъ чрезмѣрной дѣятельности предпочтительнѣе смерти отъ неумѣнія пользоваться дарами природы. Геній вслѣдствіе упорнаго труда изнуряется, а вслѣдствіе праздности онъ окончательно уничтожается. Бёртонъ, въ своемъ сочиненіи «О причинахъ меланхоліи», приписываетъ ее уединенію и праздности. Когда Карлъ Лэмъ оставилъ свои занятія въ одной изъ остъ-индскихъ конторъ, съ которой онъ былъ связанъ контрактомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ,

*) Будь день утомителенъ, будь день дологъ, наконецъ раздастся вечерній звонъ.

то былъ внѣ себя отъ радости. «Я никогда больше не возвращусь въ свою темницу — писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, Бернарду Бёртону.—Я теперь свободенъ какъ птица и хочу прожить еще пятьдесятъ лѣтъ; самое лучшее, что человѣкъ можетъ дѣлать — это ничего не дѣлать; ну, еще пожалуй сносно и немного только хуже совершенной бездѣятельности—это совершеніе добрыхъ дѣлъ». Прошло два года и образъ мыслей Лэма совершенно измѣнился. Онъ нашелъ, что праздность походитъ на красивую праздничную одежду, которая оказывается весьма непрочною, если станешь носить ее ежедневно. Онъ нашелъ, что занятіе въ конторѣ, не смотря на все свое однообразіе, есть еще благодать въ сравненіи съ хандрой, происходящей отъ ничего недѣланія.

«На людей дѣятельныхъ—пишетъ онъ снова Бёртону—у которыхъ мысли, какъ у меня, постоянно переходятъ отъ одного предмета къ другому, праздность производитъ губительное дѣйствіе». Она заставляетъ ихъ глубже чувствовать свои недостатки и свои несчастія. Одна древняя пословица совершенно справедливо говоритъ, что сердце человѣческое похоже на мельничные жернова: положи подъ нихъ пшеницы, вода приведетъ ихъ въ движеніе, и они, вертясь, будутъ превращать пшеницу въ муку; не положи ее, они также будутъ вращаться, но отъ безполезнаго движенія скорѣе испортятся. Кельтонъ говоритъ, что праздность дѣлаетъ гораздо больше игроковъ и пьяницъ, чѣмъ жадность и жажда. Мули Измаилъ, знаменитый тиранъ, въ свободное время отъ войны заставлялъ своихъ солдатъ исполнять какія-нибудь полезныя работы для того, чтобы они, по его словамъ, не были заѣдаемы червемъ праздности. Французскій графъ Кейлусъ, рожденный въ богатствѣ и въ принципахъ праздности, занялся гравированіемъ древнихъ рѣдкостей. «Я занимаюсь для того—говорилъ онъ—чтобъ не повѣситься отъ ску-

ки». Мудрый старикъ Домбидискъ совѣтовалъ сыну лучше карабкаться на дерево за неимѣніемъ другаго занятія, чѣмъ предаваться праздности. Но, къ сожалѣнію, многіе изъ юношей со страхомъ думаютъ о томъ времени, когда имъ придется оставить родительскій домъ и начать жить своимъ трудомъ. Начинающему трудиться нужно какъ можно скорѣе рѣшиться на выборъ себѣ подходящаго занятія.

Латинскій поэтъ Горацій совѣтуетъ писателю выбирать предметъ сочиненія подъ силу себѣ и взвѣсить хорошенько тяжесть, которую ему придется нести на плечахъ. Дѣйствительно, для достиженіи успѣха въ свѣтѣ необходимо избрать занятіе, которое соотвѣтствовало бы нашимъ способностямъ. Не вполнѣ соглашаясь съ Газлиттомъ, утверждающимъ, что если у вашего сына нѣтъ способностей къ изученію языковъ, а развита страсть къ танцамъ, то лучше не посылать его въ школу, а заставить изучить танцовальное искусство, мы находимъ, что человѣкъ долженъ выбирать себѣ занятіе приноравливаясь къ своимъ способностямъ; самая частая причина неудачъ въ жизни—есть неправильный выборъ занятія. Иногда тщеславные родители находятъ, что ихъ сыну гораздо приличнѣе владѣть ланцетомъ врача, чѣмъ рѣзцомъ; не смотря на то, что мальчикъ не имѣетъ никакой склонности къ медицинѣ, они посылаютъ его въ академію, гдѣ онъ слушаетъ лекціи, выдерживаетъ экзамены и наконецъ получаетъ докторскій дипломъ. Но изъ него выходитъ весьма плохой докторъ, который вовсе не симпатизируетъ своему занятію и болѣе приноситъ вреда людямъ, чѣмъ пользы. Иной отецъ заставляетъ своего сына мѣрить тесемки и каленкоръ, тогда какъ судьба надѣлила послѣдняго всѣми ораторскими качествами, которыя могли бы ему доставить видное мѣсто на каѳедрѣ.

Ни въ одномъ занятіи мы не видимъ столько неудачъ, какъ въ занятіи торговлею. По статистическимъ свѣдѣніямъ

о Лондонѣ только три человѣка приходятся на сто, которые успѣшно занимаются ею, остальные же или дѣлаются банкротами или съ отвращеніемъ бросаютъ ее. Отчего же это происходитъ? Оттого ли, что торговля сопряжена съ большими несчастіями, которыхъ нельзя предупредить; оттого ли, что торгуя нечестно, купцы, обманывая другихъ, бываютъ обмануты сами; оттого ли, что послѣ блестящихъ выигрышей у игральнаго стола, они ставятъ на карту все свое состояніе и проигрываютъ его, или оттого, что они въ ожиданіи огромнаго успѣха строятъ себѣ мраморные дворцы и пируютъ въ нихъ? Нѣтъ, всѣ эти причины есть не болѣе какъ слѣдствія самой коренной причины, именно, что торговлею по бо́льшей части занимаются люди, неимѣющіе ни малѣйшей склонности къ этому занятію. Ни одинъ отецъ не будетъ дѣлать изъ своего сына музыканта, не испытавъ прежде его музыкальныхъ способностей; но сотни и тысячи отцовъ дѣлаютъ купцами своихъ сыновей, имѣющихъ столько же способностей къ торговлѣ, сколько человѣкъ приготовляющійся къ консерваторіи и неумѣющій отличить діеза отъ бемоля въ музыкѣ.

Результатъ, получаемый нами вслѣдствіе такого распредѣленія занятій, несогласнаго со способностями человѣка, оказывается весьма невыгоднымъ; человѣкъ при такихъ условіяхъ работаетъ не только въ ущербъ себѣ, но онъ наноситъ положительный вредъ обществу, лишая его той дѣятельности, которой онъ могъ бы быть ему полезенъ. Онъ получаетъ отвращеніе къ своему занятію, дѣлается по бо́льшей части жертвою эксплуатаціи и никогда не можетъ выбраться изъ безнадежнаго ничтожества. «Если вы будете представлять себѣ жизнь—говоритъ Сидней Смитъ—въ видѣ доски, усѣянной разнообразными отверстіями, изъ которыхъ одни круглыя, другія трехугольныя, третьи квадратныя, четвертыя продолговатыя, а людей мы представимъ себѣ кус-

ками дерева такихъ же различныхъ формъ, то мы найдемъ, что трехугольный кусокъ будетъ стараться пройти черезъ четырехугольную скважину, продолговатый черезъ трехугольную, а квадратный будетъ тѣсниться въ круглую». Одинъ французскій писатель о земледѣліи замѣчаетъ, что невозможно обработывать землю, стараясь совершенно измѣнить ея естественный характеръ. «Самый лучшій способъ земледѣлія состоитъ въ примѣненіи способа обработыванія къ свойству почвы». То же самое мы должны дѣлать съ нашими нравственными и умственными качествами. Поощреніе и собственная рѣшимость могутъ подстрекнуть насъ вступить на поприще, совершенно противное нашимъ природнымъ способностямъ. При наступленіи кризиса, искуственная сторона нашего характера обыкновенно разбивается и именно въ ту минуту, когда она бываетъ намъ необходимѣе всего.

Понятіе, что наши желанія суть предчуствія нашихъ способностей, есть самое правдивое правило, которое и должно поощрять дѣятельность молодыхъ людей, и это поощреніе не будетъ преувеличеннымъ. Если только человѣкъ имѣетъ извѣстную склонность или страсть къ чему-нибудь, то это должно служить лучшею гарантіею, что онъ останется вѣренъ своему призванію. Одна уже любовь къ предмету своей страсти заставитъ его, кромѣ другихъ побудительныхъ причинъ, заниматься имъ.

Жажда ли похвалъ заставляла маленькаго Генделя тайно ночью подбѣгать къ фортепьянамъ и наигривать на немъ свои аріи, или мальчика Баха читать и учиться при лунномъ свѣтѣ, когда ему грубо отказывали въ свѣчахъ? Ужели желаніе розогъ принуждало мальчика-живописца Уеста забираться на чердакъ и тамъ вытаскивать волосы изъ старой кошки для своихъ кистей? Не тяжело-ли бываетъ намъ, когда, проведя нѣсколько лѣтъ на школь-

ной скамьѣ или въ магазинѣ, мы находимъ, что занятіе, выбранное нами, не согласуется съ нашимъ призваніемъ? Такого рода открытіе поражаетъ отчаяніемъ людей съ самыми крѣпкими нервами, въ особенности тогда, когда мы видимъ, что ошибка произошла или вслѣдствіе нашего пренебреженія къ совѣту друзей, или вслѣдствіе нашей собственной нелѣпой фантазіи. Скорби, приходящія къ намъ по волѣ Божіей или вслѣдствіе ошибокъ нашихъ родителей, мы переносимъ съ бо́льшею покорностью, но тѣ печали, которыя есть произведеніе нашихъ рукъ, или сѣть, въ которую мы сами упрямо стремились, оставляютъ сильное впечатлѣніе въ нашемъ сердцѣ, которое ни время, ни терпѣніе не могутъ исцѣлить.

Часто самыя пустыя вещи рѣшаютъ участь молодаго человѣка и приводятъ его къ выбору занятія, предназначеннаго ему самою природою, иногда, наоборотъ, выборъ оказывается совершенно противоположнымъ его дарованію. Правда сказана про человѣка, что исторія его жизни есть календарь бездѣлицъ. Часто сила первыхъ глубокихъ впечатлѣній рѣшаетъ выборъ занятія. Говорятъ, что Вольтеръ еще мальчикомъ прочиталъ одну скептическую поэму, и впечатлѣніе, произведенное ею на его умъ, никогда не изглаживалось. Существуетъ тѣсная связь между маленькою пушкою и оловянными солдатами, которыми занимался Наполеонъ, когда онъ еще былъ мальчикомъ, и военными подвигами императора; между игрушечнымъ кораблемъ, пущеннымъ Нельсономъ съ моста и побѣдами его на Нилѣ и при Трафальгарѣ. Такая же связь замѣтна между разсказами о духахъ, феяхъ, вѣдьмахъ, колдунахъ, привидѣніяхъ, переданныхъ Борнсу суевѣрною, старою женщиною, жившею съ нимъ въ одномъ домѣ, и его сочиненіемъ «Tam O'Shanter»; между древними преданіями и легендами, о которыхъ читалъ въ юношествѣ Скоттъ, и его

блестящимъ произведеніемъ «Сѣверный Колдунъ»; между исторіей фермерскаго сына, отправившагося въ чужія страны искать счастья и возвратившагося богатымъ человѣкомъ— этой исторіей, которую Георгъ Лоу прочелъ въ одной старой книгѣ, и впослѣдствіи между судьбою самого Георга Лоу, изобрѣтателя пароходовъ и милліонера.

Разсказываютъ про Томаса Клерксона, извѣстнаго филантропа, что когда онъ явился соискателемъ награды за диссертацію въ Кэмбриджѣ, то онъ вовсе не занимался предметомъ, который онъ долженъ былъ защищать, говоря: «Можетъ ли одинъ человѣкъ на основаніи закона порабощать другаго». Бездѣлица рѣшила участь Демосѳена. Когда, освистанный аѳинянами послѣ своей неудачной попытки въ краснорѣчіи, онъ въ отчаяніи возвращался домой, то встрѣтился съ актеромъ Сатиромъ, который показалъ ему, въ чемъ состоитъ искусство декламаціи, и съ этихъ поръ Демосѳенъ рѣшился во что бы то ни стало добиться его. Другой подобный же примѣръ мы видимъ въ Ксенофонтѣ. Разъ Сократъ, встрѣтивъ его въ воротахъ, загородилъ ему путь и предложилъ какой-то философическій вопросъ, который Ксенофонтъ не могъ разрѣшить; тогда философъ предложилъ ему слѣдовать за нимъ и съ этихъ поръ сдѣлался его наставникомъ этики. Событія эти кажутся пустыми, ничтожными, тѣмъ не менѣе одно изъ нихъ привело Демосѳена въ храмъ краснорѣчія, а другое поставило Ксенофонта рядомъ съ Ливіемъ.

Слѣдуетъ, чтобы каждый изъ насъ, вступая въ дѣйствительную жизнь, изучалъ тѣ способности, которыми онъ надѣленъ отъ природы. Я предвижу, что нѣкоторые станутъ отрицать доктрину врожденныхъ способностей, утверждая, что съ помощью энергіи человѣкъ можетъ успѣть на всякомъ поприщѣ. Лордъ Честерфильдъ придерживается этого мнѣнія: «Всякій молодой человѣкъ—

говоритъ онъ—можетъ быть, если онъ только приложитъ старанія, ученымъ, краснорѣчивымъ, граціознымъ и пріятнымъ. Безъ всякихъ природныхъ способностей онъ можетъ сдѣлать изъ себя оратора, дипломата, государственнаго человѣка, однимъ словомъ все, за исключеніемъ развѣ поэта, но онъ не долженъ совершенно отчаиваться даже въ писаніи стиховъ; иногда случается, что риѳма и размѣръ приходятъ вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ, и стихи, написанныя такимъ образомъ, хотя лишенны геніальности, но бываютъ довольно сносны». Я же скажу, что сужденія эти нелѣпы, и въ результатѣ отъ такого рода дѣйствій всегда получается полнѣйшая неудача въ жизни. Талантъ къ извѣстному роду занятія бываетъ врожденный и призваніе человѣка зависитъ не вполнѣ отъ него. Если мы станемъ отрицать доктрину о врожденныхъ талантахъ и будемъ вѣрить, что различіе въ человѣческихъ способностяхъ, вкусахъ и страстяхъ зависитъ часто отъ внѣшнихъ событій, то всетаки мы замѣтимъ, что эти различія являются въ людяхъ очень рано. Микель Анжело пренебрегалъ ученіемъ, рисуя картинки, которыя онъ не смѣлъ показывать дома. Мурильо поля своихъ книгъ испещрялъ рисунками. Драйденъ десяти лѣтъ читалъ Полибія. Попе четырнадцати лѣтъ писалъ хорошіе стихи. Паскаль шестнадцати лѣтъ писалъ трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ. Лауренсъ еще мальчикомъ хорошо писалъ красками. Мадамъ Сталь занималась философіей и политикой въ то время, когда другія дѣвочки ея лѣтъ занимаются еще куклами. Нельсонъ, когда еще былъ морскимъ кадетомъ, мечталъ сдѣлаться героемъ. Наполеонъ мысленно былъ уже во главѣ своихъ армій, когда каталъ снѣжные шары въ Бріэннѣ.

Драйденъ, довольно вѣрно обозначилъ три степени поприща, чрезъ которыя проходятъ геніальные люди:

„What the child admired,
The youth endeavoured, and the man acquired“ *).

Во многихъ случаяхъ предпочтеніе, отдаваемое какому-нибудь занятію, обнаруживается такъ сильно, что кажется, будто это призваніе, порабощаетъ себѣ наше сердце, руки и умъ и дѣлаетъ ихъ плѣнниками своей воли. «Мы вовсе не удивляемся — говоритъ одинъ писатель — слушая, что канцлера Соммерса мальчикомъ всегда можно было застать съ книгою въ рукахъ, такъ же какъ и тому, что онъ не принималъ никакого участія въ дѣтскихъ забавахъ своихъ товарищей, или читая о томъ, что Гаммондъ въ дѣтствѣ старался улучить свободную минуту, въ которую онъ и принимался читать свои молитвы; или какъ Турнфортъ оставлялъ свои занятія въ коллегіи и предпринималъ ботаническія экскурсіи въ сосѣднія поля; или какъ Смитонъ взлѣзъ на житницу своего отца, чтобы привести тамъ въ движеніе модель устроенной имъ вѣтряной мельницы. Эти совершенно правдивыя черты характера мы находимъ въ жизни будущаго адвоката, еще мальчикомъ заглядывающаго въ сочиненія Мильтона, христіанина, жизнь котораго состоитъ въ прославленіи Всемогущаго Творца Вселенной, естествоиспытателя обогатившаго науку своими открытіями и инженера, построившаго знаменитый маякъ».

Разсказываютъ между прочимъ о восьмилѣтнемъ Чаттертонѣ, что на вопросъ фабриканта, какой ему написать девизъ на чашкѣ, приготовляемой ему въ подарокъ, онъ отвѣчалъ: «Нарисуйте мнѣ ангела съ крыльями и съ трубою, чтобъ онъ провозглашалъ мое имя всему свѣту». Точно также должно смотрѣть на деревянные часы Фергю-

*) Чѣмъ дитя любовалось, на что юноша покушался, то взрослый человѣкъ пріобрѣтаетъ.

сона, на лабораторію Дэви, электрическую машину Фарадея, сдѣланную съ помощію одного сапога, на цвѣты и рисунки углемъ на стѣнахъ булочной Клода Лоренна, на тайныя занятія Іоанна Лейдена въ сельской церкви, на изложеніе ошибокъ философіи Аристотеля, написанное Бэкономъ въ шестнадцать лѣтъ, на споры Калоуна въ классной комнатѣ съ президентомъ Эльской коллегіи, на изваяніе Чантри головы школьнаго учителя—на все это мы должны смотрѣть какъ на попытки будущихъ дѣятелей. Разсказываютъ, что актриса Рашель изъ простой скатерти дѣлала себѣ такой изящный фантастическій костюмъ, который не въ состояніи была выдумать ни одна модистка. У нея была на это точно такая же способность, какъ у Бруммеля, умѣвшаго необыкновенно хорошо завязывать галстухъ; многія старались ему подражать, но не успѣвали въ этомъ; тайна умерла вмѣстѣ съ нимъ, и слѣдъ этого искусства потерянъ.

Всѣмъ очень хорошо извѣстно, какихъ блестящихъ успѣховъ достигли іезуиты въ воспитаніи юношества, а они успѣвали въ этомъ дѣлѣ именно потому, что выбирали для своихъ учениковъ такую сферу дѣятельности, къ которой они были предназначены природой. Кто можетъ сомнѣваться, что такая система воспитанія принесла бы большую пользу нашему государству. Когда убѣдились, что Давидъ Уилки болѣе имѣетъ способности къ живописи, чѣмъ къ ученымъ занятіямъ, то не лучше ли было, какъ это и сдѣлали, дать ему средства заняться ею и сдѣлаться художникомъ, а не набивать ему голову греческимъ и латинскимъ языками, которыхъ онъ никогда не могъ бы себѣ усвоить. Еслибы Карно, котораго очень не одобряли многіе невѣжды военной тактики, сослали въ рудники, то мы вѣроятно никогда не знали бы человѣка, бывшаго въ состояніи разомъ командовать четырнадцатью арміями. Еслибъ отецъ Мендельсона послѣ перваго, еще въ дѣтствѣ даннаго его

сыномъ концерта, привелъ его въ уныніе, браня за отступленіе отъ музыкальной теоріи, то никогда мы не видѣли бы произведеній Шекспира такъ совершенно переложенныхъ на музыку. На свѣтѣ нѣтъ почти такихъ людей, которые не могли бы занять виднаго мѣста ни въ одномъ изъ занятій, и лучше быть первымъ въ самомъ послѣднемъ занятіи, чѣмъ послѣднимъ въ самомъ первомъ занятіи. Лучше быть хорошимъ сапожникомъ или трубочистомъ, чѣмъ незанятымъ адвокатомъ, который сидя въ грязной комнатѣ, съ узорами изъ паутины и съ пауками на стѣнахъ, съ нѣсколькими экземплярами на видъ многоученыхъ книгъ и на полу лежащею политическою газетою, поджидаетъ кліентовъ, или чѣмъ быть пособникомъ смерти, дѣлаясь безъ всякой серьозной подготовки и не чувствуя призванія докторомъ. Никогда не покидайте вашу сферу и не выходите изъ степени вашего таланта. Еслибъ Провидѣніе предназначило вамъ писать куплеты на леденцахъ или участвовать въ какомъ-нибудь дрянномъ журналѣ, то пишите куплеты и будьте сотрудникомъ этого журнала. Хорошій куплетъ гораздо предпочтительнѣе дрянной эпической поэмы, написанной въ двѣнадцати книгахъ.

Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что если человѣку не удается на одномъ поприщѣ, то ему можетъ посчастливиться на другомъ. Этотъ фактъ подтверждается слѣдующимъ примѣромъ: одинъ молодой человѣкъ, занимавшій должность приказчика въ голландской лавкѣ, оказался окончательно неспособнымъ къ своему занятію, и разъ хозяинъ, пораженный его несообразительностью въ торговомъ дѣлѣ, сказалъ ему въ сердцахъ: «Вы рѣшительно ни къ чему не способны».—Нѣтъ, возразилъ молодой человѣкъ, я должно быть къ чему-нибудь способенъ; для торговли, дѣйствительно, я самъ сознаюсь, я негожусь, но дайте мнѣ какое-нибудь другое занятіе и можетъ быть я буду выполнять его

успѣшнѣе.—Хозяинъ въ видѣ испытанія далъ ему мѣсто въ конторѣ, гдѣ способности къ счетной части молодаго человѣка немедленно развернулись, и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался не только первымъ кассиромъ, но пріобрѣлъ славу лучшаго счетчика во всей странѣ.

Способности человѣка не всегда рѣзко выдаются въ юношествѣ, такъ же какъ счастіе человѣка не всегда начинается отъ колыбели: мало есть милліонеровъ, родившихся съ серебряною ложкою во рту; мало воиновъ, могущихъ похвастаться еще въ юношествѣ громадными побѣдами; мало наѣздниковъ, которые могли бы сказать, подобно Марку Мидлю, что они родились верхомъ на лошади. Часто неудача и неуспѣхъ въ какомъ-нибудь занятіи въ дѣтствѣ вовсе не происходятъ отъ тупости или отъ недостатка способностей, а скорѣе отъ вѣтренности, свойственной дѣтскому характеру. Разсказываютъ про Джона Адама, что когда отецъ его—сапожникъ, сталъ учить его своему ремеслу, то однажды, снявъ выкройку башмака, висѣвшую на стѣнѣ, онъ далъ кусокъ кожи мальчику и велѣлъ по этому образцу скроить ему башмакъ. Въ выкройкѣ было трехугольное отверстіе, вырѣзанное для гвоздя, на который ее вѣшали; мальчикъ, не сообразивъ для чего оно сдѣлано, выкроилъ точно такое же и въ своемъ башмакѣ. Правда, что тщеславіе способно одурачивать людей, вслѣдствіе чего молодые люди очень часто преувеличиваютъ свои способности и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда не подозрѣваютъ своихъ истинныхъ качествъ. Въ этомъ случаѣ можно сослаться на юношей, неимѣющихъ никакого техническаго таланта, но являющихся въ городъ съ дорожными мѣшками, наполненными романами и двадцатичетырехъ-книжными поэмами, или на высокомѣріе Листона, думающаго, что онъ способенъ играть Макбета; или на Дугласа Джеррольда, задумывающаго писать трактатъ о естественной философіи; или на ху-

дожника Давида, воображавшаго себя дипломатомъ; на Джонкиля, рисовавшаго хорошо плоды и цвѣты, но оказавшагося окончательно неспособнымъ, когда онъ взялся за пейзажную живопись; на Джонса, воображавшаго, что ему предназначено воспламенять Соединенные Штаты громовыми рѣчами противъ будущаго Джексона или Ванъ-Бёрена. Безъ сомнѣнія, мы должны сознаться, что эти люди заблуждаются, и снова прибавимъ, что этимъ подтверждается общая истина, что всякій человѣкъ имѣетъ какое-нибудь особенное призваніе и что весьма неразумно пренебрегать имъ для другаго. Одни изъ дѣтей способны къ механическимъ занятіямъ, другія къ торговымъ. Схоластическія занятія отвращаютъ многихъ мальчиковъ, которые зѣваютъ надъ каждою книгою, не смотря на угрозы наставниковъ. Въ то время, когда одни чувствуютъ наклонность къ сельскому, торговому или механическому труду, другіе увлекаются многотомными историческими сочиненіями или путешествіемъ Энея, или разсматриваніемъ въ микроскопъ какихъ-нибудь насѣкомыхъ. Но если природныя способности рѣзко не выказываются, то всетаки не слѣдуетъ ими пренебрегать, потому что эти способности не будутъ слабѣе оттого, что онѣ остаются нѣкоторое время скрытыми, и родители должны изслѣдовать ихъ съ ловкостью химика и употребить всѣ силы сдѣлать ихъ явными; для этого необходимо предоставить своимъ дѣтямъ свободный выборъ занятія. Герой одного романа Бульвера дѣлаетъ слѣдующее очень разумное замѣчаніе: «Когда я хотѣлъ направлять занятія моего сына—говоритъ онъ—то я вспомнилъ, что я вычиталъ въ одной греческой книгѣ, какъ одинъ пчеловодъ для того, чтобы дать возможность своимъ пчеламъ не летать далеко за медомъ, подрѣзалъ имъ крылья и развелъ передъ ульемъ большой цвѣтникъ; но пчелы не принесли ему меда, вслѣдствіе чего я и

рѣшилъ, что молодой Пизистратъ долженъ самъ отыскивать себѣ медъ».

Къ счастію для свѣта, талантъ въ геніальныхъ людяхъ бываетъ такъ силенъ, что никакое нежеланіе родителей не можетъ ему воспрепятствовать появиться во всемъ своемъ блескѣ. Еще до возмужалости ихъ умъ безъ устали преслѣдуетъ извѣстные предметы и не позволяетъ имъ спать, какъ духъ Мильтіада въ то время, когда послѣдній былъ государственнымъ человѣкомъ. Такіе люди работаютъ для этихъ предметовъ не оттого, что они ожидаютъ отъ нихъ славы, денегъ или счастія; нѣтъ, просто потому, что они не могутъ преодолѣть стремленія своего таланта и отказаться отъ него. Они чувствуютъ одно только, что они любятъ свое занятіе, и посвящаютъ ему всѣ силы своей души. Вы можете на время задержать ихъ геній, но не въ вашихъ рукахъ возможность совершенно уничтожить его. Приходитъ время, когда геній просыпается въ человѣкѣ, и если онъ его застаетъ за плугомъ или бороной, то человѣкъ бросаетъ его и идетъ навстрѣчу къ тому занятію, къ которому геній призываетъ его: одинъ берется за мраморъ, другой за полотно, третій за риѳмы, и, какъ произведенія ихъ генія, мы получаемъ Аполлона, Мадонну или Божественную Комедію. Въ подтвержденіе вышесказаннаго указываемъ на Гогарта и Корреджіо. Что подстрекало этихъ великихъ артистовъ усовершенствовать свой талантъ, который отразился въ ихъ произведеніяхъ, возбуждающихъ восхищеніе и удивленіе всего свѣта? Не поощрительная улыбка матери, не угрозы отца, не помощь учителей, не преждевременныя похвалы свѣта, но живое чувство удовольствія, испытываемое однимъ при видѣ смѣшныхъ сценъ, а другимъ при видѣ невинности и душевной чистоты, которую онъ и старался изобразить въ какомъ-нибудь святомъ или въ божественномъ ангелѣ, являющемся съ небесъ.

Мы не можемъ заключить наши наблюденія объ этомъ предметѣ, не прибавивъ о необходимости держаться разъ осмысленно выбраннаго занятія. Въ минуту унынія и отчаянія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неудачъ, молодой человѣкъ воображаетъ, что онъ былъ бы счастливѣе на другомъ поприщѣ. Дѣйствительно, заманчиво смотрѣть на предметъ издали, видѣть только его блестящую сторону и не замѣчать темной; мечтать о рѣшительности и стойкости, съ которой мы работали бы для этого предмета, и воображать объ ослѣпительныхъ почестяхъ, выпавшихъ на нашу долю, не смотря на всевозможное соперничество. Послѣ этого вовсе не кажется страннымъ, что люди вдругъ бросаютъ свои занятія для другихъ, къ которымъ они менѣе способны, но которыя издали сулятъ имъ болѣе успѣха. Но когда мы подумаемъ, что человѣкъ всегда остается одинаковымъ, каково бы ни было его призваніе, и что перемѣна положенія не можетъ въ немъ произвести существенной перемѣны, то мы приходимъ къ заключенію, что какимъ онъ бываетъ въ одномъ положеніи, такимъ онъ будетъ и въ другомъ, и что перемѣною занятія онъ не выиграетъ ровно ничего.

Когда же выборъ занятія, какъ я уже это говорилъ, сдѣланъ неосновательно, по постороннему внушенію и несогласно со способностями, то въ такомъ случаѣ перемѣна его на другое, болѣе подходящее, совершенно необходима. Но повторяю, молодой человѣкъ, выбравъ занятіе, долженъ строго придерживаться его и долженъ его перемѣнить только послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, когда не останется ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Человѣкъ не можетъ работать со всей энергіей своей души, если онъ предполагаетъ, что на другомъ поприщѣ онъ успѣлъ бы гораздо болѣе. Если вы обдуманно сами выбрали занятіе, то вы его выбрали хорошо. Вспомните слова одного остроумнаго писателя: «Въ маскарадѣ люди стараются подражать другимъ,

но ихъ подражаніе бываетъ по бо̀льшей части очень неискусно». Самая слабая струна молодыхъ людей — это измѣнчивость. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ настойчиво преслѣдуетъ занятіе, которое давно онъ долженъ былъ бы оставить, десятки другихъ покидаютъ занятія, въ продолженіи которыхъ они должны были бы, напротивъ, упорствовать. Очень естественно, что когда видятъ львовъ на своей дорогѣ, то предполагаютъ, что на другихъ дорогахъ ихъ нѣтъ. Но ничто не можетъ достаться безъ труда и терпѣнія, и потому придерживайтесь разъ хорошо выбраннаго занятія до тѣхъ поръ, пока доказательства отступленія не перевѣсятъ доводовъ необходимсти продолженія этого занятія.

Наконецъ скажу, что молодой человѣкъ, каково бы ни было его призваніе, не долженъ презирать его. Также онъ не долженъ хвастаться съ высоты своего величія, если геній его туда возведетъ. Я говорю «если», такъ какъ часто случается, что геніальные люди остаются долгое время неизвѣстными, иногда даже такъ и умираютъ, а ихъ открытія и изобрѣтенія только послѣ смерти бываютъ приняты съ восторгомъ народомъ и ихъ имя становится безсмертнымъ. Между тѣмъ общее мнѣніе говоритъ, что если человѣкъ обладаетъ геніальными способностями, то онъ всегда найдетъ возможность выказать ихъ; но, какъ я уже вамъ замѣтилъ, это мнѣніе не всегда бываетъ справедливо. Если ваше призваніе очень скромно, то возвысьте его хорошимъ выполненіемъ вашихъ обязанностей, и вы будете уважаемы всѣми тѣми, хорошее мнѣніе которыхъ нужно стараться заслужить. Долго тянется день для того, то не можетъ наклонить голову, страшась унизить свое достоинство. Лордъ Тоунсендъ, введшій разведеніе рѣпы въ Англіи, былъ прозванъ придворными остряками «лордомъ Тоунсендомъ-Рѣпою»; между тѣмъ онъ сдѣлалъ для страны гораздо болѣе, чѣмъ эти пестрые попугаи, распускающіе

свои крылья подъ солнечнымъ сіяніемъ британскаго двора со временъ Карла II до дней Викторіи. Не призваніе или положеніе въ свѣтѣ придаетъ достоинство или благородство человѣку, но человѣкъ облагораживаетъ всякое занятіе и положеніе добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Все равно какъ въ дѣйствительной, такъ и въ театральной жизни, всѣ актеры не могутъ имѣть главныхъ ролей, будь даже они всѣ способны исполнять ихъ; но никогда игра не возбуждаетъ болѣе энтузіазма и аплодисментовъ, какъ тогда, когда самыя незначительныя роли заняты людьми, обладающими бо́льшимъ талантомъ, чѣмъ требуетъ исполненіе ихъ роли.

# ГЛАВА IV.

## Физическая культура.

Разсказываютъ, что однажды герцогъ Веллингтонъ, смотря на здоровыхъ, играющихъ на лугу дѣтей, замѣтилъ: «Это здѣсь, гдѣ было выиграно Ватерлооское сраженіе».

*Самуэль Смайльсъ.*

Первый, необходимый элементъ для успѣха человѣку, хорошо выбравшему себѣ занятіе, есть крѣпкое тѣлосложеніе. Всякій талантъ находится въ тѣсной связи съ физическимъ строеніемъ человѣка, и пословица справедливо говоритъ, что «здоровая душа всегда находится въ здоровомъ тѣлѣ». Между тѣмъ у насъ, заботясь о развитіи ума, пренебрегаютъ естественными физическими условіями, необходимыми для правильнаго развитія человѣка въ физическомъ отношеніи. Сильный и здоровый по бо́льшей части чаще пользуется успѣхами на жизненномъ поприщѣ, слѣдовательно изъ опыта мы должны убѣдиться, что тѣло, какъ и душа, требуетъ образованія, и заботясь о послѣдней, не должно пренебрегать и первымъ. Ученіе Паскаля, болѣзнь есть общее достояніе всѣхъ христіанъ, а что здоровье есть только исключеніе, имѣетъ въ настоящее время весьма мало послѣдователей.

Иногда умственная способность развивается слишкомъ

рано, въ ущербъ физической; эта неестественная, возбужденная дѣятельность ума противна природѣ и приноситъ людямъ положительный вредъ. Умъ долженъ быть крѣпкимъ, сильнымъ, здоровымъ ѣдокомъ, но не обжорою. Излишне возбужденный, онъ истираетъ человѣка, какъ треніе около неровной поверхности машины истираетъ какой-нибудь предметъ, а возрастающая слабость человѣческаго организма вредитъ его способностямъ. «Въ настоящее время уже признано— говоритъ Генрихъ Уардъ Бичеръ въ одной изъ своихъ удивительныхъ лекцій, читанныхъ имъ студентамъ богословія въ Эльской коллегіи — что въ человѣческомъ тѣлѣ существуетъ организація, извѣстная подъ именемъ нервной системы, которой принадлежатъ отправленія чувствъ и ума. Эта организація находится въ тѣсной связи съ обращеніемъ крови и съ качествомъ ея, на которое имѣетъ вліяніе печень и черезъ вдыханія — легкія; производство же крови зависитъ отъ желудка, такъ что человѣкъ обязанъ *тѣмъ, чѣмъ онъ есть, не одной какой-нибудь части, но всему организму*, такъ какъ каждая часть тѣла тѣсно зависитъ отъ другой, начиная отъ желудка и кончая мозгомъ. Человѣческая сила, какъ нравственная, такъ и физическая, зависитъ отъ производительныхъ силъ, которыя заключаются въ человѣкѣ, именно въ превращеніи питательныхъ веществъ въ кровь посредствомъ окисленія, въ организаціи свободнаго и правильнаго теченія крови, въ надлежащемъ устройствѣ шеи, позволяющей свободное движеніе крови сверху внизъ, въ хорошо устроенномъ мозгѣ и во всей системѣ, сложенной такъ, чтобы можно было имѣть чувствительность и возвращающіяся силы. Всѣ указанные элементы опредѣляютъ, какова работающая сила человѣка».

Чтобы весело и добросовѣстно исполнять свой трудъ, человѣкъ нуждается въ работающей силѣ, а ее онъ можетъ пріобрѣсти только ежедневными упражненіями на откры-

томъ воздухѣ. Атмосфера, которою мы дышемъ, есть испареніе всѣхъ минераловъ, находящихся на землѣ, и капля полезнѣе, сильнѣе и возбуждаетъ болѣе силы, чѣмъ шампанское или коньякъ. Вдыхая легкими воздухъ, мы вытѣсняемъ въ замѣнъ этого негодныя вещества крови, и чѣмъ больше этотъ обмѣнъ, тѣмъ больше онъ возбуждаетъ дѣятельность въ человѣкѣ. Сидней Смитъ говоритъ народнымъ ораторамъ, что еслибъ они передъ произнесеніемъ рѣчи дѣлали большія прогулки, то они преждевременно не ложились бы въ могилу. Англичане понимаютъ вліяніе атмосферы, вслѣдствіе чего у нихъ при учебныхъ заведеніяхъ находятся по бо́льшей части сады; мальчики учатся верховой ѣздѣ, а въ свободное время отъ занятій устраиваются отдаленныя прогулки пѣшкомъ, катанья на лодкахъ и прочія увеселенія на открытомъ воздухѣ. Въ Англіи адвокаты и члены парламента долго сохраняютъ физическую силу и свѣжесть головы вслѣдствіе прогулокъ верхомъ, охотъ на тетеревовъ въ шотландскихъ болотахъ, бросанія гарпуновъ въ норвежскія воды, или карабканія по альпійскимъ утесамъ. Пиль, Брумъ, Линдгорстъ, Кэмпбелль, Брандъ, Гладстонъ, однимъ словомъ почти всѣ политическіе и судебные вожди были люди очень здоровые, потому что они, занимаясь образованіемъ ума, заботились и о воспитаніи тѣла.

Безъ большаго преувеличиванія можно сказать, что здоровье есть большая составная часть того, что̀ мы называемъ талантомъ. Безъ него человѣкъ можетъ быть великимъ мыслителемъ, но дѣла его будутъ ничтожны; дайте же ему силу и здоровье и тогда онъ заявитъ міру о своемъ существованіи великими подвигами. Но обыкновенно случается такъ, что одинъ человѣкъ заботится болѣе о физической сторонѣ своего существованія въ ущербъ умственной, другой же, наоборотъ, объ умственной, въ ущербъ физической. Но если выбирать одно изъ двухъ: слабый умъ въ геркулесовскомъ

строеніи, или умъ громадныхъ размѣровъ въ дряхломъ сложеніи, я предпочту первое, потому что сила энергіи съ недостаткомъ таланта приводитъ къ болѣе блестящимъ результатамъ, нѣмъ талантъ безъ энергіи. Первая потребность для успѣха въ жизни—быть хорошимъ животнымъ. Умъ, сужденіе, воображеніе и краснорѣчіе, всѣ эти качества ума ничто безъ силы и блеска, а послѣднія есть слѣдствія крѣпкаго сложенія. Умъ въ слабомъ тѣлѣ все равно, что золото въ карманѣ расточительнаго человѣка. Механикъ можетъ изобрѣсть самые лучшіе инструменты, но они останутся безполезными за недостаткомъ сильныхъ рукъ; или какую пользу извлечете вы изъ знаній, которыя вы не можете приложить къ дѣлу.

Блестящіе результаты, получаемые вслѣдствіе воспитанія тѣла, мы хорошо видимъ у древнихъ, гдѣ въ составъ школьнаго образованія входило занятіе гимнастикой. Древняя философія не смотрѣла на тѣло какъ на презрѣнную сторону человѣческаго существованія; она понимала, что, пренебрегая имъ, мы навлекаемъ на себя страшную месть съ его стороны. Въ Греціи не только кулачные бойцы и воины занимались гимнастикою, но и сами мудрецы. Ораторы, философы, поэты, воины и государственные люди Греціи и Рима пріобрѣтали какъ силу своего ума, такъ и мускульную силу гимнастическими упражненіями. Мозгъ ихъ постоянно наполнялся быстро вращающейся и хорошо окисленной кровью; нервы укрѣплялись, пищевареніе было правильное и вообще физическое строеніе человѣка, какъ это показываютъ древнія статуи, было полно здоровья и силы. Про Цицерона разсказываютъ, что онъ однажды, заболѣвъ желудочнымъ катарромъ, поспѣшилъ не къ врачамъ, которые можетъ быть ускорили бы его смерть, а въ Грецію, гдѣ прямо отправился въ гимнастическое заведеніе и, пробывъ тамъ около двухъ лѣтъ, возвратился на родину такимъ же здоровымъ, какъ крестьянинъ, обработывавшій его ферму. Кто мо-

жетъ сомнѣваться въ томъ, что не вслѣдствіе здороваго состоянія легкихъ періоды его рѣчей были такихъ величественныхъ, громадныхъ объемовъ и доводы его такъ сильны. Еслибъ онъ остался не совсѣмъ здоровымъ, то онъ имѣлъ бы возможность написать свои прекрасныя попытки о старомъ вѣкѣ и о дружбѣ, но онъ никогда не былъ бы въ состояніи разрушить своими громовыми рѣчами замыслы Катилины и уничтожить окончательно Антонія. Точно также Аристотель и Платонъ обязаны своими громадными интеллектуальными способностями правильному развитію души и тѣла. Англійскіе мыслители со временъ Бэкона, подстрекающіе и возбуждающіе умы девятнадцатаго столѣтія, обязаны своимъ успѣхомъ не только своей геніальности, но еще тому, что геній ихъ былъ окруженъ счастливыми обстоятельствами, именно, что катарръ не нарушалъ гармоніи ихъ мыслей, невральгія не причиняла всей нервной системѣ агоніи и никакая боль не заражала горла испорченною кровью или не образовала язвы, наполненной слизистою плевою.

Успѣхи въ жизни людей, неимѣющихъ ничего кромѣ крѣпкаго сложенія, и неудачи людей, обладающихъ хорошими умственными способностями, но слабыхъ отъ природы или отъ недостатка физическаго воспитанія, заставили многихъ смотрѣть на желудокъ, какъ на вмѣстилище ума и генія. Какъ ни смѣшно это кажется, однако надо согласиться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мозгъ находится въ прямой зависимости отъ желудка.

Все намъ доказываетъ, что величіе нашихъ великихъ людей скорѣе дѣло ихъ физическаго существованія, чѣмъ умственнаго. Природа представляетъ Вибстеровъ, Клэйевъ и Калоуновъ не только съ необычайнымъ умомъ, но и удивительнаго тѣлосложенія. Въ настоящее время что было бы съ Грантами, Шерманнами и Шериданами, еслибъ они не были одарены отъ природы крѣпкими какъ канатъ нервами и

желѣзнымъ сложеніемъ? Однажды страданія наслѣдственной болѣзнью и сильные лихорадочные пароксизмы въ самые критическіе дни его исторіи, заставили Наполеона воскликнуть, что первая потребность для главнокомандующаго — это хорошее здоровье. Онъ также очень хорошо понималъ, что дѣятельность солдатъ находится въ тѣсной связи съ ихъ физическимъ состояніемъ, и вслѣдствіе этого главною его заботою было дать солдатамъ силу кулачныхъ бойцевъ. Вотъ причина ихъ чудесныхъ успѣховъ и перенесенія ими усталости, способной убить другихъ людей. Даже на литературномъ поприщѣ въ настоящее время необходима физическая сила, потому что работа писателя девятнадцатаго столѣтія есть не только произведеніе его мозга, но также крови и мускуловъ. Его физіологія, его гигіена — вообще весь его организмъ, есть необходимыя условія во всякомъ отдѣлѣ его таланта.

Взгляните хотя на каѳедру. Кто не станетъ уважать энергіи и умственныхъ способностей въ нашемъ духовенствѣ, которое по настоящее время ходитъ какъ привидѣніе на жизненномъ поприщѣ; между тѣмъ болѣе заботясь о своемъ физическомъ состояніи, оно могло бы возвысить уровень нравственнаго. Джонъ Ноксъ, Латимеръ, Лютеръ, Исаакъ Барроу, Андрю Фоллеръ, Адамъ Клэркъ—все это были люди здоровые, одаренные физическою силою, которые соединяли воспитаніе души съ воспитаніемъ тѣла.

Успѣхами въ земледѣліи, въ торговлѣ и въ наукѣ англичане больше всего обязаны физическому развитію. Англійскій простолюдинъ—хорошій ѣдокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходный работникъ; онъ любитъ чистый воздухъ и поддерживаетъ силу своего ума и тѣла постоянными упражненіями. Результаты такого воспитанія лучше всего отражаются въ подвигахъ британскихъ арміи и флота, солдаты и матросы которыхъ по выносливости различнаго рода опасностей не

имѣютъ себѣ равныхъ. Господство англичанъ во всѣхъ концахъ земли объясняется практическою школьною подготовкою, вырабатывающею въ человѣкѣ выносливость, терпѣніе и мужество. Нѣкоторые люди предсказываютъ скорое паденіе Англіи. Но нѣтъ ни малѣйшей опасности для этого «съ серебряными берегами острова», пока на немъ не перестанутъ рождаться храбрые люди, руководившіе Англіею до сихъ поръ. Намекая на такого рода опасенія со стороны нѣкоторыхъ англичанъ, «Лондонская Газета» дѣлаетъ хвастливое, но не лишенное основанія замѣчаніе: «Если кто-нибудь изъ домосѣдовъ въ Лондонѣ встревоженъ необычайными морскими приготовленіями Луи-Наполеона, то мы посовѣтуемъ ему отправиться на императорскую яхту, находящуюся въ настоящее время въ Диптфордѣ. Корабли его могутъ вполнѣ соперничать съ нашею королевскою яхтою «Викторія» или «Альбертъ», но взгляните на его матросовъ. Они цѣлый день разгуливаютъ по улицамъ, возбуждая всеобщее удивленіе. Какими славными они смотрятъ: рубашки на нихъ джентельменскія, шляпы лакированныя. Они очень напоминаютъ балетныхъ танцовщицъ, исполняющихъ матроскій танецъ. Они правда хороши, но ихъ колѣни неспособны взбираться на вершины мачтъ; ихъ тонкія пальцы не могутъ цѣпляться за смоленый канатъ въ то время, когда судьба корабля и экипажа зависитъ отъ силы, смѣлости и ловкости одного человѣка. Теперь проведите параллель между ними и англійскимъ матросомъ, идущимъ по улицѣ и желающимъ какъ будто проглотить ихъ. Француза можно сравнить съ итальянскою борзою собакою рядомъ съ великаномъ—англійскимъ бульдогомъ. И такъ, наши соперники могутъ сколько имъ угодно подражать намъ въ постройкѣ судовъ, но они не могутъ выстроить себѣ такихъ матросовъ, какіе у насъ. Въ этомъ отношеніи, при нашемъ морскомъ положеніи, природа оказала намъ великую пользу, но мы должны постоянно

заботиться о поддержкѣ матеріальнаго благосостоянія нашего флота».

Правда, были люди, которые, не смотря на физическія недостатки и слабое здоровье, обезсмертили великими дѣлами свое имя, напр. Мильтонъ, Паскаль, Лауренсъ, Нельсонъ, Юлій Цезарь, Суворовъ, Попе и даже самъ Аристотель; но они являются какъ исключеніе. Общее правило по прежнему остается то, что великими дѣлами мы бываемъ обязаны по бо̀льшей части людямъ здоровымъ, съ крѣпкими нервами и обладающимъ громадной силою воли. Примѣромъ можетъ намъ служить Скоттъ, Брумъ съ своею сверхестественною физическою выносливостью; Франклинъ, который семидесяти лѣтъ, какъ мальчикъ, взбирался на горы; Наполеонъ, спавшій въ военное время не болѣе четырехъ часовъ ночью.

Даже самые великіе стихотворцы были по бо̀льшей части атлетическаго тѣлосложенія.—Греческій поэтъ Эсхиллъ участвовалъ въ Саламинскомъ сраженіи въ качествѣ воина и въ качествѣ поэта, своими стихотвореніями воодушевляя солдатъ. Чосеръ былъ отважный бардъ, способный и сражаться и писать. Во всякомъ занятіи человѣкъ нуждается въ тѣлесной силѣ, мужествѣ и дѣятельности; за недостаткомъ этихъ качествъ вся его умственная культура будетъ только приготовленіемъ къ разочарованіямъ и къ неудачамъ. Въ ученыхъ занятіяхъ крѣпкое тѣлосложеніе еще необходимѣе: ничто такъ не испытываетъ и не истощаетъ жизненныя силы, какъ умственный трудъ. Вмѣсто того, чтобъ быть слабымъ, блѣднымъ, больнымъ, мыслитель долженъ въ судѣ, на каѳедрѣ, въ издательской комнатѣ, въ конторѣ, однимъ словомъ вездѣ быть здоровымъ, храбрымъ и сильнымъ. У него должны быть жилы крѣпче, пульсъ здоровѣе, чѣмъ у человѣка, стоящаго за плугомъ. Довольно справедливо сказано, что человѣкъ маленькаго роста всегда имѣетъ меньшій успѣхъ въ жизни. Подобно тому

какъ при стрѣлбѣ въ цѣль легкая пуля не можетъ такъ далеко летѣть, какъ тяжелая, тяжелые люди, какъ тяжелыя пули, больше выигрываютъ на жизненномъ поприщѣ. Напримѣръ, Пальмерстонъ въ восемьдесять лѣтъ былъ еще въ состояніи управлять государствомъ; про лорда Брума въ Англіи сложилась пословица, что король никогда не умираетъ, а Брумъ никогда не спитъ. Брумъ былъ сынъ престарѣлаго начальника одного шотландскаго племени, и въ дѣтствѣ ему много приходилось странствовать съ своимъ отцомъ; нерѣдко ему приводилось проводить ночи въ болотахъ или на скалахъ, гдѣ подушкою ему служили куски льда или снѣга. Жизнь Брума была цѣлымъ рядомъ умственныхъ подвиговъ и побѣдъ надъ физическими недостатками человѣка. Про него разсказываютъ, что онъ провелъ безъ сна за работою сто сорокъ четыре часа, потомъ отправился въ деревню и, проспавъ тамъ съ субботы до утра понедѣльника, возвратился въ Лондонъ совершенно свѣжимъ и способнымъ къ работѣ. Развѣ не огромная выгода имѣть такое сложеніе, которое позволяетъ цѣлую недѣлю безъ отдыха заниматься умственною работою въ душной комнатной атмосферѣ, окруженнымъ бумагами, законами и справочными книгами, и проведя ночи безъ сна, по окончаніи работы и небольшаго отдыха быть снова способнымъ къ усиленному занятію? Развѣ не необходимо такого рода сложеніе для адвоката, который, послѣ безъ сна проведенныхъ ночей за разсматриваніемъ процесса, долженъ въ продолженіе многихъ съ небольшими перерывами засѣданій защищать своего кліента; если онъ человѣкъ сильный и здоровый, то онъ всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ своимъ слабымъ противникомъ, хотя тотъ обладалъ бы большимъ ораторскимъ искусствомъ, потому что послѣдній будетъ скорѣе утомленъ продолжительностію засѣданій.

Какую пользу можетъ принести обществу молодой человѣкъ съ блестящими талантами и получившій превосходное образованіе, но слабый и уже съ истощенными силами? Можетъ ли онъ оспаривать свой путь шагъ за шагомъ на жизненномъ поприщѣ, терпѣливо сносить неудачи и безъ устали преслѣдовать свои цѣли, тогда какъ члены его тѣла дрожатъ отъ слабости и скорчены отъ сильныхъ болей? Умъ его не вмѣщается въ своемъ жилищѣ и какъ мечъ высовывается изъ ноженъ. Онъ слышитъ барабанный бой и въ душѣ его чувствуется желаніе борьбы, но онъ не можетъ встать съ постели и одѣться. Множество благопріятныхъ случайностей носятся надъ его головою, но онъ, страждущій и ослабленный, какъ Айвенго, заключенный въ башнѣ Фронъ-де-Бёфъ, не въ состояніи воспользоваться ни одной изъ нихъ, хотя на нихъ возложены всѣ его любимыя надежды.

Горацій Маннъ дѣлаетъ въ письмѣ къ студенту-юристу весьма правдивое замѣчаніе, что растрата здоровья есть самая порочная растрата. «Я увѣренъ — говоритъ онъ — что я принесъ бы обществу въ нѣсколько разъ больше пользы своимъ трудомъ, еслибъ въ двадцать одинъ годъ я также хорошо зналъ гигіеническіе законы, какъ теперь. Въ коллегіи мнѣ разсказывали о движеніи планетъ, и я такъ хорошо зналъ ихъ путь, что еслибъ которая-нибудь изъ нихъ сбилась съ дороги, то я могъ бы указать ей ея орбиту; относительно же устройства своего собственнаго организма я былъ совершенный невѣжда. Послѣдствія этого безразсуднаго воспитанія были весьма печальныя; на второмъ году по выходѣ я надорвалъ всѣ мои жизненныя силы, и теперь я принужденъ работать не на капиталъ здоровья, но въ кредитъ — дорога опасная и всегда ведущая къ полному банкротству. Въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ я могу не иначе трудиться, какъ день работать, день отдыхать;

еслибъ я взялся за трудъ, требующій усиленныхъ занятій хотя въ продолженіе мѣсяца, то черезъ двѣ недѣли меня не стало бы».

Жизнь въ настоящее время имѣетъ лихорадочный характеръ, она идетъ быстрой и полной тревогъ чредою; никогда еще до сихъ поръ люди не были пожираемы такимъ ненасытнымъ честолюбіемъ и такою неутомимою дѣятельностью, какъ въ этой половинѣ девятнадцатаго столѣтія; вслѣдствіе этого въ настоящее время мы болѣе чѣмъ когда-либо нуждаемся въ здоровомъ организмѣ, который даетъ намъ возможность съ успѣхомъ бороться на жизненномъ поприщѣ, хотя, конечно, промысловый или торговый человѣкъ нуждается больше въ здоровьѣ, чѣмъ въ силѣ; ему не нужны мышцы гладіатора, ему не зачѣмъ быть ни Гинаномъ, ни Спартакомъ и нѣтъ необходимости подымать тысячи пудовъ или проходить въ сутки по сту верстъ. Бо́льшая часть людей способна къ труду — это общее правило, а количество въ нихъ жизненной силы даетъ имъ возможность съ бо́льшимъ удобствомъ для себя и съ пользою для другихъ выполнить свое призваніе, слѣдовательно, занимаясь нравственнымъ развитіемъ, слѣдуетъ заниматься и физическимъ: вторымъ, какъ имѣющимъ вліяніе на первое.

## ГЛАВА V.

### Сосредоточенность или единство цѣли.

Недостаточно быть только добрымъ, но должно быть пригоднымъ для чего-нибудь.
*Торо.*

Другое необходимое для успѣха условіе есть сосредоточенность или преданность одной какой-нибудь цѣли.

Большой штатъ Нью-Іоркъ, самый важный по торговлѣ, имѣетъ одинъ только портъ на океанѣ. Штатъ Нью-Джерсей имѣетъ нѣсколько портовъ, но по своему мелководію и неудобному положенію всѣ вмѣстѣ взятые они не стоютъ одного хорошаго. Въ результатѣ мы видимъ, что корабли Нью-Іоркскаго штата плаваютъ по всѣмъ морямъ, между тѣмъ какъ корабли штата Нью-Джерсей ограничиваются посѣщеніемъ сосѣднихъ складочныхъ мѣстъ или плаваніемъ по омывающему его берега Гудзонову заливу. То же самое мы видимъ и съ человѣческими талантами. Одинъ, хорошо обработанный, обширный и сосредоточенный талантъ дороже сотни небольшихъ способностей. Первое необходимое условіе для успѣха въ настоящее время, когда столько различныхъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе, есть сосредоточеніе всей нашей энергіи на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, безъ уклоненія отъ него ни вправо,

ни влѣво. Человѣкъ, желающій хорошо знать одну какую-нибудь вещь, долженъ имѣть мужество оставаться въ невѣдѣніи тысячи другихъ, не менѣе привлекательныхъ вещей, потому совершенно справедливо сказано, что самая большая мудрость людей девятнадцатаго столѣтія состоитъ въ оставленіи многихъ предметовъ совершенно неизвѣстными. Что́ мы говоримъ о знаніи, то же самое можно замѣтить и относительно дѣла. Человѣку, вступая въ жизнь, необходимо избрать себѣ какую-нибудь спеціальность, на которую онъ и долженъ излить весь потокъ своей дѣятельности; вся его энергія, руки, глаза, языкъ, сердце и мозгъ должны участвовать въ его трудѣ. Широкое и разностороннее образованіе — вещь прекрасная для созерцанія, но къ дѣлу вовсе непригодная; только человѣкъ односторонній, для котораго другія занятія, кромѣ его, не существуютъ, способенъ къ тяжелому труду.

Всякій начинающій жить, по выборѣ занятія, долженъ со всей энергіей своей души стремиться усовершенствовать, насколько возможно, выбранный имъ предметъ. Человѣкъ, по словамъ Эмерсона, напоминаетъ лабрадорскій шпатъ, который до тѣхъ поръ не блеститъ, пока вы его не повернете подъ извѣстнымъ угломъ; тогда онъ превосходно играетъ разными цвѣтами. Точно также и человѣкъ не можетъ занимать съ блескомъ каждое положеніе въ свѣтѣ; но хорошій выборъ и сосредоточеніе всей своей энергіи на одномъ какомъ-нибудь предметѣ можетъ дать ему возможность занять видное мѣсто на жизненномъ поприщѣ. Человѣкъ можетъ имѣть успѣхъ въ своихъ занятіяхъ лишь только тогда, когда онъ можетъ сказать: «Одну только эту вещь я дѣлаю». За исключеніемъ весьма немногихъ творческихъ умовъ, историческія имена людей всегда соединяютъ въ себѣ одно какое-нибудь громадное дѣло, такъ напр. произнося имя Джона Уатта, мы сейчасъ вспоминаемъ о изобрѣтенной имъ

паровой машинѣ; съ именемъ Аркрайта мы соединяемъ воспоминаніе о его бумагопрядильной машинѣ; съ именемъ Христофора Колумба—объ открытіи Америки. «Что́ я пытался сдѣлать въ моей жизни—пишетъ Чарльзъ Диккенсъ —то я всегда старался сдѣлать хорошо. Чему я посвящалъ себя, тому я предавался весь вполнѣ. Ничего я не начиналъ, не отдаваясь всецѣло моему дѣлу, и никогда ничего не цѣнилъ ниже, моего труда. Правила, по которымъ я поступалъ, я нахожу золотыми правилами».

Человѣкъ, обладающій самыми блестящими талантами, но разбрасывающій ихъ на различные предметы, не можетъ ничего совершить. Сэръ Іоссія Рейнольдсъ говоритъ, что художникъ долженъ зашить себѣ ротъ, чтобы разговоръ не отвлекалъ его отъ живописи. Сила наша, какъ порохъ, только тогда дѣйствительна и полезна, когда мы всю ее сосредоточиваемъ на одной цѣли. Человѣкъ цѣлящійся въ обширное пространство рѣдко попадаетъ въ центръ. Литераторъ или философъ можетъ быть полнъ различными великими идеями, но онъ ихъ растеряетъ даромъ, если не соберетъ въ одну какую-нибудь общую мысль или въ произведеніе. Когда спросили Микель-Анжело, отчего онъ не женится, то онъ отвѣчалъ: «Живопись—моя жена, а картины—мои дѣти». «Мистеръ А.—пишетъ одинъ ученый американскій химикъ—постоянно смѣется надо мною за то, что я помѣшанъ на одной идеѣ. Онъ разговариваетъ обыкновенно о различныхъ вещахъ и цѣлитъ заразъ въ нѣсколько предметовъ; но я читалъ, что если я хочу сдѣлать брешь въ стѣнѣ, то долженъ непремѣнно цѣлить въ одну точку, что́ я и дѣлаю». Его выстрѣлы были удачны. Начавъ свое поприще съ званія школьнаго учителя, онъ усовершенствовалъ примѣненіе къ дѣлу электромагнетизма въ Англіи и сталъ во главѣ ученыхъ учрежденій своей родины.

Уильямъ Газлиттъ придерживается того мнѣнія, что жизни человѣческой вполнѣ хватитъ на преслѣдованіе нѣсколькихъ цѣлей, если только мы будемъ вполнѣ преданы своимъ занятіямъ. Онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что всякое искусство, всякое ремесло можетъ быть изучено человѣкомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ что, изучивъ его, человѣку еще остается много времени для другаго какого-нибудь занятія. «Пусть человѣкъ—говоритъ онъ—изучаетъ одну вѣтвь науки; изчерпавъ ее всю, онъ долженъ или сдѣлать какія-нибудь открытія, или выбрать новый предметъ для своихъ изслѣдованій, или окончательно погрузиться въ ничего недѣланіе. Весь нашъ дѣйствительный трудъ лежитъ въ скорлупѣ. Умъ время отъ времени дѣлаетъ геркулесовскія усилія, и затѣмъ все остальное часто трудъ механическій». Дѣйствительно, такого рода замѣчаніе справедливо относительно громадныхъ геніевъ, изрѣдка появляющихся на землѣ. Цицеронъ, напримѣръ, былъ профессоръ логики, этики, астрономіи и философіи; кромѣ того онъ зналъ геометрію, музыку и другія искусства. Бэконъ обладалъ большими познаніями въ различныхъ предметахъ. Дантъ изучилъ всѣ науки, преподаваемыя въ его время въ итальянскихъ университетахъ, и въ Парижѣ онъ одержалъ побѣду въ диспутѣ надъ четырнадцатью человѣками. Сципіонъ Африканскій былъ не только великій воинъ, но славился своею ученостью и краснорѣчіемъ. Сальваторъ Роза былъ лутенистъ и сатирикъ. Но что въ особенности насъ поражаетъ—это разнообразіе знаній Леонардо да-Винчи. Про него говорятъ, что еслибъ онъ находился въ Македоніи въ царствованіе Александра, то онъ усмирилъ бы Буцефала; еслибъ онъ сидѣлъ на волшебномъ тропѣ Комуса, то онъ сломилъ бы жезлъ демона; еслибъ онъ видѣлъ колесницу короля Фригія, то онъ развязалъ бы Гордіевъ узелъ. Онъ былъ не только великій художникъ, но и математикъ, ме-

тафизикъ, музыкантъ, поэтъ, скульпторъ, инженеръ, архитекторъ, химикъ, ботаникъ, анатомъ, астрономъ и кромѣ того былъ свѣдущъ въ механикѣ. Но много ли Бэконовъ, Дантовъ, Леонардо да-Винчей встрѣчается во всемірной исторіи? Рѣдкое явленіе такой разносторонности въ знаніяхъ можно просто назвать чудеснымъ. Противъ одного такого примѣра найдутся тысячи другихъ, гдѣ люди терпѣли неудачи единственно оттого, что они брались разомъ за нѣсколько предметовъ. Бо̀льшая часть людей идетъ несамоувѣренно и наудачу, если она имѣетъ передъ собою двѣ цѣли. Гоббзъ смѣялся надъ самимъ собою, какъ надъ поэтомъ. Мильтонъ хорошо писалъ статьи въ прозѣ, но былъ весьма плохой юмористъ. Буало быстро упалъ, когда онъ сталъ стараться извлечь изъ своей лиры тѣ звуки, которыми Корнель наполнялъ свои комедіи и Драйденъ свои трагедіи. «Искусство не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ литература— пишетъ Вильмотъ. Научите вашихъ дѣтей уважать одинъ глазъ. Вспомните Матсиса. Его картины жизни скупаго просто дышатъ жизнью. Но посмотрите вы теперь изображеніе одного престольнаго образа, сдѣланнаго его кистью, и вы замѣтите, что черты апостола напоминаютъ черты рисованныхъ имъ растовщиковъ».

Сидней Смитъ въ своихъ лекціяхъ отлично критикуетъ то, что̀ онъ называетъ всемірною глупостью—заниматься всѣми искусствами, изучать всѣ науки, такъ именно: химію, математику, алгебру, танцованіе, ѣзду верхомъ, фехтованіе, нижне и верхне-германское нарѣчіе, философію и знать немного по-испански для того, чтобъ умѣть потолковать о Лопе-де-Вега. «Новѣйшее воспитаніе говоритъ, что необходимо имѣть понятія обо всемъ. Мой же совѣтъ быть невѣждою во многихъ предметахъ — это по крайней мѣрѣ не значитъ быть невѣждою во всемъ. Я готовъ считать первымъ долгомъ молодаго человѣка, чтобы онъ никогда не читалъ

Лопе-де-Веге и далъ мнѣ честное слово воздерживаться отъ Беттинели и его тридцати пяти оригинальныхъ сонетовъ; сверхъ того я потребовалъ бы отъ него клятвеннаго увѣренія, что я никогда не услышу отъ него именъ продажныхъ поэтовъ, жившихъ въ царствованіе Кузьмы и Лаврентія Медичи».

Въ міръ рѣдко попадаются блестящіе геніи, способные изучать дюжины языковъ, искусствъ или наукъ и нести на себѣ заразъ нѣсколько должностей. Начинающіе жить обыкновенно жалуются на то, что они принимаются за трудъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; но неоспоримый фактъ тотъ, что люди не успѣваютъ не вслѣдствіе ограниченности средствъ, необходимыхъ для достиженія успѣха, но вслѣдствіе множества цѣлей, которыя они разомъ преслѣдуютъ. Донъ-Кихотъ говорилъ, что онъ могъ бы дѣлать отличныя клѣтки для птицъ и зубочистки, еслибъ его не увлекали рыцарскія понятія. Точно также многіе изъ людей успѣшно выполнили бы свое назначеніе, еслибы не развлекались различными тщеславными мечтами. Одинъ остроумный американецъ пишетъ: «Первая добродѣтель въ жизни есть сосредоточенность, а первое зло—разсѣянность». Онъ не дѣлаетъ никакого различія между разсѣянностями, были ли онѣ грубыя или изящныя, допускались ли вслѣдствіе дружбы или вслѣдстіе общественныхъ приличій. «Хорошъ только тотъ предметъ, который отгоняетъ наши мысли отъ различнаго рода бездѣлокъ и заставляетъ ихъ сосредоточиваться на одной какой-нибудь цѣли». Этотъ же самый писатель сравниваетъ культуру здраваго, сильнаго ума съ культурою дерева. «Садовникъ не позволитъ даромъ тратить дереву сокъ на многочисленныя вѣтви; онъ обрѣзастъ ихъ и лишніе листья для того, чтобы сохранить сокъ для нѣсколькихъ крѣпкихъ плодовыхъ вѣтвей».

Про американцевъ говорятъ, что они могутъ плесть веревку различными способами; англійскій же матросъ знаетъ

одинъ только способъ, но самый лучшій. Англичане ненавидятъ отъ всего сердца людей, готовыхъ, что-называется, на всѣ руки, знающихъ всего по немногу; вообще Англія не терпитъ посредственности; тамъ во всякомъ занятіи человѣкъ можетъ только тогда надѣяться на успѣхъ, когда онъ при выполненіи обязанностей, налагаемыхъ на него его званіемъ, съумѣетъ стать выше сотни другихъ людей, занимающихся съ нимъ однимъ дѣломъ. Америка же наполнена людьми, которые знаютъ нѣсколько предметовъ и ни одного не знаютъ, какъ слѣдуетъ. Причина ихъ неудачъ есть умственное разсѣяніе—расточительность энергіи на нѣсколькихъ предметахъ, вмѣсто того, чтобы ее концентрировать на одномъ.

Человѣческій умъ напоминаетъ зажигательное стекло, лучи котораго только тогда сильны, когда они сосредоточены. Какъ стекло зажигаетъ только тогда, когда мы держимъ предметъ прямо противъ фокуса, точно также въ блестящемъ видѣ является наука, искусство или ремесло только тогда, когда человѣкъ исключительно занятъ чѣмъ-нибудь однимъ. Возьмемъ другой примѣръ: что можетъ быть незначительнѣе разсѣянныхъ облаковъ пара, подымающихся къ небу. Они такъ же маловажны, какъ капли росы, спускающейся ночью на землю. Но соединенные вмѣстѣ и сгущенные въ паровомъ котлѣ, они способны прорваться чрезъ скалы, низвергнуть горы въ море и примчать антиподовъ къ нашимъ дверямъ.

«Будь совершеннымъ человѣкомъ во всякомъ дѣлѣ»—совѣтовалъ одинъ извѣстный англичанинъ своему сыну, находившемуся еще въ школѣ. Этотъ-то недостатокъ совершенства и отличаетъ голодную, оборванную чернь отъ людей, выигрывающихъ побѣды на жизненномъ поприщѣ. Въ прежнія времена человѣкъ, обладающій небольшимъ количествомъ ума, могъ уже смѣло разсчитывать на успѣхъ, но

при настоящемъ развитіи соперничества по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности требуется для успѣшнаго достиженія цѣлей приложеніе всей нашей умственной способности. Конечно, какъ я уже раньше говорилъ, есть много исключеній; напримѣръ, одинъ Болонецъ, извѣстный лингвистъ, былъ въ состояніи говорить на ста языкахъ; но по бо́льшей части случается такъ, что человѣкъ съ большими дарованіями расточаетъ свои силы на нѣсколько предметовъ, тогда какъ, сосредоточивъ свои способности на одномъ занятіи, онъ могъ бы пріобрѣсти извѣстность въ литературномъ или въ научномъ отношеніи.

Еслибы пишущіе въ газетахъ изъ-за куска хлѣба различныя диссертаціи, фельетоны и очерки занялись серьознѣе своимъ дѣломъ, то они могли бы представить свѣту вмѣсто этихъ пустыхъ статей, которыя сегодня читаются, а завтра навсегда забываются, порядочныя сочиненія.

Мы хорошо знаемъ, что въ настоящее время въ модѣ насмѣхаться надъ односторонностью нѣкоторыхъ людей. Но ни одинъ человѣкъ, въ которомъ не выдавалось ни одной господствующей страсти, не сдѣлался извѣстнымъ въ исторіи человѣчества.

Дѣйствительно, какъ я вамъ уже раньше говорилъ, нѣкоторыя геніальныя личности обладаютъ весьма разнообразными свѣдѣніями, напримѣръ Милль; кромѣ того, что онъ былъ хорошимъ метафизическимъ и политическимъ писателемъ, онъ былъ отличнымъ пьянистомъ, археологомъ, филологомъ и ботаникомъ; дѣятельность же Гладстона поражаетъ всѣхъ своею разносторонностію: онъ занимаетъ должность государственнаго канцлера, посѣщаетъ биржу, поддерживаетъ дѣятельную переписку съ полдюжиною греческихъ толкователей Гомера, дѣлаетъ опыты съ гидрометромъ, перекладываетъ англійскіе псалмы латинскими стихами, ведетъ переписку по своимъ дѣламъ съ адвокатами. Но всѣ эти Лойолы, Лютеры, Кавуры

и Гладстоны имѣли и имѣютъ передъ собою всегда одну идею и всѣ свои многостороннія свѣдѣнія направляютъ къ этой идеѣ. Одинъ остроумный наблюдатель, хорошо знакомый съ Каннингомъ, говоритъ, что онъ обладалъ слишкомъ многими талантами; онъ предпочиталъ свои рѣдкія способности къ декламаціи сарказму, своими рѣчами не убѣждалъ, а удивлялъ слушателей, и ни одной рѣчи онъ не произносилъ безъ того, чтобъ не нажить себѣ новаго врага. Питтъ говоритъ объ одномъ ораторѣ, что онъ имѣлъ бы большой успѣхъ, еслибъ прямо шелъ къ своей цѣли. Какая разница между его блестящею, но кратковременною и колеблящеюся карьерою и положеніемъ Вильяма Питта. Было что-то божественное въ этомъ человѣкѣ, такъ что современники называли его посланнымъ съ неба государственнымъ дѣятелемъ. У него было необычайное дарованіе концентрировать всѣ свои способности: что онъ дѣлалъ, то дѣлалъ всѣми своими силами. Хозяинъ надъ самимъ собою, онъ сосредоточивалъ всѣ лучи своего ума, какъ въ фокусѣ, на предметѣ своей дѣятельности, работалъ какъ лошадь и ничего не дѣлалъ на половину. Онъ давалъ людямъ отвѣтъ прежде, чѣмъ они задавали вопросъ, и разрѣшалъ задачу прежде, чѣмъ они соображали ея трудность. Его молнія сверкала и дѣлала свое дѣло прежде, чѣмъ громовые раскаты возвѣщали о ея появленіи.

Почему Питтъ прямо изъ коллегіи попалъ въ нижнюю палату парламента, а оттуда въ главное государственное министерство, управлялъ страною около четверти столѣтія и всѣ предлагаемыя имъ мѣры принимались, не смотря на оппозицію знатныхъ англичанъ? Простая причина его успѣха есть полное поглощеніе его души жаждою политической дѣятельности. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что онъ пренебрегалъ друзьями, не щадилъ денегъ, такъ что получая пятьдесятъ тысячъ долларовъ въ годъ, не имѣя семейства, онъ послѣ смерти своей оставилъ много долговъ; онъ унич-

тожилъ въ своемъ сердце нѣжную любовь, какъ соперницу своей политической дѣятельности; онъ не заботился о своей посмертной славѣ, такъ что не потрудился даже записать для будущаго поколѣнія одну изъ своихъ рѣчей; онъ не занимался ни искусствомъ, ни литературою, а исключительно сосредоточивалъ всѣ свои способности на управленіи страною. Другой подобный же примѣръ мы видимъ въ извѣстномъ англійскомъ адвокатѣ, въ Руфѣ Четѣ; онъ пользовался постояннымъ успѣхомъ вслѣдствіе того, что былъ искренно преданъ своему занятію; дѣла его кліентовъ были его дѣлами; отъ нихъ его бросало и въ жаръ и въ холодъ; имъ овладѣвало страшное томленіе до того времени, когда присяжные выносили приговоръ.

Сосредоточеніе силъ необходимо и въ экономичекомъ отношеніи: человѣкъ, бросающійся на нѣсколько предметовъ, истощаетъ всю свою энергію, а вмѣстѣ съ ней и энтузіазмъ. Какъ же возможенъ успѣхъ безъ энтузіазма? Докторъ богословія Д. В. Александръ совѣтуетъ молодому священнику, бросивъ всѣ другіе предметы, концентрировать свою силу въ проповѣди. «Многіе служители алтаря—говоритъ онъ—являются почитателями постороннихъ предметовъ, какъ-то: искусства, поэзіи, авторства или политики, и потому ихъ проповѣди напоминаютъ губку, совершенно лишенную влажности». Всѣмъ извѣстно, что Макдональдъ одерживалъ побѣды вслѣдствіе умѣнія своего направлять всѣ выстрѣлы на лучшую часть непріятельскаго войска.

Изъ вышесказаннаго однако вовсе не слѣдуетъ понимать, что подъ сосредоточеніемъ мы разумѣемъ уединеніе или самопоглощеніе. Въ каждой работѣ есть много второстепенныхъ обстоятельствъ, которыя способствуютъ ея усовершенствованію; точно то же мы видимъ и въ жизни: сотни постороннихъ условій приводятъ къ одному общему выводу. «Придерживайтесь вашихъ занятій и ваши занятія будутъ придержи-

ваться васъ». Одинъ писатель совершенно справедливо замѣчаетъ, что сношенія съ обществомъ часто ведутъ за собою большой шагъ къ успѣху. Иногда удача такъ очевидна, что вы вполнѣ можете разсчитывать на нее, другой же разъ успѣхъ замедляется, но вы всегда должны быть увѣрены его найти, потому что все разъ посѣянное всходитъ и созрѣваетъ. Если вы только желаете, чтобы ваша личность была извѣстна, то вы непремѣнно должны являться въ общество, а не жить какимъ-нибудь миѳическимъ существомъ. Развѣ я буду ваши книги меньше читать, вашими картинами меньше любоваться и ваши слова меньше цѣнить, когда я познакомлюсь съ вами покороче?

Говоря о необходимости сосредоточиванія нашихъ силъ на одномъ предметѣ, мы вовсе не предполагаемъ, что одинъ человѣкъ долженъ быть адвокатомъ, другой — купцомъ, третій—докторомъ и ничѣмъ больше. Мы вовсе не ставимъ въ примѣръ читателямъ святаго Бернарда, у котораго не было совсѣмъ мяса на костяхъ и который не могъ отличить хлѣба изъ муки и изъ пепла; или Неандера, который совершенно пренебрегалъ практическою стороною жизни, такъ что онъ иногда забывалъ дорогу изъ своего жилища въ университетъ, гдѣ онъ читалъ лекціи въ продолженіе многихъ лѣтъ; или Наполеона, находившаго войну высшею степенью всѣхъ искусствъ; или Вестри—французскаго танцмейстера, считавшаго себя и Вольтера величайшими людьми во всей Европѣ; или доктора Георга, который сильно сомнѣвался, зналъ ли Фридрихъ Великій, не смотря на всѣ свои побѣды, спрягать совершенно правильно греческіе глаголы на *mi*. Разсказываютъ, что одинъ нѣмецкій филологъ, умирая, очень сожалѣлъ, что онъ не посвятилъ свою жизнь на изученіе дательнаго падежа. Жанъ-Поль говоритъ, что нѣмцы опредѣляютъ теченіе зефира компасомъ, а сердце дѣвушки коническимъ сѣченіемъ. Бумажный фабрикантъ Ловель однажды

замѣтилъ: «Кровь течетъ безъ сомнѣнія во всѣхъ Говардахъ; она ярко-красная и изъ нея можно было бы приготовить отличныя чернила». Еслибъ вы показали ему мумію жены Понтифера, то онъ сейчасъ же объявилъ бы вамъ, что ткань, обертывающая ее, льняная, а не бумажная. Это послѣдствія слишкомъ далеко зашедшей односторонности идеи. Не меньшее зла мы видимъ и тогда, когда человѣкомъ овладѣваетъ одна какая-нибудь гигантская способность, поглощающая всѣ другія, какъ у карлика, у котораго огромныя оконечности пожираютъ туловище. Впрочемъ каждое занятіе имѣетъ свое особенное свойство болѣе или менѣе безобразить и калѣчить людей, исключительно посвятившихъ себя этому занятію: оно парализуетъ ту или другую нравственную способность и отвращаетъ человѣка отъ достиженія полной возмужалости. Развѣ ткачъ во многихъ случаяхъ есть ни что иное, какъ воодушевленный челнокъ, швея—живая иголка, работникъ — заступъ, который работаетъ, ѣстъ и спитъ? Развѣ внутренность инаго адвоката не кажется наполненною кипами бумагъ, сводами законовъ и рѣшеніями суда? Но совершенства на землѣ нѣтъ, и чтобы сдѣлать какого-нибудь человѣка совершеннымъ, надо въ него вложить мозгъ взятый отъ одного, сердце отъ другаго, чувство отъ третьяго и желудокъ отъ четвертаго.

Конечно, всякій человѣкъ становится карликомъ, если онъ строго придерживается ученія о раздѣленіи труда. Успѣхъ будетъ намъ стоить очень дорого, если для достиженія его нужно сдѣлаться чудовищемъ односторонне развитымъ, если ради него человѣкъ долженъ превратиться въ одну какую-нибудь часть своего организма: въ голову, въ руку, въ палецъ или въ ногу. Каждый человѣкъ долженъ быть болѣе чѣмъ факторомъ формулы общественной или экономической науки, болѣе чѣмъ колесомъ или рычагомъ какой-нибудь машины. Всякій прежде всего долженъ быть

*человѣкомъ*, и, какъ человѣкъ, онъ долженъ развивать въ извѣстномъ порядкѣ всѣ свои способности, которыми надѣлила его природа, но въ особенности обратить вниманіе на главную изъ нихъ. Обширное знаніе не мѣшаетъ никакому занятію; свѣдѣнія, кажущіяся намъ съ перваго взгляда чрезвычайно отдаленными отъ предмета, на которомъ мы сосредоточиваемъ наше вниманіе, часто находятся въ тѣсной связи съ нимъ, и пріобрѣтеніе этихъ свѣдѣній, на которыя узкій умъ смотритъ, какъ на препятствіе, бываетъ, напротивъ, очень полезно. Нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ видѣть, что человѣкъ занимается своимъ искусствомъ, торговлею или исполняетъ свою должность такъ же легко и весело, какъ солдатъ несетъ свое ружье.

Какъ мы уважаемъ геніальнаго Чарльза-Джемса Фокса, который послѣ долгой, утомительной рѣчи въ судѣ, выходилъ поздороваться съ знакомыми дамами, шутилъ, смѣялся и, какъ настоящій свѣтскій человѣкъ, провожалъ до кареты.

Всякій человѣкъ, желающій имѣть успѣхъ, не долженъ постоянно преслѣдовать свою цѣль однимъ какимъ-нибудь путемъ; онъ можетъ лавировать сколько ему угодно, только такъ, чтобъ это лавированіе привело его къ извѣстной гавани. Имѣя постоянно одинъ предметъ въ виду, онъ можетъ разнообразить кругъ своей дѣятельности. Единство цѣли вовсе не требуетъ однообразія дѣйствія; но если мы хотимъ во чтобы то ни стало пріобрѣсти извѣстность на землѣ, то мы необходимо должны сдѣлаться людьми одной какой-нибудь цѣли; найдя такую цѣль, мы должны преслѣдовать ее со всей нашей энергіею и быть готовыми даже на жертвы ради нея. Много ли сдѣлалъ Эдуардъ Эвереттъ сравнительно со своими рѣдкими дарованіями? Какія великія произведенія онъ оставилъ, гдѣ монументы его прекрасныхъ способностей? Чего слѣдуетъ ожидать отъ человѣка, который разсѣявалъ свои дарованія на огромномъ

полѣ знанія? Или какое воспоминаніе могъ бы оставить по себѣ Кречтонъ, еслибъ онъ вмѣсто того, чтобъ умереть въ уличной ссорѣ двадцати двухъ лѣтъ, продолжалъ энергически работать до семидесяти? На такихъ ли людей сыплятся благословенія всего человѣчества, ихъ ли имена становятся безсмертными? Нѣтъ, это имена Бутлера, работавшаго двадцать лѣтъ надъ «Аналогіей»; Эдуарда Гиббона, столько лѣтъ работавшаго надъ «Упадкомъ и Разрушеніемъ»; Канта, работавшаго полстолѣтія въ ртутныхъ рудникахъ метафизики; Адама Смита, трудившагося десять лѣтъ надъ «Благосостояніемъ Націй». Одинъ изъ самыхъ концентричныхъ умовъ былъ Маршаль. Прочитайте, что про него говоритъ Виртъ, и вы не будете удивляться его успѣхамъ. «Джонъ Маршаль — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ—умъ котораго можно сравнить съ громадными скалами, съ неистощимою каменоломнею, откуда онъ беретъ матеріалы для постройки грубыхъ и готическихъ, но прочныхъ зданій, которыхъ не можетъ разрушить время — человѣкъ, не отступающій ни на шагъ отъ выбраннаго имъ предмета, еслибъ даже ему обѣщали за это рай». Великіе богословы и медики— люди, съумѣвшіе сосредоточить свой умъ на одномъ предметѣ, не заботились о полной энциклопедіи.

Поэтъ Предъ описываетъ одного пастора такими словами:

His talk is like a stream which runs,
With rapid change from rocks to roses;
It slips from politics to puns,
It glides from Mahomet to Moses:
Beginning with the laws that keep
The planets in their radiant courses,
And ending with some precept deep
For skinning eels or shoeing horses *).

*) Его разговоръ подобенъ потоку, быстро бѣгущему отъ скалы къ тростнику; онъ скользитъ отъ политики къ каламбурамъ, отъ Магомета къ Мои-

Но люди, знающіе всего по немногу, обыкновенно не знаютъ ничего хорошо. Даже лорда Брума, который изъ честолюбія, какъ Бэконъ, изучалъ всѣ науки, извѣстныя въ его странѣ, нельзя назвать достаточно всесвѣдущимъ. Въ насмѣшку про него сказали, что наука — его сила, а всевѣдѣніе — слабость.

Разсѣяніе при достиженіи — скала, о которую нѣкоторые люди разбиваются въ ранней молодости. Девять человѣкъ изъ десяти строятъ слишкомъ обширные планы своей дѣятельности, и тѣ, которые способны дѣлать почти всё, не дѣлаютъ обыкновенно ничего, потому что они слишкомъ заняты только тѣмъ, что они желаютъ дѣлать или чѣмъ они хотятъ быть. Отсюда происходятъ ихъ постоянныя неудачи. Де-Квинсей, съ своими удивительными способностями, съ своими огромными знаніями и съ здравымъ умомъ, не могъ ничего произвести достойнаго его рѣдкихъ дарованій. Теперь взгляните вы на Кольриджа, человѣка съ шекспировскимъ талантомъ, который, вслѣдствіе недостатка сосредоточенности ума, бродилъ отъ одного предмета къ другому, задумывалъ обширные планы, и ни одно изъ блестящихъ и колоссальныхъ литературныхъ намѣреній не привелъ въ исполненіе. Характеръ его хорошо обрисовалъ въ нѣсколькихъ словахъ Карлъ Лэмъ въ письмѣ къ своему другу: «Кольриджъ умеръ, оставивъ послѣ себя, какъ говорятъ, около сорока тысячъ метафизическихъ и богословскихъ трактатовъ, но ни одного оконченнаго».

Другая очень частая причина неуспѣха есть жадность, такъ какъ она заставляетъ человѣка бросаться на нѣсколько предметовъ разомъ въ ожиданіи богатыхъ наградъ. Нѣко-

---

сею: начинается объясненіемъ законовъ, которыхъ придерживаются планеты въ своемъ движеніи, и кончается какими-нибудь мудрыми совѣтами, какъ сдирать кожу съ угрей или подковывать лошадей.

торыя пріобрѣтенія рѣшительно несовмѣстимы между собою. Кто хочетъ достичь высшей степени нравственнаго совершенства, тотъ долженъ отказаться отъ многихъ матеріальныхъ выгодъ, такъ какъ желаніе пользоваться ими влечетъ за собою утрату духовныхъ радостей. Посвящая себя ученымъ занятіямъ развѣ можно разсчитывать на пользованіе свѣтскими удовольствіями, и работая для богатства можно ли надѣяться на спокойную и беззаботную жизнь, или можно ли, живя для самого себя, съ завистью смотрѣть на удовольствія добродѣтельной и самоотверженной жизни? Все это вещи несогласныя одна съ другой. Свѣтъ есть рынокъ, гдѣ каждая вещь имѣетъ свою цѣну. Преслѣдуя одну, не слѣдуетъ сѣтовать, какъ дѣти, что мы не владѣемъ другой, которую намъ не удалось купить. Неблагоразуміе хорошо обрисовано въ разговорѣ Люціана, написанномъ Барбольдомъ въ одномъ изъ его сочиненій: «Однажды богъ вселенной — Юпитеръ, жаловался богу любви—Купидону, что хотя онъ имѣлъ много интригъ, но никогда не былъ искренно любимъ.—«Чтобъ сдѣлаться любимымъ, отвѣчалъ ему Купидонъ, ты брось свою эгиду и громовыя стрѣлы, завей и надуши волосы, возложи на голову гирлянду изъ цвѣтовъ, иди тихими шагами и старайся быть любезнѣе». — Тогда, возразилъ Юпитеръ, я долженъ отказаться отъ моего достоинства. — «Если такъ, то откажись отъ желанія быль любимымъ, отвѣчалъ Купидонъ: ты хочешь быть Юпитеромъ и Адонисомъ вмѣстѣ».

Въ законовѣдѣніи, въ медицинѣ, въ торговлѣ и въ механическихъ занятіяхъ всегда пользуются успѣхомъ только тѣ люди, которые сосредоточиваютъ свой умъ на одномъ какомъ-нибудь предметѣ.

Кто любимый актеръ въ театрѣ? Не тотъ, который представляетъ общія черты разныхъ характеровъ, но тотъ, который хорошо подмѣчаетъ особенность каждаго характера.

Люди же, разбрасывающіе свой умъ на различные предметы, никогда не могутъ пользоваться успѣхомъ; такъ Сидней Смитъ говоритъ про лорда Джона Росселя, что онъ увлекался самыми нелѣпыми вещами, такъ напр. ему однажды хотѣлось попробовать подняться на воздушномъ шарѣ, другой разъ—усовершенствовать плаваніе чрезъ водопады, третій разъ—принять начальство надъ британскимъ флотомъ.

Изъ ста девяносто девять случаевъ совершенно ясно доказываютъ, что нельзя исполнять вполнѣ добросовѣстно нѣсколько обязанностей разомъ. Перочинный ножикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ клинковъ, изъ штопора, изъ напильника и пилы, изъ зубочистки и изъ пары щипцовъ, негоденъ ни къ чему и скоро совершенно выбрасывается, какъ безполезная вещь. «Придерживайтесь вашего занятія—сказалъ Ротшильдъ одному молодому человѣку, начинающему жить—занимайтесь вашею пивоварнею, и вы можете сдѣлаться великимъ лондонскимъ пивоваромъ. Будьте хорошимъ пивоваромъ или булочникомъ, купцомъ, фабрикантомъ, однимъ словомъ чѣмъ угодно, и вы пріобрѣтете извѣстность».

---

## ГЛАВА VI.

### Самонадѣянность.

Всякій человѣкъ получаетъ два воспитанія: одно ему даютъ окружающіе еголюди, другимъ, болѣе важнымъ, онъ обязанъ самому себѣ.

*Гиббонъ.*

Еще одинъ необходимый элементъ для успѣха есть самонадѣянность, т. е. рѣшимость быть только самому своимъ помощникомъ и не смотрѣть на другихъ, какъ на свою опору. Это главнѣйшая причина личнаго возвышенія и силы, общій ключъ, который открываетъ свободный проходъ чрезъ всѣ трудности, встрѣчаемыя на пути каждаго занятія и каждаго призванія. «Aide toi et le ciel t'aidera», говоритъ французская пословица, и она должна быть примѣняема всѣми молодыми людьми, ищущими успѣха въ жизни. Самая ужасная дорога для молодаго человѣка — это достиженіе своихъ цѣлей посредствомъ милостей, разсыпаемыхъ ему посторонними лицами. Кто съ молоду привыкъ опираться на другихъ, тотъ всю свою жизнь будетъ разсчитывать на эту опору. Надо замѣтить, что человѣкъ выучивается плавать не съ помощію пробокъ, пузырей и спасительныхъ

снарядовъ, а храбро бросаясь въ воду и сильно, какъ Кассій и Цезарь, борясь съ волнами.

Человѣкъ, неслѣдующій своему независимому сужденію, а слушающій постоянно совѣты другихъ, подвергается въ концѣ концовъ совершенному умственному разслабленію; въ немъ уничтожается всякая самонадѣянность, и существованіе его на свѣтѣ становится равнымъ нулю до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь стеченіе обстоятельствъ не выведетъ его изъ этого унизительнаго для человѣка состоянія.

Разсказываютъ про омаровъ, что когда имъ случается выбраться на берегъ, то у нихъ уже не достаетъ инстинкта и энергіи опять войти въ море, и они на камняхъ дожидаются, когда ихъ захватитъ волна; если же вода не доходитъ до того мѣста, то они умираютъ, не дѣлая ни малѣйшихъ усилій достичь волны, катящейся въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ нихъ. Точно также свѣтъ наполненъ людьми, похожими на омаровъ, которые, принимаясь за занятія, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать свои цѣли со всей энергіей своей души, дожидаютъ счастливой волны, которая выбросила бы ихъ въ море: одни возлагаютъ всю надежду на двухсотъ-тысячный выигрышъ, другіе на полученіе наслѣдства послѣ смерти какого-нибудь дальняго родственника.

Но какое отвратительное зрѣлище представляетъ молодой, здоровый, сильный человѣкъ, просящій о помощи. Въ девяноста девяти случаяхъ изъ ста денежная помощь есть благословеніе дьявола, котораго слѣдуетъ не домогаться, а всячески избѣгать. Это ядовитое дерево, парализирующее и доводящее до послѣдняго издыханія нравственную чистоту всякаго человѣка, вдыхающаго въ себя зараженную имъ атмосферу. Подъ видомъ помощи оно окончательно ослабляетъ свою жертву и подвергаетъ ее постоянному рабству и униженію. Она послѣдовательно замораживаетъ ее, повидимому покровительствуя ей, и оставляетъ ее погружен-

ною въ ея безпомощное состояніе такъ же крѣпко, какъ сэра Джона Франклина, закованнаго во льдахъ Арктическаго океана. Деньги, расточаемыя этимъ путемъ въ большинствѣ случаевъ такъ же мало производительны, какъ еслибъ мы бросили ихъ въ море.

Богъ вовсе не предназначилъ сильнымъ и здоровымъ искать опоры въ другихъ людяхъ, подобно плющу, вьющемуся около дуба. Различныя трудности, испытанія и препятствія, встрѣчаемыя нами на жизненномъ пути, мы должны считать положительно благословеніями. Они подкрѣпляютъ насъ и научаютъ самоувѣренности, точно такъ же, какъ борьба съ атлетомъ, стоящимъ выше насъ по своему искусству, возвышаетъ наши силы и открываетъ намъ причины его ловкости. «Всѣ трудности, встрѣчаемыя нами на пути—пишетъ Боньэнъ—есть ничто иное, какъ искушенія, подобныя льву, котораго встрѣтилъ Самсонъ. При нашемъ приближеніи онъ рычитъ и оскаливаетъ зубы, но разъ побѣжденный, онъ дѣлается удивительно кроткимъ». Опасность есть элементъ, при посредствѣ котораго развивается талантъ. «Способность и нужда сосѣди между собою»—сказалъ Пиѳагоръ. Тотъ, кто испыталъ бѣдность и тяжелый трудъ, будетъ всегда сильнѣе и опытнѣе того, кто родился и провелъ жизнь въ богатствѣ и праздности. Всѣ великіе государственные дѣятели обязаны своею мудростію, предусмотрительностью и смѣтливостью болѣе своимъ неудачамъ, чѣмъ успѣхамъ. Дипломаты пріобрѣтаютъ свое искусство не только посредствомъ успѣховъ, но и послѣ того, когда они бываютъ освистаны и уничтожены. Всякій разъ, испытывая матъ, они пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе свѣдѣній въ политической игрѣ и производятъ свои слѣдующіе ходы съ бо́льшею ловкостью, съ бо́льшими шансами на успѣхъ.

Разсказываютъ про лорда Торлоу, англійскаго канцлера, что когда одинъ его родственникъ совѣтовался съ нимъ, какія

средства необходимы его сыну для достиженія успѣха на юридическомъ поприщѣ, то онъ отвѣчалъ: «Пусть твой сынъ растратитъ свои капиталы, женится и промотаетъ женино приданое и потомъ отправляется въ судъ, тогда онъ можетъ имѣть полную надежду на успѣхъ». Почему Торлоу даетъ такой отвѣтъ? Очень просто, потому что собственное наблюденіе научило Торлоу, что человѣкъ, имѣющій вѣрныя средства къ жизни, не будетъ такъ сильно подстрекаемъ успѣхомъ и не возьметъ на себя такого тяжелаго труда, какъ человѣкъ совершенно ничего неимѣющій. Поэтому нѣтъ ничего неблагоразумнѣе заботъ родителей о томъ, чтобы оставить какъ можно болѣе наслѣдства послѣ своей смерти своимъ дѣтямъ. Многіе отцы, тяжело трудясь и экономничая всю свою жизнь для оставленія капитала своимъ сыновьямъ, приносятъ имъ сильнѣйшій вредъ, положительно назначая имъ въ удѣлъ бѣдность и невѣжество.

Читая исторію бѣднаго и богатаго во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, мы почти постоянно находимъ, что «счастливцы», какъ ихъ называютъ, вступаютъ обыкновенно въ жизнь босыми ногами и съ непокрытою головою; несчастливцы же родятся на свѣтъ въ серебрѣ и въ золотѣ, и потерю ихъ богатства обыкновенно приписываютъ тому, что оно не было нажито ихъ собственнымъ трудомъ. Есть пословица, которая говоритъ, что молодой, богатый человѣкъ начинаетъ обыкновенно жизнь тамъ, гдѣ его отецъ кончилъ ее, и кончаетъ тамъ, гдѣ его отецъ началъ ее. Тѣ только деньги приносятъ пользу человѣку, которыя онъ нажилъ кровавымъ трудомъ; наслѣдственное же имущество вмѣсто того, чтобъ умножить пріобрѣтеніе, уменьшаетъ его. Богатство предка рѣдко бываетъ пригодно, такъ же какъ и его старинное платье, человѣку, которому оно достается. Кто одерживаетъ побѣду на жизненномъ поприщѣ? Кто, какъ великія свѣтила-звѣзды, блеститъ на умственной

тверди? Отпрыски ли благородной крови? Сыны ли богатства, утопающіе въ роскоши, которые вступаютъ въ жизнь по дорогѣ, устланной мягкимъ ковромъ, не встрѣчая никакого противодѣйствія со стороны несчастія, скудости и злополучія? Нѣтъ, это люди низкаго происхожденія; колыбели ихъ качались въ маленькихъ хижинахъ, судьба ежеминутно вызывала ихъ на бой, изъ котораго они выходили невредимыми только благодаря Божьему милосердію и своей энергіи; они сами должны были проложить себѣ дорогу посреди глухаго лѣса и неутомимо работать для своего возвышенія надъ толпою съ такимъ жаромъ, который никогда не можетъ быть охлажденъ, и съ такимъ постоянствомъ, которое ставитъ ни во что́ все то, что́ уже сдѣлано, пока хоть самая ничтожная доля остается неисполненною.

Нѣкоторыя люди предполагаютъ, что при хорошемъ правительствѣ, при общественныхъ реформахъ, при основаніи хорошихъ учебныхъ заведеній, при различныхъ ассоціаціяхъ работниковъ и ремесленниковъ ихъ собственное положеніе улучшится. Но самыя прекрасныя учрежденія не могутъ принести человѣку дѣйствительной помощи. Разумные законы могутъ только помочь ему извлечь плоды изъ его познаній; но законы не могутъ сдѣлать лѣнтяя — ученымъ, мота—предусмотрительнымъ, и пьяницу — трезвымъ. Великое зло девятнадцатаго столѣтія, говорятъ наши реформаторы, есть возвышеніе частной жизни въ ущербъ общественной, и никакое законодательство не можетъ уничтожить или по крайней мѣрѣ уменьшить его, пока какая-нибудь сила не вырветъ его съ корнями. Говорятъ, что когда президентомъ въ лондонской академіи искусствъ былъ Фёзели, то во время занятія учениковъ онъ читалъ газеты, изрѣдка только дѣлая имъ какія-нибудь замѣчанія. «Я думаю, что онъ совершенно вѣрно поступаетъ —сказалъ его лучшій ученикъ Лисли—потому что студентамъ, имѣющимъ

дарованіе, довольно только дать образецъ, и они сейчасъ поймутъ въ чемъ дѣло; лишенные же способностей, не смотря на всевозможныя лекціи, ничего не сдѣлаютъ, слѣдовательно это только лишняя трата словъ. Искусство можетъ быть изучаемо, но никогда не преподаваемо». То, что Лисли говоритъ относительно живописи, совершенно справедливо относительно другихъ предметовъ. Жизнь хотя очень строгій, но самый лучшій школьный учитель, потому что онъ заставляетъ человѣка быть своимъ собственнымъ наставникомъ и даетъ ему такое практическое воспитаніе, какого ни школы, ни университеты, ни коллегіи не въ состояніи ему дать. Самое большое искусство воспитанія—это научить другихъ учиться, и это правило нисколько не противорѣчитъ афоризму такъ часто повторяемому, что самоучащійся человѣкъ имѣетъ своимъ наставникомъ всегда весьма несвѣдущаго преподавателя; подъ словомъ самоучащійся разумѣется тотъ человѣкъ, которому неизвѣстны работы другихъ людей и который, вслѣдствіе этого, не можетъ воспользоваться ихъ трудами въ искусствѣ или въ наукѣ и долженъ ограничиться своими собственными открытіями. Бульверъ справедливо замѣтилъ, что въ отношеніи ума, какъ и въ отношеніи возраста, мы бываемъ сперва дѣтьми и уже потомъ мало по малу дѣлаемся взрослыми.

Еще повторяю, что не помощь, а препятствія, и не легкость, а трудность производятъ людей. Бетховенъ сказалъ про Россини, что онъ былъ бы отличнымъ музыкантомъ, еслибы мальчикомъ былъ хорошенько высѣченъ; но онъ былъ испорченъ легкостью, съ которой онъ составлялъ свои пьесы.

Нужно прежде растереть цвѣтокъ для того, чтобъ онъ испустилъ все свое благоуханіе, или чтобы заставить пѣть щегленка, надо выколоть ему глазъ каленою стрѣлою; при такихъ же страданіяхъ, необходимыхъ для полнаго пробужденія бле-

стящаго генія, большинство людей достигаетъ успѣха. Одинъ музыкантъ сдѣлалъ очень остроумное замѣчаніе насчетъ одной актрисы: «Она поетъ хорошо, но ей недостаетъ кое-чего, а это кое-что и есть самое важное — въ ней нѣтъ страсти. Еслибъ я былъ холостъ, то я посватался бы за нее, женился бы, сталъ бы дурно съ ней обращаться, надорвалъ бы ея сердце, и черезъ шесть мѣсяцевъ она сдѣлалась бы величайшею пѣвицею». Одинъ великій государственный человѣкъ сказалъ однажды, что міромъ слишкомъ много управляютъ. Въ наше же время лучше сказать, что его слишкомъ много лечатъ, ему даютъ принимать пилюли и обходятся съ нимъ, какъ съ инвалидомъ. Вмѣсто того, чтобы быть здоровымъ и крѣпкимъ, онъ находится въ условіяхъ больнаго. Подобно англійскому королю Якову I, сдѣлавшемуся безсильнымъ подъ тяжестью своего вооруженія, люди погибаютъ подъ своими латами, щитами и стрѣлами, которыми они охраняютъ себя отъ непріятеля. Различнаго рода пріюты, госпитали, больницы неминуемо усиливаютъ то зло, излечить которое они имѣютъ своею цѣлью. Въ настоящее время, напримѣръ, беззаботные родители сколько угодно могутъ пренебрегать воспитаніемъ своихъ дѣтей, отлично зная, что послѣднія найдутъ себѣ какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи убѣжище въ пріютѣ для сиротъ или въ какой-нибудь исправительной школѣ.

Нравственное разслабленіе ведетъ за собою и умственное. Люди постепенно перестаютъ думать; какъ жители Альповъ переносятъ чрезъ горы на своихъ спинахъ путешественниковъ, точно также наставники возносятъ своихъ питомцевъ на альпійскія вершины знанія. Какъ посредствомъ дѣйствія пара насъ, сонныхъ или бодрствующихъ, переносятъ въ деревню или въ столицу, такъ точно мы надѣемся, что книги безъ нашего участія приведутъ насъ въ метрополію науки. Наши лога-

ріомы помѣщаются въ механическомъ ящикѣ, вертя рукоятку котораго мы производимъ различныя вычисленія; мы учимся химіи, вдыхая увеселяющій газъ; мы погружаемся въ воду съ подвязанными пузырями и говоримъ, что мы плаваемъ. Еще бо́льшей порчѣ подверглось физическое состояніе извѣстнаго класса людей чрезъ лѣность, которая такъ въѣлась въ ихъ природу, что они буквально опасаются сдѣлать лишній шагъ, такъ что во всѣхъ извѣстныхъ отеляхъ устроены подъемныя кресла, чтобы господа съ пауко-образными ногами и ихъ томныя дамы не трудились всходить и спускаться съ лѣстницы. Остается только изобрѣсти машину, которая раздѣвала бы и укладывала въ постель подобнаго рода господъ и госпожъ, и чтобы по утру, посредствомъ поворота рукоятки этой машины, они могли бы являться къ завтраку, безъ всякаго съ ихъ стороны содѣйствія, совершенно одѣтыми, вымытыми и причесанными.

Теперь возвратимся къ тому, какіе труды зависятъ собственно отъ человѣка. По словамъ покойнаго сэра Томаса Фовеля Бокстона, человѣкъ, долго и сосредоточенно трудившійся и потерпѣвшій полнѣйшую неудачу, вовсе не долженъ изъ этого заключать, что онъ не въ состояніи сдѣлать ничего во славу Божію и для блага общества. Все молодое поколѣніе должно принимать къ сердцу эти слова. На сколько справедливо то, что не всѣ люди способны сдѣлаться Рафаэлями и Шекспирами и явить въ свѣтъ произведенія подобныя «Потерянному Раю» Мильтона или «Принципамъ» Ньютона, на столько же справедливо, что въ каждой личности можно найти зародыши какихъ-нибудь такихъ сѣмянъ, которыя рано или поздно должны развиться и будутъ имѣть сильное вліяніе на обширномъ земномъ пространствѣ. Вы жалуетесь на ваши слабыя способности—мы же говоримъ, что никакой талантъ, никакая способность не можетъ быть измѣряема талантомъ или способностью реципіента. Развѣ

прекрасные дубовые лѣса не заключались прежде въ желудяхъ? Развѣ не погонщикъ верблюдовъ основалъ новую религію и измѣнилъ границы имперіи? Развѣ папа Григорій VII не былъ сыномъ каменщика, Сикстъ V пастухомъ и Андріанъ VI лодочникомъ? Развѣ Коперникъ не былъ сыномъ булочника и Кеплеръ сыномъ трактирщика? Развѣ не простой монахъ раздѣлилъ католическую Церковь, а простой сельскій житель своимъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія не произвелъ революціи въ умственномъ взглядѣ общества. Развѣ вы никогда не слышали о Клэрксонѣ, который, прочитавъ однажды брошюру о торговлѣ неграми и пораженный страшными жестокостями, сдѣлался, не смотря на презрѣніе и насмѣшки со стороны другихъ людей, ревностнымъ противникомъ этого постыднаго торга и далъ себѣ обѣтъ всю свою жизнь способствовать его искорененію? Не читали ли вы о фабрикантѣ Кобденѣ, который только своею устойчивостью опрокинулъ въ нѣсколько лѣтъ давно изобрѣтенную и глубоко укоренившуюся торговую систему британскаго королевства. Не читали ли вы когда-нибудь исторію Аркрайта, который былъ по ремеслу цирульникъ и получилъ весьма ничтожное образованіе, но блестящія изобрѣтенія механическаго генія котораго вывели Англію побѣдительницею изъ войнъ французской республики, и за этими изобрѣтеніями признано въ настоящее время гораздо болѣе значенія, чѣмъ за всѣми англійскими колоніями отъ Индостана до Лабрадора? Исторія, изобилуя такого рода примѣрами, показываетъ, что великія дѣла могутъ быть исполняемы повидимому пигмеями, и что всякій общественный карликъ, вовлеченный въ хорошее дѣло, можетъ сдѣлаться въ нравственномъ отношеніи Геркулесомъ.

Есть другіе люди, которые, не выполняя добросовѣстно своихъ обязанностей, постоянно толкуютъ о томъ, что́ они сдѣлали бы при счастливыхъ обстоятельствахъ. При счастливыхъ

обстоятельствахъ! А развѣ отпечатокъ или признакъ величія человѣка не есть его превосходство надъ обстоятельствами и умѣніе подчинить ихъ своей волѣ, а не сдѣлаться самому ихъ рабомъ. Обстоятельства, кажущіяся такими опасными врагами малодушнымъ людямъ, справедливо можно назвать инструментами, которыми работаютъ, или ступенями лѣстницы, при посредствѣ которыхъ подымаются наверхъ. Такъ Люисъ въ «Жизни Гёте», вмѣсто того, чтобъ объяснять, что человѣкъ есть созданіе обстоятельствъ, говоритъ, что человѣкъ есть архитекторъ своихъ обстоятельствъ. «Наша сила измѣряется нашею образовательною способностью. Изъ одного и того же матеріала одинъ человѣкъ строитъ дворцы, другой хижины; одинъ амбары, другой загородныя дачи; кирпичъ и известка всегда останутся кирпичемъ и известкою, пока опытный архитекторъ не возьмется за нихъ. Случается часто, что изъ одного и того же семейства и при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ одинъ воздвигаетъ себѣ великолѣпныя зданія, а другой живетъ посреди развалинъ. Гранитная скала, загораживающая путь слабому, служитъ ступенью къ успѣху рѣшительному. Трудности, приводящія въ отчаяніе одного человѣка, укрѣпляютъ другаго, который смотритъ на нихъ какъ на вещи побѣдимыя или какъ на опасную мель, миновавъ которую можно благополучно прибыть на прочную почву успѣха».

Архимедъ сказалъ: «Дайте мнѣ точку опоры и я переверну весь свѣтъ». Гёте же измѣнилъ это предложеніе и сказалъ: «Сдѣлай себѣ точку опоры и переверни свѣтъ». Одинъ журналистъ, говоря о поэмѣ Артура Кло, замѣчаетъ, что «онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые постоянно составляютъ планы, но не приводятъ ихъ въ исполненіе, и принадлежалъ къ извѣстному классу писателей ненаписанныхъ поэмъ, недоказанныхъ открытій и неиспытанныхъ способностей, о которыхъ они много говорятъ ранѣе появленія ихъ въ

свѣтъ. И эти произведенія надо замѣтить, къ несчастію никогда непоявляются». Свѣтъ наполненъ людьми, которые только кормятъ другихъ обѣщаніями.

Говорятъ, что когда товарищи-студенты насмѣхались надъ усиленными занятіями Джона Калоуна, то онъ отвѣчалъ: «Я долженъ оправдать довѣріе, возлагаемое на меня, потому что еслибъ я зналъ, что я черезъ три года не буду представителемъ націи, то я сейчасъ же оставилъ бы коллегію». Я совѣтую всѣмъ молодымъ людямъ имѣть такую же сильную вѣру въ самихъ себя и не искать опоры. Пусть они, какъ Песталлоци, думаютъ, что человѣкъ не хочетъ и не можетъ никогда помочь другому. Пусть они лучше будутъ создателями, нежели наслѣдниками, лучше отказываютъ наслѣдство, а не получаютъ его. Вмѣсто того, чтобы пользоваться прадѣдовскимъ щитомъ, пусть они выкуютъ себѣ собственное оружіе и имъ сражаются. Пусть они, вмѣсто того, чтобы вздыхать о богатствѣ, о воспитаніи, о друзьяхъ, и говорить, что имѣя все это они могли бы быть чѣмъ-нибудь. сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ хотятъ быть, и не берутъ примѣра съ нѣкоторыхъ героевъ, постоянно спрягающихъ глаголъ въ условномъ наклоненіи: еслибы, когда бы, могъ бы, сдѣлался бы и т. д., а пусть лучше спрягаютъ его въ повелительномъ наклоненіи. Слѣдуя правилу самонадѣянности всякій человѣкъ найдетъ въ себѣ зародыши талантовъ, которые онъ и разовьетъ.

Мы придаемъ большое значеніе самонадѣянности и рѣшительности, тѣмъ болѣе, что примѣненіе этихъ качествъ посреди общества, въ которомъ мы живемъ, встрѣчаетъ много затрудненій. Всѣ люди, живущіе въ обществѣ, испытываютъ общественную тиранію, всѣ они въ нравственномъ отношеніи рабы того положенія, которое они занимаютъ, или того круга, къ которому они принадлежатъ, и только немногіе изъ героевъ подымаются въ атмосферу свободы,

гдѣ они осмѣливаются высказывать свои мысли вмѣсто чужихъ. Общественныя привычки диктуютъ намъ, каковы должны быть наши удовольствія, убранство дома, образъ жизни, одежда и воспитаніе нашихъ дѣтей. Они намъ говорятъ, что́ мы должны ѣсть, пить, когда ложиться, когда вставать, какимъ предметамъ давать преимущество, гдѣ проводить лѣтніе мѣсяцы и даже о чемъ думать. Джемсъ Россель Ловель остроумно и совершенно справедливо замѣтилъ, что общественный кодексъ законовъ гораздо строже синайскаго. Весьма сомнительно, чтобъ такого рода положеніе вещей могло быть полезно людямъ. Всѣ дѣйствія людей подводятся подъ одну общую мѣрку, такъ что очевидно, что подчиненіе общественнымъ правиламъ покупается дорогою цѣною, именно великими жертвами личной способности и личнаго характера. Развѣ не часто мы ради пустыхъ правилъ облекаемся въ форменный мундиръ мысли и рѣчи? Развѣ мы не способны вслѣдствіе ихъ сдѣлаться кирпичами въ стѣнѣ, которые совершенно похожи другъ на друга.

Мы смѣемся надъ китайцами, которые, ради привычки, уродуютъ себѣ ноги; надъ индѣйцами, сплющивающими себѣ голову; но эти привычки не приносятъ такого существеннаго вреда, какъ нашъ общественный деспотизмъ. Мы презираемъ австралійскихъ дикарей, которые татуируютъ себѣ лицо; а развѣ мы сами не повинуемся рабски модѣ на одежду и не носимъ платья, которое совершенно насъ обезображиваетъ. Въ своемъ произведеніи «Свобода» сэръ Д. С. Милль совершенно справедливо говоритъ, что если въ нашъ вѣкъ человѣкъ осмѣлится самостоятельно думать и дѣйствовать, то этимъ онъ окажетъ весьма большую пользу другимъ людямъ. Именно вслѣдствіе того, что общественная тиранія преслѣдуетъ эксцентричность, очень желательно, чтобъ для уничтоженія тираніи народъ былъ эксцентриченъ. Эксцен-

тричность всегда находится въ прямомъ отношеніи съ силою характера, и сумма эксцентричности общества прямо пропорціональна суммѣ генія, умственной силѣ и нравственной храбрости, такъ что малое число осмѣливающихся быть эксцентричными обозначаетъ главную современную опасность.

# ГЛАВА VII.

## Самобытность въ цѣляхъ и въ средствахъ.

> Человѣческія способности неистощимы; ничто не можетъ быть сдѣлано однимъ человѣкомъ такъ хорошо, чтобъ другой человѣкъ не могъ это же самое сдѣлать лучше. Нѣтъ усилій науки или искусства, которыя не могутъ быть превзойдены; нѣтъ глубины философіи, которую нельзя было бы глубже измѣрить; нѣтъ полета воображенія, котораго невозможно было бы опередить быстрымъ движеніемъ крыльевъ.
>
> *Р. В. Эмерсонъ.*

Въ тѣсной связи съ самонадѣянностью находится другое качество, необходимое для успѣха, именно самобытность въ цѣляхъ и средствахъ, или избѣжаніе подражанія. Для этого необходимо спеціальная разработка какого-нибудь предмета. Необходимо найти новый недостатокъ общества, какой-нибудь благотворный источникъ пользы или славы, какую-нибудь неизвѣстную почву для занятій и энергически взяться за нее. Спеціальность есть дорога, ведущая къ благосостоянію, но то, чѣмъ вы торгуете—мелочными ли вещами или рѣчами, кирпичами или законными доказательствами, —должно быть или по крайнѣй мѣрѣ казаться феноменомъ. Выше или ниже посредственности, эти вещи постоянно должны быть единственными, исключительными. Чтобы сбыть выгодно ваши товары, вамъ необходимо имѣть извѣстность,

которую вы только и можете пріобрѣсти спеціальными занятіями чѣмъ-нибудь. Напримѣръ, перчаточникъ Александръ пріобрѣлъ извѣстность въ Парижѣ особенною работою лайковыхъ перчатокъ; имя Фабера, приготовляющаго карандаши, знакомо всѣмъ; Мэзонъ, занявшійся приготовленіемъ ваксы, достигъ того, что его имя блеститъ повсюду, какъ чищенные его ваксою сапоги. Стьюардъ, имѣя для себя опорою свои скудные пожитки, нажилъ милліоны, сдѣлался Крезомъ и исполиномъ въ торговомъ дѣлѣ.

Примѣшивайте вашъ мозгъ къ вашимъ занятіямъ, если вы хотите успѣть, какъ Опей художникъ дѣлалъ со своими красками. Воспринимайте новыя идеи вашимъ умомъ и идите наравнѣ со временемъ, а если возможно то и впереди его. Ничего нельзя назвать болѣе роковымъ для самовозвышенія, какъ глупый консерватизмъ и рабское подражаніе. Въ настоящее время, при развитіи безграничнаго соперничества, для достиженія вашихъ цѣлей вы должны непремѣнно мыслить сами за себя и въ особенности вырабатывать въ себѣ гибкость и перемѣнчивость. Времена, въ которыя человѣкъ, только прилежно работая, безъ предпріимчивости и безъ полнаго участія умственныхъ способностей, могъ сдѣлаться богатымъ, теперь прошли. Одного прилежанія и экономіи недостаточно, необходимъ умъ и самобытность мысли.

Каково бы ни было ваше призваніе, изобрѣтательность, примѣненіе ее къ дѣлу и быстрая рѣшительность должны направлять вашу силу. Если вы не находите рынковъ, вы должны сами сдѣлать ихъ. Для занятій вы вовсе не обязаны изучать много книгъ, а должны знать предметъ вашей торговли и людей; вы можете быть медленными въ логикѣ, но вамъ необходимо набрасываться на случай, какъ репаловъ набрасывается на червяка. Вы можете придерживаться вашей колеи въ политикѣ и ре-

лигіи, но въ занятіяхъ постоянно надо избирать новые пути и приноравливаться ко всевозможнымъ требованіямъ.

Въ литературѣ въ особенности необходимо быть феноменомъ. Чтобъ пріобрѣсти вашему имени извѣстность, вы должны что-нибудь сдѣлать или сказать, заслуживающее быть сдѣланнымъ или сказаннымъ. Авторы часто говорятъ о трудности быть оригинальнымъ, высказать что-нибудь дѣльное, невысказанное раньше и лучше милліонами писателей; недостатокъ въ оригинальныхъ книгахъ, т. е. въ такихъ, которыя не были бы составлены, какъ составляютъ въ аптекѣ лекарство, по рецепту, т. е. сокращая многотомныя книги или дѣлая изъ нихъ выписки, вполнѣ подтверждаетъ ихъ слова.

Другое доказательство этого же мнѣнія есть размноженіе подражательныхъ сочиненій. Едва только выйдетъ хорошая оригинальная книга, какъ ее берутъ за образецъ, и многіе сочинители начинаютъ писать въ этомъ же родѣ. Появленіе превосходной сатиры Ботлера: «Nothing to Wear», вызвало множество подражаній; за *Ecce Homo* послѣдовало *Ecce Deus Homo* и множество другихъ безцвѣтныхъ копій великаго оригинала. Такого рода сочиненія, будучи подражательными, лишены главной прелести произведеній: въ нихъ ощущается большой недостатокъ вдохновенія, вслѣдствіе чего они стоятъ гораздо ниже оригиналовъ. Эхо всегда слабѣе самаго звука, и Квинтиліанъ справедливо сказалъ, что тотъ, кто слѣдуетъ за кѣмъ-нибудь, всегда долженъ идти позади другаго. Когда, наконецъ, подражательные писатели отрекутся отъ вороньяго тщеславія рядиться въ чужія перья? Когда они будутъ идти своимъ путемъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать по слѣдамъ другихъ. Когда они наконецъ поймутъ, что хорошая книга есть цистерна, въ которую человѣкъ изливаетъ всѣ свои мысли и чувства, накопившіяся въ немъ въ продолженіе многихъ годовъ, свою жизненную опытность, и

что такую книгу человѣкъ не можетъ написать въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ? Когда наконецъ они оставятъ автора, воспламеняющаго общество своимъ образцовымъ произведеніемъ, и будутъ удивляться ему, а не красть его почестей и не отвращать общество безсмысленнымъ подражаніемъ его мыслямъ и слогу?

Мы произносимъ безпощадный приговоръ надъ каждымъ произведеніемъ, которое можно назвать подражательнымъ. Пусть лучше можно будетъ про него сказать, какъ сказалъ Тоучстонъ про свою жену: «Это неблаговидная вещь, но по крайней мѣрѣ моя собственность». Лучше не имѣть особеннаго блеска, чѣмъ заимствовать его отъ другихъ. Если вы принимаетесь за какое-нибудь сочиненіе, то вы всегда должны проводить въ немъ ваши собственныя идеи и никогда не ставить авторитетомъ себѣ другаго писателя, говорившаго уже объ этомъ предметѣ. Но до вступленія вашего на литературное поприще разсмотрите повнимательнѣе, что происходитъ въ вашей душѣ; если вы чувствуете недостатокъ идей, или если онѣ не ваши собственныя, а заимствованы отъ другихъ, то полезнѣе вамъ совсѣмъ покончить съ авторствомъ; лучше сдѣлайтесь хорошимъ башмачникомъ, шляпочникомъ, каменьщикомъ, однимъ словомъ всѣмъ, къ чему только имѣете способность. Но если сама природа создала васъ быть авторомъ, то вы должны явить на свѣтъ ваши сокровенныя руды и драгоцѣнные камни и дать имъ блескъ. Впрочемъ, обыкновенно мы не можемъ требовать невозможной оригинальности. Мальчикъ, отдыхающій на камнѣ, послужилъ Торвальдсену образцомъ для его Меркурія; но это нисколько не отнимаетъ отъ него славы геніальнаго скульптора. Самый самобытный писатель почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ множества источниковъ; но онъ, какъ пчела, собирающая медъ изъ разныхъ цвѣтовъ и придающая ему особенный вкусъ, котораго вы не найдете ни въ одномъ

цвѣткѣ, долженъ провести свою собственную идею чрезъ всѣ заимствованныя имъ мысли, прежде чѣмъ онъ представитъ свое произведеніе на судъ общества, точно такъ же, какъ старая монета должна быть расплавлена и вновь отчеканена, и тогда только можетъ быть снова пущена въ обращеніе. Талантливый писатель не можетъ быть слѣпымъ подражателемъ идей и слога другаго, и даже еслибъ вы его принуждали къ этому, то это было бы для него величайшимъ трудомъ. Его слогъ и идеи преобладаютъ въ немъ, и онъ не можетъ заимствовать ихъ отъ другихъ, точно такъ же, какъ не можетъ идти не своею поступью и носить чужое платье.

Каждый писатель, работающій для извѣстности или для славы, долженъ слѣдовать совѣту, данному одному плохому оратору Питтомъ: «Если ты хочешь успѣть, то говори постоянно своимъ естественнымъ языкомъ». Эмерсонъ устрашилъ свѣтъ своимъ эмерсонизмомъ, а вовсе не какъ эхо Карлейля, какъ многіе это предполагаютъ, потому что Эмерсонъ совершенно оригинальный писатель. Едгаръ Поэ, не смотря на всѣ свои личныя ошибки, увѣковѣчилъ свое имя на пергаментѣ американскихъ авторовъ. Куперъ пріобрѣлъ громкую извѣстность романиста, несмотря на то, что въ его произведеніяхъ столько же ошибокъ, сколько звѣздъ на тверди небесной, и между тѣмъ тысячи писателей съ одинаковыми съ нимъ способностями остаются совершенно неизвѣстными, вслѣдствіе того, что они стараются не походить на самихъ себя. Каждый знаетъ, сколько Вальтеръ Скоттъ нашелъ себѣ подражателей и какъ мало по малу черезъ цѣлое царство пѣсней возвысилась восточная династія подъ главнымъ визирствомъ Байрона. Тысячи плохихъ рифмачей жадно набросились на нее. Но что сталось теперь съ этими поэтами? Увы, цѣлая куча романсовъ, по шести пѣсень въ каждомъ, съ историческими замѣчаніями, отошла въ на-

стоящее время въ страну полнаго забвенія, а если нѣкоторые и теперь живутъ, то они обязаны своимъ существованіемъ милости различныхъ пирожниковъ и лоскутниковъ.

Мы не должны быть на столько нелѣпы, чтобъ ставить себя наравнѣ съ громовержцемъ-Юпитеромъ, такъ какъ мы у него же заимствуемъ громъ, но какъ мы можемъ требовать уваженія отъ свѣта, когда мы не уважаемъ самихъ себя? Наше собственное *я* должно всегда быть нашимъ идоломъ. Будьте увѣрены въ самихъ себѣ и свѣтъ будетъ вѣрить вамъ.

Вашъ собственный талантъ будетъ все болѣе и болѣе развиваться, между тѣмъ какъ чужимъ талантомъ вы можете обладать далеко не въ совершенствѣ. Не безпокойтесь, что вашъ образъ мыслей выдѣляется изъ взглядовъ современнаго вамъ общества и вызываетъ критику, потому что только этимъ вы и сдѣлаетесь извѣстнымъ. Если вы горбаты или у васъ косые глаза, то тѣмъ лучше для васъ: вы будете по крайней мѣрѣ отличаться отъ другихъ двуногихъ животныхъ. Если у васъ красные волосы—оставьте; васъ будутъ звать красноволосымъ Смитомъ или Броуномъ и васъ не смѣшаютъ съ другими Смитами или Броунами.

Если добросовѣстный писатель замѣтитъ въ себѣ внутреннюю пустоту, то пусть лучше онъ остается нѣмымъ; если же у него есть талантъ, то, напротивъ, онъ долженъ смѣло и самоувѣренно развернуть его передъ обществомъ. Не толпа рабскихъ подражателей, старающихся копировать тонъ, видъ и походку своего великаго оригинала, пріобрѣтаетъ авторскую извѣстность. «Шекспиръ—говоритъ Эмерсонъ—никогда не былъ бы самимъ собою, еслибъ онъ изучалъ себя. Сципіонизмъ Сципіона есть именно та часть, которую онъ ни отъ кого не занялъ».

Пусть молодой авторъ пробиваетъ себѣ дорогу своими

собственными убѣжденіями и работаетъ ради своихъ идей, если онъ хочетъ увѣковѣчить свое имя. «Знать свои собственныя цѣли — говоритъ Гёте — есть первое дѣло, и затѣмъ ихъ мужественно преслѣдовать, не заглядывая ни вправо, ни влѣво, ни впередъ, ни назадъ — есть великая тайна авторства».

Лэди Марія Уортлей Монтегю говоритъ, что во время своихъ многочисленныхъ путешествій она встрѣчала только два класса человѣческихъ существъ: женщинъ и мужчинъ; другихъ подраздѣленій она не признаетъ. Но какъ бы ни было сильно родовое сходство между различными умами, несомнѣненъ однако тотъ фактъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть свои особенности, свой образъ мыслей, который и отличаетъ его рѣзко отъ другихъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ тѣлесномъ отношеніи.

Если писателю не удается возбудить сочувственной струны въ обществѣ, то причиной этому недостатокъ самонадѣянности, безъ которой онъ, какъ попугай, будетъ повторять слова другихъ, а не предъявитъ намъ дѣятельности своего мозга и не заклеймитъ свои произведенія своею собственною личностью.

# ГЛАВА VIII.

## Вниманіе къ мелочамъ.

Послѣ публикаціи депешъ Веллингтона одинъ изъ его друзей, прочитавъ его донесенія объ индійской кампаніи, сказалъ: «Мнѣ кажется герцогъ, что вашимъ главнымъ занятіемъ въ Индіи было добываніе риса и охота за быками».

«Это такъ и было—возразилъ Веллингтонъ—такъ какъ, имѣя рисъ и быковъ, я могъ имѣть людей, а имѣя людей я зналъ, что я могу разбить непріятеля.

*«Характеръ» Самуэля Смайльса.*

Еще необходимый элементъ для успѣха есть вниманіе къ мельчайшимъ подробностямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ спросили одного восточнаго купца, собравшаго большія богатства, чему онъ приписываетъ свой успѣхъ. Счастливому ли случаю?—«Нѣтъ—отвѣчалъ онъ—потому что многіе люди были счастливѣе меня, а они не пріобрѣли богатства».—Трудолюбію ли?—«И то нѣтъ: нѣкоторые были прилежнѣе меня, а между тѣмъ они остались бѣдняками». —Энергіи?—«Только отчасти, такъ какъ иногда самые энергическіе люди терпятъ неудачу въ своемъ предпріятіи. Единственное обстоятельство, которое я считаю источникомъ моего благосостоянія, это постоянное вниманіе, обращаемое мною на малѣйшія подробности дѣла». Многіе дѣловые люди довольствуются только распредѣленіемъ занятій и считаютъ

свои обширные замыслы несовмѣстимыми съ зоркимъ наблюденіемъ за второстепенными частями предмета; они предоставляютъ исполненіе своихъ проектовъ своимъ подчиненнымъ, и въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что планы эти рушатся, вслѣдствіе нерадѣнія исполнителей, а составители этихъ плановъ остаются навсегда у подножія лѣстницы.

Развѣ ежедневное наблюденіе не подтверждаетъ этого замѣчанія? Отчего богато-одаренные люди чаще всего терпятъ полныя неудачи, какъ не оттого, что они не обращаютъ вниманія на подробности предмета? Они съ энтузіазмомъ ухватываются за занятія, но потомъ съ отвращеніемъ отвертываются отъ сухихъ подробностей и ломовой работы, необходимой для усовершенствованія ихъ занятій. Свѣтъ наполненъ людьми, у которыхъ всѣ блестящія качества ума заглушаются однимъ недостаткомъ, именно отсутствіемъ вниманія, которое должно обращать на подробности предмета. Часы приблизительно полны, но имъ недостаетъ только стрѣлокъ; пушка сдѣлана, только въ ней нѣтъ затравки. Такіе люди обыкновенно оплакиваютъ свою судьбу, между тѣмъ, серьозно говоря, они и недостойны лучшей участи; не умѣя справиться съ малымъ въ жизни, могутъ ли они совершить что-нибудь великое? Можетъ ли матросъ, неумѣющій управлять весломъ и канатомъ, плакаться на то, что его не дѣлаютъ капитаномъ корабля? Изъ всего этого можно заключить, что въ каждомъ занятіи необходима любовь къ подробностямъ. Этотъ элементъ необходимъ для исполненія плановъ, для совершенства рисунковъ, для энтузіазма намѣреній, однимъ словомъ онъ необходимъ вездѣ; онъ составляетъ различіе между практическимъ человѣкомъ, приводящимъ въ исполненіе свои планы, и пустымъ фантазеромъ, между Стефенсономъ, создавшимъ паровозъ, и его предшественниками, имѣвшими эту счастли-

вую мысль, но неосуществившими ее. Въ литературѣ также крайне необходимо добросовѣстное и прилежное вниманіе къ подробностямъ; такъ, напримѣръ, хорошій слогъ, выборъ и постановка словъ играютъ далеко не послѣднюю роль въ сочиненіи. Точно также и въ искусствѣ. Отчего, любуясь коллекціями картинъ прежнихъ художниковъ, на насъ производитъ глубокое впечатлѣніе законченность ихъ работы, которая есть слѣдствіе добросовѣстной обработки мелкихъ частей предмета, такъ напр. ногъ, рукъ, глазъ, и которая придаетъ красоту всему цѣлому.

Если только адвокатъ пренебрежетъ малѣйшими, повидимому, обстоятельствами своего дѣла, то онъ можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что онъ проиграетъ его, потому что самый существенный фактъ, главный ключъ ко всему дѣлу можетъ при этомъ ускользнуть отъ его вниманія. Если нотаріусъ пропуститъ при совершеніи акта какія-нибудь, съ перваго взгляда кажущіяся незначительными слова, то онъ втянетъ своихъ кліентовъ въ тяжбу и можетъ подвергнуть ихъ потерѣ собственности.

Всѣ достигшіе успѣха люди обладали не только силою воли, но и вниманіемъ къ подробностямъ. Подобно хоботамъ слоновъ, они могли двигать огромныя тяжести и подымать булавки съ земли. Знаменитый нью-іоркскій адвокатъ Даніэль Кэди неутомимо работалъ надъ подробностями дѣла и вслѣдствіе этого пріобрѣлъ громадную извѣстность и популярность. Архитекторъ флорентинскаго собора, считающагося однимъ изъ чудесъ Италіи, Брунеллечи не ограничился только обработываніемъ плана, а самъ лично наблюдалъ за кладкою каждаго кирпича въ куполѣ и даже прежде чѣмъ положить его освѣдомлялся о его тяжести.

То же самое мы видимъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ. Тотъ только генералъ пріобрѣтаетъ извѣстность и награждаетъ побѣдою свой народъ, который терпѣливо вникаетъ во

всѣ подробности военной тактики и ставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность заботу о пищѣ, объ одеждѣ и о здоровьѣ своихъ солдатъ. Обязанности генерала очень трудны и разносторонни. Когда вы покоитесь на мягкой постели, онъ отдыхаетъ на голой землѣ, въ сырой одеждѣ, досаждаемый москитосами, безъ ужина и съ головною болью. Онъ долженъ самъ наблюдать за провіантомъ, за физическимъ и нравственнымъ состояніемъ солдатъ, долженъ поглощать печали и переваривать оппозицію. Даже въ самое короткое время отдыха мысли его поглощены военными задачами. Онъ перечитываетъ исторію битвъ древнихъ или новѣйшихъ временъ, и пріурочиваетъ ихъ къ сраженію, которое намѣревается дать. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока труды его и лишенія не увѣнчиваются полнымъ торжествомъ, за которое народъ неистово рукоплещетъ ему и, надсаживая горло громкими ура, даетъ ему имя великаго побѣдителя.

Въ чемъ заключается тайная причина блестящихъ побѣдъ Наполеона? Развѣ не въ томъ вниманіи, которое онъ обращалъ на малѣйшія подробности предмета. Онъ имѣлъ два главныя качества: экономію во времени и свое собственное наблюденіе за каждой частью предмета. Въ то время, когда другіе генералы ввѣрялись своимъ подчиненнымъ, онъ самъ лично слѣдилъ за движеніемъ войска, за коммисаріатомъ и за другими мелкими дѣлами. Его обширные и дерзкіе планы, которые могли бы считаться въ головѣ другаго человѣка пустыми мечтами, были приведены имъ въ исполненіе, благодаря усиленной работѣ надъ всѣми частями плана, какъ надъ главными, такъ и надъ второстепенными. Ни одинъ купецъ не придаетъ такого значенія своимъ пенсамъ и фартингамъ и не знаетъ такъ хорошо своей конторской книги, какъ герой Аустерлица зналъ число и силу солдатъ, лошадей, оружія и всѣ малѣйшія подробности снаряженія.

Мы видимъ какъ онъ самъ распредѣлялъ число лошадей и соотвѣтствующее число сѣделъ, какъ онъ раздавалъ башмаки солдатамъ, назначалъ раціоны хлѣба, сухарей и водки. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ спрашиваетъ Нея: получилъ ли онъ посланныя къ нему ружья; въ другомъ увѣдомляетъ Дарна, что солдатамъ арміи недостаетъ нижняго платья и что негдѣ его взять; въ третьемъ онъ жалуется великому герцогу Виртембергскому, что у солдатъ нѣтъ сабель; «пошлите одного офицера купить ихъ въ Познани. Имъ также недостаетъ киверовъ; прикажите ихъ сдѣлать въ Эльбингѣ». Въ четвертомъ онъ проситъ прислать болѣе аккуратные рапорты о позиціи дивизіи генерала Гарданна. «Рапорты моихъ армій — говоритъ онъ — изложенные въ письмахъ за 1806 годъ, составляютъ лучшую часть моей библіотеки; когда я получаю мѣсячные рапорты, то съ жадностью хватаю ихъ и свѣряю съ предъидущими; ни одна молодая дѣвушка не радуется столько новому роману, какъ я моимъ рапортамъ». Какъ слѣдствіе его вниманія къ малѣйшимъ подробностямъ, мы видимъ необычайную точность и пунктуальность въ дѣйствіяхъ его солдатъ; оттого различные отряды его арміи были всегда вовремя тамъ, гдѣ онъ желалъ ихъ въ это время видѣть. Число, пространство, время, все было размѣрено въ его головѣ. Умственно онъ видѣлъ движеніе каждаго эскадрона, до его уха доходили шаги каждаго солдата, далекій барабанный бой и пальба каждой пушки. Подтвержденіемъ сказаннаго служитъ кампанія 1805 года, описанная англійскимъ писателемъ. Въ этомъ году Наполеонъ, отвлеченный отъ борьбы съ англичанами третьей коалиціею, поспѣшилъ отправить отборную часть своего войска на Дунай. Какъ ни были обширны и разнообразны его проекты, тѣмъ не менѣе онъ не ограничивался только приказаніями, а самъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, и такія подробности, которыя показались

бы другимъ генераламъ слишкомъ незначительными, были тщательно имъ изслѣдованы. Прежде чѣмъ барабанный бой возвѣщалъ часъ отправленія войскъ, онъ обозначалъ на картѣ дороги, по которымъ должны были слѣдовать полки, день, въ который они должны прибыть на мѣсто остановки, день и часъ, въ который они должны были добраться къ мѣсту назначенія. Результатомъ такой предусмотрительности была побѣда при Аустерлицѣ, которая на десять лѣтъ рѣшила судьбу Европы. Слѣдовательно мы видимъ, что успѣхи Наполеона нельзя назвать случайными—они были заранѣе имъ приготовлены.

Точно такими же качествами обладалъ и противникъ Наполеона, герцогъ Веллингтонъ, которымъ онъ и обязанъ своимъ успѣхомъ. Онъ ни въ чемъ не полагался на счастіе, все было имъ во-время предусмотрѣно и приготовлено. Онъ точно также умѣлъ обращать свою энергію на мельчайшія подробности. Благодаря этому и обширности своего практическаго таланта, онъ не только одерживалъ блестящія побѣды, но имѣлъ рѣдкое преимущество никогда не потерять ни одного сраженія.

Точно то же мы видимъ въ генералахъ Шерманѣ и Томасѣ. Корреспонденція перваго во время послѣдней войны, опубликованная правительствомъ, показываетъ намъ, какъ онъ передъ своимъ великимъ походомъ на югъ изучалъ страну, въ которую онъ долженъ былъ отправиться, ее финансовыя средства, состояніе армій, народонаселеніе, народные обычаи — однимъ словомъ все, что имѣло какое-нибудь значеніе для вѣроятности успѣха его экспедиціи, такъ что, не бывъ еще въ странѣ, онъ очень хорошо ее зналъ по книгамъ. Про генерала Томаса его пріятель, генералъ Стидмэнъ, говоритъ намъ, что «онъ очень заботился о подробностяхъ битвы; въ сраженіяхъ же былъ такъ же неистовъ и пылокъ, какъ Джэксонъ. Ничто не мѣшало ему

быть совершеннымъ человѣкомъ. Никто не могъ внушить бо́льшаго энтузіазма своимъ солдатамъ, и я не знаю ни одного командующаго, который съумѣлъ бы съ такою силою направить всю свою армію на непріятеля, какъ генералъ Томасъ».

Странно, какъ послѣ такихъ сильныхъ доказательствъ люди продолжаютъ упорствовать въ своемъ пренебреженіи къ мелочамъ и какъ, слыша объ успѣхахъ дѣловаго человѣка болѣе прочныхъ, чѣмъ блестящихъ, они обыкновенно насмѣшливо говорятъ: «Онъ великій человѣкъ въ ничтожныхъ вещахъ?» Развѣ ничтожныя вещи въ совокупности не составляютъ великихъ вещей. Развѣ безчисленныя песчинки не образуютъ берега, деревья — лѣса, скалистые уступы — горы; развѣ миріады почти незамѣтныхъ звѣздъ, образуя млечный путь, не придаютъ небесамъ бѣлый оттѣнокъ? Развѣ человѣческое счастіе не состоитъ изъ ничтожныхъ вещей? «Главная причина—говоритъ Бентамъ—почему нашему существованію доступна такая незначительная доля счастія, есть та, что мы пренебрегаемъ собирать тѣ частицы удовольствія, которыя ежеминутно представляются намъ. Гонясь за суммой, мы забываемъ цифры, изъ которыхъ она состоитъ. Простирая руки къ небу, чтобы схватить оттуда звѣзды, человѣкъ забываетъ у себя подъ ногами множество разнообразныхъ, душистыхъ и прекрасныхъ цвѣтовъ».

# ГЛАВА IX.

## Практическій талантъ.

> And thus the native hue of resolution
> Is sicklied o'er with a pale cast of thought.
> *Shakespeare.*

Въ этой главѣ я буду говорить о новомъ элементѣ, необходимомъ для успѣха, именно о практическомъ талантѣ —необходимое качество, происходящее отъ соединенія основательнаго знанія съ догадливостью и смѣтливостью. Часто причиною неуспѣха бываетъ недостатокъ практическаго таланта. Теоретики по бо̀льшей части не обладаютъ практическою мудростію, а практическіе люди, наоборотъ, рѣдко обнаруживаютъ высокія умозрительныя способности. Обладаніе блестящими умственными качествами изъ ста случаевъ въ девяноста девяти служитъ намъ скорѣе преградою, чѣмъ помощію къ достиженію успѣха въ свѣтѣ. Если вы попытаетесь рѣзать бритвою камень, то вы этимъ лишь сломаете сталь, а камень останется всетаки неразрѣзаннымъ. Одного только высоко научнаго и классическаго образованія недостаточно для жизненной борьбы, необходимо практическое развитіе человѣка. Въ особенности вредно воспитаніе, которое округляетъ, полируетъ и уравновѣшиваетъ умъ. Люди, получившіе такое образованіе, дѣлаются

симметричными, въ нихъ нельзя замѣтить ни одной рѣзко выдающейся точки; въ то время, когда другіе люди, сознавая недостатки своего образованія, стараются пополнить его, они остаются при своемъ знаніи, котораго только и достаточно для того, чтобы отвратить сознаніе своего невѣжества. Вовсе не желательно, чтобы въ юношествѣ умъ былъ слишкомъ точно уравновѣшенъ; необходимо, чтобы при развитіи всѣхъ способностей молодаго человѣка непремѣнно выдавались двѣ, три характеристическія черты его характера. Молодые люди, занимающіеся долговременнымъ изученіемъ какого-нибудь предмета, бываютъ способны позабыть конечную цѣль жизни, которая состоитъ въ личной дѣятельности, а не въ чтеніи и критикѣ того, что было сдѣлано другими людьми. Эмерсонъ говоритъ намъ, что Англія наполнена большою, молчаливою толпою чистокровныхъ эллиновъ, которые украшаютъ свои рѣчи и чинятъ перья для своихъ ораторовъ и писателей, но которые, безъ побудительной причины, вслѣдствіе обширности своего ума и строгости своихъ вкусовъ, возбуждены противъ письма и разговора. Развѣ можно назвать такое образованіе правильнымъ? Развѣ нельзя, нисколько не сомнѣваясь, сказать, что оно парализуетъ энергію и обращаетъ творческія качества ума въ отрицательныя и критическія, и что такое образованіе скорѣе препятствуетъ, чѣмъ способствуетъ нашему успѣху въ свѣтѣ? Развѣ мы не ежедневно встрѣчаемъ полуобразованныхъ людей, съумѣвшихъ единственно съ помощью своего мужества и смѣлости стать выше этихъ высоко-ученыхъ, молчаливыхъ грековъ, которые вслѣдствіе своихъ сомнѣній, предчувствій, критической разборчивости, въ особенности самоуничиженія, проводятъ печально въ области мыслей свою жизнь незамѣчаемыми никѣмъ и не оставляя послѣ себя никакихъ памятниковъ. Совершенно справедливо, что творческому періоду литературы предшествуетъ критическій; точно то же

должно быть и въ человѣческой жизни. Небольшое ослѣпленіе, небольшая самоувѣренность, небольшое невѣдѣніе своихъ собственныхъ слабостей и недостатковъ крайне необходимы для того, кто хочетъ съ надеждою и мужествомъ воспользоваться успѣхомъ въ жизни. За исключеніемъ весьма немногихъ геніевъ, подобно кометамъ изрѣдка появляющихся на небесной тверди человѣчества, по бо́льшей части люди непылкіе, пасмурные, лишенные живаго воображенія, одаренные исполинскими способностями къ труду и терпѣніемъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, умѣющіе пользоваться ошибками своихъ болѣе одаренныхъ братьевъ, выплываютъ на поверхность жизненнаго океана, какъ въ игрѣ въ крокетъ выигрываетъ тотъ, кто крѣпче ударяетъ и скорѣе бѣгаетъ.

Не слѣдуетъ этого понимать въ превратномъ смыслѣ. Мы вовсе не хотимъ обезславить образованіе; безъ сомнѣнія умственное развитіе весьма важно, но только съ помощію практическаго знанія оно оказываетъ намъ существенную пользу. Опытность, заимствованная изъ книгъ, ничтожна въ сравненіи съ опытностью, почерпнутой изъ жизни; унція послѣдней значительнѣе фунта первой. Исторія показываетъ, что грубыя работы человѣчества не были исполнены людьми, получившими прекрасное образованіе. Храбрость не пріобрѣтается изученіемъ греческихъ удареній. Творческая способность не увеличивается посредствомъ логики. Великіе люди вовсе не были изящными и лощенными школьниками. Были мудрые дѣятели на свѣтѣ до изобрѣтенія книгопечатанія. Люди, вытребовавшіе великую хартію вольностей, не умѣли подписать своихъ именъ. Болинброкъ, ученый, государственный человѣкъ, былъ изгнанъ изъ Англіи, между тѣмъ какъ Вальполь, презирающій литературу, въ продолженіе тридцати лѣтъ удерживалъ за собою власть. «Вообще — говоритъ его сынъ — онъ не умѣлъ ни читать, ни

писать». Лордъ Магонъ справедливо замѣчаетъ, что успѣхи Вальполя, не смотря на недостатокъ его знаній, показываютъ намъ, что болѣе необходимо имѣть хорошо дисциплинированный, чѣмъ богато одаренный, скорѣе сильный, чѣмъ обширный умъ. Бриндлей и Стефенсонъ до двадцати лѣтъ не учились ни читать, ни писать, а одинъ далъ Британіи желѣзныя дороги, а другой каналы. Говорятъ про Дизраэли, что, не смотря на блестящую отдѣлку его рѣчей, всякая предложенная имъ мѣра по внѣшней или по внутренней политикѣ терпѣла всегда полнѣйшее фіаско, между тѣмъ какъ сэру Роберту Пилю, рѣчи котораго не поражали слушателей своею художественностью, удалось измѣнить финансовую политику своей страны и возродить Ирландію; онъ умеръ, осыпанный благословеніями своего народа. Какую пользу принесли Франціи ея ученые и политическіе дѣятели, или какой народъ хуже всѣхъ управляемъ, какъ не китайскій, у котораго единственнымъ средствомъ для достиженія общественной должности служитъ литературный экзаменъ.

Гдѣ можно было видѣть людей болѣе высоко-образованныхъ, какъ не на Франкфуртскомъ сеймѣ, на которомъ участвовали всѣ знаменитые профессора. Но, не смотря на всю свою ученность, они сдѣлались посмѣшищемъ Европы и съ шестью милліонами храбрецовъ за плечами были уничтожены безъ борьбы. Исторія изобилуетъ такими примѣрами. Ежедневно мы видимъ, что выскочки, неумѣющіе правильно писать, опережаютъ хорошо образованныхъ людей; практическій неучъ перегоняетъ теоретическаго генія. «Люди, неумѣющіе объяснить слово «общественное благо», иногда хорошо управляютъ страною—говоритъ Томасъ Броунъ —и незнающіе земнаго глобуса владѣютъ бо́льшею частью его». Карлъ Великій едва могъ подписать свое имя; Кромвель плохо говорилъ; Фридрихъ Великій не могъ писать

ни на одномъ изъ трехъ языковъ, на которыхъ онъ говорилъ весьма неправильно.

Опытъ намъ доказываетъ, что для успѣха необходимо имѣть хорошо дисциплинированный умъ, а не наполненный добычами ученія. «Книги—справедливо замѣчаетъ Бэконъ—не могутъ научить, какъ пользоваться ими. Гораздо легче быть хорошимъ біографомъ, чѣмъ сдѣлать жизнь свою достойною быть описанною». Множество самыхъ полезныхъ работъ сдѣлано людьми, незнающими химическаго соединенія воздуха, которымъ они дышатъ, и воды, которую они пьютъ, и которые, подобно Журдену, въ продолженіе цѣлаго дня произносятъ имена существительныя, глаголы и нарѣчія, не зная ихъ значенія. Не имѣя понятія о земледѣльческой химіи, они могутъ произвести до шестидесяти четвериковъ ржи съ акра. Подобно сэру Джону Гёнтеру, они могутъ быть невѣждами въ мертвыхъ языкахъ, но они могутъ быть способными учить тѣхъ, которые насмѣхаются надъ ихъ невѣжествомъ. Они могутъ имѣть недостатокъ въ инструментахъ и въ новѣйшихъ средствахъ, облегчающихъ трудъ, но они превзойдутъ въ мануфактурныхъ издѣліяхъ всѣхъ своихъ соперниковъ.

Напротивъ, есть много людей, которыхъ нравственный и умственный характеръ, какъ Маколей говоритъ про герцога Монмаута, побочнаго сына Карла II, заключаетъ въ себѣ прекрасныя качества, которыя можно назвать роскошью, и большой, достойный сожалѣнія, недостатокъ качествъ первой необходимости. «У него былъ блестящій умъ и быстрая изобрѣтательность безъ здраваго разсудка; рыцарское великодушіе и деликатность безъ обыкновенной честности».

Даже человѣкъ съ блестящимъ геніемъ не можетъ пользоваться успѣхомъ безъ практическаго знанія. Безъ сомнѣнія геній имѣетъ особенность предупредить медленныя за-

ключенія опыта и многовенно понять то, чему другіе учатся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Орелъ набрасывается на свою добычу, къ которой кошка, послѣ долгаго наблюденія, приближается осторожно. Но самый геніальный человѣкъ не можетъ обойтись безъ опыта въ практическихъ случаяхъ жизни. Изучающій минералогію не всегда можетъ быть хорошимъ рудокопомъ. Астрономія не есть мореплаваніе, и даже самъ Баудитцъ или Бандъ должны уступить мѣсто кормчему, чтобъ вывести корабль изъ Нью-Іоркской гавани.

Однимъ словомъ глава всѣхъ способностей — здравый разсудокъ. Не люди мысли, а люди дѣла лучше пробиваютъ себѣ дорогу къ богатству и славѣ. Причина успѣховъ заключается въ слѣдованіи по одной дорогѣ съ духомъ времени, т. е. въ искусствѣ прилаживаться къ его условіямъ и его требованіямъ. Надо понимать его недостатки и говорить людямъ то, что́ они желаютъ слушать, или то, что́ имъ необходимо знать; слѣдуетъ быть суммою и результатомъ вліяній настоящаго времени. Недостаточно только сдѣлать надлежащее, но необходимо еще сдѣлать въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ. Фридрихъ Великій говорилъ про Іосифа II, императора Германскаго, что онъ хочетъ попасть на вторую ступень, не перешагнувъ первой. Свѣтъ наполненъ такими безразсудными людьми, которые прямо стремятся достичь своей цѣли, не проходя по смежной землѣ. Людямъ неуспѣвающимъ рѣже недостаетъ таланта, чѣмъ смѣтливости. «Талантъ знаетъ—говоритъ одинъ писатель—что́ слѣдуетъ дѣлать, а смѣтливость—какъ это слѣдуетъ дѣлать; талантъ есть благосостояніе, смѣтливость—наличныя деньги. Талантъ имѣетъ много привѣтствій въ судѣ, а смѣтливость получаетъ вознагражденіе отъ повѣренныхъ и кліентовъ. Талантъ говоритъ учено и логично смѣтливость — торжественно».

«Смѣтливость не дѣлаетъ ложныхъ шаговъ, не теряетъ времени, достигаетъ во всемъ успѣха и, смотря на флюгеръ, способна бываетъ извлечь для себя пользу изъ различнаго направленія каждаго вѣтра».

Есть на свѣтѣ люди, повидимому самые ничтожные, но которымъ все удаётся. Если цѣль ихъ стремленій — богатство, то они, вслѣдствіе обстоятельствъ, попадаютъ прямо на философскій камень и все въ ихъ рукахъ превращается въ золото. Напротивъ, другіе люди, выказывающіе замѣчательныя способности въ своихъ произведеніяхъ, являются слабыми въ знаніи дѣйствительной жизни и неспособными дѣйствовать по собственному заключенію. Они остроумны и мудры какъ наблюдатели, но лишь только они спускаются съ пьедестала и смѣшиваются съ толпою обыкновенныхъ людей, ихъ мудрость исчезаетъ въ словахъ. Съ широкими взглядами и съ способностью глубокомысленнаго разсужденія о человѣческихъ дѣлахъ, они заблуждаются въ практической жизни; прилежные и тонкіе наблюдатели талантовъ, подвиговъ и слабостей своихъ братьевъ, они сами, вступая на поприщѣ дѣйствительной жизни, не умѣютъ осуществить своего идеала. Великаны въ своемъ кабинетѣ, они становятся дѣтьми между толпою.

Лордъ Бэконъ, мудрѣйшій изъ людей, служитъ доказательствомъ этой истины. Онъ былъ геніальнѣйшимъ и ученѣйшимъ человѣкомъ, имѣлъ громадныя свѣдѣнія о человѣческой природѣ, и въ одномъ изъ своихъ произведеній изобразилъ длинный и уклончивый путь человѣческаго ума, его возвышеніе и упадокъ, его уклоненія и заблужденія. Но когда этотъ могущественный геній долженъ былъ вступить на жизненную арену, то поддался такимъ дѣйствіямъ, про которыя онъ самъ говоритъ въ своихъ произведеніяхъ, что они совершенно противны нравственному убѣжденію человѣка. Тонкій умъ Купера умѣлъ точно и справедливо изображать всѣ изгибы человѣческой природы,

но когда пришло время ему самому дѣйствовать, то онъ сдѣлался жалкимъ кропателемъ и не имѣлъ на столько смѣтливости, что не съумѣлъ извлечь для себя пользы изъ своего ума и изъ своего знанія. Динъ Свифтъ, гордость своего школьнаго учителя, принужденъ былъ прозябать въ отдаленномъ сельскомъ приходѣ, получая нѣсколько фунтовъ въ годъ жалованья, между тѣмъ какъ его школьный товарищъ, отличавшійся въ школѣ своею тупостью, Стэффордъ, пріобрѣлъ полмилліона долларовъ. Дантъ, кипя негодованіемъ противъ своихъ враговъ, лучше умѣлъ проклинать, чѣмъ составлять заговоры. Макіавелли, геніальнѣйшій человѣкъ въ изобрѣтеніи политическихъ уловокъ и хитростей, не могъ изобрѣсти для себя ни одной, которая доставила бы ему кусокъ хлѣба. Корнель не сохранилъ луидора на старость и умеръ въ крайней бѣдности. Бетховенъ былъ такъ непрактиченъ въ финансовомъ отношеніи, что тридцати семи лѣтъ послалъ своему другу триста флориновъ на покупку ему нѣсколькихъ аршинъ полотна и полдюжины носовыхъ платковъ; однажды, имѣя болѣе обыкновеннаго денегъ, онъ заплатилъ впередъ портному также триста флориновъ. Часто онъ былъ принужденъ писать музыку ради удовлетворенія своихъ ежедневныхъ потребностей. Одинъ случай въ его дневникѣ озаглавленъ: «Четыре несчастные дня», въ продолженіе которыхъ обѣдъ его состоялъ изъ куска хлѣба и стакана воды. Адамъ Смитъ, написавшій превосходное сочиненіе о политической экономіи, не могъ соблюсти экономіи въ собственномъ хозяйствѣ.

Про Гольдсмита Джонсонъ говоритъ, что это былъ наимудрѣйшій изъ людей, пока у него было въ рукахъ перо, и наиглупѣйшій, когда онъ не имѣлъ его.

Смѣтливость или знаніе свѣта, которому мы придаемъ весьма большое значеніе, есть скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное качество; оно необходимо намъ потому, что

его вліяніе, хотя отрицательное, отражается во всякой сферѣ дѣятельности. Оно такъ же необходимо, какъ необходимо масло для какой-нибудь машины, само по себѣ ничтожное вещество, но безъ котораго машина не будетъ плавно дѣйствовать. Одно практическое знаніе не возводитъ человѣка въ званіе президента, но безъ него невозможно человѣку возвыситься до какого-либо значительнаго мѣста. Безъ него самый лучшій бѣгунъ, напрягающій всѣ свои силы для полученія приза, спотыкается, падаетъ на спину и лежитъ на мѣстѣ ристалища. Безъ него хитрѣйшій купецъ видитъ свои товары на мели или непроданными. Безъ него самый ученый богословъ въ неизвѣстности долженъ проводить свою жизнь въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголкѣ міра. Человѣкъ, необладающій этимъ качествомъ, можетъ быть великимъ мыслителемъ и великимъ труженикомъ. Онъ можетъ быть проницательнымъ логикомъ и превосходнымъ ораторомъ. Онъ можетъ быть способнымъ написать вѣрное разсужденіе о происхожденіи зла на землѣ. Можетъ быть способнымъ переложить Гейне на латинскій и греческій языкъ такъ, что возбудитъ зависть въ тѣняхъ Персона и Перра; но не смотря на все это онъ не будетъ имѣть успѣха. Существуетъ какая-то зацѣпка, остановка и недостатокъ чего-то, преграждающія ему жизненный путь. Незамѣтныя бездѣлицы, сплотясь вмѣстѣ, образуютъ паутину, которая удерживаетъ его и не пускаетъ впередъ. Причина этого неуспѣха происходитъ оттого, что онъ еще недостаточно приноровился къ окружающимъ его предметамъ; онъ не сбросилъ съ себя коры индивидуальности, которою онъ покрытъ; онъ не замѣтилъ необходимости приладить вѣсовыя чашки и гири подъ указную мѣру — однимъ словомъ онъ еще человѣкъ не отъ міра сего.

Жизнь требуетъ дѣятельности; ваши мысли и проекты не принесутъ вамъ никакой пользы, если вы, подобно по-

слѣдователямъ Будды, будете предаваться размышленію о существѣ неизрѣченномъ и божественномъ. Одинъ бостонскій джентельменъ весьма характеристично опредѣлилъ въ своемъ краткомѣ изрѣченіи типъ такого рода людей: «они стремятся къ безконечному и непостижимому, но ихъ стремленія остаются только стремленіями».

Недостатокъ практическаго таланта въ людяхъ обладающихъ превосходными умственными способностями возбуждаетъ часто удивленіе въ толпѣ. Они удивляются, что человѣкъ, геній котораго обнимаетъ величайшіе предметы и проливаетъ потокъ свѣта на путь слѣдованія другихъ, бываетъ неспособенъ ловко управлять своими собственными дѣлами. Но здѣсь нѣтъ ничего страннаго. Глубокое разсужденіе и практическій талантъ требуютъ почти совершенно различныхъ свойствъ ума. Человѣкъ видящій ограниченно и ясно можетъ быть болѣе увѣренъ въ самомъ себѣ и умѣетъ болѣе извлечь для себя пользы изъ различнаго рода обстоятельствъ, чѣмъ человѣкъ съ обширнымъ кругозоромъ мысли, котораго многосторонняя способность обнимаетъ безграничное пространство предметовъ, точно такъ же какъ лошадь съ наглазниками не пугается и выбираетъ увѣреннѣе себѣ дорогу. Кромѣ того необходимо вспомнить, что одной энергіи и самообладанія бываетъ совершенно достаточно, безъ умственнаго превосходства, для пріобрѣтенія практическаго таланта. Миніатюрный умъ, управляемый сильною волею, дѣлаетъ болѣе, чѣмъ умъ громадный, но лишенный энергіи. Практическіе люди разрубаютъ узелъ, который они не могутъ развязать, и оставивъ въ сторонѣ всѣ логическія прелиминаріи, прямо приходятъ къ заключенію; геніальные же люди, напротивъ, проводятъ время въ размышленіи и въ сравненіи, тогда какъ имъ слѣдовало бы мгновенно и энергически дѣйствовать. Они способны дать своему воображенію слишкомъ не-

обузданную свободу и желать гармоничныхъ невозможностей. Они смотрятъ въ микроскопъ и не могутъ пить отъ отвращенія къ инфузоріямъ, живущимъ въ водѣ. Короче сказать, они слишкомъ много составляютъ теорій. Въ кухонномъ искусствѣ лучше акръ, чѣмъ княжество въ Утопіи. «Геній, изъ котораго мы можемъ извлечь пользу, долженъ быть не только одаренъ крыльями, при помощи которыхъ онъ можетъ летать—говоритъ одинъ писатель—но и ногами, на которыхъ онъ могъ бы стоять».

# ГЛАВА X.

## Рѣшительность.

Ничто такъ неблагоразумно, какъ излишнее благоразуміе.

Что рѣшительность необходима для успѣха въ жизни, это такая аксіома, которую я даже не считаю нужнымъ повторять. Несмотря на противорѣчія Де-Кинсея, мы готовы предполагать, что Джонъ Фостеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи не преувеличилъ значенія этого качества, хотя мы допускаемъ, что оно въ точномъ смыслѣ не есть нравственная сила человѣка и болѣе связана съ физическими особенностями его темперамента, чѣмъ съ превосходствомъ его ума. Самъ Фостеръ высказываетъ это, замѣчая, что большинство людей, извѣстныхъ рѣшительнымъ характеромъ, обладало крѣпкимъ сложеніемъ. Но подъ этимъ вовсе не слѣдуетъ подразумѣвать, что они были избавлены отъ болѣзней и страданій или обладали механической силой: они были способны противодѣйствовать усталости и примѣняться къ большимъ усиліямъ. Рѣшительность ума, какъ и человѣческая сила, есть даръ, получаемый нами отъ Бога. Она не можетъ быть создана человѣческими стараніями; она можетъ быть только обработана. Каждый человѣкъ имѣетъ въ зародышѣ это качество, и при благопріятныхъ обстоя-

тельствахъ оно можетъ быть развито. Не слѣдуетъ никому отчаяваться въ томъ, что онъ уничтожилъ въ себѣ рѣшительность. Фихте справедливо замѣтилъ, что ничто такъ не гибельно для характера человѣка, какъ потеря вѣры въ собственную рѣшительность; свое недовѣріе къ собственной рѣшительности онъ основываетъ на томъ, что онъ часто намѣревался дѣлать что-нибудь, нѣсколько разъ начиналъ, однако никогда не приводилъ свое дѣло къ концу. Но здѣсь, такъ же какъ и вездѣ, «ростъ совершеннаго человѣка» достигается медленно, посредствомъ приложенія труда, ученія, усилія и терпѣнія. Полное вооруженіе не можетъ быть надѣто заразъ. Первая побѣда облегчаетъ послѣдующую: ангелъ мученичества братъ ангела побѣды.

Но рѣшительность, будетъ ли она качествомъ врожденнымъ или пріобрѣтымъ, всегда имѣетъ большое значеніе для того, кто желаетъ пользоваться успѣхомъ въ свѣтѣ. Даже умъ дѣло второстепенное въ сравненіи съ силою воли. Умъ только половина человѣка, воля—движущее колесо, пружина дѣйствующей силы. Человѣкъ съ колеблющейся волей, какія не были бы его способности, будетъ отодвинутъ въ сторону человѣкомъ рѣшительнымъ. Тотъ, кто рѣшается, успѣваетъ, а тотъ, кто при каждой новой неудачѣ еще энергичнѣе стремится впередъ, достигаетъ своей цѣли. Берега счастія усѣяны обломками людей съ блестящими способностями, но которымъ недоставало храбрости, рѣшительности и вѣры; они погибли въ виду другихъ, менѣе способныхъ, но болѣе рѣшительныхъ авантюристовъ, добравшихся благополучно до гавани. Сотни людей сходятъ безславно въ свои могилы; они остаются неизвѣстными потому, что у нихъ не хватило мужества сдѣлать первое усиліе, и еслибъ они рѣшились что-нибудь предпринять, то они поразили бы міръ блестящимъ успѣхомъ своего предпріятія. Изъ этого можно вывести, по словамъ Сиднея Смита, то заключеніе, что человѣкъ не

долженъ дрожать на берегу и думать о холодѣ и объ опасностяхъ его ожидающихъ, а долженъ мгновенно броситься въ воду и до тѣхъ поръ бороться, пока не доберется до другаго берега. Не слѣдуетъ разсчитывать на счастливыя случайности и ожидать ихъ; надо дѣйствовать быстро. Человѣкъ могъ бы передъ началомъ каждаго дѣла совѣтоваться съ своими братьями, дядюшками и друзьями въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, еслибъ онъ жилъ до пятисотъ или до шестисотъ лѣтъ; но такъ какъ жизнь человѣческая не обнимаетъ даже и одного столѣтія, то его продолжительныя совѣщанія со своими родственниками и друзьями не оставятъ ему времени слѣдовать ихъ совѣтамъ. Свѣтъ не созданъ для медленныхъ и разборчивыхъ людей, но для тѣхъ, которые способны энергически и мгновенно дѣйствовать. Каждый человѣкъ встрѣчаетъ препятствія и затрудненія, но онъ долженъ скорѣе покорить ихъ, чтобы въ свою очередь они не покорили его. Счастіе и несчастіе рѣдко находятся въ равновѣсіи, и тотъ, кто намѣревается что-нибудь сдѣлать, достойное быть сдѣланнымъ, долженъ орлинымъ взглядомъ высмотрѣть солнечный лучъ. Лучше неудачно рѣшиться, чѣмъ оставаться колеблющимся и склоняться съ одной стороны на другую. Всѣ бѣдствія и несчастія происходятъ отъ постояннаго сомнѣнія.

Справедливо сказано, что величайшія нравственныя побѣды и пораженія могутъ сдѣлаться самыми ничтожными. Счастіе похоже на невѣрную женщину, которую только быстротою дѣйствія и приноравливаніемъ къ ея хорошимъ минутамъ можно заставить осыпать насъ милостями. Кризисъ наступаетъ —умѣніе воспользоваться имъ приводитъ насъ къ торжеству, а пренебреженіе имъ къ погибели. Въ особенности ясно мы видимъ подтвержденіе этихъ словъ на полѣ битвы. Наполеонъ умѣлъ выставить во всемъ своемъ блескѣ свой геній въ критическія минуты. Его умъ дѣйствовалъ подобно

молніи; онъ выказывалъ наибольшую быстроту и точность въ минуты опасности и смущенія. Что́ смущало одного, то болѣе воодушевляло его. Онъ обыкновенно говорилъ, что первое качество генерала — есть точная разсчетливость вовремени, потому что какъ скоро вашъ противникъ перенесетъ значительную силу своихъ войскъ для занятія какого-нибудь поста десятью минутами раньше, чѣмъ вы можете выдвинуть свою запасную силу, то вы погибли, хотя всѣ другія ваши дѣйствія будутъ точно исполнены согласно диспозиціи. При Арколѣ онъ увидѣлъ, что побѣда склоняется на сторону его враговъ; призвавъ двадцать пять человѣкъ конницы и давъ имъ трубы, онъ предпринялъ блестящую аттаку и оставилъ за собою поле сраженія. Точно также при Монтебелло онъ вычислилъ разстояніе австрійской кавалеріи, увидѣлъ, что она можетъ прибыть не ранѣе, какъ черезъ четверть часа, и въ эти пятнадцать минутъ исполнилъ такой маневръ, который спасъ для него побѣду. «Причина того—говоритъ онъ—что австрійцы были разбиты, есть та, что они не знали цѣны пяти минутамъ». Конецъ дня знаменитаго сраженія при Риволи казалось клонился противъ Наполеона. Увидѣвъ критическое положеніе дѣлъ, онъ немедленно послалъ нѣсколько человѣкъ въ австрійскую главную квартиру просить перемирія. Наполеонъ ухватился за драгоцѣнныя минуты и, занимая непріятеля безполезными переговорами, преобразовалъ линію своихъ ботальоновъ, перемѣнилъ фронтъ и съ помощью орудій окончилъ переговоры съ непріятелемъ. Въ результатѣ онъ получилъ блестящую побѣду при Риволи.

Другой примѣръ такой же быстрой рѣшительности представляетъ Наполеонъ въ началѣ своей дѣятельности. Онъ сдѣлалъ чудесное вторженіе въ сѣверную Италію и какъ овецъ погналъ передъ собою австрійскія войска. Для завоеванія

Ломбардіи необходимо было взятіе Мантуи, для чего онъ отрядилъ десятитысячное войско. При такого рода обстоятельствахъ онъ узналъ о приближеніи шестидесяти тысячной австрійской арміи, тогда какъ у него было всего сорокъ тысячъ человѣкъ. Быстро слѣдуя берегомъ озера Гарды, они могли бы отрѣзать ему отступленіе къ Милану и сдѣлать опаснымъ его положеніе; но такъ какъ они шли по обѣимъ сторонамъ озера, двадцать тысячъ съ одной и сорокъ съ другой, то Наполеонъ рѣшился занять позицію на концѣ озера, чтобы быть посреди двухъ частей войска, если имъ удастся соединиться. Быстро образовавъ главный корпусъ, говоритъ историкъ Тьеръ, французы могли пересилить двадцать тысячъ, вращавшихся около озера, и немедленно вернуться навстрѣчу къ сорока тысячному войску, дефилировавшему между озеромъ и Эчью. Но, чтобы занять конецъ озера, необходимо нужно было туда привести войска отъ нижняго теченія Эчи и Минчіо: Анжеро долженъ былъ отступить отъ Леньяло, а Серюрье отъ Мантуи. Это была большая жертва, потому что Мантую осаждали въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ и значительная осадная артиллерія была перенесена туда; крѣпость готова была уже сдаться, а доставляя ей возможность быть снабженною съѣстными припасами, теряли плоды долгихъ трудовъ и почти уже вѣрную добычу. Наполеонъ однако не колебался. Между двумя важными цѣлями онъ умѣлъ ухватить самую важную и пожертвовать другою. Простая рѣшимость, обнаруживающая однако не только великаго военочальника, но и великаго человѣка.

Не только на войнѣ, но и въ политикѣ, да и во всѣхъ положеніяхъ жизни люди часто имѣютъ передъ собою двѣ цѣли и, желая удержать ту и другую, теряютъ обѣ. Бонапартъ обладалъ рѣдкою рѣшительностью при выборѣ и умѣніемъ жертвовать въ крайнихъ случаяхъ. Еслибы онъ упорствовалъ сохранить все теченіе Мин-

чіо отъ озера Гарды до Мантуи, то центръ его былъ бы прорѣзанъ; сосредоточивая всѣ свои силы въ Мантуи, онъ долженъ былъ бы сражаться разомъ съ семьюдесятью тысячами, изъ которыхъ шестьдесятъ были впереди и десять позади. Онъ пожертвовалъ Мантуей и сосредоточилъ войска на концѣ озера Гарды. Встрѣтивъ первый корпусъ, состоящій изъ двадцати тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Касдановича, онъ заставилъ отступить его авангардъ; австрійскій генералъ, пораженный большою силою въ этомъ мѣстѣ французскихъ войскъ, рѣшился пріостановить дѣйствія до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ о приближеніи къ нему на помощь другаго корпуса войскъ подъ начальствомъ Вурмсера. Догадываясь, что происходитъ въ умѣ Касдановича, Наполеонъ удовольствовался задержкою его движенія и отправился встрѣчать другой корпусъ. Эта армія быстро подвигалась, намѣреваясь обхватить французовъ; но Наполеонъ прорѣзалъ ея слабый центръ и принудилъ ее къ отступленію; французы преслѣдовали ее и нанесли ей много вреда. Послѣдовали другія битвы, и въ шесть дней отъ начала военныхъ дѣйствей австрійскіе генералы принуждены были удалиться въ Тироль, потерявъ Ломбардское королевство и двадцать тысячъ людей.

Къ концу своего поприща герой Аустерлица и Маренго сдѣлался жертвою той же ошибки, въ которой онъ обвинялъ постоянно австрійцевъ: онъ пересталъ признавать цѣнность минутъ. Ватерлоо было имъ потеряно потому, что у него недоставало въ то время рѣшительности и быстроты, именно того, что̀ характеризовало его первоначальную дѣятельность. Онъ потерялъ день послѣ сраженія при Линьи и утро при Ватерлоо, тогда какъ ему слѣдовало бы напасть на непріятеля съ быстротою молніи. Веллингтонъ, напротивъ, сохранилъ рѣшительность своего характера и быстроту исполненія до послѣднихъ дней своей военной жизни. Какъ разъ нака-

нунѣ этой великой битвы, которая доставила ему блестящіе лавры, сэръ Сидней Смитъ, говоря о герцогѣ, который во чтобы то ни стало старался удержать свои позиціи, воскликнулъ: «если герцогъ только сказалъ это, то разумѣется другіе должны ему уступить дорогу.» Занимательный анекдотъ разсказываютъ про герцога, характеризующій его качества. Вотъ его отвѣтъ на морѣ, во время сильной бури. Было уже время ложиться спать, какъ вдругъ капитанъ корабля въ ужасѣ вошелъ къ нему и сказалъ: «Скоро все будетъ унесено волнами.»—«Очень хорошо—отвѣчалъ Веллингтонъ—я не буду сниматъ моихъ сапоговъ».

Впрочемъ бываютъ случаи, когда осмотрительность и нѣкоторое замедленіе бываютъ необходимы и дѣйствіе безъ долгаго и заботливаго обсужденія можно назвать сумасшествіемъ. Вся хитрость состоитъ въ системѣ уравновѣшиванія. Слѣдуетъ быть до извѣстной степени осторожнымъ и заботливымъ, но излишняя колеблющаяся политика, какъ и безразсудная опрометчивость, одинаково гибельны. Тысячи людей обязаны своимъ неудачамъ въ свѣтѣ только медленности и отлагательствамъ; они въ точности слѣдуютъ совѣту Фокса: «не дѣлай ничего сегодня изъ того, что только можетъ быть отложено до завтра», и не зная, какъ Кольриджъ, своего собственнаго ума, они проводятъ цѣлые дни въ выборѣ себѣ дороги и въ это время колеблятся изъ стороны въ сторону. Многіе дѣловые люди составили себѣ счастіе быстрою рѣшительностью, хотя при этомъ они подвергались большому риску. Умѣть пожертвовать меньшимъ для бо́льшаго, здраво обсудить и быстро рѣшиться — это моментальныя дѣйствія нашего ума. Есть, по словамъ Броунинга, двѣ минуты въ жизни водолаза, точно также, какъ на всякомъ другомъ положеніи человѣка:

One when, a beggar, he prepares to plunge;
One when, a prince, he rises with his pearl *).

Случаются переломы почти во всякой человѣческой жизни, когда Рубиконъ долженъ быть перейденъ. Жизненная битва представляетъ постоянно новыя фазы, и тотъ только можетъ надѣяться выйти изъ нея побѣдителемъ, кто можетъ показать новый фронтъ, какъ скоро угрожаетъ новая опасность. Мечъ, сломанный въ началѣ дуэли, лошадь убитая молніей въ минуту стычки съ непріятелемъ, мостъ, унесенный бурею во время отступленія войска — всѣ эти случаи требуютъ моментальной рѣшимости. Они смущаютъ и парализуютъ слабые умы, но производятъ сильную реакцію въ надмѣнной настойчивости тѣхъ умовъ, которые могутъ соперничать съ трудностями и опасностями. Разсказываютъ про Пеллиссье, что прогуливаясь однажды по полямъ въ дурномъ расположеніи духа съ унтеръ-офицеромъ кавалерійскаго полка, онъ ударилъ его по лицу кнутомъ. Солдатъ выхватилъ пистолетъ и прицѣлился въ лицо своего начальника, но курокъ осѣкся. «Товарищъ—сказалъ угрюмый начальникъ зуавовъ—я прикажу васъ отвести на три дня подъ арестъ за то, что оружіе у васъ въ дурномъ порядкѣ». Нѣтъ почти ни одного призванія, для котораго не были бы необходимы быстрая рѣшимость и присутствіе духа. Адвокатъ, напримѣръ, долженъ непремѣнно обладать этими качествами. Введеніе неожиданнаго свидѣтеля, непридвидѣнный вопросъ судьи, неподозрѣваемый рядъ доказательствъ противной стороны могутъ произвести окончательный переворотъ дѣла и требуютъ мгновенной рѣшительности со стороны защитника. Врачу также необходимы эти качества: безъ нихъ всѣ его медицинскія познанія

*) Первая, когда онъ нищимъ приготовляется погрузиться въ воду, и вторая, огда онъ выходитъ властелиномъ, съ жемчугами на землю.

будутъ тщетны въ критическую минуту. Присутствіе духа въ особенности необходимо тѣмъ лицамъ, которыя часто должны встрѣчаться лицомъ къ лицу съ внезапною опасностью. Докторъ Джонъ Броунъ, говоря объ этомъ, дѣлаетъ весьма хорошее замѣчаніе:

«Люди—говоритъ онъ—выказавшіе присутствіе духа, когда ихъ спрашиваютъ, какимъ образомъ это случилось, не понимаютъ сами, сдѣлали ли они то, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Въ дѣйствительности они сдѣлали это, но не думая, а инстинктивно, такъ что впослѣдствіи они сами не могутъ отдать себѣ отчета въ своемъ дѣйствіи».

Недостатокъ быстроты, характеризующій гладіаторскій умъ, и готовность всегда при встрѣчѣ съ опасностью въ бѣгствѣ искать спасенія отъ нея, причиняетъ много несчастій въ жизни. Существуютъ люди, одаренные узкимъ умомъ, которые отъ недостатка храбрости никогда не могутъ выдвинуться впередъ. Всегда приготовляя различные планы, но не приводя ихъ въ исполненіе, они напоминаютъ сарказмъ Вольтера о Лагарпѣ, котораго первый сравнивалъ съ печью, «постоянно топящеюся, но никогда ничего не изготовляющею». Они никогда не могутъ предпринять ничего, потому что буквально придерживаются правила: «никогда не промѣнивай извѣстнаго на неизвѣстное», или «птица въ рукахъ, лучше двухъ, летающихъ въ кустахъ». Но развѣ можно рабски слѣдовать тѣмъ правиламъ, которыя опровергаются можетъ быть десятью противоположными.

«Человѣкъ безъ рѣшительности никогда не можетъ сказать, что онъ принадлежитъ себѣ—говоритъ Джонъ Фостеръ; если онъ и станетъ это утверждать, то самая ничтожная сила какого-нибудь обстоятельства можетъ вполнѣ овладѣть имъ и обнаружить ничтожность его рѣшимости, которою онъ хотѣлъ доказать независимость своихъ понятій и силу

воли. Одно обстоятельство за другимъ предъявляютъ на него свои права, останавливая его въ то время, когда онъ стремится впередъ; онъ напоминаетъ древесную вѣтку и щепки, плавающія близъ береговъ, которыя, задержанныя травою, кружатся въ каждомъ маленькомъ водоворотѣ. Намѣреваясь что-нибудь сдѣлать, онъ можетъ быть и сдѣлалъ бы это, еслибъ сотни различныхъ ощущеній въ продолженіе одной недѣли не остановили его. Его характеръ исключаетъ всякое предвидѣніе его поведенія; онъ самъ не знаетъ, какое направленіе примутъ на завтрашній день его взгляды и дѣйствія, и этимъ напоминаетъ фермера, который не можетъ распредѣлить своихъ занятій на слѣдующій день, такъ какъ они зависятъ отъ состоянія погоды».

Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ Карла V, императора германскаго, была его медленность въ рѣшимости какъ въ кабинетѣ, такъ и на полѣ битвы. Еслибы онъ былъ быстръ и рѣшителенъ, онъ могъ бы въ зародышѣ уничтожить реформацію. Колиньи, одинъ изъ дѣятельныхъ поборниковъ протестантизма во Франціи, погибъ въ Варѳоломеевскую ночь вслѣдствіе того же недостатка. Въ людяхъ, занимающихся литературою, еще болѣе замѣтенъ недостатокъ рѣшимости, чѣмъ въ людяхъ, имѣющихъ дѣло съ практическими предметами. Печальный примѣръ этого мы можемъ видѣть въ жизни сэра Джемса Мэкинтоша, котораго Генрихъ Бульверъ въ своемъ сочиненіи: «Историческіе характеры», называетъ «человѣкомъ обѣщанія». Жизненное поприще сэра Джемса представляло постоянную борьбу между тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, и тѣмъ, на что онъ по своимъ талантамъ былъ способенъ. Въ Абердинскомъ университетѣ онъ отличался своимъ рвеніемъ къ политикѣ и своею любовью къ метафизикѣ, такъ что онъ поперемѣнно чувствовалъ склонность то къ практической, то къ умственной дѣя-

тельности. То же самое было съ нимъ и въ Эдинбургѣ, гдѣ онъ началъ изучать медицину. занимаясь по утрамъ поэтическими сочиненіями, а вечерами произнесеніемъ рѣчей въ клубѣ «Декламаціи», онъ слишкомъ пренебрегалъ изучаемымъ имъ предметомъ. Впослѣдствіи онъ нѣсколько занялся имъ, но увлекся новою системою Бруноньяна, которая обѣщала знаніе медицины при малѣйшемъ трудѣ. Не кончивъ занятій и оставивъ университетъ, онъ попытался сдѣлаться практикующимъ врачемъ въ Салисбёри и Уеймутѣ въ Англіи, но не найдя паціентовъ, отправился въ Брюссель, усталый и полный отвращенія къ докторскому званію. Здѣсь онъ снова предался политикѣ, написалъ знаменитую брошюру «Vindicae Gallicae», въ отвѣтъ Бёрку, читалъ краснорѣчивыя лекціи о народныхъ законахъ, которыя были приняты съ большимъ энтузіазмомъ, и защищалъ одинъ процессъ въ судѣ. Рѣчь его возбудила всеобщее удивленіе не только въ Англіи, но и на всемъ континентѣ, и хотя процессъ этотъ былъ проигранъ, тѣмъ не менѣе на него смотрѣли какъ на много обѣщающаго адвоката, точно такъ же, какъ послѣ появленія въ свѣтъ его брошюры «Vendicae Gallicae», въ немъ надѣялись видѣть со временемъ знаменитаго сочинителя памфлетовъ. Потомъ онъ сдѣлался судьею въ Бомбэѣ, снова возвратился въ Англію, и чувствуя, что уже время на что-нибудь окончательно рѣшиться, занялъ мѣсто въ нижнемъ палатѣ и произнесъ много замѣчательныхъ рѣчей; въ то же время онъ занялъ профессорскую каѳедру въ Гайлейбёрской коллегіи, но неспособный ужиться ни на какомъ мѣстѣ, онъ проектировалъ огромную историческую работу, которая вмѣстѣ съ задуманнымъ имъ сочиненіемъ о нравахъ осталась однимъ только проектомъ. Наконецъ, не задолго до смерти, опечаленный мыслію, что время его дѣятельности прошло и что онъ не сдѣлалъ ничего великаго и достойнаго, онъ принялся за

множество дѣлъ, которыя всетаки не были достойны его способностей и не оправдали ожиданій его друзей. Роковой порокъ его характера состоялъ въ недостаткѣ рѣшимости и сосредоточенности, въ неумѣніи выбрать предметъ и пожертвовать менѣе важнымъ для болѣе важнаго. «Ни одинъ человѣкъ—говоритъ сэръ Генрихъ Бульверъ—сдѣлавъ такъ мало въ продолженіе всей своей долгой жизни, не сохранялъ постоянно такой увѣренности, что онъ напослѣдокъ можетъ сдѣлать очень многое; онъ въ полчаса переходилъ отъ Бёрка къ Фоксу, а иногда въ продолженіе цѣлой недѣли задумывался, какое ему слово употребить: «польза» или «полезность», въ одномъ изъ задуманныхъ имъ сочиненій. Отъ начала и до конца своей жизни онъ только оставался *человѣкомъ много обѣщающимъ*. Съ своими обширными надеждами, съ великолѣпною памятью, съ многостороннимъ знаніемъ, съ богатымъ краснорѣчіемъ, съ быстро проходящими параксизмами энергіи, онъ умеръ на шестьдесятъ седьмомъ году, не увѣковѣчивъ своего имени ни по одной отрасли знанія или искусства».

Каждый человѣкъ, стараясь избѣжать такъ безполезно провести свою неудачную жизнь, долженъ рѣшить прежде всего, чѣмъ онъ хочетъ быть и на что онъ способенъ, а затѣмъ, выбравъ предметъ, онъ долженъ строго придерживаться его и сосредочить на немъ всѣ свои способности, не кидаясь справа налѣво. «Я уважаю того человѣка—говоритъ Гёте—который точно знаетъ, чего онъ желаетъ. Бо́льшая часть несчастій происходитъ оттого, что люди недостаточно понимаютъ свои собственыя цѣли. Они предпринимаютъ постройку башни, а издерживаютъ на ея фундаментъ не болѣе труда, сколько потребно для постройки простой хижины».

Но необходима не только рѣшительность, а также и быстрота; первая безъ послѣдней теряетъ половину своей цѣнности.

Когда Ледьярда спросили: скоро ли онъ думаетъ отправиться въ Африку, то онъ отвѣчалъ: «завтра же утромъ»; таковъ же былъ отвѣтъ лорда Кэмпбелля, начальствовавшаго надъ британскою арміею въ индійской кампаніи. Блюхеръ, вслѣдствіе своей торопливости, получилъ прозваніе въ прусской арміи: «*быстраго маршала*». Кромѣ поспѣшности необходимо также для достиженія особенныхъ успѣховъ въ жизни упорство рѣшимости. Всѣ люди, имена которыхъ записаны на пергаментѣ славы, отличались строгою привязанностію къ своимъ намѣреніямъ: слова, произносимыя ими, равнялись клятвѣ. Когда одинъ провіантмейстеръ жаловался герцогу Веллингтону на сэра Томаса Пэктона, объявившаго, что онъ повѣситъ его, если раціоны главной дивизіи не явятся въ извѣстный часъ, то герцогъ отвѣчалъ: «Если генералъ сказалъ это, то я не сомнѣваюсь, что онъ приведетъ свое обѣщаніе въ исполненіе, а потому совѣтую вамъ позаботиться о раціонахъ». Такая сила воли заставляетъ людей слѣдовать по ея указаніямъ, подобно лодкѣ, плывущей за своимъ кильватеромъ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ страшныя убійства свирѣпствовали въ Гаваннѣ, такъ что это занятіе было обработываемо буквально какъ искусство, и страну можно было смѣло сравнить съ Содомомъ и Гоморромъ. Теперь, въ короткое время, благодаря силѣ и рѣшительности одного человѣка, отвратительное положеніе вещей окончательно измѣнилось; въ настоящее время въ Гаваннѣ въ полночь можетъ совершенно безопасно идти женщина. Въ одну ночь было совершено убійство; Тэконъ, начальникъ полиціи, услышавъ поутру, что преступникъ еще на свободѣ, призвалъ префекта того департамента, въ которомъ было совершено преступленіе и сказалъ: «Какъ это, господинъ префектъ, ночью совершено убійство, а убійца еще до сихъ поръ не

арестованъ?» —Это рѣшительно дѣло невозможное, сэръ, мы не знаемъ, кто онъ такой, отвѣчалъ тотъ.—Тэконъ, замѣтивъ, что префектъ отвѣчаетъ лживо, сказалъ: «Послушайте, приведите ко мнѣ убійцу до ночи, а то вы будете казнены завтра же утромъ.» Префектъ зналъ силу словъ своего начальника и убійца былъ представленъ.

# ГЛАВА XI.

## Манеры.

Манеры дѣлаютъ человѣка.
*Уильямъ Уйкэмъ.*

Между качествами сердца и ума, способствующими успѣху въ свѣтѣ, въ настоящее время весьма необходима учтивость, т. е. чувства доброты и любви къ нашимъ товарищамъ, которыя выражаются въ пріятныхъ манерахъ. Иногда духъ самонадѣянности и самоувѣренности возбуждаетъ въ молодыхъ людяхъ пренебреженіе къ житейскимъ условіямъ, и они становятся способными презирать невыразимую, изысканную мягкость, проявляющуюся въ обращеніи, которая всегда свойственна истинно порядочному человѣку. Какъ въ литературѣ хорошій слогъ увеличиваетъ цѣнность произведенія, точно также и въ жизни хорошія манеры ставятъ человѣка гораздо выше въ глазахъ общества.

Мы можемъ сколько угодно жаловаться, что люди обращаютъ болѣе вниманія на внѣшнія, чѣмъ на внутреннія качества человѣка, но предпочтеніе это существуетъ, и оно есть причина многихъ кажущихся несправедливостей и причудъ счастія, которыя поражаютъ насъ въ дѣлѣ житейскаго благосостоянія.

Безъ сомнѣнія только весьма немногіе люди способны распознать подъ внѣшнею грубою оболочкою человѣка сокровенныя качества его души, оцѣнить необдѣланный бриллiантъ; большинство не обладаетъ такою проницательностью и снисходительностью; оно судитъ людей болѣе по внѣшности и по поведенію, чѣмъ по его внутреннимъ достоинствамъ, и ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что вѣжливость есть не только необходимый элементъ для успѣха, но есть само счастіе; такъ человѣкъ недалекій, но обладающій этимъ качествомъ, можетъ достигнуть того, что неудается человѣку богато одаренному природой.

«Дайте мальчику ловкость и научите его пріятному для общества искусству—говоритъ Эмерсонъ—и вы сдѣлаете его владѣльцемъ дворцовъ и счастія; по какой бы дорогѣ онъ ни пошелъ, онъ не будетъ имѣть затрудненій, наживая ихъ и владѣя ими—они сами попросятъ его вступить въ нихъ и завладѣть ими». Между незнакомцами хорошее обращеніе есть самое лучшее рекомендательное письмо, потому что первое впечатлѣніе весьма важно; оно можетъ быть выгоднымъ и невыгоднымъ, согласно поступкамъ человѣка и смотря по тому, будетъ ли онъ вѣжливъ или неуклюжъ, застѣнчивъ или сообщителенъ. Тогда какъ грубость и суровость закрываютъ двери въ сердце людей, любезность и учтивость въ обращеніи открываютъ запоры и растворяютъ ихъ на обѣ половины.

Суроваго, ворчливаго человѣка всѣ избѣгаютъ, хотя онъ и имѣетъ хорошія намѣренія. Даже добродѣтель оскорбительна, если соединена съ оскорбительнымъ обращеніемъ. Гэуторнъ, самъ человѣкъ нелюдимый, имѣлъ привычку говорить: «Богъ можетъ прощать грѣхи, но грубость не имѣетъ себѣ прощенія ни на небѣ, ни на землѣ». Въ дѣйствительной жизни манеры есть нравы въ миніатюрѣ; въ су-

ровомъ на видъ человѣкѣ всегда предполагаютъ найти злаго человѣка.

То, что̀ человѣкъ говоритъ или дѣлаетъ, есть очень часто не совсѣмъ вѣрный признакъ того, что́ онъ есть. Но способъ, какъ онъ это дѣлаетъ или говоритъ, есть самый лучшій указатель его характера. По случайному выраженію его мыслей и чувствъ мы скорѣе возьмемся судить объ его характерѣ, чѣмъ по его дѣламъ и словамъ, по той простой причинѣ, что первыя его движенія есть непроизвольныя движенія его ума и сердца. Извѣстныя дѣла могутъ быть совершены для какихъ-нибудь заднихъ цѣлей; подъ сладкими рѣчами иногда скрывается ненависть, и самыя добрыя на видъ дѣйствія приводятъ иногда къ мрачному концу; но тотъ способъ, какимъ выказывается доброта, производитъ на насъ бо̀льшее впечатлѣніе, чѣмъ само дѣло. Доброе дѣло можетъ имѣть много побудительныхъ причинъ, какъ-то: чванство, гордость или какой-нибудь интересъ; теплота или холодность, съ которою человѣкъ оказываетъ вамъ одолженіе или спрашиваетъ васъ о вашемъ здоровьѣ, или жметъ вамъ руку, никогда не обманетъ васъ. Способъ выполненія чего-нибудь, какъ справедливо замѣчено, обозначаетъ степень и силу нашего внутренняго впечатлѣнія; онъ происходитъ отъ непосредственныхъ и обычныхъ нашихъ чувствъ; это то́, что́ выражаетъ собою личную жизнь и характеръ человѣка; все остальное можетъ быть выполнено автоматомъ. Милость можетъ быть оказана такъ грубо, что исключитъ всякое чувство обязательства, между тѣмъ иногда вѣжливый отказъ можетъ возбудить добрыя чувства.

Одна и та же исторія можетъ быть разсказана двумя лицами совершенно различно и произведетъ различныя впечатлѣнія. Это живо подтверждается анекдотомъ, разсказаннымъ Генрихомъ Уардомъ Бичеромъ въ одной изъ своихъ лекцій. Во времена уничтоженія рабства два чело-

вѣка отправились проповѣдывать; одинъ изъ нихъ былъ старый квакеръ, а другой молодой человѣкъ, полный огня и энергіи. Проповѣдь стараго квакера была выслушана спокойно и увлекла слушателей; но лишь только кончилъ молодой проповѣдникъ, какъ народъ поднялъ страшный крикъ и сталъ бросать въ него каменьями. Пораженный этимъ, онъ обратился къ квакеру съ вопросомъ: «другъ, я съ вами въ одной и той же миссіи, проповѣдуемъ мы однѣ и тѣ же истины, какимъ же это образомъ васъ принимаютъ очень любезно, между тѣмъ какъ меня ругаютъ и даже бросаютъ въ меня каменьями?» — «Хорошо — отвѣчалъ квакеръ — я тебѣ объясню это. Ты говоришь: если вы будете поступать такъ и такъ, то вы будете наказаны; а я говорю: мои друзья, если вы не будете такъ и такъ поступать, то вы не будете наказаны». Они оба высказывали однѣ и тѣ же истины, но высказывали ихъ различнымъ способомъ.

Вѣжливость, какъ благосклонность, выражается даже въ ничтожныхъ вещахъ. Истинно порядочный человѣкъ отличается своимъ взглядомъ на права и чувства другихъ людей, хотя бы они принадлежали къ числу самыхъ ничтожныхъ. Онъ уважаетъ личность другихъ, желая, чтобы уважали его собственную личность. Въ обществѣ онъ ведетъ себя спокойно, развязно, непридирчиво, неломается и не высказываетъ словами и манерами, что онъ считаетъ себя богаче и умнѣе всѣхъ его окружающихъ. Онъ никогда не смотритъ свысока на другихъ потому только, что они не могутъ сравняться съ нимъ въ чинахъ, почестяхъ и общественномъ положеніи. Онъ никогда не хвастаетъ своими подвигами и, вызывая имъ похвалу, не цѣнитъ ихъ ниже стоимости. Онъ предпочитаетъ лучше дѣйствовать, чѣмъ разсказывать, быть на самомъ дѣлѣ тѣмъ, что онъ есть, чѣмъ только казаться; но въ особенности въ немъ развито вниманіе къ такимъ мелочамъ, которыя могутъ нравиться или причинять неудоволь-

ствіе другимъ людямъ. Высказывая свое мнѣніе, онъ не догматизируетъ его; онъ выслушиваетъ терпѣливо и почтительно другихъ людей; послѣ ясныхъ доказательствъ онъ способенъ признать ошибочность своего мнѣнія и выражаетъ свои собственныя взгляды такимъ образомъ, что возбуждаетъ уваженіе во всѣхъ, кто его слушаетъ. Простота и радушіе запечатлѣваютъ всѣ его столкновенія съ другими людьми, и потому, не смотря на его высокое положеніе въ обществѣ, самый незначительный человѣкъ чувствуетъ себя совершенно свободнымъ въ его присутствіи.

Многіе люди жертвуютъ своими успѣхами въ свѣтѣ ради любви къ насмѣшкамъ. Многіе скорѣе способны потерять преданнаго друга, чѣмъ перестать насмѣхаться. Но искренніе друзья вовсе не такъ многочисленны, чтобы мы могли ими жертвовать для нѣсколькихъ минутъ удовольствія и даже для цѣлаго дня торжества. Совершенно разумно сказано, что досада и злоба—однѣ изъ самыхъ дорогихъ достояній жизни. Докторъ Джонсонъ говоритъ: «Человѣкъ не имѣетъ болѣе права сказать, чѣмъ сдѣлать что-нибудь невѣжливое; не имѣетъ болѣе права насказать грубостей другому человѣку, чѣмъ толкнуть его». Одна изъ выдающихся чертъ характера Шеридана, человѣка расточительнаго и невоздержаннаго, была та, что онъ никогда не задѣвалъ самолюбія другихъ своими насмѣшками.

Конечно, можно смотрѣть на всѣ эти качества порядочнаго человѣка, какъ на бездѣлицы, но слѣдуетъ вспомнить, что всѣ бездѣлицы имѣютъ весьма большое значеніе въ человѣческой жизни. Не такъ часто великія дѣла другихъ мы сохраняемъ въ своей памяти, какъ какую-нибудь ничтожную невѣжливость, микроскопическую грубость людей, которые необдуманно, или вслѣдствіе недостатка симпатичныхъ чувствъ нанесли намъ оскорбленіе. Одинъ остроумный американскій писатель говоритъ, «что красивая осанка лучше

красиваго лица, а хорошія манеры лучше красивой осанки онѣ даютъ высшее наслажденіе, чѣмъ статуи и картины—онѣ принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ изъ искусствъ». Нѣтъ общества, которому улыбка, веселый видъ, живой умъ не пришлись бы по нраву. Небольшія любезности ничтожны сами по себѣ, но въ совокупности онѣ имѣютъ большое значеніе въ жизни. Человѣкъ, успѣвающій на каждомъ поприщѣ, не самый трудолюбивый и умнѣйшій изъ людей, но тотъ, который успѣлъ понравиться и сдѣлаться любимымъ другими людьми.

Говорятъ про герцога Мальборуга, что онъ своими очаровательными манерами превращалъ враговъ въ своихъ друзей и его отказъ въ чемъ-нибудь былъ пріятнѣе, чѣмъ исполненіе просьбы кѣмъ-нибудь другимъ. Благодаря пріятнымъ манерамъ, не имѣя блистательнаго генія и, согласно словамъ Честерфильда, не получивъ даже порядочнаго образованія, онъ сдѣлался великимъ и богатымъ. Своими пріятными манерами онъ еще гвардейскимъ прапорщикомъ очаровалъ герцогиню Клевеландъ, фаворитку Карла II; она дала ему пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые и послужили ему основаніемъ его капитала. Своею ловкостью онъ усмирялъ гордость, зависть и непріязненность, заставлялъ молчать подозрѣнія и обманывалъ самыхъ ловкихъ въ своемъ искусствѣ дипломатовъ. Его очаровательная улыбка и привлекательный языкъ вмѣстѣ съ его острымъ мечемъ управляли судьбою государствъ. Только привлекательностью своею обращенія онъ съумѣлъ членовъ великаго союза противъ Франціи, несмотря на ихъ различные интересы, зависть и междуусобную вражду, направлять на главную цѣль войны.

Говорятъ, что пчелы не жалятъ тѣхъ людей, кожа которыхъ вымазана медомъ. Привѣтливыя манеры Карла Джемса Фокса предохраняли его отъ личнаго отвращенія,

хотя онъ часто проигрывалъ послѣдній долларъ и политически былъ самый непопулярный человѣкъ въ Англіи. Пріятныя манеры не только придаютъ болѣе прелести красивому лицу, но онѣ скрываютъ уродливость и дѣлаютъ пріятною даже каждую угловатость. Нѣтъ почти ни одного поприща, на которомъ дурное выраженіе лица не служило бы камнемъ преткновенія, между тѣмъ хорошія манеры часто уничтожаютъ дурное впечатлѣніе, производимое отвратительнымъ видомъ. Очаровательность манеръ демагога Уилькса восторжествовала надъ физическими и моральными недостатками, дѣлая каждую его уродливость пріятною. Мирабо́, можетъ быть некрасивѣйшій изъ французовъ, былъ обязанъ своему успѣху единственно привлекательности обращенія.

Кто не знаетъ, какую прелесть прекрасныя манеры придаютъ ораторской рѣчи. Демосѳенъ, усиливая значеніе дѣйствія, очень много заботился о манерахъ. Какое множество рѣчей очень серьозныхъ проходятъ незамѣтно, вслѣдствіе дурнаго ихъ произнесенія, между тѣмъ какъ другія, весьма поверхностныя, слывутъ за глубокія, необыкновенно художественныя и оригинальныя, вслѣдствіе хорошей интонаціи. Честерфильдъ говоритъ про герцога Аржила, что онъ, хотя слабый мыслитель, былъ лучшій изъ разскащиковъ, которыхъ онъ когда-либо слышалъ. Онъ восхищалъ своихъ слушателей «не сущностью того, что́ онъ говорилъ, но способомъ, какъ онъ это говорилъ. Я также былъ плѣненъ имъ—продолжаетъ Честерфильдъ—но когда я, возвратясь домой, обсудилъ холодно то, о чемъ онъ говорилъ, разсмотрѣлъ тѣ украшенія, въ которыя онъ облекъ свой разсказъ, то нашелъ, что содержаніе весьма бѣдно, доказательства слабы, и я убѣдился, что сила того, что̀ невѣжды называютъ пустяками, т. е. манера, или способъ произнесенія рѣчи—громадна». Д'Агессо говоритъ про Фенелона, что пре-

лесть его манеръ и неописанная выразительность разговора заставляли его слушателей думать, что не онъ обладалъ науками, о которыхъ онъ говорилъ, а онѣ были имъ самимъ изобрѣтены. Лордъ Чатамъ былъ очень краснорѣчивъ, но его манеры прибавляли ему еще болѣе краснорѣчія. Одинъ студентъ историческаго факультета, читая рѣчи Вильберфорса, очень удивлялся ихъ извѣстности, но еслибъ онъ слышалъ ихъ изъ устъ самого оратора, который произносилъ ихъ громкимъ, плавнымъ, проникающимъ до глубины души голосомъ съ жестами и измѣненіями выраженія лица, то онъ долженъ былъ бы сознаться, что драматическая дикція превращаетъ самое обыкновенное мѣсто сочиненія въ риторическое. Наполеонъ такъ много заботился о манерахъ, что бралъ уроки у извѣстнаго актера Тальмы и соглашался съ римлянами въ томъ, что молодежь непремѣнно должна брать уроки мимики и ораторскаго искусства.

Лордъ Честерфильдъ весьма интересно разсказываетъ о волшебныхъ успѣхахъ, которые производитъ особенный способъ рѣчи въ законодательныхъ собраніяхъ. Его просили достичь принятія грегоріанскаго календаря въ Англіи, и съ этой цѣлью онъ внесъ билль въ парламентъ. «Но тутъ-то— прибавляетъ онъ—мнѣ представилось величайшее затрудненіе. Билль необходимо долженъ былъ состоять изъ непонятнаго законодательнаго языка и астрономическихъ вычисленій, въ чемъ я окончательно былъ несвѣдущъ. Между тѣмъ я обязанъ былъ представить членамъ верхней палаты, что я хорошо знакомъ съ этимъ дѣломъ, и что они сами кое-что понимаютъ въ немъ, тогда какъ они, такъ же какъ я, не имѣли о немъ ни малѣйшаго понятія. Вслѣдствіе этого я рѣшился не поучать ихъ, а стараться доставить имъ удовольствіе. Въ особенности я занялся выборомъ словъ, гармоніей и округленностью періодовъ, декламаціей и мимикой. Если

только это удастся, то и все удастся: они будутъ думать, что я ихъ поучаю, потому что я имъ доставляю удовольствіе. И дѣйствительно, многіе изъ нихъ впослѣдствіи говорили, что я отлично разъяснилъ имъ суть дѣла, хотя самъ Богъ знаетъ, что я никогда не могъ достичь этого, потому что самъ ничего не понималъ. Послѣ меня говорилъ принимавшій дѣятельное участіе въ этомъ биллѣ одинъ изъ величайшихъ математиковъ и астрономовъ, Мекклесфильдъ, съ огромнымъ знаніемъ и съ ясностью, на сколько это позволялъ такой запутанный предметъ; но такъ какъ его слова, его періоды и его произнесеніе рѣчи не были приблизительно такъ хороши, какъ мои, то и предпочтеніе единодушно, хотя несправедливо, было отдано мнѣ».

Всякому человѣку извѣстны десятка два случаевъ, въ которыхъ пріятныя манеры составили счастіе адвокатовъ, докторовъ, богослововъ, купцовъ, короче сказать людей разныхъ спеціальностей. Рэли, какъ сказано выше, сбросивъ съ себя шитое золотомъ платье въ грязь подъ ноги Елисаветы во время ея прогулки, пріобрѣлъ благосклонность королевы. Политическій дѣятель, обладающій этими качествами, непремѣнно одержитъ верхъ надъ своимъ соперникомъ, потому что въ каждомъ подающемъ голосъ онъ съумѣетъ пріобрѣсти себѣ друга. Тонъ, какимъ онъ проситъ у васъ щепотку табаку, иногда болѣе значитъ, чѣмъ вся логика Вибстера или Клея. Вѣжливое обращеніе часто награждаетъ бездѣльника успѣхомъ, между тѣмъ какъ лучшіе люди своею холодностью и суровостью наносятъ себѣ величайшій вредъ; шелуха такъ груба, что свѣтъ не хочетъ вѣрить, что внутри ея находится драгоцѣнное ядро. Вѣжливость для человѣка то же, что красота для женщины. Она производитъ мгновенное впечатлѣніе въ его пользу, тогда какъ недостатокъ противоположный этому качеству возстановляетъ противъ него. Вѣжливость есть самое дѣй-

ствительное украшеніе, самое лучшее платье, которое только можетъ носить мужчина или женщина.

Предположеніе, что людямъ, отличающимся мягкостью и нѣжностью нрава, недостаетъ силы характера, есть общее заблужденіе. Нѣкоторые примѣры любезности, которые мы уже приводили, вполнѣ отрицаютъ это; Фарадей, величайшій англійскій физикъ, служитъ живымъ доказательствомъ противоположнаго. Онъ былъ любезнѣйшимъ человѣкомъ, но подъ его мягкостью и любезностью пылалъ вулканъ. Отъ природы онъ былъ пылкій и легко возбуждавшійся, но «силою строгой дисциплины надъ самимъ собою—говоритъ Тиндаль — онъ сосредоточилъ весь свой огонь въ центральный пылъ и въ побудительную силу жизни, не позволяя обратиться ему въ безполезную страсть». Люди, умѣющіе покорить свои страсти и направляющіе съ пользою свою горячность, составляютъ двигательную силу свѣта. Поэтому злые сатирики вовсе не такъ хороши, какъ они думаютъ про себя. Необходимъ нѣкоторый талантъ и великодушіе, чтобы открыть талантъ и великодушіе у другихъ. Одного только самообожанія и злобы недостаточно, чтобъ умѣть открыть или представить ошибки другихъ.

Самый величайшій врагъ вѣжливости есть застѣнчивость, такъ характеризующая англо саксонское племя. Англо саксы повсюду жестки, сдержанны, несообщительны; чрезъ каждаго изъ нихъ, по словамъ Жоржъ-Санда, проходитъ британскій токъ, который ихъ дѣлаетъ равнодушными ко всѣмъ обстоятельствамъ и недоступными вліянію атмосферы посѣщаемыхъ ими странъ. Докторъ Гутри изъ Эдинбурга вотъ что разсказываетъ изъ своихъ наблюденій во время путешествія: «Спросите кого-нибудь указать вамъ въ Римѣ дорогу, и вамъ сейчасъ дадутъ любезный, вѣжливый отвѣтъ; сдѣлайте этотъ же вопросъ здѣсь (въ Шотландіи), и вамъ скажутъ: «идите за вашимъ носомъ и вы найдете дорогу». Но не слѣ-

дуетъ упрекать въ грубости низшіе классы общества: низшій классъ невѣжливъ, потому что невѣжливъ высшій. Я вспоминаю, какъ я былъ удивленъ въ первое время моего пребыванія въ Парижѣ. Я провелъ одну ночь съ банкиромъ; мы съ нимъ отправились въ пансіонъ, какъ тамъ называютъ и что по нашему есть домъ, гдѣ берутъ на хлѣба; когда мы взошли въ него, то служанка-дѣвушка отворила намъ дверь, при чемъ банкиръ снялъ передъ ней шляпу, поклонился и назвалъ ея мадемуазель, какъ будто она была въ самомъ дѣлѣ барышня. Вслѣдствіе этого причина вѣжливости низшихъ классовъ во Франціи та, что высшіе съ ними обращаются ласково и учтиво.»

Американцы по бо́льшей части не отличаются боязливостью и застѣнчивостью, но Гэуторть, извѣстный писатель, избѣгавшій такъ тщательно общества другихъ людей, кажется принадлежащимъ по своей застѣнчивости къ настоящему англо саксонскому племени. Онъ сдѣлалъ замѣчаніе въ своемъ дневникѣ о томъ днѣ, въ который онъ рѣшился не говорить ни съ одной человѣческою душой. Однажды онъ отправился въ деревню. Отправивъ свой чемоданъ въ почтовую контору, онъ возвратился и торжественно записалъ, что онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Развѣ послѣ этого странно, что авторъ «Marble Faun», несмотря на свой геній, былъ меланхолическимъ и въ сущности несчастнымъ человѣкомъ. Развѣ странно, что онъ долгое время жилъ въ неизвѣстности, прежде чѣмъ его великія дарованія были признаны обществомъ?

Правда и то, что вѣжливость требуетъ болѣе усилій отъ одного человѣка, чѣмъ отъ другаго. Съ ѣдкою досадою сказано про одного англійскаго государственнаго человѣка: «Каннингъ не можетъ быть джентельменомъ болѣе трехъ часовъ въ сутки». Правда также, что бываютъ минуты въ человѣческой жизни, въ которыя оставаться одинаково равно-

душно любезнымъ становится выше человѣческихъ усилій; но молчаливо переносить многія печали жизни, сохранять почтительное поведеніе относительно другихъ при огорченіяхъ и испытаніяхъ—есть не только христіанскій долгъ, но и свѣтская вѣжливость. Докторъ Валентинъ Моттъ остроумно сказалъ, что «у молодыхъ, порядочныхъ людей сдѣлано два кармана: одинъ большой — для сокрытія обидъ и маленькій—для сохраненія наградъ». Сотни людей вполнѣ обязаны возвышенію въ жизни единственно только своей ловкости.

Честерфильдъ нисколько не преувеличиваетъ, говоря, что искусство нравиться влечетъ за собою самовозвышеніе, самоотличіе, пріобрѣтеніе общественнаго положенія и счастія въ свѣтѣ. Разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи жилъ бѣдный, но чрезвычайно вѣжливый приходскій священникъ. Однажды онъ замѣтилъ при входѣ въ церковь двухъ старыхъ дѣвицъ, одѣтыхъ по старой модѣ, которыхъ чернь осыпала насмѣшками и загораживала имъ входъ въ церковь. Протискавшись чрезъ толпу, онъ подалъ одной дамъ правую, другой лѣвую руку и провелъ ихъ къ скамейкѣ во внутрь церкви, не смотря на презрительные взгляды и насмѣшки толпы. Черезъ нѣсколько лѣтъ священникъ былъ пріятно удивленъ, узнавъ что эти двѣ старыя дѣвицы, умирая, отказали ему значительную часть капитала за его любезность.

Также вслѣдствіе своей вѣжливости къ двумъ незнакомцамъ, одному изъ нихъ иностранцу, мистеръ Уйнэнсъ изъ Филадельфіи былъ приглашенъ въ Петербургъ Императоромъ для сооруженія локомотивовъ. Незнакомцы выказали большое равнодушіе, разсматривая обширныя учрежденія Филадельфіи, но когда они посѣтили третьестепенную или четвертостепенную факторію мистера Уйнэнса, то онъ такъ любезно показывалъ имъ свои работы, терпѣливо объяснялъ

имъ и отвѣчалъ на ихъ вопросы, что чрезъ годъ получилъ приглашеніе перенести свою фабрику въ Россію. Онъ отправился, собралъ большое богатство и впослѣдствіи получалъ со своихъ мастерскихъ въ Россіи до ста тысячъ долларовъ годоваго дохода. Возвратясь въ Филадельфію онъ положилъ тамъ основаніе одному изъ огромнѣйшихъ частныхъ богатствъ—и всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ своей любезности къ иностранцамъ.

Весьма немногіе люди имѣютъ такое вліяніе на другихъ, какое имѣлъ епископъ Фенелонъ. Причина его власти надъ сердцами другихъ происходила отъ одинаковой вѣжливости и любезности съ людьми всѣхъ классовъ, вытекавшей изъ его глубокой любви къ своимъ ближнимъ. Лордъ Петерборо говоритъ про него, что онъ былъ превосходный человѣкъ, и что онъ, лордъ Петерборо, всегда старался убѣжать, завидя его, изъ боязни, чтобъ тотъ не сдѣлалъ его ревностнымъ христіаниномъ. Канонъ Кингсли замѣчаетъ, что та любовь и удивленіе, которое возбуждалъ истинно храбрый и любящій человѣкъ, Сидней Смитъ, происходила отъ его, по всей вѣроятности даже невольнаго, равнаго обращенія съ бѣдными и богатыми, съ простыми и благородными; со всѣми онъ обходился, какъ съ гостями, одинаково любезно, ласково, предупредительно и благосклонно, такъ что онъ оставлялъ и получалъ благословенія повсюду, куда онъ только приходилъ.

Истинная храбрость и любезность идутъ рука объ руку. Самый храбрый человѣкъ болѣе способенъ прощать и всячески старается избѣгать ссоры. Говорятъ про сэра Джона Франклина, что онъ никогда не уклонялся отъ опасности, но имѣлъ такую нѣжность души, что не могъ согнать прочь комара. Въ концѣ своей жизни герцогъ Веллингтонъ писалъ къ своему другу: «Не въ моей привычкѣ рѣшать такіе предметы запальчиво или въ гнѣвѣ, доказатель-

ствомъ чему служить то, что я во всю мою жизнь ни съ кѣмъ не имѣлъ ссоры». Принимая во вниманіе долгую и разнообразную военную и гражданскую дѣятельность «Желѣзнаго герцога» въ различныхъ частяхъ свѣта, его сношенія съ безчисленнымъ множествомъ людей самыхъ противоположныхъ качествъ, его постоянную борьбу на полуостровѣ съ испанскою гордостью и подозрительностью, современныя привычки его арміи и его политическія искушенія, кажется поразительнымъ, что генералъ, въ правдивости котораго нельзя усомниться, въ шестьдесятъ лѣтъ могъ это сказать про себя. Очевидно, что онъ никогда не могъ бы этого сказать, еслибъ онъ прежде, чѣмъ выучиться управлять другими, не научился бы управлять собою, наблюдая и подчиняя свои чувства тѣмъ самымъ хладнокровію и самообладанію, съ какими онъ дѣйствовалъ со своими войсками на полѣ сраженія.

Если манеры имѣютъ такія послѣдствія, развѣ не глупо пренебрегать ими или презирать ихъ? Напротивъ, не должно ли образованіе ихъ входить въ составъ нашего воспитанія? Я въ особенности напираю на это потому, что это ошибка свойственна по бо́льшей части всѣмъ молодымъ людямъ. Они думаютъ, что необходима только сущность, а форма вещь совершенно излишняя. Но манеры не одна только форма, а соединеніе формы съ умомъ, умъ проявляется въ формѣ. Съ дѣловою смѣтливостью, съ энергіей, съ знаніемъ и съ промышленною ловкостью вступающій въ жизнь льститъ себя надеждою на вѣрный успѣхъ. Онъ можетъ пробить себѣ дорогу своей силой. Безъ сомнѣнія человѣкъ долженъ имѣть блестящія способности и необыкновенную силу характера, чтобъ заставить всѣ препятствія посторониться и дать ему дорогу. Но успѣхъ, выигранный такимъ образомъ, будетъ стоить большой потери силы. Эти самыя способности, соединенныя съ пріятными манерами, будутъ имѣть болѣе блес-

тящіе результаты. Безъ сомнѣнія и одна грубая сила можетъ произвести точно такое же дѣйствіе, какое производитъ солдатъ, когда онъ рубитъ непріятеля интрепелью или косою, но не благоразумнѣе ли было бы съ его стороны предпочесть этимъ орудіямъ острый дамасскій клинокъ.

Даже въ ревностныхъ христіанахъ замѣтенъ недостатокъ любезности. Иногда они думаютъ, что это признакъ слабости, иногда же пренебреженіе къ ней происходитъ просто отъ беззаботности. Если мы станемъ наблюдать людей, имѣющихъ вліяніе на своихъ ближнихъ, то мы увидимъ, что они всегда присоединяютъ любезность ко всѣмъ своимъ другимъ качествамъ и съ помощію ея находятъ доступъ въ сердца другихъ людей. Одинъ старый англійскій поэтъ благоговѣйно именуетъ «Спасителя первымъ истинно привлекающимъ къ Себѣ человѣкомъ, который когда-либо дышалъ на землѣ». Никто не захочетъ обвинить Петра и Павла въ слабости, потому что они часто рѣзко высказывали людямъ самыя непріятныя истины; но ихъ посланія столь же полны любезности и кротости, сколько здраваго смысла и порицанія. Многіе великіе и добрые люди удвоятъ свое значеніе, если будутъ менѣе недоступны и суровы. Справедливо, что любезность въ обществѣ подобна молчаливому вліянію свѣта, который придаетъ колоритъ всей природѣ; она гораздо значительнѣе величія и силы и плодотворнѣе ея; она молчаливо, но упорно пробиваетъ себѣ дорогу, какъ растеніе чалма, которое силою своего роста вырываетъ глыбы земли и отбрасываетъ ихъ въ сторону.

Иногда говорятъ, что любезность не стоитъ ничего. Конечно, если подъ этимъ словомъ будемъ разумѣть внѣшній лоскъ, легкую тушевку, состоящую изъ кривляній и поклоновъ, то это будетъ совершенная правда; но подъ любезностью мы разумѣемъ не одну только поверхностную вѣжливость человѣка, но его сердечное желаніе сдѣлать

другихъ счастливыми въ ущербъ себѣ, снисходительность къ другимъ безъ лицемѣрія и навязчивости. Главный законъ хорошихъ манеръ заключается въ заповѣди, данной Божественнымъ Спасителемъ: «люби твоего ближняго какъ самого себя». Истинная любезность состоитъ въ приложеніи этого драгоцѣннаго правила во всѣхъ положеніяхъ жизни, или какъ докторъ Витерспунъ удачно ее опредѣлилъ: «это есть дѣйствительная доброта, добродушно выраженная». Джонсонъ имѣлъ много благородства, храбрости, доброты сердца, но всё это безъ добродушнаго обращенія нельзя назвать вѣжливостью. Нельзя назвать Карлейля, не смотря на всѣ его благородныя качества, учтивымъ, такъ какъ его глубокое презрѣніе къ людямъ, несоглашавшимся съ нимъ, выводило изъ терпѣнія людей высоко уважавшихъ его честность и знаніе. Между тѣмъ Вашингтонъ былъ вѣжливъ, быстро отвѣтивъ на поклонъ красильщика; Арнольдъ былъ вѣжливъ, когда бѣдная женщина почувствовала, что онъ обошелся съ ней какъ съ лэди; Чальмерсъ былъ вѣжливъ, потому что каждая старуха гордилась и восхищалась его привѣтливымъ поклономъ; такимъ же былъ Робертъ Борнсъ, когда онъ, узнавъ честнаго фермера на улицѣ, замѣтилъ одному знакомому, упрекавшему его за это, что онъ говорилъ «не съ длиннымъ сюртукомъ, не съ старомодной шляпой, не со штиблетами,» а говорилъ «съ человѣкомъ, который находился подъ этой одеждой».

Такая вѣжливость никогда не можетъ быть пріобрѣтена изученіемъ искуственныхъ правилъ учтивости въ книгахъ. Дѣйствіе всѣхъ этихъ правилъ заставить думать о самомъ себѣ болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ, между тѣмъ сущность любезности состоитъ въ бо́льшей заботѣ о другихъ, чѣмъ о самомъ себѣ.

Нѣкоторые люди, замѣчая, что человѣкъ можетъ сбрасывать съ себя манеры и снова по своему желанію обле-

каться въ нихъ, забываютъ главнѣйшія условія вѣжливости. Благородное и привлекательное поведеніе происходитъ отъ доброты, откровенности и утонченности обращенія; этими же качествами человѣкъ не владѣетъ поденно или по часамъ, а они являются его спутниками во всю его жизнь.

Правила, которымъ подчинена ваша жизнь, самые лучшіе преподаватели хорошихъ манеръ. Сэръ Филиппъ Сидней былъ образцомъ истинно порядочнаго человѣка для всей Англіи, но героемъ былъ тотъ, кто на полѣ сраженія при Цутфенѣ отнесъ отъ своихъ лихорадочныхъ, засохшихъ губъ чашу съ водою, чтобъ поднести ее подлѣ лежащему, умирающему солдату. Здѣсь уже любезность переходитъ въ самопожертвованіе. Это послѣдній ударъ кисти, заключающій совершенство благороднаго характера. Это качество подобно золоту на шпицѣ, солнечному свѣту на нивѣ, улыбкѣ рыцаря, представляющаго свой мечъ дамѣ своего сердца, и проистекаетъ отъ полнаго равновѣсія и гармоніи души.

# ГЛАВА XII.

## Привычки.

Usus efficacissimus rerum omnium magister.

*Плиній.*

Въ нашихъ обширныхъ механическихъ учрежденіяхъ можно видѣть машину, изобрѣтенную для дѣйствія надъ холоднымъ желѣзомъ. Съ легкостью и тишиною печатнаго станка она дѣйствуетъ съ силою равною тысячѣ тоннъ и при каждомъ нажатіи выдавливаетъ огромныя кубическіе куски изъ бруса съ такою же легкостью, какъ мы разбиваемъ фарфоръ или глину. Она двигаетъ свой твердый стальной стержень безъ всякаго затрудненія и неправильности въ движеніи черезъ кусокъ желѣза въ два дюйма толщиною. Что за причина такой чудесной и постоянной силы? Причину эту находятъ въ накопляющейся силѣ колеса, которое, вращаясь сто тридцать разъ въ минуту, напираетъ съ поразительною силою на стальной рѣзецъ и должно или разбить всю машину въ дребезги, или преодолѣть всѣ препятствія.

Такой же удивительный механизмъ мы находимъ въ силѣ привычки. Кто не видалъ въ сотнѣ примѣровъ,

что нравственная сила, накопленная привычкою, такъ же непреодолима, какъ сила вращающагося колеса? Бываютъ минуты въ человѣческой жизни, когда онъ безъ поддержки этой силы непремѣнно упалъ бы; но, къ счастію, въ такихъ случаяхъ сила принциповъ, накопленныхъ энергіей продолжительной и постоянной привычки, вырываетъ его изъ пропасти и дѣлаетъ его способнымъ собраться съ силами противъ новыхъ испытаній. Значительная запасная сила, заключающаяся въ привычкѣ, была часто замѣчаема моралистами. «Человѣкъ — говоритъ Пелей — есть связка привычекъ». Привычка, согласно пословицѣ, вторая природа, иногда же, какъ мы знаемъ, она становится такъ могущественна, что исключаетъ первую. Метастазіо такъ строго придерживался мнѣнія о силѣ повторенія мыслей и дѣйствія, что говорилъ: «Все есть дѣло привычки въ человѣческомъ родѣ, даже сама добродѣтель». Начинаясь неуловимыми проявленіями привычка образуется медленно, и мы до тѣхъ поръ не замѣчаемъ ея существованія, пока паутинныя нити не образуютъ каната. «Подобно снѣжинкамъ, падающимъ незамѣтно на землю — говоритъ Іеремія Бентамъ — на видъ незначительные случаи жизни слѣдуютъ одинъ за другимъ; какъ снѣжинки собираются, такъ образуются и ваши привычки; ни одна снѣжинка, прибавляемая къ кучѣ, не производитъ чувствительной перемѣны — ни одно дѣйствіе само по себѣ не создаетъ человѣческаго характера; но какъ буря сбрасываетъ лавины съ горъ и поражаетъ обитателей и ихъ жилища, точно такъже страсти, дѣйствуя на стихію зла, котораго пагубныя привычки незамѣтно накопились, могутъ опрокинуть зданіе правды и добродѣтели».

Сила привычки живо подтверждается тѣмъ, что она превращаетъ въ пріятныя тѣ вещи, которыя намъ прежде казались отвратительными и тяжелыми. Прогулка по квартеръ-деку корабля, сперва несносная, становится пріятною

для матроса. Лордъ Кэмсъ разсказываетъ про одного человѣка, принужденнаго оставить море для континентальной жизни, что онъ выстроилъ въ углу своего сада искуственный мостъ, совершенно похожій величиною и фигурою на квартеръ-декъ и постоянно прогуливался по немъ. Когда Франклинъ былъ смотрителемъ постройки крѣпостей, то онъ проводилъ ночи на голой землѣ, и когда онъ снова возвратился къ цивилизованной жизни, то ему казалось неудобнымъ спать на кровати. Капитанъ Россъ съ своимъ экипажемъ привыкъ во время полярныхъ путешествій ложиться на мерзломъ снѣгѣ или на покрытой льдомъ скалѣ, и ему показались чрезвычайною роскошью удобства палубы китоловнаго судна. Этотъ же принципъ подтверждается другимъ образомъ, именно слѣпые отъ рожденія или лишенные зрѣнія пріобрѣтаютъ привычку тщательно наблюдать предметы при посредствѣ органа осязанія и поражаютъ насъ точнымъ описаніемъ ихъ. Слѣдствіе постояннаго повторенія дѣйствій такъ сильно, что человѣкъ, у котораго привычки уже установились, можно сказать теряетъ свою свободную дѣятельность. Ихъ дѣйствія, по ихъ словамъ, ведутъ свое начало отъ судьбы, и они такъ опутаны цѣпями, которыя они сами себѣ выковали, что дѣлаютъ только то, что́ привыкли дѣлать, хотя знаютъ, что это не принесетъ имъ ни пользы, ни удовольствія. Фильдингъ отлично это доказалъ въ сценѣ изъ «Жизни Іонатана Вильда», гдѣ такого рода личность представлена играющею въ карты съ графомъ, записнымъ игрокомъ:

«Такова была сила привычки надъ умами этихъ знаменитыхъ людей, что мистеръ Вильдъ не могъ не запустить свои руки въ карманы графа, хотя зналъ, что они пусты, а графъ не могъ воздержаться отъ обмана въ картахъ, отлично зная, что у Вильда нѣтъ денегъ ему заплатить».

Совершенно вѣрно сказано, что даже само счастіе

можетъ сдѣлаться привычнымъ. Одинъ пріобрѣтаетъ привычку смотрѣть на свѣтлую сторону предметовъ, другой — на мрачную. Одинъ можетъ привыкнуть при помощи счастливой алхиміи превращать самыя печальныя случаи въ матеріалы для свѣтлыхъ надеждъ; другой же упражняется въ сѣтованіи на судьбу. Историкъ Юмъ говоритъ, что привычка смотрѣть съ свѣтлой точки зрѣнія на предметъ лучше чѣмъ тысяча фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода. Разсказываютъ про Кромвеля, что надежда, подобно огненному столбу, свѣтила ему тогда, когда она покидала другихъ.

Если такова сила привычки, то безъ сомнѣнія отъ ранняго образованія хорошихъ привычекъ много зависитъ въ жизни успѣхъ. Можемъ ли мы сомнѣваться, что привычка къ терпѣнію и наблюдательности должна имѣть большое значеніе во всевозможныхъ занятіяхъ, а противоположныя привычки — небрежность и невнимательность — ведутъ насъ къ несчастіямъ и къ погибели.

Газлиттъ смотритъ на дѣловую жизнь, какъ на дѣло привычки или навыка, на которую могутъ быть способны только люди трудолюбивые. Въ одномъ изъ своихъ блестящихъ сочиненій онъ представляетъ дѣловаго человѣка машиною. «Они поставлены въ телѣгу, на нихъ надѣваютъ сбрую занятій и запрягаютъ колесо счастія. Все, что они должны дѣлать—говоритъ онъ—это предоставить вещамъ ихъ собственный ходъ и не оставлять избитой дороги. Самое необходимое требованіе для процвѣтанія занятія есть отсутствіе воображенія или какихъ-нибудь мечтаній и привычка къ сосредоточенію мыслей на самомъ узкомъ масштабѣ. Берите то—продолжаетъ онъ—что вы можете взять, и берегите то, что вами взято; горячо хватайтесь за случайности, могущія быть полезными вамъ, старайтесь изъ нихъ извлечь какъ можно больше выгоды, и съ помощію

прилежанія и трудолюбія вы сдѣлаетесь первоклассным торговцемъ».

Это любимая доктрина многихъ писателей, но ничто не можетъ быть такъ несправедливо. Безъ сомнѣнія есть дѣловые люди съ весьма ограниченнымъ умомъ, которые измѣряютъ ярдомъ каждой предметъ и которые не вѣрятъ ни во что, какъ говоритъ Бёркъ, кромѣ того, что они могутъ вымѣрить двухъ-футовою линейкою или чего они не могутъ сосчитать на своихъ пальцахъ. Ихъ жизнь бѣжитъ въ желобкѣ, выбраться изъ котораго они не могутъ. Но развѣ нѣтъ адвокатовъ, докторовъ или богослововъ, которые выдвигаются единственно только вслѣдствіе своего трудолюбія, и развѣ даже сами писатели не представляютъ отголоска старинныхъ произведеній, вмѣсто того, чтобъ восхищать насъ своимъ вдохновеніемъ или оригинальностью мысли. Великихъ людей на всѣхъ поприщахъ чрезвычайно мало. Незначительное занятіе требуетъ небольшаго ума, но развѣ занятіе, имѣющее обширный масштабъ, не представляетъ достаточнаго пространства для всесторонняго приложенія величайшихъ способностей ума. Въ прошлые вѣка, до изобрѣтенія пароходовъ и электрическихъ телеграфовъ, когда торговля была незначительна, только немногія способности ума участвовали въ этой игрѣ; но въ настоящее время, когда подводные канаты сдѣлали изъ цѣлаго свѣта акустическую галлерею и когда движеніе одного рынка отражаются на другомъ, когда самыя разнообразныя знанія и постоянная бдительность необходимы для успѣха, нельзя сомнѣваться, что прилежный трудъ, полное погруженіе въ дѣла, сношенія съ людьми и необходимыя усилія, налагаемыя занятіемъ, даютъ самыя дѣльное приложеніе уму и обширное поприще для упражненія дисциплины характера. Когда мы разсматриваемъ, какія громадныя умственныя способности необходимы для веденія колоссальнаго торга, тре-

бующаго здраваго смысла, большой энергіи, быстроты рѣшимости и дѣятельности въ непредвидѣнныхъ случаяхъ, ловкости въ организаціи и смѣтливости въ управленіи большимъ числомъ людей и кромѣ того еще множества мелкихъ качествъ, то мы убѣждаемся что дѣйствительно способные торговые люди такъ же велики, какъ поэты, живописцы, ораторы.

Одинъ сотрудникъ англійской газеты «Pall-Mall» говоритъ, что чрезвычайно низко на торговлю смотрѣть только какъ на доходную статью. Торговый человѣкъ имѣетъ свою часть въ міровомъ трудѣ, свою долю въ великой общественной дѣятельности. Его занятіе можетъ ему нравиться или нѣтъ, но оно есть трудъ, и какъ трудъ оно требуетъ прилежанія, самоотверженія и дисциплины. Оно его наука и онъ не можетъ достигнуть совершеннаго знанія ея не влагая въ нее самого себя, не подчиняя ей своихъ мыслей и стремленій; напротивъ того, онъ долженъ сосредоточиться на малѣйшихъ подробностяхъ своего предмета. Постоянная необходимость въ присутствіи духа, въ наблюденіи за самимъ собой, въ силѣ, въ умѣ, въ усиліяхъ надъ волею и въ быстрой сообразительности — все это составляетъ хотя и не высочайшее, но высокое образованіе, такое образованіе, которое если не утончается, то укрѣпляется, которое даетъ силу, если не лоскъ. Оно производитъ людей сильныхъ и дѣятельныхъ, людей съ большими способностями къ дѣлу, хотя оно и не дѣлаетъ всегда людей утонченныхъ или джентльменовъ.

Между привычками, необходимыми для отправленія всякаго рода занятій самыя важныя: наблюдательность, прилежаніе, способность, аккуратность, точность и быстрота. Есть люди, готовые насмѣхаться надъ этими добродѣтелями и считать ихъ бездѣлицами, недостойными ихъ вниманія. Но еще разъ повторяю, слѣдуетъ вспомнить, что вся человѣческая жизнь состоитъ изъ бездѣлицъ; пенсы со-

ставляютъ фунты, а минуты часъ; таково же дѣйствіе повторенія въ отдѣльности незначительныхъ явленій на человѣческій характеръ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти люди испытываютъ неудачу единственно вслѣдствіе пренебреженія незначительными обстоятельствами, казавшимися имъ микроскопическими и нестоющими ихъ вниманія.

На значеніи усидчивости и прилежанія при занятіяхъ безполезно останавливаться. Всѣ люди, пріобрѣвшіе себѣ собственное имущество, отличались съ самаго начала своей дѣятельности напряженнымъ и непоколебимымъ трудолюбіемъ, привычку къ которому они пріобрѣли очень рано. Если вы ищите успѣха, то вы должны положить вашъ умъ, сердце и душу въ вашъ трудъ. Только такъ поступая вы можете полюбить его, и другимъ путемъ вы не достигнете прилежанія. Не талантъ или познанія, но энтузіазмъ и энергія доставляютъ намъ побѣду на жизненномъ поприщѣ. Самая же ужасная привычка, это—привычка заниматься пустяками. Лѣность, непостоянство, нетерпѣніе могутъ быть излечены, но эта привычка, разъ установившись, не можетъ быть вырвана съ корнемъ. Ея послѣдствія самыя печальныя, потому что она никогда не бываетъ единичной, а всегда сопровождается другими дурными привычками, какъ-то: медленностью, непостоянствомъ, недостаткомъ точности, отлагательствомъ и часто неправдивостью.

Однимъ изъ характеристическихъ качествъ Джона Калоуна было его вниманіе. Одинъ господинъ, обыкновенно сопровождавшій Калоуна въ его прогулкахъ, разсказываетъ, что послѣдній старался всегда доказать ему важность развитія этой способности. «Чтобы воодушевить мои усилія—разсказываетъ писатель — онъ говорилъ, что для достиженія этого необходимо подчинить нашъ умъ строгой дисциплинѣ, и что онъ самъ неуклонно стремился пріобрѣсти это качество, пока не получилъ полной власти надъ умомъ

и могъ сосредочить его на одномъ предметѣ, ни на минуту не уклоняясь, вслѣдствіе чего у него образовалась привычка, прогуливаясь верхомъ, выбирать предметъ для размышленія и до тѣхъ поръ не оставлять его, пока онъ не былъ вполнѣ разсмотрѣнъ».

Сэръ Вильямъ Гамильтонъ замѣчаетъ, что вся разница между обыкновеннымъ умомъ и умомъ Ньютона состоитъ въ томъ, что его умъ былъ болѣе способенъ къ продолжительному вниманію, чѣмъ умъ каждаго другаго, и что Ньютонъ былъ въ состояніи безъ усталости переходить отъ заключенія къ заключенію и подводить ихъ къ опредѣленному концу, тогда какъ всякій другой человѣкъ, менѣе способный къ продолжительному вниманію, скоро былъ бы принужденъ оборвать или упустить нить, которую онъ начиналъ прясть. На геніальность многіе остроумные наблюдатели смотрятъ, какъ на высшую степень способности къ постоянному вниманію. «Геній — говоритъ Гельвецій — есть только продолжительное внимáніе». «Геній — говоритъ Бюффонъ — есть только продолжительное терпѣніе». «Наконецъ, въ точныхъ наукахъ — говоритъ Кювье—непобѣдимое терпѣніе здраваго ума образуетъ геній». Честерфильдъ также замѣчаемъ, что приложеніе усиленнаго вниманія къ одному предмету есть вѣрный признакъ генія.

Слѣдовательно вы должны обработывать эту привычку, если вы хотите имѣть успѣхъ въ вашихъ занятіяхъ. Сдѣлайте изъ нея вторую природу. Каково бы ни было ваше призваніе, обладайте всѣми его подробностями, началами, орудіями и приложеніями. Пусть ничто не избѣгнетъ вашего наблюденія, изслѣдуйте предметъ сверху до низу.

Привычка способа или метода необходима всѣмъ, кто желаетъ работать много и вслѣдствіе этого долженъ соблюдать экономію во времени. Фёллеръ, старый богословъ, говоритъ тѣмъ, которые желаютъ сохранить въ памяти прочитан-

ное ими: «Строй твои понятія по хорошему методу. Человѣкъ можетъ снести въ двадцать разъ бо́льшую тяжесть хорошо увязанную и упакованную, чѣмъ висящую клочьями на его плечахъ». Цесиль, превосходный работникъ, дѣлаетъ такое же сравненіе: «Методъ — говоритъ онъ — все равно, что упаковка вещей въ ящикъ; хорошій укладчикъ уложитъ въ половинѣ ящика столько же вещей, сколько худой въ цѣломъ». Біографъ Вибстера говоритъ намъ, что методъ былъ его главное правило въ жизни, и очевидно, что безъ него онъ не привелъ бы въ исполненіе свой геркулесовскій трудъ, именно составленіе огромнаго словаря. Кольриджъ, хотя самъ далеко неметодическій человѣкъ, придаетъ такое значеніе методу, что даже писалъ трактатъ о немъ. Говорятъ, что Уэйтфильдъ не засыпалъ ночью, если онъ вспоминалъ, что возвратясь съ прогулки не клалъ на обычное мѣсто перчатокъ и хлыста. Наполеонъ, поразившій государей Европы на конгрессѣ въ Эрфуртѣ своимъ подробнымъ знаніемъ историческихъ чиселъ, былъ высоко систематичнымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что всѣ его знанія сохраняются въ ящикахъ, и стоитъ ему только выдвинуть одинъ изъ нихъ, какъ все, чему онъ учился о какомъ-нибудь предметѣ, является у него подъ рукой.

Нѣтъ занятія, которое не требовало бы системы. Она потребна для самой ничтожной торговли, которая безъ нея падаетъ; въ сложномъ же торговомъ дѣлѣ она составляетъ предметъ первой необходимости—она соединяетъ разрозненныя части и даетъ имъ единство. Безъ нея обширныя силы богатаго купца, собирающаго и распредѣляющаго произведенія всѣхъ климатовъ, соединяющаго своею дѣятельностью всѣ четыре части свѣта, были бы невозможны. Предсѣдатели конкурсовъ по несостоятельности говорятъ, что въ девяти случаяхъ изъ десяти банкротства происходятъ отъ запутанности дѣлъ и отсутствія какого-либо плана, или

метода. Но методъ въ смыслѣ безжизненной рутины заслуживаетъ полнаго презрѣнія. Формалистъ съ своими изъ желѣза выкованными правилами, неподдающимися вліянію обстоятельствъ, чахлое созданіе. Методъ безъ гибкости, перестающій быть средствомъ, а дѣлающійся цѣлью, скорѣе приноситъ затрудненіе, чѣмъ помощь, и тотъ, кто забывая его значеніе, становится его рабомъ, показываетъ узкость своего ума и неспособность къ обширнымъ предпріятіямъ. Но осмысленный методъ, который приноравливается къ требованіямъ и имѣетъ всегда одинъ предметъ въ виду, который преслѣдуетъ какую-нибудь цѣль, есть самый могущественный помощникъ въ человѣческомъ трудѣ. Промысловый или торговый человѣкъ, пренебрегая имъ, ничего не можетъ сдѣлать хорошо. Какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ или богатъ опытомъ, во всякомъ случаѣ, работая безъ системы, бросаясь на то, что́ находится ближе подъ рукой, или хватаясь разомъ за дюжину предметовъ, онъ рано или поздно потерпитъ неудачу. Даже въ умственныхъ занятіяхъ усидчивое, методическое прилежаніе скорѣе приводитъ къ желанному концу.

Важность системы въ распредѣленіи дневныхъ обязанностей живо подтверждается опытомъ доктора Кэна, заключеннаго въ снѣжныхъ горахъ арктическаго круга и имѣвшаго въ виду нѣсколько мѣсяцевъ такого печальнаго заключенія. Въ своихъ людяхъ, ослабѣвшихъ отъ болѣзней и лишеній, когда всѣ, за исключеніемъ восьми, отправились искать возможности убѣжать, онъ старался подкрѣпить энергію и падающій духъ систематическимъ выполненіемъ обязанностей и соблюденіемъ нравственной дисциплины. «Ничто такъ не угнетаетъ и не развращаетъ нравы, какъ отклоненіе отъ установленнаго и привычнаго образа жизни—говоритъ онъ. — Я рѣшилъ, что все должно идти, какъ шло прежде. Росписаніе часовъ, распредѣленіе занятій, религіозныя за-

нятія, обряды за столомъ, караулъ, занятія астрономическія, наблюденія за приливами и за состояніемъ облаковъ, однимъ словомъ ничто не было пропущено, что составляло дневныя обязанности».

Необходимость аккуратности для успѣха такъ очевидна, что, кажется, не нуждается даже въ доказательствахъ. То, что заслуживаетъ быть сдѣланнымъ, должно быть сдѣлано хорошо. Лучше сдѣлать немного вещей аккуратно, чѣмъ сдѣлать множество небрежно.

«Я не знаю ничего—говоритъ Артуръ—за исключеніемъ развѣ смиренія, что такъ драгоцѣнно въ дѣлѣ воспитанія, какъ аккуратность. Я мало буду заботиться о томъ, чему учатъ дѣтей, если только въ нихъ будетъ вселена привычка къ аккуратности».

Всѣ добродѣтели человѣка, не имѣющаго привычки къ аккуратности, ничтожны. Пусть онъ будетъ адвокатомъ, архитекторомъ, счетчикомъ или художникомъ, его работа безъ аккуратности будетъ сдѣлана такъ дурно, что необходимо будетъ снова передѣлывать ее, что и причиняетъ большое безпокойство и смятеніе. Авторъ «Самопомощи» замѣчаетъ, что характеристическія качества Карла Джемса Фокса состояли въ приложеніи постоянной старательности ко всему, что онъ только дѣлалъ. Когда однажды, по полученіи имъ должности государственнаго секретаря, ему сдѣлано было нѣсколько замѣчаній насчетъ его дурной каллиграфіи, то онъ взялъ учителя чистописанія и принялся, какъ мальчикъ, переписывать тетради. Хотя онъ былъ чрезвычайно полонъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ очень дѣятеленъ при игрѣ въ мячъ, и когда его спрашивали, отчего онъ такъ ловко играетъ, то онъ шутливо отвѣчалъ: «потому, что я очень старательный человѣкъ». Та же аккуратность, выказываемая имъ въ ничтожныхъ вещахъ, развертывалась въ немъ и при

занятіяхъ большой важности, и этой привычкѣ онъ обязанъ своей славой.

Точность есть другая добродѣтель, необходимая каждому желающему имѣть успѣхъ въ своихъ занятіяхъ. Противоположный этому качеству недостатокъ не только важный порокъ самъ по себѣ, но и виновникъ большаго потомства другихъ пороковъ, такъ что тотъ, кто дѣлается его жертвою, бываетъ запутанъ въ такія сѣти, изъ которыхъ ему невозможно выпутаться. Тотъ, кто безполезно уничтожаетъ свои рѣшенія, показываетъ, что онъ такъ же мало заботится о потерѣ чужаго времени, какъ своего собственнаго. Дѣловому человѣку время—деньги, и тотъ, кто воруетъ его, причиняетъ ему большое оскорбленіе, которое равняется потерѣ собственности, все равно какъ еслибы крали у него изъ кармана деньги или платили поддѣльнымъ чекомъ.

Если человѣкъ украдетъ у меня долларъ или полчаса, въ которые я могъ бы пріобрѣсти его, то это для меня рѣшительно одинаково важно. Первое преступленіе болѣе наноситъ позора человѣку, совершившему его, но потеря какъ та, такъ и другая одинаково велики. Совершенно вѣрно сказано, что такъ же несправедливо и жестоко разрушать человѣческое спокойствіе хотя на пять минутъ, заставляя его ожидать васъ, какъ нанести ему дѣйствительный ударъ. Предположимъ, что десять или двадцать человѣкъ ожидаютъ одного человѣка во время занятій, когда каждая минута дорога. Покража очень велика, тѣмъ болѣе что человѣкъ, заставляющій себя ждать, своею неизвинительною небрежностью производитъ въ сложности большую потерю труда и капитала, которую онъ можетъ вознаградить лишь своею работою въ продолженіе цѣлаго мѣсяца.

Совершенная правда, что точность есть жизнь вселенной. Планеты сохраняютъ точность въ своемъ движеніи,

и каждая, вращаясь около солнца, возвращается на прежнее мѣсто въ опредѣленную минуту, въ которую она должна тамъ быть. Точно также въ занятіи точность есть душа трудолюбія, безъ которой колесо дѣятельности приходитъ въ безжизненное состояніе. Если время дѣловаго человѣка вполнѣ занято, то всякій часъ долженъ имѣть какую-нибудь работу. Если работа одного часа бываетъ отложена до другаго, то она должна или захватить время другаго занятія или остаться несдѣланною, и вслѣдствіе этого всѣ дневныя занятія дѣлаются жертвою безпорядка. «Когда полкъ въ походѣ — пишетъ сэръ Вальтеръ Скоттъ одному молодому человѣку, просившему у него совѣта—то въ арріергардѣ часто происходитъ смятеніе оттого, что авангардъ не подвигается упорно и непрерывно. То же бываетъ и съ занятіями. Если дѣло не будетъ сдѣлано поспѣшно, то скопятся другія занятія, которыя также должны быть исполнены ко времени, и вслѣдствіе этого произойдетъ такая путаница, съ которой ни одинъ человѣческій мозгъ не въ состояніи будетъ справиться».

Пусть каждый дѣловой человѣкъ повѣряетъ свои часы, чтобъ они не были ни впередъ, ни назадъ. У капитана Кутля были часы, про которые онъ говорилъ, что они только тогда были вѣрны, когда онъ вспоминалъ поставить ихъ на полчаса впередъ въ полночь и на четверть часа назадъ послѣ полудня. Много дѣловыхъ людей имѣютъ подобные хронометры, которые они забываютъ поставить впередъ, вслѣдствіе чего эти люди всегда опаздываютъ. Правда, они опаздываютъ иногда не болѣе какъ на пять или на десять минутъ, но это замедленіе приноситъ имъ по бо́льшей части весьма существенный вредъ. Начинающій чѣмъ-нибудь заниматься долженъ въ особенности придерживаться этого качества; пусть онъ не обольщаетъ себя

надеждою, что все можетъ быть легко и быстро сдѣлано, когда необходимо бываетъ сейчасъ же приниматься за дѣло. Не совсѣмъ легко быть точнымъ въ молодости, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда умственныя и нравственныя способности приняли желѣзную твердость, отстать отъ привычки опаздыванія вещь почти невозможная.

Люди, успѣвающіе въ каждомъ занятіи, имѣютъ здравое понятіе о цѣнности времени. Они дорожатъ минутами. Нельсонъ приписываетъ всѣ свои успѣхи въ жизни тому, что онъ всегда былъ готовъ за четверть часа до срока. Наполеонъ такъ же прилежно изучалъ свои часы, какъ карты сраженій. Его побѣды были не только слѣдствіемъ военныхъ хитростей, но также слѣдствіемъ внушеннаго имъ своимъ подчиненнымъ сознанія важности быть точнымъ даже въ минутахъ. Дѣйствуя на обширномъ пространствѣ, такъ что непріятель не могъ разрѣшить, съ которой стороны ему будетъ нанесенъ ударъ, онъ умѣлъ мгновенно сосредоточивать свои силы на слабую точку растянутой непріятельской линіи; этотъ планъ для успѣшнаго выполненія непремѣнно требовалъ, чтобъ каждая дивизія его арміи была на извѣстномъ мѣстѣ въ извѣстный часъ. Разсказываютъ анекдотъ про нѣкоторыхъ изъ его маршаловъ, приглашенныхъ къ нему обѣдать и опоздавшихъ на десять минутъ. Вставая, чтобъ встрѣтить ихъ, императоръ, начавшій обѣдать въ опредѣленный часъ и успѣвшій уже окончить свой обѣдъ, сказалъ: «господа, время обѣда прошло, и мы должны приступить къ занятіямъ»; такимъ образомъ маршалы должны были заняться составленіемъ плана кампаніи на тощій желудокъ. Впослѣдствіи Наполеонъ былъ менѣе точенъ, и потерѣ имъ нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ часовъ послѣ сраженья при Линьи и также цѣлаго дня послѣ пораженія Блюхера приписываютъ окончательное разбитіе французскихъ

войскъ при Ватерлоо. Съ другой стороны, быстрота и точность «передоваго полководца» (такъ звали Блюхера его войска) помогли Веллингтону превратить битву, которая иначе была бы потеряна, въ блестящую побѣду. Безъ Наполеона битвы при Аустерлицѣ и Іенѣ приняли бы совершенно другой оборотъ. Разсказываютъ, что полковникъ Раль, разбитый во время американской революціи и взятый въ плѣнъ, потерялъ битву вслѣдствіе своей медленности. Погруженный въ карточную игру, онъ отложилъ чтеніе письма, въ которомъ его увѣдомляли, что Вашингтонъ готовъ перейти Делавэръ, и чрезъ это онъ упустилъ случай помѣшать намѣренію американскаго генерала и, можетъ быть, дать совершенно другое направленіе войнѣ за независимость. Вашингтонъ съ своей стороны былъ такъ точенъ, что когда его секретарь, опоздавъ на нѣсколько минутъ, извинялся, что у него отстаютъ часы, то онъ ему сказалъ: «или вы должны пріобрѣсти себѣ новые часы, или я новаго секретаря».

Во всѣхъ другихъ занятіяхъ, точно такъ же, какъ въ военныхъ, точность весьма важна. Заботься о пенсахъ, а фунты сами станутъ о себѣ заботиться—вотъ тайна сдѣлаться богатымъ. То же самое можно сказать относительно времени: минуты—драгоцѣнные пенсы, пріобрѣтеніе или потеря которыхъ могутъ сдѣлать человѣка милліонеромъ или банкротомъ. Сколько людей потеряли все, замедля днемъ или часомъ перемѣнить прошлогодній страховой полисъ на новый. Кромѣ того часто погибель одного человѣка влечетъ за собой погибель другихъ, точно такъ же, какъ обвалившійся внизу рядъ кирпича влечетъ за собой паденіе всего зданія.

Джонъ Кинсей Адамсъ, исполнявшій много важныхъ военныхъ и гражданскихъ должностей, былъ чрезвычайно точенъ. Онъ берегъ каждую минуту и никогда не былъ

позади времени. Въ этомъ отношеніи его репутація была такова, что когда подъ старость онъ засѣдалъ въ палатѣ представителей въ Вашингтонѣ, то однажды на замѣчаніе одного господина, что пора открыть засѣданіе, другой господинъ замѣтилъ: «нѣтъ, еще не пришелъ мистеръ Адамсъ». Дѣйствительно узнали, что часы были на три минуты впередъ; по истеченіи этихъ трехъ минутъ мистеръ Адамсъ явился и занялъ свое обычное мѣсто.

Дѣловой человѣкъ долженъ быть точенъ въ особенности тогда, когда его занятія связаны съ занятіями другихъ людей, такъ, напримѣръ, онъ долженъ всегда приходить въ лавку, въ контору, на службу въ опредѣленный часъ. Единственное занятіе, допускающее нѣкоторую неправильность во времени, это литературный трудъ, который много зависитъ отъ различнаго состоянія ума. Мильтонъ въ особенности былъ въ духѣ весною, и многіе писатели могутъ осуществлять свои идеалы только тогда, когда они бываютъ воодушевлены какими-нибудь обстоятельствами, независящими отъ нихъ самихъ. Есть нѣкоторыя писатели, которые заставляютъ себя писать во всякое время, а докторъ Джонсонъ зашелъ такъ далеко, что говоритъ, будто человѣкъ можетъ писать во всякое время и въ какомъ угодно расположеніи духа, если только онъ возьмется за это дѣло упорно. Но людямъ торговымъ и промышленнымъ неправильность во времени не можетъ быть извиняема. Они не бываютъ принуждены выжидать необходимаго для дѣла расположенія духа, вдохновенія и воодушевленія, которое оказывается иногда весьма упрямымъ у людей, занятія которыхъ производятся мозгомъ, а не руками. Дѣловые люди должны во-время занимать свои обычныя мѣста и немедленно должны приниматься за свои занятія. Очевидно, что изъ двухъ людей, обладающихъ равнымъ талантомъ, тотъ, который придетъ въ на-

лежащій часъ въ контору или въ лавку, будетъ въ состояніи больше сдѣлать въ продолженіе дня, чѣмъ тотъ, который постоянно опаздываетъ.

Ко всѣмъ привычкамъ, которыя мы уже поименовали, слѣдуетъ прибавить *поспѣшность*. Первыя качества, на которыхъ мы останавливались, болѣе важны, но это послѣднее служитъ прибавленіемъ къ нимъ, оно какъ бы довершаетъ свойство дѣловаго характера. Многіе промышленные люди, торговцы и художники исполняютъ свои работы аккуратно и точно, но имъ именно не достаетъ этого послѣдняго качества. Ничто такъ не характеризуетъ первоклассныхъ работниковъ, какъ быстрое исполненіе ввѣренной имъ работы. Вообще быстрота всегда есть качество подчиненное совершенству. Истинная поспѣшность не состоитъ въ болѣзненной и слабой дѣятельности, которая слегка трогаетъ предметъ свѣтомъ или довольствуется небрежно сдѣланною работою, лишь бы только она была сдѣлана скоро. Нѣтъ, это есть быстрота, проистекающая отъ совершеннаго знанія, отъ высшей ловкости, отъ усовершенствованія метода—это торжество опыта и системы. Для энергическаго, системитическаго человѣка нужды нѣтъ до того, какъ ни сложно его занятіе. Чѣмъ болѣе оно требуетъ труда, тѣмъ болѣе оно пробуждаетъ его сокровенныя способности, такъ что важность труда увеличиваетъ способность къ труду и значительное количество работъ можетъ быть скорѣе и лучше сдѣлано проворнымъ работникомъ, чѣмъ меньшее—медленнымъ.

Еще большая выгода для человѣка, когда онъ къ привычкѣ поспѣшности прибавляетъ даръ *готовности*, т. е. способность воспользоваться всѣми своими средствами и сейчасъ же употребить ихъ въ дѣло въ надлежащее время. Мы называемъ готовность даромъ, потому что она есть

врожденная, а не производная способность человѣка. Никакое воспитаніе не можетъ научить человѣка сказать и сдѣлать что-нибудь въ одну минуту, напримѣръ, съумѣть мгновенно, подобно Наполеону и Мальборугу, понять ошибку непріятеля и воспользоваться ею. Находчивость есть природная смѣтливость, вдохновеніе, присутствіе духа, которое дѣлаетъ васъ способнымъ встрѣтить кризисъ жизни, мгновенно отразить непріятельскій ударъ или сказать приличное времени и обстоятельствамъ слово безъ отсрочки и размышленія. На войнѣ, въ политикѣ, въ издательствѣ, въ судѣ, въ сенатѣ, въ общественныхъ разговорахъ—это вещь весьма важная и необходимая. Ни сумма знанія, ни число фактовъ или статистическихъ свѣдѣній, которыми наполнена у человѣка голова, не дѣлаютъ его такимъ сильнымъ противникомъ, какъ умѣніе двигать ими и направлять ихъ моментально на главную точку; поэтому-то находчивый человѣкъ всегда и пользуется успѣхомъ.

Американцы не могутъ пожаловаться на недостатокъ находчивости, но имъ недостаетъ порыва и сильныхъ стремленій. Наши умственныя способности, каковы бы онѣ ни были, находятся въ нашей власти, но мы не можемъ сосредоточивать ихъ съ удивительной быстротой въ случаѣ необходимости. Вотъ что говоритъ Артемусъ Уардъ про себя: «У меня есть даръ краснорѣчія, но у меня нѣтъ его при себѣ». Какъ часто представляется случай молодому адвокату или какому-нибудь другому молодому человѣку пріобрѣсти себѣ извѣстность простою рѣчью или инымъ умственнымъ усиліемъ, еслибъ только онъ былъ готовъ исполнить это въ ту же минуту. Имѣя день или даже нѣсколько часовъ для приготовленія, онъ отличился бы; но времени не дано, и такъ какъ онъ не можетъ дѣйствовать сейчасъ же, то онъ навсегда теряетъ золотой случай. Чтобъ имѣть боль-

шой успѣхъ, мы всегда должны быть *semper parati* и имѣть свой умъ при себѣ. Мы должны всегда дѣйствовать и думать такъ мудро и быстро, какъ сдѣлалъ это баронъ Мюльгаузенъ, когда онъ, угрожаемый одновременно крокодиломъ и тигромъ, освободился отъ своихъ противниковъ, отступивъ въ сторону и давъ тигру возможность прыгнуть прямо въ пасть крокодила. «Какой жалкій отвѣтъ далъ я Смиту насчетъ дарвинизма!»—было печальное размышленіе Джонса, когда онъ удалился разгоряченный и пораженный въ спорѣ со Смитомъ по поводу естествоисторическихъ собраній. Какія капитальныя мысли мы можемъ высказать и не говоримъ. Когда мы одни, мы придумываемъ счастливѣйшія возраженія, самыя неопровержимыя доказательства являются въ нашемъ умѣ безъ всякаго съ нашей стороны содѣйствія. Мы чувствуемъ, что у насъ столько оружія въ нашемъ умственномъ арсеналѣ, сколько Броуну никогда не снилось. Но когда Броунъ внезапно нападаетъ, то мы не успѣваемъ еще поднять наше тяжелое ружье, какъ онъ уже прострѣливаетъ насъ насквозь своимъ маленькимъ, всегда готовымъ револьверомъ. Изъ этого выводится заключеніе, что намъ недостаетъ готовности.

То же было, если мы станемъ вѣрить Фуллеру, съ Бэномъ Джонсономъ въ его спорахъ съ Шекспиромъ. Одинъ напоминалъ большое испанское судно, другой англійское военное. Бэнъ Джонсонъ, какъ первое, былъ гораздо выше и основательнѣе въ знаніи, но медленъ въ исполненіи. Шекспиръ же, какъ англійское военное судно, былъ меньше объемомъ, но легче плавалъ, хорошо повертывался противъ теченія и извлекалъ выгоды изъ каждаго вѣтра посредствомъ быстроты своего ума и изобрѣтательности

Важное поощреніе къ образованію дѣльныхъ привычекъ мы находимъ въ томъ, что разъ будучи пріобрѣтены, онѣ

начинаютъ дѣйствовать самопроизвольно. Удивительная наблюдательность питомца лѣсовъ—индѣйца, поражаетъ бѣлыхъ. Красный человѣкъ рѣдко ошибается, потому что онъ пріучилъ свой умъ къ самому точному наблюденію, а такъ какъ это перешло у него въ привычку, то онъ нисколько и не принуждаетъ свой умъ; наблюдательность—его удовольствіе и составляетъ прелесть его лѣсной жизни. Точно такъ же, если купецъ пріобрѣтетъ привычку слѣдить за рынками, изучать законы спроса и наблюдать за малѣйшими подробностями своего занятія, то это занятіе будетъ доставлять ему пріятное возбужденіе, вмѣсто утомительныхъ усилій. Въ дѣйствительности многія привычки, пріобрѣтеніе которыхъ стоило многихъ стараній и труда, становятся конькомъ человѣка, на которомъ онъ съ такимъ же удовольствіемъ ѣздитъ, какъ ребенокъ на своей деревянной лошади. Часто случается, что люди, достигшіе совершенства въ какомъ-нибудь предметѣ, смотрѣли прежде на него съ отвращеніемъ. Лордъ Соммерсъ — говоритъ Аддисонъ — принужденъ былъ рыться въ старинныхъ лѣтописяхъ. Сначала трудъ этотъ былъ для него чрезвычайно тяжелъ, но потомъ это чтеніе доставляло ему столько удовольствія, что онъ предпочиталъ его чтенію Виргилія и Цицерона, хотя классическая литература была его любимымъ предметомъ».

Привычка, подобно маховому колесу парохода, сохраняетъ ненарушимое и непоколебимое движеніе жизни, распредѣляя равномѣрно силы на всѣ работы, имѣющія быть исполненными. Но такія привычки не пріобрѣтаются въ одинъ день или робкою рѣшительностью. Не случайно, не мгновенно, не скоротечнымъ пароксизмомъ вниманія, превратившагося скоро въ равнодушный сонъ, пріобрѣтаются онѣ, но долгими и упорными усиліями. Въ особенности необходимо, чтобъ онѣ были пріобрѣтены въ молодости. Подобно

буквамъ, вырѣзаннымъ на древесной корѣ, они становятся съ возрастомъ больше и шире. Разъ пріобрѣтя ихъ, человѣкъ избавляется отъ мрачнаго конца и жизненной тяжести— онъ несетъ свое бремя легко и весело. Дурныя же привычки, напротивъ того, слѣдуютъ за каждымъ предпріятіемъ и наконецъ заявляютъ свою власть, разрушая свою жертву и подсмѣиваясь надъ ней.

# ГЛАВА XIII.

## Самовосхваленіе.

On ne vaut que ce qu'on veut valoir.
*La Bruyere.*

Долженъ ли человѣкъ быть своимъ собственнымъ рекомендателемъ, или онъ долженъ только надѣяться на свои заслуги, быть лучше чѣмъ казаться и предоставить свѣту судить о себѣ? Вотъ вопросъ, которымъ задается человѣкъ на каждомъ поприщѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатель найдетъ въ этой главѣ. Миѳологія говоритъ, что Минерва отбросила флейту, потому что она стала расхваливать ея ланиты; но въ настоящемъ вѣкѣ люди, напротивъ, слишкомъ часто употребляютъ флейту, и она считается самымъ лучшимъ инструментомъ для провозглашенія нашихъ достоинствъ. Не только въ торговлѣ, но во всѣхъ занятіяхъ самовосхваленіе признано въ настоящее время великимъ талисманомъ успѣха, и на человѣка, громче и продолжительнѣе другихъ трубящаго въ свой рогъ, смотрятъ какъ на кандидата богатства и уваженія, если не почестей.

Одинъ писатель одного изъ самыхъ популярныхъ англійскихъ сборниковъ литературы дошелъ даже до того, что утверждаетъ, будто немного шарлатанства почти необходимо

на всякомъ поприщѣ: въ торговлѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ и въ литературѣ. Небольшая безсовѣстность, говоритъ онъ, придаетъ вкусъ великимъ подвигамъ. Слѣдуя этой доктринѣ начинающій фабрикантъ, спеціальность котораго дѣланіе шляпъ, никогда не долженъ мечтать сдѣлать лучшую шляпу, которая когда-либо покрывала человѣческую голову, но онъ долженъ налѣпить огромнѣйшую нарисованную на бумагѣ шляпу на дилижансъ *) и пустить ее по улицамъ для того, чтобы завѣрить насъ въ превосходствѣ своей работы и пріобрѣсти болѣе покупателей. Онъ достигаетъ покровительства общества смѣлостью своихъ рекламъ и возбуждаетъ надежду на удачу чрезмѣрностью своихъ притязаній. Человѣкъ, необладающій музыкальностью ни въ душѣ, ни въ гортани, голосъ котораго, когда онъ начинаетъ пѣть, напоминаетъ вамъ скрипъ адскихъ вратъ Мильтона, хочетъ заставить васъ вѣрить, что онъ отличнѣйшій пѣвецъ и музыкантъ, но вмѣсто того, чтобъ восхитить вашъ слухъ превосходными звуками, онъ прибѣгаетъ къ хвастовству, платя шестьсотъ долларовъ за кресло въ первомъ концертѣ Дженни Линдъ въ Америкѣ. Иногда обманъ дѣлается лучшею дорогою для успѣха, и потому для насъ понятны старанія людей прибивать громадныя афиши на углахъ улицъ, раздавать ихъ мальчикамъ и вообще желаніе сдѣлать свое имя знакомымъ обществу. Трубите въ вашу трубу, вотъ совѣтъ каждому, кто не желаетъ быть попранъ ногами въ тину соперической распри и умереть въ неизвѣстности. Провозглашайте ваши заслуги и выѣзжайте на другомъ, а иначе этотъ другой будетъ провозглашать свои подвиги и будетъ выѣзжать на васъ.

---

*) Заграницею объявленія и афиши очень часто наклеиваются на дилижансахъ и общественныхъ каретахъ.

*Переводчица.*

Иногда вы встрѣчаете простодушнаго человѣка, отдающаго всю свою душу, чтобъ сдѣлать свою работу хорошо и никогда никому неговорящаго о своемъ трудѣ. Но стремленія его человѣкъ, знакомый съ людьми, назоветъ чрезвычайно ложными. Такого рода поступокъ можетъ быть хорошъ на Марсѣ или Сатурнѣ, но никакъ не на нашей землѣ, гдѣ всѣ занимаются самовосхваленіемъ. Искусство самовозвышенія состоитъ не въ совершенствѣ творенія, а въ возбужденіи многочисленныхъ разговоровъ о вещи сдѣланной посредственно. Произведенія Де-Кинсея безъ разглашенія нашли бы себѣ мѣсто только у пирожниковъ и цирульниковъ, между тѣмъ романы школы Левиса или Эрнсворта, имена которыхъ вы встрѣчаете въ каждой газетѣ и въ каждомъ календарѣ, продаются такъ же хорошо, какъ мокротогонное средство Джейна, и плоскости Мартина Тёппера такъ же популярны, какъ жидкая мазь Мустанга.

Такого рода политика, кажущаяся моралистамъ можетъ быть нѣсколько мошенническою, болѣе полезна для успѣха, чѣмъ противоположная ей, въ чемъ мы не можемъ и сомнѣваться. Путешественники по Востоку говорятъ, что тамъ необходимо принимать на себя важный видъ. Восточные жители не имѣютъ понятія о томъ, что они могутъ уважать тѣхъ, которые не уважаютъ самихъ себя, и если паша двухъ бунчуковъ сдѣлаетъ честь вамъ своимъ посѣщеніемъ, то вы должны себя держать такъ же, какъ паша трехъ бунчуковъ. Развѣ это правило не можетъ быть примѣнено ко всему свѣту?

Какъ часто мы видимъ семейства, занявшія высокое положеніе въ общественной сферѣ единственно вслѣдствіе того, что они слишкомъ высоко цѣнили себя; другія же, напротивъ, обладая болѣе цѣнными качествами, никогда не могутъ, вслѣдствіе своей скромности и самоуничиженія, достигнуть высшаго общественнаго значенія. То же самое и

въ литературномъ мірѣ, къ которому можно примѣнить слова Лабрюьера: «on ne vaut que ce qu' on veut valoir. Для того, чтобы занять въ храмѣ славы почетную нишу недостаточно бываетъ только однѣхъ способностей, къ нимъ необходимо надо прибавить самоувѣреность, которая, вселяя въ человѣка стремленіе къ болѣе обширнымъ цѣлямъ, помогаетъ разгласить и среди общества его притязанія.

«Если вы хотите сохранить вашу тайну про себя — говоритъ Газлиттъ—то будьте увѣрены, что свѣтъ сохранитъ ее про васъ». «Не помните-ли вы—пишетъ Грэй—лорда С. или лорда М., какъ они, теперь великіе государственные люди, грязными мальчишками играли въ крикетъ. Что касается до меня, то я чувствую, что я сталъ немного только больше, старше и умнѣе, чѣмъ я былъ въ то время.» Неудивительно, что поэтъ съ такимъ образомъ мыслей, хотя переходилъ изъ коллегіи въ коллегію, оставилъ весьма мало образцовъ своихъ рѣдкихъ способностей и безъ извѣстности сошелъ въ молчаливую могилу.

Возьмемъ теперь ученыя занятія. Павелъ-Людвигъ Кюрье говоритъ, что лучшій студентъ филологіи его времени, вслѣдствіе недостатка свѣтской смѣтливости, не получилъ ни одного мѣста, предназначеннаго для студентовъ, между тѣмъ какъ его счастливый соперникъ, впослѣдствіи профессоръ греческаго языка, библіотекарь и академикъ, увидѣвъ, что ученіе въ отдѣльности ни къ чему не ведетъ, предпочелъ достигнуть успѣха другимъ способомъ. Время, которое одинъ студентъ все посвящалъ книгамъ, другой употреблялъ на оказываніе различныхъ мелкихъ услугъ, неотносящихся къ греческому языку, лицамъ, которыя могли оказать ему покровительство.

Еще другой примѣръ. Были два доктора въ городѣ, одинаково ученые и ловкіе, которые вмѣстѣ начинали свою карьеру. Докторъ Эзей прибилъ свою карточку къ дверямъ,

помѣстилъ объявленіе въ газетахъ и сталъ поджидать больныхъ. Если къ его счастію кто-нибудь сломитъ ногу или кого-нибудь схватитъ холера передъ его дверями, то онъ конечно пріобрѣтетъ себѣ паціента, иначе же онъ можетъ просидѣть нѣсколько лѣтъ, набивая свою голову медициною и не положивъ ни одной монеты въ кошелекъ. Не такъ поступаетъ докторъ Пошъ. Онъ самаго низкаго мнѣнія о пассивной системѣ, вслѣдствіе чего онъ не только прибилъ мѣдную доску на своей двери, но расхвалилъ самого себя въ газетахъ, сталъ одѣваться по послѣдней модѣ, учено толковать о летаргическомъ снѣ, смотрѣть такимъ мудрымъ, какъ сова, и выѣзжать, не имѣя еще визитовъ, на парѣ отличныхъ лошадей въ каретѣ. Онъ нанимаетъ людей смущать сосѣдей ночными звонками въ его квартиру. Онъ заставляетъ также вызывать себя изъ церкви, изъ концерта, какъ человѣка, въ которомъ всѣ постоянно нуждаются. Вмѣсто того, чтобъ дома набивать свою голову науками, онъ съ утра до ночи разъѣзжаетъ по улицамъ въ каретѣ въ убійственной тишинѣ, какъ будто отъ его шаговъ зависитъ жизнь и смерть, и вотъ такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ до двухъ тысячъ долларовъ въ годъ, въ то время пока докторъ Эзей получаетъ только еще первое приглашеніе. Изъ этихъ двухъ людей докторъ Пошъ безъ сомнѣнія хвастунъ, но онъ не дуракъ.

Я долженъ еще лучше разъяснить вамъ это, чтобы между нами не вышло недоразумѣній. Когда мы говоримъ кандидату на какое-нибудь занятіе: «не будь слишкомъ разборчивъ или чрезмѣрно чувствителенъ,» подъ этимъ мы вовсе не подразумѣваемъ «будь безсовѣстенъ». Нѣтъ, гораздо лучше погрузиться въ бездну неуспѣха, чѣмъ испытывать на себѣ мученія совѣсти или совсѣмъ потерять ее. Но развѣ нѣтъ средины между шумными заявленіями о своихъ способностяхъ и чрезмѣрнымъ самоуничиженіемъ, которое сди-

раетъ всю одежду съ заслугъ, забивается въ уголъ и боится малѣйшей тѣни своей славы. Безъ сомнѣнія такая средина существуетъ, и хотя ее трудно описать словами, но она на практикѣ легко можетъ быть осуществлена, и желающій имѣть успѣхъ въ свѣтѣ долженъ стремиться достигнуть этой средины. Чтобъ достигнуть успѣха, быть замѣченнымъ и извѣстнымъ, вы не должны уходить въ самихъ себя, точно такъ же, какъ вы не должны постоянно оставаться навиду Замѣтимъ при этомъ, что изъ двухъ недостатковъ скромность хуже, чѣмъ излишняя гордость, потому что она въ дѣйствительности также излишняя гордость, хотя въ другомъ видѣ, и гордость болѣе вредная человѣку и менѣе полезная обществу, чѣмъ величайшее и самое ярое тщеславіе.

Правда, что отвлеченно мы болѣе покровительствуемъ скромности, когда она, заключаясь въ другихъ, преклоняется передъ нами. Мы любимъ смирнаго человѣка, который никогда не колетъ нашего тщеславія и не вмѣшивается самъ въ предметъ нашихъ притязаній. Нѣтъ человѣка, который въ глубинѣ своего сердца непредпочелъ бы скромнаго—хвастуну, но конечно мысленно; если же коснется до дѣла, то мы всегда возлагаемъ болѣе довѣрія на того, кто болѣе кричитъ о себѣ, и это очень понятно. Бо́льшая часть людей не имѣетъ времени разсматривать заслуги другихъ; ихъ собственныя дѣла поглощаютъ все ихъ вниманіе, и имъ некогда идти отыскивать достойныхъ, но скромныхъ по разнымъ закоулкамъ; поэтому желающіе пріобрѣсти ваше доброе мнѣніе должны сами явиться къ вамъ съ требованіями, выказать свою самоувѣренность и настойчиво предъявить вамъ свои способности. Если только они не отвратятъ васъ чрезмѣрностью своихъ притязаній, то вы всегда будете готовы признать ихъ заслуги выше заслугъ другихъ людей, можетъ быть гораздо болѣе достойныхъ, но о которыхъ послѣдніе не

распространяются и которыя поэтому остаются намъ почти неизвѣстными.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что самоувѣреность необходима для успѣха въ жизни. Трудность состоитъ не въ томъ, что мы не можемъ различить дѣйствительныя и мнимыя заслуги скромнаго человѣка и хвастуна, когда мы взвѣшиваемъ ихъ, а въ томъ, что мы всегда способны позабыть первыя, вслѣдствіе ихъ ненавязчивости, и если въ нихъ нѣтъ чего-нибудь особеннаго, то онѣ очень часто ускользаютъ отъ нашего вниманія. Великія дѣла, исполненныя скромными людьми, служатъ доказательствомъ ихъ блестящихъ способностей; но кто станетъ вѣрить дѣйствительному значенію ихъ, если сами дѣятели никогда не говорятъ объ нихъ и даже стараются унизить свою заслугу. То мнѣніе, которое мы составляемъ о себѣ (предполагая, что мы можемъ быть самыми лучшими судьями нашихъ собственныхъ заслугъ), часто служитъ основаніемъ мнѣнія о насъ другихъ людей.

Короче сказать, смиреніе и «ненавязчивое достоинство» очень хороши въ теоріи и доставляютъ пріятное чтеніе въ нравственныхъ изслѣдованіяхъ; но тотъ, кто уповаетъ на нихъ, кто забивается въ уголъ и не требуетъ должнаго себѣ по заслугамъ; кто никогда не выдвигается впередъ, а если и выдвигается, то съ покинутою надеждою; кто не можетъ сказать, чего онъ желаетъ, или не можетъ сказать этого достаточно упорно; кто не можетъ себя выставить въ извѣстное время—тотъ можетъ быть прекраснымъ созданіемъ, человѣкомъ всѣми любимымъ, которому всѣ будутъ удивляться, но который не только не долженъ имѣть надежды выдвинуться впередъ, а напротивъ того долженъ ежеминутно готовиться быть раздавленнымъ и уничтоженнымъ быстрымъ ходомъ и громомъ девятнадцатаго столѣтія.

Общая уловка людей, потерпѣвшихъ неудачу, принимать

на себя обиженный видъ и жаловаться на несправедливость свѣта, который расточаетъ почести и оказываетъ свое покровительство единственно только людямъ отважнымъ, тогда какъ основательныя притязанія людей скромныхъ остаются въ пренебреженіи. Дѣйствительно, много старыхъ поговорокъ повторяютъ, что истощенный скромными заслугами часто остается въ пренебреженіи, между тѣмъ какъ даже проступокъ заносчиваго бываетъ вознаграждаемъ богатствомъ и похвалами. Однако скромная заслуга слишкомъ способна быть *недѣятельною, небрежною, или непонятою заслугою.* Настоящій и хорошо дисциплинированный талантъ найдетъ себѣ цѣну на рынкѣ, если онъ будетъ добиваться этого, но скрывшись въ домахъ, онъ не можетъ надѣяться былъ найденнымъ. На первый взглядъ кажется непонятнымъ, какъ тщеславные и наглые люди пользуются успѣхомъ, тогда какъ людей со скрытыми достоинствами обходятъ невниманіемъ. Но обыкновенно случается, что тщеславные люди обладаютъ цѣнными качествами, именно рѣшительностью и дѣятельностью, безъ которыхъ каждое достоинство есть мертвый капиталъ: «Лающая собака бываетъ часто полезнѣе спящаго льва».

Пиѳагоръ мудро наставлялъ своихъ учениковъ почитать самихъ себя, потому что думать мало о себѣ значитъ, какъ совершенно вѣрно сказано, уменьшать уваженіе къ себѣ со стороны другихъ людей, уменьшая свое собственное къ самому себѣ. Это относится какъ къ мыслямъ, такъ и къ дѣйствіямъ. Человѣкъ ничего не можетъ добиться, если онъ будетъ смотрѣть внизъ, и если онъ хочетъ подняться, то долженъ смотрѣть вверхъ. Бѣдный шотландскій ткачъ не былъ слѣдовательно неправъ, ежедневно молясь Богу о томъ, чтобъ имѣть лучшее мнѣніе о самомъ себѣ. Изъ всего сказаннаго можно вывести, что самоувѣренность дѣлаетъ способ-

ности полезными, даже болѣе, она ведетъ часто къ пріобрѣтенію тѣхъ качествъ, которыми сперва только хвалятся.

Человѣкъ самыхъ обыкновенныхъ способностей воодушевляется и укрѣпляется ею и пріобрѣтаетъ гигантскіе успѣхи, тогда какъ онъ безъ нея испытывалъ бы свой умъ на бездѣлицахъ. Вы не можете ожидать вниманія и покровительства свѣта сидя сложа руки въ углу у камина. Вы будете походить на мужика, дожидающаго на берегу, когда остановится потокъ. Во всякомъ занятіи непоколебимая увѣренность въ вашихъ собственныхъ силахъ должна служить твердымъ основаніемъ знанія и естественныхъ чувствъ сердца. Выдвигайтесь впередъ, если вы хотите сдѣлаться извѣстнымъ. Трубите или свищите, чтобъ привлечь на себя вниманіе свѣта, но прежде всего будьте увѣрены, что вы тотъ, кѣмъ вы желаете быть, потому что, взойдя на арену, если вы не успѣете въ атлетическихъ играхъ, или если, употребляя языкъ Вибстера, «сила и живость нападенія будутъ слабѣе громкихъ и звучныхъ фразъ объявленія», то горе вамъ; если же вы восторжествуете, то ваше счастіе сдѣлано.

## ГЛАВА XIV.

### Воля и дорога.

> Nous avons plus de force que de volonté; et c'est souvent pour nous excuser à nous-mêmes que nous nous imaginons que les choses sont impossibles.—*Rochefoucauld.*
>
> Наша величайшая слава состоитъ не въ нападеніи, но въ умѣніи подняться послѣ каждаго паденія. Конфуцій.

Между часто приводимыми людьми правилами самое прекраснѣйшее и полное поразительной истины слѣдующее: тамъ, гдѣ только есть воля, есть и дорога. Безъ сомнѣнія существуютъ границы человѣческой способности во всѣхъ человѣческихъ организмахъ; во всякой сферѣ дѣятельности человѣкъ можетъ встрѣтить препятствія, которыхъ даже при величайшей энергіи онъ не можетъ преодолѣть. Почти каждый человѣкъ болѣе или менѣе есть жертва обстоятельствъ, дѣйствующихъ иногда такъ могущественно, что невозможно пробить дорогу помимо ихъ. Но частое соединеніе такихъ случайностей слишкомъ преувеличиваютъ, и вспоминая тотъ фактъ, что горы становятся буграми, какъ скоро мы окончательно рѣшаемся перейти ихъ, мы нахо-

димъ, что за исключеніемъ необыкновенныхъ случаевъ, старинная саксонская пословица совершенно справедливо говоритъ, что тотъ, кто сильно желаетъ что-нибудь сдѣлать, найдетъ себѣ дорогу, какъ это сдѣлать. Сильное желаніе превращаетъ возможность въ дѣйствительность. Наши желанія пророчества тѣхъ дѣяній, которыя мы можемъ совершить. Боязливый, имѣющій слабую волю человѣкъ находитъ каждое дѣло невозможнимъ, потому что онъ вѣритъ въ его неисполнимость; Виргилій же говоритъ о своихъ лодочникахъ, что люди дѣлаются способными на все, если они считаютъ себя таковыми (possunt quia posse videntur); и потому рѣшиться на достиженія чего-нибудь значитъ иногда достигнуть этого. Намъ извѣстенъ фактъ, что дороги, по которымъ мы не хотимъ путешествовать, кажутся намъ наполненными противными видами кошачьей породы, но коль скоро мы однажды уже твердо рѣшились слѣдовать по нимъ, то встрѣчи со львами наводятъ на насъ весьма мало ужаса.

Иногда кажется удивительнымъ, какія чудеса совершаются людьми, дѣйствующими подъ вліяніемъ могущественной силы воли. Замѣчательный примѣръ этого представляютъ намъ плѣнные техасцы экспедиціи Санта-Фэ, которые послѣ продолжительной ходьбы были близки къ смерти отъ усталости и изнеможенія, но когда имъ сказали, что тотъ, кто окажется неспособнымъ продолжать путешествіе, будетъ разстрѣлянъ, то они собрались съ духомъ и шли цѣлый день скорымъ шагомъ. Точно также Квентинъ Матзисъ, знаменитый нѣмецкій живописецъ, въ своей юности никогда не надѣялся хорошо писать красками, но когда его учитель сказалъ ему, что онъ отдастъ свою дочь за него, въ которую тотъ былъ влюбленъ, только въ такомъ случаѣ, если онъ по прошествіи шести мѣсяцевъ представитъ ему хорошую картину,

то Квентинъ такъ усердно принялся за работу, что явилъ на свѣтъ «Скупцовъ», мастерское произведеніе, которымъ знатоки любовались въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Разсказываютъ про одного французскаго офицера, что онъ прогуливаясь по комнатѣ постоянно восклицалъ: «Я *хочу* быть маршаломъ Франціи и великимъ полководцемъ», и его горячее желаніе было предчувствіемъ его успѣха. Смайльсъ въ своемъ сочиненіи «Самопомощь» разсказываемъ объ одномъ англійскомъ плотникѣ, что однажды онъ прикладывалъ болѣе обыкновеннаго старанія при дѣланія судейской скамьи, и когда его спросили о причинѣ этого усердія, то онъ отвѣчалъ: «я хочу сдѣлать ее такою прочною, чтобъ она могла сохраниться до того времени, когда я буду засѣдать на ней.» Довольно странно, что человѣкъ этотъ, впослѣдствіи, въ качествѣ судьи занялъ мѣсто на этой самой скамьѣ.

Всѣ великіе люди, возвысившіеся надъ своими товарищами, были въ особенности замѣчательны энергіей воли. О Юліи Цезарѣ сказано его современникомъ: «quicquit vult, valde vult»; его дѣятельность и гигантская рѣшимость больше его военной ловкости способствовали его побѣдамъ. Жизнь Ганнибала показываетъ, что сила воли была его главнымъ качествомъ, хотя она была мало замѣтна, вслѣдствіе соединенія въ немъ въ равной пропорціи всѣхъ военныхъ качествъ, которыя дѣлали его, по общему мнѣнію солдатъ и историковъ, величайшимъ полководцемъ въ мірѣ. Его рѣшимость презрѣть могущество римлянъ, объявляя противъ нихъ войну; нашествіе на Италію по дорогѣ, которая была столько же замѣчательнымъ открытіемъ, сколько и военнымъ маневромъ; его переходъ чрезъ Рону и Альпы; его долгое пребываніе въ Италіи безъ подержки со стороны Карѳагена и наконецъ рвеніе, съ какимъ онъ

старался, потерпѣвшій пораженіе и выгнанный изъ Италіи, возстановить враговъ противъ Рима, въ такіе годы, когда время и трудъ охлаждаютъ порывы большинства людей—все это служитъ доказательствомъ самой рѣдкой рѣшительности.

То же мы видимъ и въ великихъ генералахъ новѣйшихъ временъ. Сила Суворова заключалась въ его энергической волѣ, о которой онъ часто распространялся. «Вы обладаете только поливинною волею»—говорилъ онъ обыкновенно людямъ, неуспѣвавшимъ въ чемъ-нибудь. Одна изъ характеристическихъ чертъ Наполеона состояло въ непризнаніи ничего невозможнымъ. Онъ трудился ужасно и клалъ всю силу своего ума и рукъ въ работу. «Невозможность—говорилъ онъ—слово, встрѣчающееся только въ словарѣ дураковъ». Когда ему сказали, что Альпы заграждаютъ путь его войскамъ: «Альпы не должны существовать»—сказалъ онъ, и переходъ чрезъ Симплонъ былъ результатомъ этихъ словъ. Его великій противникъ, герцогъ Веллингтонъ, обладалъ въ высшей степени этимъ качествомъ. Вся испанская кампанія представляетъ доказательство желѣзной силы воли человѣка, рѣшившагося покорить трудности, преодолѣвая ихъ. Въ борьбѣ на жизнь и на смерть Англіи съ Франціей, продолжавшейся четверть столѣтія, первая вышла побѣдительницею вслѣдствіе своей упорной воли, потому что когда Наполеонъ разрушалъ одну за другой британскія коалиціи, англичане постоянно образовывали новыя, пока наконецъ французскій народъ не былъ истощенъ. И наконецъ битва при Ватерлоо, которая была постепеннымъ развитіемъ этой упорной борьбы, служитъ другимъ блестящимъ примѣромъ огромной энергіи, неутомимаго терпѣнія и бульдожьей воли Англіи. Въ этой страшной распрѣ французская пылкость и храбрость не могли сравняться съ англійскимъ мужествомъ и рѣшительностью. Восемь часовъ британская армія стояла подъ

убійственнымъ огнемъ непріятеля; колонна за колонной изчезали, и цѣлая часть одного каре была буквально уничтожена градомъ пуль. Мрачное слово команды пробѣгало по рядамъ, гдѣ тысячи падали. Наконецъ рѣшительная минута наступила, приказъ о нападеніи былъ отданъ, и люди, стоявшіе какъ статуи подъ чугуннымъ градомъ французской артиллеріи, съ быстротою вихря бросились на непріятеля.

Большинство неудачъ въ жизни происходитъ отъ слабости воли, выказывающейся въ судорожной дѣятельности, въ припадочномъ усиліи и въ недостаткѣ настойчивости. Докторъ Арнольдъ, долгая опытность котораго въ дѣлѣ воспитанія придаетъ вѣсъ его мнѣнію, говоритъ: «Различіе одного мальчика отъ другаго состоитъ не столько въ талантахъ, сколько въ энергіи». «Чѣмъ болѣе я живу—говоритъ другой заслуживающій вниманія судья въ этомъ дѣлѣ, сэръ Ѳома Фовель—тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что главное различіе между великими и незначительными людьми состоитъ въ энергіи, въ непобѣдимой рѣшимости, въ честномъ и твердо установившемся стремленіи, ведущемъ къ смерти или къ побѣдѣ. Эти качества всегда совершаютъ что-нибудь въ мірѣ, а безъ нихъ ни талантъ, ни случайности не могутъ сдѣлать двуногое созданіе *человѣкомъ*». Истинная сила—владѣть сильною волею, мужествомъ и неутомимостью, и она не имѣетъ себѣ равной. Она часто устрашаетъ непріятелей и уничтожаетъ препятствія, кажущіяся при другихъ условіяхъ ужасными. Свѣтъ часто оказываетъ покровительство человѣку, одаренному сильною волею, любуясь его настойчивостью. Маркъ Мортонъ шестнадцать разъ напрасно баллотировался въ правители штата Масачусетта, когда наконецъ въ тысяча восемьсотъ сороковомъ году одинъ изъ его бывшихъ противниковъ, удивляясь его мужеству, подалъ голосъ за него, и онъ наконецъ былъ избранъ большинствомъ одного голоса.

Люди хорошо понимаютъ, что безполезно бороться противъ того, кто никогда не уступаетъ: встрѣчаемое имъ сопротивленіе становится скорѣе помощію для его успѣховъ, чѣмъ препятствіемъ. Трудности, одолѣваемыя человѣкомъ, служатъ для него возбуждающею пищею; онѣ его гимнастика и палестра, съ помощію которыхъ укрѣпляются его мускулы.

Справедливо сказано о поэтѣ Вордсвортѣ, который при своемъ первомъ появленіи въ печати былъ осмѣянъ критиками и казался преждевременно рожденнымъ для свѣта, что онъ долженъ былъ привести въ исполненіе трудную задачу— образовать и составить себѣ аудиторію изъ тѣхъ, которые прежде смѣялись надъ нимъ; но наконецъ онъ былъ оцѣненъ, и борьба со свѣтомъ, сопротивлявшимся прежде слушать его, дала ему могущество и славу. Когда Вильямъ Ллойдъ Гаррисонъ приступилъ къ изданію «Освободителя», то онъ началъ его слѣдующими незабвенными словами: «Я говорю серьозно, я не хочу двухсмыслицъ, я не хочу извиненій, я не хочу отступленія ни на одинъ дюймъ и *хочу быть выслушаннымъ*». И онъ былъ выслушанъ. Говорятъ, что можно бросить американца на пустынный островъ Индійскаго океана, оставивъ ему только ножъ, и онъ возвратится домой въ одно время, если не раньше, съ судномъ, которое его оставило. Бросьте его куда-нибудь, и онъ найдетъ себѣ дорогу выйти оттуда, если захочетъ; выбросьте его откуда-нибудь, и онъ сново проберется туда, если только онъ этого пожелаетъ. Такого рода характеръ обезпечиваетъ человѣку успѣхъ при каждомъ призваніи. Слабохарактерные люди сѣтуютъ на трудности, но люди одаренные такимъ характеромъ смотрятъ на нихъ какъ на счастливые случаи, много способствующіе ихъ возвышенію. Нѣтъ препятствія, которое при героическомъ духѣ не можетъ перейти въ ступени,

ведущія къ успѣху. Совершенная слѣпота принудила Эйлера производить такія вычисленія въ умѣ, которыя другія люди обыкновенно выкладываютъ на бумагѣ, и составлять самому формулы, заимствуемыя другими изъ книгъ. Что же вышло въ результатѣ? Обширность и точность его математической памяти возросла до невѣроятной степени. Одинъ журналистъ справедливо замѣчаетъ, что мы всегда можемъ достигнуть того, достиженіе чего мы считаемъ крайне необходимымъ, но люди обыкновенно ослабляютъ свои усилія, какъ скоро первыя потребности жизни удовлетворены. Почти не было бы границъ усовершенствованія, еслибы люди съ такими же стараніями, какія они употребляли для достиженія остановочныхъ пунктовъ, старались постоянно взобраться на новыя высоты.

Трудно видѣть какую-нибудь помощь для человѣка въ нѣкоторой тупости, но по мнѣнію Тальфурда, если она соединена съ краснорѣчіемъ, то составляетъ не малую силу адвоката. Разъ разбитый, не сознавая своего пораженія и силы доказательствъ противоположной партіи, онъ можетъ продолжать свою рѣчь и въ концѣ концовъ, привлекая вниманіе судей, заставитъ побѣду склониться на свою сторону. Часто физическіе недостатки имѣютъ свои выгоды. Во время послѣдней гражданской войны одинъ волонтеръ въ письмѣ къ своему отцу благодарилъ судьбу за то, что у него выгнутыя ноги, потому что иначе онъ долженъ былъ бы совершенно ихъ лишиться: пуля пролетѣла чрезъ пространство, образовавшееся у него вслѣдствіе этого недостатка, и не причинила ему никакого вреда. Одинъ народный писатель замѣчаетъ, что косой глазъ—сокровище для кулачнаго бойца. Лѣвша пользуется большимъ преимуществомъ къ крикетѣ. Одинъ изъ лучшихъ гимнастовъ въ Чикаго былъ безъ одной ноги, вмѣсто которой онъ носилъ

деревяшку; при началѣ представленія онъ снималъ ее, и экономія въ вѣсѣ и въ объемѣ позволяла ему выдѣлывать такія штуки, которыя могутъ быть доступны только одноногимъ. Увѣчья Скотта и Талейрана сдѣлали одного отличнымъ поэтомъ и романистомъ, другаго—государственнымъ человѣкомъ и дипломатомъ.

Замѣчательно, что столько великихъ людей были уродливыми карликами. Слава, пріобрѣтенная знаменитыми людьми, казалось зависѣла отъ ихъ физическихъ недостатковъ и отъ ихъ личной незначительности. Замѣчено любителями гончихъ собакъ, что хорошо сформированный щенокъ никогда не будетъ быстрой собакой, и извѣстно, что грубые, неуклюжіе, горбатые или имѣющіе какіе-нибудь другіе физическіе недостатки люди находятъ въ своемъ безобразіи, какъ замѣчаетъ Бэконъ, «постоянное подстреканіе къ освобожденію ихъ отъ презрѣнія другихъ людей». Исторія полна примѣровъ, гдѣ карлики, мучимые своими физическими недостатками, стараются показать, что если природа обидѣла ихъ кровью и мясомъ, то она богато надѣлила ихъ мозгомъ. Когда лордъ Нельсонъ проходилъ по набережной въ Ярмутѣ, чтобъ занять мѣсто на своемъ кораблѣ, то народъ кричалъ: «Зачѣмъ сдѣлали такого маленькаго человѣка капитаномъ?» Эта оглушительная насмѣшка запала ему въ душу, и онъ побѣдою при Нилѣ и Трафальгарѣ отомстилъ за нея. «Будь Бонапартъ нѣсколькими дюймами выше—говоритъ Газлиттъ—то сомнительно, предпринялъ-ли бы онъ несчастный походъ въ Россію и вообще былъ-ли бы онъ тогда консуломъ или императоромъ; названіе «маленькій капралъ» особенно кололо его самолюбіе и заставило его броситься въ ужасную дѣятельность, перевернувшую всю Европу».

Между поэтами и извѣстными прозаическими писате-

лями въ древнія и въ новѣйшія времена также часто встрѣчаются люди маленькаго роста съ большими физическими недостатками. Аристотель былъ карликомъ въ физическомъ отношеніи и великаномъ въ умственномъ. Про Попе, который былъ такъ малъ и такъ сгорбленъ, что его сравнивали съ вопросительнымъ знакомъ, Газлиттъ замѣчаетъ: «Развѣ мы ничѣмъ не обязаны его безобразію? По всей вѣроятности онъ говорилъ самому себѣ: «хоть я кривъ, но мои стихи должны быть прямы». Безъ сомнѣнія въ нѣкоторой степени аббатъ Гальяни обязанъ своею прочною и обширною ученостью своему крошечному росту. «Аббатъ—говоритъ Мармонтель—былъ тѣломъ самый маленькій арлекинъ, котораго когда-либо производила Италія, но на плечахъ этого арлекина покоилась голова Макіавелля».

Правда, многіе люди бываютъ иногда принуждены предпринимать свое жизненное странствованіе противъ вѣтра и теченія, и кажутся какъ бы приговоренными вести постоянную войну съ судьбою. Но часто случается, что человѣкъ, терпѣвшій постоянныя неудачи, наконецъ достигаетъ успѣха, за которымъ онъ такъ упорно гнался въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Посмотрите на Бульвера. Вся его жизнь была рядомъ неудачъ, которыя наконецъ были увѣнчаны торжествомъ. Его первый романъ былъ неудаченъ, его первая драма неудачна, его первыя поэмы неудачны, точно такъ же, какъ его первыя рѣчи; но онъ пробивалъ себѣ дороду къ славѣ, пробивалъ посреди пораженій и насмѣшекъ, пока ему наконецъ не удалось пріобрѣсти кружокъ почитателей, и занявъ одну изъ высотъ трехвершинной горы, сдѣлаться товарищемъ Диккенса и Теккерея. Посмотрите на Дизраэли. Въ началѣ все было противъ него. Дитя ненавидимаго и заклейменнаго пламени, онъ пріобрѣлъ себѣ власть надъ одной изъ самыхъ консерватив-

ныхъ странъ свѣта. Безъ аристократическихъ связей онъ сдѣлался блестящимъ образцомъ самого избраннаго общества Европы. Потерпѣвъ пораженіе при первыхъ своихъ попыткахъ въ парламентѣ, онъ сказалъ палатѣ: «будетъ время, когда вы будете меня слушать», и дѣйствительно своею настойчивостью онъ достигъ того, что тѣ, которые прежде насмѣхались надъ нимъ, корчились отъ его ужасныхъ сарказмовъ. Взгляните на Брума. Работая въ продолженіе шестидесяти лѣтъ въ области не только законовъ и политики, но также литературы и науки, онъ достигъ успѣха на всѣхъ. Его любовь къ преобладанію и неутомимая настойчивость заставили сказать про него, что еслибы онъ началъ жизнь чистильщикомъ сапоговъ, то и тогда до тѣхъ поръ не успокоился бы, пока не сдѣлался бы лучшимъ чистильщикомъ въ Англіи.

Еще примѣромъ того же можетъ служить Савонарола, первая проповѣдь котораго, вслѣдствіе отсутствія выразительности, не привлекла вниманія публики. Но разъ рѣшившись во чтобы то ни стало достигнуть успѣха, онъ сталъ упражняться въ краснорѣчіи, и проповѣдуя крестьянамъ, дѣтямъ и у себя наединѣ въ комнатѣ, достигъ того, что его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ и онъ сдѣлался пророкомъ своего времени и первымъ ораторомъ въ Италіи. Первое появленіе и рѣчь Робеспьера произвели весьма непріятное впечатлѣніе на слушателей, но послѣ безостановочныхъ усилій ему удалось занять первое мѣсто въ національномъ собраніи.

Когда Даніилъ Вибстеръ посѣщалъ въ своемъ отрочествѣ академію, то хотя онъ былъ свѣдущъ по всѣмъ отраслямъ образованія, тѣмъ не менѣе одна способность, говоритъ онъ, ему рѣшительно не давалась—это декламація передъ всѣми учениками. «Добрый и превосходный учитель Бокминстеръ

старался меня убѣдить заниматься упражненіями въ деклама-ціи, но я этого никакъ не могъ сдѣлать. Я выучивалъ какой-нибудь отрывокъ и повторялъ его нѣсколько разъ въ своей комнатѣ; но когда приходила моя очередь, вызывали мою фамилію и я видѣлъ всѣ глаза устремленные на меня, то я никакъ не могъ подняться съ моей скамьи. Иногда учители хмурились, другой разъ улыбались. Мистеръ Бокминстеръ продолжалъ добродушно упорствовать, чтобъ я *хотя* разъ рѣшился, но я не могъ принудить себя на такую рѣшимость, и когда урокъ проходилъ, то я отправлялся домой и горько оплакивалъ свою судьбу». Францискъ Вейландъ началъ свою духовную карьеру при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя уничтожили бы человѣка слабаго, но его только подстрекали къ бо́льшимъ усиліямъ. Сынъ англійскаго кожевника, который оставилъ выгодную торговлю, чтобы сдѣлаться проповѣдникомъ анабаптистовъ, онъ оставилъ занятіе, къ которому былъ спеціально подготовленъ, и послѣдовалъ примѣру своего отца. Спустя продолжительное время, въ которое онъ страшно бѣдствовалъ, ему удалось получить мѣсто при анабаптистской церкви въ Бостонѣ. Въ Октябрѣ тысяча восемьсотъ двадцать третьяго года, въ одну дождливую и холодную ночь, онъ проповѣдывалъ передъ иностраннымъ анабаптистскимъ миссіонерскимъ обществомъ о значеніи миссіи. Было до пятидесяти человѣкъ; рѣчь его не возбудила воодушевленія, и проповѣдникъ на другой день, очень огорченный, вбѣжалъ въ комнату своего друга и закричалъ: «это была полная неудача, совершенная смерть». Къ счастію между слушателями былъ умный типографщикъ, церковный діаконъ, который настоялъ, чтобъ проповѣдь была опубликована. Авторъ, хотя противъ своей воли, согласился. Рѣчь: «Нравственное достоинство миссіонерскихъ предпрія-

тій», пробѣжала въ нѣсколькихъ экземплярахъ всю Америку и Англію, вызвала безъ различія сектъ громкія похвалы въ печати и возбудила новый энтузіазмъ къ миссіямъ въ христіанскомъ мірѣ. Робертъ Галь, прочитавъ ее, предсказалъ славное будущее проповѣднику, и, дѣйствительно, спустя три года авторъ, до сихъ поръ неизвѣстный человѣкъ, былъ возведенъ въ званіе президента Броунскаго университета.

Къ этимъ примѣрамъ можно еще прибавить, какъ примѣры, Тальму, величайшаго французскаго актера, Шеридана—оратора, первая рѣчь котораго была ошикана, и множество другихъ ораторовъ, испытавшихъ полную неудачу при первомъ своемъ появленіи и увѣнчанныхъ впослѣдствіи успѣхомъ, вслѣдствіе ихъ увѣренности въ томъ, что они обладаютъ краснорѣчіемъ, которое они и заявили свѣту.

Томасъ Эрскайнъ, названный лордомъ Кэмпбеллемъ величайшимъ адвокатомъ и совершеннѣйшимъ судебнымъ ораторомъ, началъ свою карьеру при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Средства его отца были истощены воспитаніемъ двухъ старшихъ братьевъ, такъ что онъ принужденъ былъ вступить въ жизнь съ весьма скуднымъ образованіемъ. Занимаясь законодательными науками, онъ подвергался страшнымъ лишеніямъ въ матеріальномъ отношеніи; но стремленіе его къ обширной сферѣ дѣятельности было такъ велико, что онъ боролся противъ желѣзныхъ обстоятельствъ съ такою же силою, какъ орелъ борется противъ желѣзныхъ перекладинъ своей клѣтки. Счастливый случай далъ ему однажды возможность сдѣлаться защитникомъ значительнаго процесса. Впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, было чрезвычайно сильно. Онъ выигралъ дѣло и, гигантскимъ прыжкомъ перепрыгнувъ чрезъ барьеры, перешелъ отъ недостатка къ богатству, отъ неизвѣстности къ славѣ. Войдя утромъ въ Вестминстерскую залу бѣднякомъ,

онъ оставилъ ее богачемъ. Когда онъ проходилъ по залѣ, то судьи вставали съ мѣстъ, адвокаты толпились около него съ описаніемъ его тяжебнаго дѣла, похвалы сыпались на него. Съ этого времени его занятія такъ увеличились, что годовой доходъ его сталъ равняться двѣнадцати тысячамъ.

Самые знаменитые поэты терпѣли болѣе или менѣе неудачу въ своихъ первыхъ произведеніяхъ. Первыя попытки Байрона были жестоко раскритикованы. Первая поэма Китса потерпѣла полную неудачу, но это нисколько не обезоружило его, потому что онъ зналъ о присутствіи въ немъ поэтическаго генія и хорошо понималъ, что, бросаясь стремглавъ въ море, онъ можетъ лучше познакомиться съ его глубиною, скалами и мелями, чѣмъ оставаясь на зеленомъ берегу, куря спокойно трубку за стаканомъ чая и слушая совѣты другихъ.

Мужество, привязанность къ цѣли и упорная настойчивость всегда помогаютъ выиграть битву на жизненномъ поприщѣ. Исторія изобилуетъ минутами нерѣшительныхъ битвъ или неожиданныхъ превратностей, превращенныхъ упорствомъ одного человѣка въ славное торжество. Битва при Маренго въ первую половину дня клонилась не въ пользу французовъ, и войско ожидало приказа къ отступленію, когда Дезэ, посовѣтовавшись съ Наполеономъ, посмотрѣлъ на свои часы и сказалъ: «Битва вполнѣ потеряна, но теперь только два часа и у насъ будетъ время выиграть другую». Блюхера, знаменитаго прусскаго генерала, никакъ нельзя назвать счастливымъ полководцемъ—изъ десяти битвъ въ девяти онъ бывалъ разбитъ—но въ самое короткое время онъ могъ опять собрать свое разбитое войско и былъ по прежнему страшенъ непріятелю. У него также были обманутыя ожиданія, но онъ умѣлъ пользоватся ими какъ устрица, превращающая надоѣдающій ей песокъ въ жемчугъ.

Вашингтонъ болѣе потерялъ, чѣмъ выигралъ битвъ, но онъ организовывалъ побѣду изъ пораженія и наконецъ восторжествовалъ. Вслѣдствіе того, что Римляне уважали мужество, сенатъ римскій заявилъ благодарность послѣ его смерти, полководцу, консулу Терентію Вару, не смотря на его пораженіе при Каннѣ, послѣ котораго Ганнибалъ четвериками мѣрилъ кольца воиновъ, погибшихъ въ битвѣ, за то, что Терентій не отчаявался въ силахъ республики. Въ словарѣ людей, одаренныхъ силою воли, нѣтъ слова неудача. Такъ-называемыя невозможности вызываютъ у нихъ презрительную насмѣшку. «Невозможно!—воскликн улъоднажды Мирабо;—не говорите мнѣ о такомъ дурацкомъ словѣ». «Невозможно!—сказалъ Питтъ, повторяя отвѣтъ одного изъ своихъ товарищей по службѣ, который говорилъ, что извѣстнаго рода дѣло не можетъ быть исполнено;—я попираю ногами невозможности». Передъ такими людьми горы превращаются въ бугры, и препятствія, кажущіяся непобѣдимыми, не только становятся преодолимыми, но ещѐ дѣлаются помощью и орудіями для достиженія успѣха.

Никогда еще значительныя успѣхи при каждомъ занятіи не требовали болѣе тяжелаго и непрерывнаго труда, какъ въ настоящее время. Люди не могутъ теперь занять однимъ прыжкомъ возвышенную позицію. «Свѣтъ—говоритъ Эмерсонъ—болѣе не глина, а скорѣе желѣзо, въ которомъ люди, вооружившись молотомъ, непрерывными ударами должны выбивать себѣ мѣста». Въ особенности необходимъ глубокій и горячій энтузіазмъ для людей, желающихъ имѣть блестящіе результаты отъ своихъ дѣлъ, потому что ни одно великое дѣло не дѣлается и не можетъ быть сдѣлана безъ него. Это качество необходимо въ ученыхъ занятіяхъ, на полѣ битвы, въ живописи и въ ваяніи, однимъ словомъ вездѣ. Способность, ученость, дарованіе, случайность —

всѣ эти качества и обстоятельства хороши, но сами по себѣ они не обезпечиваютъ успѣха. Тысячи обладаютъ ими, но живутъ и умираютъ, не принося пользы ни себѣ, ни другимъ. Другіе же люди, напротивъ, съ посредственными талантами подымаются по оглушающимъ ступенямъ славы и превосходства, потому что они обладаютъ твердою вѣрою въ самихъ себя и сильною рѣшимостью. Эта сильная вѣра въ свою миссію, убѣжденіе, что она есть единственная, къ которой онъ имѣетъ призваніе и которая пробуждаетъ въ немъ энтузіазмъ, побудили Плинія изслѣдовать вулканъ, во время изверженія котораго онъ погибъ, и укрѣпляли Вернета во время страшной бури срисовывать волны, готовыя поглотить его. Эти качества свойственны героическимъ умамъ и при нихъуспѣхъ рано или поздно неизбѣженъ.

Недостаткомъ энтузіазма объясняетъ большое количество банкротствъ на всѣхъ поприщахъ жизни. Люди не успѣваютъ, потому что они не вкладываютъ всего сердца въ свой трудъ. Слишкомъ много новичковъ приходятъ въ отчаяніе отъ своей первой неудачи и нетерпѣливо хотятъ бѣгать прежде чѣмъ выучатся ходить.

Не такъ-называемыя блаженства жизни, ея солнечное сіяніе, спокойствіе и пріятныя минуты дѣлаютъ людей, но ея бури, грозы и тяжкія испытанія. Раннее несчастіе въ особенности бываетъ благословеніемъ. Замѣчаютъ, что мадамъ Ментенонъ можетъ быть и не взошла бы на тронъ, еслибъ ея колыбель не качалась въ темницѣ. Суровому Атлантическому океану, его холоднымъ, темнымъ зимнимъ ночамъ и свирѣпости сѣверныхъ вѣтровъ американскіе и британскіе матросы обязаны своею первою въ мірѣ ловкостью и выносливостью. Школа несчастій даетъ награды способнѣйшимъ ученикамъ, и восхожденіе на гору трудностей лучше всего укрѣпляетъ умственные мускулы.

C 'est des difficultés que naissent les miracles.

Въ настоящее время величайшее несчастіе заключается въ томъ, что большинство молодыхъ людей начинаетъ обыкновенно жизнь при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. У нихъ подъ руками книги, учители, нѣтъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, имъ стараются доставить различнаго рода удовольствія. Имѣя все подъ рукой, зачѣмъ человѣкъ будетъ насиловать себя. Съ самаго начала вкушая однѣ лишь сладости жизни, онѣ ему пріѣдаются, и, не сдѣлавъ ничего для пріобрѣтенія всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ предметовъ, которыми онъ пользуется, онъ не можетъ оцѣнить ихъ стоимость. Подобно тепличному растенію, сдѣлавшемуся хилымъ отъ излишества тѣни и ухода, онъ нуждается въ пересадкѣ на открытый воздухъ свѣта, чтобы окрѣпнуть въ борьбѣ за свое существованіе.

Одна суровость не можетъ сдѣлать человѣка сильнымъ, но она служитъ значительною помощью для полнаго развитія величія. Недостатокъ, препятствіе, шероховатость перемежающаяся съ гладкостью, трудность съ легкостью, буря съ солнечнымъ сіяніемъ, печаль съ радостью — вотъ обстоятельства, которыя составляютъ жизненную науку и даютъ воспитаніе, дѣлающее двуногое созданіе человѣкомъ, которое иначе было бы немного лучше животнаго. Справедливо сказано, что въ одномъ уже лишеніи заключается несказанное могущество. Приложите спичку къ пороху на открытомъ воздухѣ, и онъ воспламенится съ безвреднымъ блескомъ; но заключивъ порохъ въ двухствольное ружье и дотрогиваясь до него крошечной искоркою, мы обрекаемъ на смерть живое существо, находящееся на значительномъ разстояніи отъ насъ. Великіе люди не могутъ быть сдѣланы безъ искушеній, точно такъ же, какъ не могутъ быть сдѣланы кирпичи безъ огня. Тысячи людей оплакиваютъ свою бѣдность и неиз-

вѣстность, тогда какъ они были бы способны пріобрѣсти богатства и почести, еслибы только они могли повторить слова Бёрнса, исторгнутыя ранними трудностями:

«Come, firm Resolve, take thou the van,
Thou stalk of earle-hemp in man»!

и испытывать до послѣдней крайности свои способности.

Въ прошедшемъ столѣтіи люди вѣрили въ существованіе привидѣній, но вѣрованіе это разсѣялось передъ просвѣщеніемъ ума; однако привидѣнія существуютъ — это несомнѣнный фактъ, но только совсѣмъ въ другой формѣ чѣмъ та, въ какой ихъ воображалъ себѣ народъ. Обыкновенно представляли привидѣніями души безъ тѣла, любящія темноту и могилы, одѣвающіяся во все бѣлое, и предполагали, что ихъ можно видѣть, но нельзя до нихъ дотрогиваться. Въ дѣйствительности привидѣніе есть человѣкъ, неимѣющій ни мужества, ни постоянства, ни энергіи, ни рѣшимости, однимъ словомъ такая безхарактерная *вещь*, которая даже недостойна называться человѣкомъ, потому что она имѣетъ одно только тѣло безъ души.

Встрѣчая на своемъ жизненномъ пути печали и испытанія, мы должны ихъ встрѣчать мужественно, не отступая и не убѣгая отъ нихъ. Несчастіе часто походитъ на пантеру, которой стоитъ только прямо посмотрѣть въ глаза для того, чтобы она боязливо отвернулась отъ васъ. Въ жизни мы видимъ то же, что́ и на полѣ битвы: войско, стоящее твердо, менѣе подвержено возрастающей опасности, чѣмъ то, которое колеблется—трусы всегда терпятъ позорное пораженіе.

Безъ сомнѣнія легче разсуждать объ извлеченіи пользы изъ несчастія, чѣмъ переносить его. Мы знаемъ, какъ тяжело начинать жизнь безъ доллара въ карманѣ, какъ тяжело

быть бѣднымъ и еще тяжелѣе казаться такимъ въ глазахъ другихъ. Всякому молодому человѣку непріятно войти въ свѣтъ въ заплатанныхъ сапогахъ, носить допотопную шляпу и коленкоровый зонтикъ или жениться на дѣвушкѣ и жить съ ней въ какой-нибудь лачугѣ. Намъ нравится идти по ровной дорогѣ, имѣть пружины жизни хорошо смазанными, спинку и сидѣнье мягко обитыми. Но подобная дорога не ведетъ къ успѣху ни въ какомъ занятіи или призваніи; когда вы бѣдны и чувствуете, что вы неспособны взобраться на жизненныя ступени, то признайтесь въ вашей слабости и ищите помощи въ первой попавшейся вамъ богатой наслѣдницѣ, которой столько же недостаетъ разсудительности, сколько вамъ силы и рѣшимости. Женитесь, если вы можете, чтобъ получать пять тысячъ годоваго дохода, и будьте откормленнымъ быкомъ на всю вашу жизнь. Но не думайте, что поднимающійся на жизненномъ поприщѣ, подобно воздушному шару, давленіемъ извнѣ, а не изнутри, можетъ разсчитывать на успѣхъ. Свѣтъ будетъ снимать шляпу передъ вами и будетъ вамъ оказывать внѣшніе знаки почтенія, но онъ будетъ сохранять свое глубокое уваженіе и почтеніе къ герою, съумѣвшему своею собственною силою, мужественнымъ и достойнымъ путемъ выйти побѣдителемъ ихъ жизненной борьбы.

Есть нѣкоторыя особы, отрицающія, что люди главнѣйшимъ образомъ обязаны своимъ положеніемъ въ жизни самимъ себѣ. Они объясняютъ всѣ различія положеній въ жизни магическимъ словомъ «судьба». Другіе же приписываютъ всѣ великія и рѣдкіе успѣхи тому неопредѣленному качеству, которое они называютъ *геніемъ*. Безъ сомнѣнія существуетъ природное различіе въ человѣческихъ умахъ, но не въ такой степени, какъ это воображаютъ. Нужды нѣтъ до того каковы у человѣка его природныя дарованія, онъ ни въ какомъ за-

нятіи не можетъ достигнуть значительнаго успѣха безъ огромнаго труда, который самъ по себѣ справедливо можетъ быть названъ ломовою работою. Поэтому-то геніальность и опредѣляютъ, какъ безконечную способность къ труду.

Какая разница между музыкантомъ или живописцомъ и простымъ любителемъ? «Что иное, какъ не продолжительная дисциплина руки, уха или глаза дѣлаетъ всѣ способности тѣла и души пригодными къ цѣли искусства»—замѣчаетъ одинъ писатель.

Человѣкъ, неполучившій такого воспитанія, можетъ начать жизнь съ тѣми же природными способностями, съ тою же геніальностью, съ такимъ же вдохновеніемъ; но всѣ эти качества будутъ у него необработаны и не могутъ быть употреблены въ дѣло. Что такое образованіе, въ которомъ постоянно нуждается геній? Онъ нуждается въ неутомимомъ трудѣ, въ томъ, что̀ другому человѣку кажется ломовою работою искусства. Ничто не можетъ быть такою большою ошибкою, какъ предположеніе, что геній можетъ совершенно обходиться безъ труда. Напротивъ того, геній даетъ душѣ способность упорно продолжать трудъ, необходимый для достиженія успѣха. Любовь къ труду и приложеніе его къ своимъ предпріятіямъ дѣлаютъ человѣка совершеннѣйшимъ ученикомъ. Постоянная практика дѣлаетъ человѣка ловкимъ въ игрѣ. Это необходимо оттого, что наша природа устроена такъ, что только этимъ путемъ мы можемъ пріобрѣсти знаніе, ловкость и все дающее возможность исполнить начатое нами дѣло въ совершенствѣ. Видѣть, какъ можно сдѣлать какую-нибудь вещь, еще недостаточно. Способность дѣйствительнаго исполненія требуетъ, чтобъ необходимое для этого знаніе или ловкость такъ проникли въ насъ, чтобы мы были въ состояніи инстинктивно и машинально дѣлать все для усовершенствованія исполненія;

чтобъ бездѣлицы, трудно уловимыя, но крайне необходимыя для вѣрнаго успѣха, перестали требовать нашего вниманія; чтобы намъ не стоило ни малѣйшаго усилія уловить ихъ; чтобы изъ всѣхъ ничтожныхъ предметовъ мы могли выбрать полезнѣйшій такъ же нечувствительно и моментально, какъ мы подымаемъ руки поскользнувшись, стараясь предохранить себя отъ паденія.

Трудно повѣрить чудесамъ, совершаемымъ въ короткое время жизни одного человѣка напряженнымъ и упорнымъ трудомъ, сопровождаемымъ желѣзною волею. Огромный трудъ, прилагаемый нѣкоторыми людьми къ исполненію сравнительно ничтожныхъ вещей, долженъ устыдить лѣнивцевъ и лежебоковъ, незаботящихся о своихъ важныхъ предпріятіяхъ. Вы видите, какъ одинъ человѣкъ трудится нѣсколько лѣтъ, чтобъ извлечь нѣжный звукъ изъ скрипочной струны; другой изощряетъ свою изобрѣтательную способность и подобно испанскому инквизитору пытаетъ глаголы и имена существительныя, чтобъ сдѣлаться отъявленнымъ каламбуристомъ; третій посвящаетъ половину своей жизни упражненію въ ходьбѣ по канату или въ стояніи внизъ головой на столбѣ; четвертый старается пройти чрезъ весь кругъ наукъ и изучаетъ до полдюжины языковъ. Вы слушаете Джеля или другаго какаго-нибудь великаго піаниста, удивляетесь его блестящей игрѣ, и слѣдя за его быстро скользящими по клавишамъ пальцами, думаете, что его душа, оставивъ временно свое внутреннее вмѣстилище, сошла въ его руки. Но поговоривъ съ нимъ, вы узнаете, что съ шести или съ восьмилѣтняго возраста онъ садился за фортепьяно съ ранняго утра и продолжалъ играть до поздняго вечера, за исключеніемъ обѣденнаго часа и часовъ, посвящаемыхъ начальнымъ занятіямъ, и что ловкость, кажущаяся вамъ магическою, была наградою непрерывнаго труда.

У композитора Генделя было фортепьяно, у котораго каждая клавиша отъ частаго упражненія на немъ казалась выдолбенною подобно ложкѣ. Половины умственныхъ и физическихъ усилій, употребляемыхъ иными людьми на ничтожныя и недостойные предметы, было бы достаточно еслибы они направили ихъ для благородныхъ цѣлей, для того, чтобъ дать имъ возможность стать наравнѣ съ великими свѣтилами вѣка въ искусствѣ, въ литературѣ или въ наукѣ, и положить основаніе славѣ, переживающей могущественную смерть.

Многіе тупоумные люди часто говорятъ: «я слишкомъ ничтоженъ на землѣ и безполезно мнѣ стараться подняться». Но развѣ плѣнникъ привязывается къ своему плѣну и прижимаетъ къ себѣ свои оковы, потому что его темница низка, темна и молчалива. Нѣтъ, онъ стремится выйти на чистый воздухъ. Сильное чувство его унынія должно служить ему лучшимъ подстрекательствомъ подняться съ помощію всевозможныхъ усилій.

Никто не долженъ печалиться, что онъ не можетъ достигнуть быстро успѣха. Въ умственныхъ занятіяхъ въ особенности слѣдуетъ помнить, что основательный характеръ не можетъ быть произведеніемъ одного дня, и что умственныя способности зрѣютъ только вслѣдствіе продолжительнаго и многотруднаго образованія. Утончить вкусъ, укрѣпить дисциплиною разсудочную способность, наполнить запасныя кладовыя памяти разносторонними и полезными знаніями, воспитать симметрично всѣ способности ума — все это требуетъ спокойнаго и усидчиваго труда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Воспитаніе мало принесетъ пользы молодому человѣку, если оно не научитъ его удерживаться отъ тоскливаго нетерпѣнія, отъ сильной поспѣшности испить до дна чашу жизни и отъ желанія всосать упоитель-

ныя капли тщеславія. Пусть онъ терпѣливо дожидаетъ своего времени, прилежно и добросовѣстно исполняя свой дневной трудъ, чтобы быть готовымъ, когда придетъ случай, съумѣть воспользоваться имъ. «Умѣть дожидаться—говоритъ Деместръ — это великая тайна успѣха».

Теперь хорошо извѣстно, что герцогъ Веллингтонъ, когда былъ подчиненнымъ, не надѣялся на повышеніе, очень желалъ удалиться изъ арміи и просилъ намѣстника Ирландіи принять его въ таможенную коммисію. Однако онъ завоевалъ себѣ успѣхъ, какъ безсмертный Гавелокъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ жилъ въ неизвѣстности и еще за десять лѣтъ до смерти не могъ предчувствовать, что его имя когда-либо будетъ извѣстно въ исторіи. Но когда благопріятная минута настала, то нѣсколькихъ мѣсяцевъ было совершенно достаточно для того, чтобы воздвигнуть зданіе успѣха и славы, для чего вся его прежняя жизнь была подготовленіемъ. Десять лѣтъ тому назадъ Мольтке былъ неизвѣстенъ свѣту, хотя ему былъ тогда уже шестьдесятъ одинъ годъ.

Многіе изъ самыхъ способныхъ адвокатовъ провели много лѣтъ въ неизвѣстности прежде чѣмъ ихъ способности были открыты. Когда покойному мистеру Читти отецъ совѣтовалъ вступить въ судебное сословіе, то онъ сказалъ: «Можетъ ли вашъ сынъ ѣсть опилки безъ масла».

«Когда человѣкъ первый разъ явится въ судъ — говоритъ Самуэль Ромильи—то всякій ничтожный адвокатъ считаетъ себя въ правѣ осуждать начинающаго, хотя бы онъ былъ очень талантливъ. Когда же человѣкъ дѣлается извѣстнымъ, вслѣдствіе своего долгаго пребыванія молчаливымъ зрителемъ, то его бездѣятельность въ теченіе продолжительнаго времени приписываютъ его неспособности и смотрятъ на это, какъ на достаточную причину для того, что-

бы осуждать его и отвергнуть». Не смотря на такое непріятное начало, испытанное Ромильи, онъ достигъ наконецъ такого успѣха, котораго самые дикіе и пылкіе сны не рисовали ему, и получалъ восемь или девять тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода.

Испытанія медиковъ практиковъ похожи на испытанія адвокатовъ. Люди съ самыми лучшими способностями остаются продолжительное время въ бѣдности и неизвѣстности прежде чѣмъ они пріобрѣтутъ себѣ значительную практику. Въ тысяча семьсотъ восемьдесятъ восьмомъ году одинъ студентъ Эдинбургскаго университета занималъ комнату въ третьемъ этажѣ дома въ Бристольской улицѣ, платя за нее шесть шиллинговъ и шесть пенсовъ въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи, когда онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность лучшаго хирурга въ Англіи, его годовой доходъ равнялся двадцати тремъ тысячамъ фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ въ первый годъ его поселенія въ Лондонѣ его частная практика доставила ему всего пять гиней. Точно то же мы видимъ во всѣхъ занятіяхъ и во всѣхъ призваніяхъ. Только первый шагъ къ успѣху бываетъ труденъ, но какъ скоро теченіе устремляется на нашу сторону, то доллары катятся намъ навстрѣчу какъ лавины, «не въ одиночку, но цѣлыми батальонами». «Ничто — говоритъ Талейранъ — не бываетъ такъ успѣшно, какъ самый успѣхъ».

Приблизительно всѣ великіе дѣятели, какъ-то артисты, писатели, философы, также люди, получившіе извѣстность изобрѣтеніемъ новыхъ операцій или улучшеніемъ прежнихъ наукъ, пробиваютъ свой путь къ величію посреди множества искушеній и огорченій. Докторъ Клэркъ былъ сынъ бѣднаго школьнаго ирландскаго учителя и началъ свою дѣятельность проповѣдника съ нѣсколькими пенсами въ карманѣ. Разсказываютъ про доктора Адама, знаменитаго

ректора высшей школы въ Эдинбургѣ, что въ бытность свою въ коллегіи онъ принужденъ былъ довольствоваться трехкопѣечной булкой для обѣда. Самуэль Дрю подвергался такимъ же испытаніямъ, какъ докторъ Адамъ и Клэркъ. Съ десятилѣтняго возраста онъ научился башмачному мастерству, которымъ продолжалъ заниматься и въ то время, когда былъ уже авторомъ. Иногда приходили дни, когда у него не было пенни на обѣдъ, и онъ привыкъ въ такіе дни при приближеніи обѣденнаго часа перетягивать крѣпче свой передникъ, чтобъ уменьшить мученія голода, и работалъ безъ отдыха до поздней ночи. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не смотря на трудности и тяжелую работу, бодрость никогда не покидала его; посреди безпрерывныхъ занятій онъ находилъ время развивать свой умъ изученіемъ астрономіи, исторіи и метафизики; наконецъ ему удалось занять значительное положеніе въ Англіи въ качествѣ писателя, философа и метафизика. Упоминая о метафизикахъ, мы вспоминаемъ о покойномъ сэрѣ Вильямѣ Гамильтонѣ, который, не смотря на свои блестящія способности и энциклопедическую ученость, только въ сорокъ восемь лѣтъ занялъ мѣсто, которое по всѣмъ правамъ должно было принадлежать ему, именно университетскую каѳедру. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ безуспѣшно искалъ бѣднооплачиваемыхъ каѳедръ въ Шотландіи, и не смотря на то, что его считали величайшимъ философомъ и историкомъ того времени, онъ наконецъ былъ выбралъ большинствомъ только четырехъ голосовъ надъ его соперникомъ, стоявшимъ гораздо ниже его по образованію.

Исторія авторства представляетъ исторію борьбы, лишеній и испытаній, неимѣющихъ себѣ равныхъ ни на одномъ поприщѣ. Многія книги, получившія блестящую извѣстность, долгое время приносили весьма мало пользы из-

дателямъ. Жизнь Бальзака, французскаго писателя, блестящія способности котораго доставили ему наконецъ благосостояніе, славу и вліяніе во Франціи, можетъ служить примѣромъ жизни другихъ людей, упражняющихся на литературномъ поприщѣ. Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, то его богатые родители хотѣли его сдѣлать натаріусомъ, но онъ объявилъ о своемъ намѣреніи сдѣлаться писателемъ. «Развѣ вы не знаете — возразилъ ему его отецъ—къ какому положенію приведутъ васъ ваши занятія, какъ сочинителя. Въ литературѣ человѣкъ можетъ быть или королемъ, или слугою». — «Очень хорошо—отвѣчалъ Бальзакъ—*я хочу быть королемъ*». Семейство его оставило городъ, и онъ былъ предоставленъ судьбѣ, на чердакѣ, съ двадцати-пяти франковымъ жалованьемъ въ мѣсяцъ. Первыя десять лѣтъ онъ боролся съ бѣдностью и со всякими непріятностями, происходящими отъ нея; на второе же десятилѣтіе онъ сдѣлался независимымъ хозяиномъ, а третье, говоритъ одинъ писатель въ британскомъ журналѣ, изъ котораго мы заимствуемъ наши свѣдѣнія, было для него годами славы, богатства и роскоши. Онъ дѣйствительно достигъ литературной славы, которую онъ предсказалъ себѣ въ юношествѣ. Но она была добыта такимъ страшнымъ трудомъ, о которомъ обыкновенные люди не имѣютъ понятія; онъ достигъ успѣха послѣ ужасныхъ переходовъ отъ бѣдности и долговъ къ совершенному довольству. Его послѣднею резиденціею были дворцы, богато меблированные, украшенные прекрасными и рѣдкими картинами, статуями и различными рѣдкостями, первою — чердакъ въ улицѣ Лесдигіеръ, гдѣ въ безмолвіи, въ голодѣ и въ глубокой бѣдности укрѣплялся его геній.

Самые знаменитые люди въ Америкѣ послѣдняго времени пробивали себѣ путь къ благосостоянію и къ извѣстности посреди ужасныхъ препятствій. Ромфордъ, Франклинъ, Клей,

Вибстеръ, Дугласъ, Линкольнъ, Грантъ — всѣ они были сыновьями бѣдныхъ родителей. Вотъ что́ говоритъ народу сенаторъ Уильсонъ, который былъ долгое время башмачникомъ: «Я родился здѣсь, въ вашей странѣ. Я родился въ бѣдности. Недостатокъ окружалъ меня съ колыбели. Я зналъ, что̀ значитъ просить у матери хлѣба, когда у нея его не было. Десяти лѣтъ я оставилъ свой домъ и поступилъ въ ученіе. На одиннадцатомъ году получалъ ежегодно небольшое жалованье и къ концу одиннадцатаго года тяжелой работы получилъ два быка и шесть овецъ, которые принесли мнѣ восемьдесятъ четыре даллара. Одинъ далларъ могъ покрыть всѣ мои издержки съ тѣхъ поръ какъ я родился и до моего двадцатилѣтняго возраста. Я знаю, что̀ значитъ утомленному путешествовать нѣсколько миль и просить себѣ у другихъ людей работы. Я вспоминаю, что въ Сентябрѣ тысяча восемьсотъ тридцать третьяго года я отправился въ вашу деревню изъ моего роднаго города, чтобы на вашихъ мельницахъ искалъ себѣ занятій; еслибы тогда кто-нибудь мнѣ предложилъ восемь или девять долларовъ въ мѣсяцъ, то я съ удовольствіемъ принялъ бы это предложеніе. Я былъ въ Доверѣ, былъ и въ Нью-Маркетѣ, пробуя искать себѣ работы, но все было напрасно, и я возвратился домой усталый, но не упалъ духомъ; взявъ свой ранецъ на спину, я прибылъ въ городъ, въ которомъ теперь живу, и сталъ учиться механическому ремеслу. Первый мѣсяцъ я ежедневно отправлялся въ лѣсъ, рубилъ деревья, выгонялъ смолу, и работая съ ранней зари до поздней ночи, я получалъ въ вознагражденіе два доллара въ день. Когда я доставалъ эти два доллара, то они казались мнѣ такими же большими, какъ луна, озаряющая небо въ темную ночь».

Уйдъ Торлоу, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ писателей

и политиковъ страны, написалъ однажды отчетъ о своей ранней жизни, гдѣ онъ говоритъ о своихъ усиліяхъ для самообразованія. «Многіе сыновья фермеровъ находятъ лучшій досугъ для своего умственнаго развитія въ то время, когда они стерегутъ пасущійся на травѣ скотъ — пишетъ онъ — точно такъ же поступалъ и я; съ вечера накормивъ стадо и зажегши костеръ, я проводилъ многія превосходныя ночи въ чтеніи. Такимъ образомъ мнѣ удалось прочитать французскую революцію, и я пріобрѣлъ этимъ путемъ лучшее и болѣе положительное знаніе объ ея событіяхъ, ужасахъ и объ актерахъ этой великой народной трагедіи, чѣмъ изъ послѣдующаго чтенія. Я вспоминаю, какъ я обрадовался возможности получить на время отъ мистера Кайса книгу, хотя за ней я долженъ былъ пройти двѣ мили по снѣгу, безъ сапоговъ, такъ что куски войлока, обвертывавшаго мои ноги, превратились въ лохмотья».

Генрихъ Уардъ Бичеръ, самый краснорѣчивый и популярный проповѣдникъ, началъ проповѣдовать въ неизвѣстномъ городѣ въ Индіанѣ, въ приходѣ, состоявшемъ изъ девятнадцати членовъ. Зданіе, въ которомъ онъ проповѣдовалъ, не могло вмѣстить болѣе полутораста человѣкъ, не было ни лампъ, ни книгъ съ гимнами, и весь причтъ получалъ отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти долларовъ жалованья въ годъ. «Не было никого въ церкви для того, чтобъ зажигать свѣчи — говоритъ онъ въ своей послѣдней лекціи въ Ньюгавенѣ — и не хотѣли никого назначить на должность причетника. Поэтому я самъ себя назначилъ на это мѣсто, вычистилъ вездѣ лампады и зажегъ свѣчи. Я былъ буквально свѣтомъ этой церкви, и мнѣ не слѣдовало бы сѣтовать или жаловаться на это, какъ я это дѣлаю».

Самый извѣстный издатель въ нашей странѣ получилъ ученую степень не изъ коллегіи, но изъ типографіи Горація

Грилея, главнаго издателя самаго вліятельнаго и распространеннаго политическаго журнала въ Америкѣ. Онъ началъ жить у подножія лѣстницы и взобрался на ея вершину безъ помощи со стороны родныхъ и друзей. Прежняя жизнь Джемса Брука, издателя и собственника журнала «Нью-Іоркскаго Ежедневнаго Вѣстника», служитъ примѣромъ торжества и борьбы съ препятствіями, чрезъ которыя мальчикъ пробилъ себѣ дорогу къ издательской дѣятельности и къ мѣсту въ конгрессѣ. Мистеръ Брукъ началъ свою карьеру причетникамъ въ деревнѣ Андроскогенъ и оставался тамъ до двадцать перваго года, когда онъ по условію долженъ былъ получить боченокъ новоанглійскаго рома отъ хозяина. Отправившись съ хозяиномъ за боченкомъ, Брукъ увидѣлъ городскую библіотеку, помѣщавшуюся въ кладовой, и сталъ въ свободное время пользоваться ею. Его первая удача въ занятіяхъ дала ему возможность сберечь достаточно денегъ, чтобъ платить въ недѣлю долларъ за столъ, а одинъ добрый человѣкъ помогъ ему поступить въ школу. Такъ какъ онъ зналъ достаточно для того, чтобъ преподавать тамъ, то получилъ мѣсто учителя съ десяти-долларовымъ жалованьемъ въ мѣсяцъ. Черезъ годъ онъ уже былъ въ состояніи отправиться въ Уатервильскую коллегію. Учась самъ и уча другихъ, ему удавалось въ теченіе года сберечь изъ его съ трудомъ пріобрѣтенныхъ и скудныхъ денегъ нѣсколько долларовъ, которыми онъ оказывалъ большую помощь своей матери и ея маленькимъ дѣтямъ; отца же онъ лишился въ дѣтствѣ.

Затѣмъ въ одно время онъ изучалъ законы съ знаменитымъ Джономъ Нилемъ изъ Портланта, преподавалъ въ школѣ и написалъ цѣлый рядъ анонимныхъ писемъ въ «Портлантскомъ Вѣстникѣ», ежедневной газетѣ, которыя были такъ популярны, что издатель этой газеты предложилъ ему

пятьсотъ долларовъ годоваго жалованья за его постоянное сотрудничество въ этой газетѣ. Въ это время, имѣя двадцать пять лѣтъ отъ роду, онъ сдѣлался самымъ популярнымъ и краснорѣчивымъ ораторомъ своего штата. Послуживъ въ законодательной коммисіи города Майна и продолжая писать въ «Портландскомъ Вѣстникѣ», онъ въ 1832 году прибылъ въ Вашингтонъ и началъ рядъ писемъ, въ которыхъ какъ въ зеркалѣ, отражалась разнообразная жизнь американской столицы. Письма сдѣлались тотчасъ популярными и были перепечатаны во всѣхъ газетахъ и журналахъ отъ Майна до Лузіаны. Доказательствомъ ихъ красоты и силы могутъ служить слова сенатора Уильсона: «Я никогда не забуду впечатлѣнія — говоритъ онъ — произведеннаго на меня чтеніемъ этихъ писемъ. Это было лучшее изъ всего того, что я когда-либо читалъ. Они явились мнѣ въ моей бѣдности и неизвѣстности откровеніемъ новой, невѣдомой и чудесной жизни. Они возбудили во мнѣ желаніе идти въ Вашингтонъ. Они дали мнѣ почувствовать, что я долженъ идти туда, видѣть людей и быть свидѣтелемъ народной дѣятельности, о которой я читалъ въ этихъ письмахъ».

Вслѣдъ затѣмъ мистеръ Брукъ написалъ цѣлый рядъ писемъ объ Южныхъ штатахъ; во время путешествія по Европѣ онъ помѣщалъ въ «Портландскомъ Вѣстникѣ» описаніе различныхъ сторонъ жизни, начиная съ дворцовъ богачей и кончая крестьянскими хижинами. Затѣмъ онъ взялся за «Нью-Іоркскій Вѣстникъ», былъ его главнымъ издателемъ, писателемъ, а подъ-часъ и корректоромъ. Въ 1849 году онъ былъ выбранъ представителемъ города Нью-Іорка въ конгрессѣ и занималъ это мѣсто съ небольшими перерывами до настоящаго времени. На этомъ поприщѣ онъ отличился своимъ краснорѣчіемъ и высокими законодательными способностями, представляя собою въ палатѣ типъ

образованія и краснорѣчія, подобно мистеру Сомнеру, служившему образцомъ этихъ же качествъ въ сенатѣ.

Даже и тѣ изъ извѣстныхъ людей, которые начали свою карьеру въ Америкѣ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не прошли жизненнаго поприща совершенно невредимо. На ихъ челѣ и тѣлѣ видны были рубцы воиновъ, участвовавшихъ въ сраженіи — знаки отчаянной борьбы. Такого рода слѣды жизнь оставила на суровомъ и блѣдномъ лицѣ, дрожащемъ и нервномъ тѣлѣ Руфа Чета.

Справедливо замѣчено, что во всякомъ призваніи встрѣчаются иногда препятствія, кажущіяся непреодолимыми—препятствія, которыя временно смущаютъ умъ и энергію самыхъ рѣшительныхъ людей и которыя способны иногда довести ихъ до отчаянія. Но *nil desperandum*--никогда не поддавайтесь ему, мой читатель, если у васъ только есть здоровье и сила, какъ бы темны ни были ваши надежды. Обстоятельства, заграждающія вамъ путь и удерживающія васъ — (обстоятельства сдѣланы изъ резины для людей сильныхъ и изъ желѣза для слабыхъ)—уступятъ вамъ дорогу, если вы будете смѣло продолжать ее. Идите впередъ, продолжайте быть отважнымъ, тогда будетъ волшебно открытъ передъ вами путь, и вы съ надеждою и смѣлостію можете невредимо пройти по немъ, какъ маленькія лодки доктора Кэна нѣсколько разъ проходили посреди огромныхъ ледяныхъ глыбъ, готовыхъ ежеминутно ихъ уничтожить. Тѣ страшныя препятствія, которыя какъ бы стараются остановить наши успѣхи въ жизни, призрачны и немедленно исчезаютъ, коль скоро мы встрѣчаемся съ ними лицомъ къ лицу.

Даже изъ борьбы съ внутренними болѣзнями, какъ съ внѣшними врагами, мы при помощи героическаго духа можемъ наконецъ выйти побѣдителями. Люди могутъ исцѣлять самихъ себя отъ мучительныхъ страданій геркулесовскими

усиліями воли, и доктора разсчитываютъ на веселый и полный надеждъ характеръ своихъ пацiентовъ какъ на лучшаго агента въ дѣлѣ возстановленiе ихъ здоровья. Однимъ изъ величайшихъ генераловъ тридцатилѣтней войны былъ Торстенсомъ. Вслѣдствiе страданiя подагрою его обыкновенно носили на носилкахъ, однако быстрота его военныхъ движенiй поражала весь свѣтъ. Когда Дугласу Джеральду во время его опасной болѣзни докторъ сказалъ, что онъ долженъ умереть, то онъ отвѣчалъ: «Какъ, умереть и оставить дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованiю? Нѣтъ, я этого не хочу» — и дѣйствительно онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Чьи надежды были мрачнѣе надеждъ Вольфа прежде чѣмъ онъ взялъ Квебекъ. Съ юности онъ уже былъ подверженъ многимъ болѣзнямъ. Нѣсколько разъ онъ былъ жестоко отбитъ въ своихъ нападенiяхъ на ретраншементъ Монкальмъ, на югъ отъ Квебека; его войско падало духомъ, обѣщанная помощь подъ начальствомъ генераловъ Амгерста и Джонсона еще не пришла, и онъ самъ, вслѣдствiе безпокойствъ и усталости, заболѣлъ опасно лихорадкою. Нѣсколько поправившись, онъ написалъ на родину письмо полное печали, чтобъ приготовить общественное мнѣнiе въ Англiи къ неудачѣ. Оно оканчивалось такими словами: «Я уже достаточно поправился, чтобъ приняться за дѣло, но мой организмъ окончательно разрушенъ и не имѣетъ нравственной поддержки, такъ какъ мнѣ не удалось оказать ни одной значительной услуги государству и я не имѣю надежды когда-либо ее оказать». Спустя пять дней послѣ этого письма Авраамскiя высоты были взяты приступомъ, Монкальмъ уничтоженъ, неприступныя крѣпости сдались и имя Вольфа сдѣлалось безсмертнымъ.

---

## ГЛАВА XV.

### Воля и дорога.

(*Продолженіе*).

Но не одно только постоянство составляетъ неотъемлемую принадлежность успѣха, необходимо еще терпѣніе, или способность человѣка дожидаться срока. Дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ уроковъ, который человѣчество должно изучить въ жизненной школѣ, есть умѣніе дожидаться. Не ждать сложа руки награды отъ жизни безъ предварительныхъ усилій, но трудиться, бороться, испытывать различныя искушенія, не видѣть никакихъ результатовъ или, можетъ быть, видѣть самыя бѣдственныя и оставаться по прежнему твердымъ, сохранять свое собственное равновѣсіе и не уменьшать своихъ усилій — вотъ истинное величіе. Вокругъ свѣта нельзя объѣхать при вѣяніи одного и того же вѣтра. Важные результаты не могутъ быть достигнуты въ одинъ день; тѣ плоды обыкновенно лучше, которые дольше остаются на вѣтвяхъ и лучше вызрѣваютъ, поэтому понятно, что тотъ, кто хочетъ имѣть прочный успѣхъ, долженъ умѣть *трудиться* и *ждать*.

Какъ характеръ составляетъ девять десятыхъ христіан-

ской религіи, такъ веселость и усидчивый трудъ составляютъ девять десятыхъ практической мудрости. Свѣтлое расположеніе духа есть душа успѣха, оно даетъ возможность человѣку исполнить двойной трудъ и исполнить его съ меньшимъ физическимъ и умственнымъ изнуреніемъ. Можно встрѣтить множество людей, недовольныхъ своими занятіями и досадующихъ на то, что необходимость пріобрѣсти себѣ пропитаніе приковываетъ ихъ къ нимъ. Потерявъ всякій интересъ къ своей работѣ, они бросаются на другія занятія и начинаютъ ихъ мѣнять одно на другое, ни на одномъ долго не останавливаются и видятъ во всемъ только одни мученія и затрудненія. Такіе люди оканчиваютъ обыкновенно жизнь тѣмъ, что или бѣдняками сходятъ въ раннюю могилу, или поступаютъ подъ старость въ богадѣльню. Дѣйствительно, иногда человѣкъ попадаетъ не въ свойственную ему сферу дѣятельности; но если онъ будетъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствовать въ ней, то пусть онъ лучше тамъ остается, а не мѣняетъ ее на другую. Вообще ничто не можетъ быть бо́льшимъ заблужденіемъ, какъ постоянная перемѣна занятій. Какъ капиталъ клонится всегда къ уравновѣшенію барышей, такъ и одно занятіе, послѣ долгаго исполненія его, оплачивается столько же, сколько другое.

Оглянитесь вокругъ себя, любезный читатель, посмотрите на вашихъ знакомыхъ, и вы найдете, что приблизительно всѣ достигшіе успѣха люди ухватились съ рѣшимостью за преслѣдованіе одной какой-нибудь цѣли. Такъ, напримѣръ, два адвоката начинаютъ практиковать въ одно и то же время; одинъ изъ нихъ, употребляя всю свою энергію на свое дѣло, каждый день увеличиваетъ свое знаніе въ законахъ, добросовѣстно занимается тѣми немногими дѣлами, которыя онъ имѣетъ, и терпѣливо ожидаетъ случая, когда ему можно будетъ развернуть передъ публикою всю

свою ловкость и ученость. Другой, нетерпѣливый отъ пренебреженія, съ какимъ на него смотрятъ, и отчаиваясь имѣть кліентовъ, или погружается въ политику, или дѣлается страховымъ агентомъ, или пускается въ различныя спекуляціи. По прошествіи двадцати лѣтъ послѣдній будетъ бѣденъ и въ долгу, тогда какъ первый пріобрѣтетъ огромную практику и будетъ считать свои тысячи фондами или банковыми закладными листами. Точно такъ же и во всякомъ другомъ занятіи: человѣкъ, ведущій кочующую жизнь, какъ полу-цивилизованный арабъ, не возбуждаетъ ни въ комъ довѣрія къ себѣ и можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что умретъ несостоятельнымъ должникомъ.

Всякій человѣкъ, желающій имѣть успѣхъ, долженъ положить всю свою душу въ избранное имъ занятіе. Маколей говоритъ намъ, что Галифаксу не нравилась та политическая партія, къ которой онъ принадлежалъ, потому, что съ ней онъ ближе былъ знакомъ; такъ и въ каждомъ занятіи есть заботы, испытанія, мученія, которыя въ нашемъ занятіи кажутся намъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ занятіи другаго человѣка. Горести въ нѣкоторомъ отношеніи есть послѣдствія человѣческаго несовершенства. Зачѣмъ же выискивать ихъ и, размышляя объ нихъ, стараться ихъ увеличить.

«Терзанія болѣе убиваютъ человѣка, чѣмъ самый упорный трудъ. Маленькія испытанія въ жизни иногда болѣе ослабляютъ человѣка, чѣмъ большое горе; такъ корабль, вынесшій страшный ударъ, идетъ ко дну отъ маленькихъ животныхъ, подъѣдающихъ его бревна. Поэтому вырабатывайте въ себѣ веселость, и призракъ пренебреженія, зла и отчаянія разсѣется передъ ней, какъ туманъ передъ солнцемъ. «Во всякомъ человѣкѣ — говоритъ Карлейль — только надежда работаетъ дѣятельно и серьозно, и только въ лѣности заключается постоянное отчаяніе».

Исторія и біографіи изобилуютъ примѣрами терпѣнія, выказаннаго великими людьми при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Китайцы разсказываютъ такой случай про одного изъ своихъ соотечественниковъ, студента, который, отвращенный затрудненіями при сдачѣ экзамена, въ отчаяніи бросилъ книгу; въ скоромъ времени послѣ этого онъ увидѣлъ женщину, точившую ломъ о камень, и когда онъ спросилъ ее, зачѣмъ она это дѣлаетъ, то она отвѣчала, что ей нуженъ гвоздь. Спрашивается, сколько времени она должна была тереть ломъ о камень, чтобъ сдѣлать его достаточно тонкимъ. Увлекшись этимъ примѣромъ терпѣнія, онъ снова принялся за ученіе и сдѣлался лучшимъ ученымъ имперіи. Ласковыя слова сэра Исаака Ньютона къ его собакѣ Діамонду, уронившей зажженую свѣчу на его конторку и уничтожившей его огромный трудъ, составленный имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, извѣстны каждому. Такое же несчастіе случилось съ Томасомъ Карлейлемъ. Окончивъ первый томъ «Французской Революціи», онъ далъ рукопись для прочтенія одному изъ своихъ друзей, который по небрежности оставилъ ее на полу въ залѣ; служанка его, считая ее за связку ненужныхъ бумагъ, сожгла ее въ печкѣ. Первое сочиненіе книги было дѣломъ любви, вторичное переписываніе должно казаться автору, что́ весьма понятно, ломовою работою. Однако онъ, не теряя времени въ сожалѣніяхъ, немедленно принялся за работу и наконецъ окончилъ книгу въ такомъ видѣ въ какомъ она существуетъ въ настоящее время. Подобный же анекдотъ разсказываютъ о Робертѣ Энсвортѣ, знаменитомъ писателѣ и классикѣ восемнадцатаго столѣтія. Онъ трудился нѣсколько лѣтъ надъ составленіемъ латинскаго словаря и въ это время чрезвычайно мало занимался съ своею молодой женой, такъ что она однажды, разсердившись, изъ ревности схватила его еще неоконченный трудъ

и бросила въ огонь. Не предаваясь отчаянію, онъ снова принялся за свою работу съ удвоеннымъ прилежаніемъ и наконецъ окончилъ ее. Можно еще разсказать множество такого рода примѣровъ.

Есть такія работы, для успѣха которыхъ необходимо надо имѣть громадный запасъ терпѣнія. Говорятъ, что въ Лондонѣ спокойное сидѣніе на стулѣ щедро вознаграждается. Люди получаютъ большую выгоду изъ-за того, что имъ сорокъ и болѣе лѣтъ. Всегда больше довѣряютъ тѣмъ докторамъ, имена которыхъ встрѣчаются въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ газетахъ и карточки которыхъ, оставаясь прибитыми на дверяхъ, состарѣются отъ непогоды. Самая прекрасная рѣчь молодаго адвоката не будетъ имѣть такой силы, какъ прозаическое доказательство, приведенное старымъ практикомъ въ судѣ. Способность же терпѣливаго сидѣнія на мѣстѣ можетъ быть достигнута только привычкою къ ней еще въ молодости, такъ что и въ этомъ случаѣ оказывается справедливою старинная поговорка, которая говоритъ, что ничто не достается безъ большаго труда. «Жаренные голуби— говоритъ авторъ изящнаго музыкальнаго сочиненія: «Ночной сонъ въ серединѣ лѣта» — не влетаютъ прямо въ ротъ даже самымъ талантливымъ людямъ. Общее правило то, что ихъ надо сперва поймать, потомъ вычистить и изжарить. Даже золото рѣки Колорадо требуетъ тяжелаго труда; его нельзя собирать, подобно каменьямъ на улицѣ. Геніальные люди рѣдко открываютъ намъ, на сколько ихъ слава есть результатъ упорнаго труда. Многихъ головныхъ болей стоили имъ гладкіе стихи, прежде чѣмъ они поразили своею красотою ваше ухо; много мученій испытывалъ Микель Анжело прежде чѣмъ осуществилъ на мраморѣ и въ фрескѣ страшныя мысли Данта. Даже сибариту не совсѣмъ спокойно на своей постели изъ розъ; ни одна рука, за исключеніемъ

его собственной, не можетъ хорошо взбить розовые лепестки, его согрѣвающіе».

Въ девяноста случаяхъ изъ ста то, что́ люди называютъ геніемъ — есть ничто иное, какъ способность къ тяжелой работѣ; въ остальныхъ только десяти случаяхъ это есть мечтательная способность дѣланія вещей безъ труда. Трудъ, исполняемый людьми для достиженія своихъ цѣлей, кажется иногда даже невѣроятнымъ. Для пріобрѣтенія гладкой рѣчи лордъ Честерфильдъ въ продолженіе многихъ лѣтъ занимался переписываніемъ блестящихъ періодовъ, встрѣчавшихся ему при чтеніи, и переводилъ ихъ на французскій языкъ, а если онъ встрѣчалъ ихъ на иностранномъ языкѣ, то на англійскій. Такимъ образомъ краснорѣчіе сдѣлалось для него привычнымъ дѣломъ, и тогда для него стало столь же труднымъ выражаться неизящно, какъ въ прежнее время было трудно избѣгать этого недостатка. Лордъ для усовершенствованія своего знанія въ греческомъ языкѣ не только переводилъ Демосѳена на англійскій языкъ, но прочитывалъ съ поразительнымъ вниманіемъ каждый день по двадцати разъ страницу изъ лексикона Балье. Съ этою же цѣлью его сынъ, Вилліамъ Питтъ, еще до двадцатилѣтняго возраста прочиталъ произведенія почти всѣхъ классическихъ авторовъ, нѣкоторыя изъ нихъ вслухъ, останавливаясь иногда на нѣсколько часовъ на блестящихъ періодахъ какого-нибудь автора или историка и пытаясь открыть тайну силы ихъ прелести. *Среброязычный* Мэнсфильдъ не только перевелъ всѣ цицероновскія рѣчи на англійскій языкъ, но съ англійскаго языка вновь переводилъ ихъ на латинскій.

У Ботлера, по словамъ доктора Джонсона, была заведена памятная книжка, въ которую онъ не только вписывалъ вычитанные имъ факты и правила, но и всѣ мысли,

являвшіяся въ его собственномъ умѣ при чтеніи и которыя могли быть съ пользою приложены къ дѣлу на будущее время. «Такой трудъ—прибавляетъ Джонсонъ—исполняется только тѣмъ, кто пишетъ для безсмертія». Прежде чѣмъ великій писатель самъ началъ писать «Бродягу», онъ собралъ въ своей записной книгѣ огромное количество разнообразныхъ предостереженій относительно перемѣны занятій. Аддисонъ собралъ, прежде чѣмъ началъ издавать своего «Зрителя», три фоліанта рукописныхъ матеріаловъ. Газеты, переживающія время и капризы моды, обязаны своимъ успѣхомъ простотѣ формы, съ которой авторы сообщаютъ свои мысли свѣту послѣ продолжительной обработки въ своемъ собственномъ умѣ.

Когда мы смотримъ на громадныя пріобрѣтенія однихъ людей и колоссальныя усовершенствованія другихъ, то мы готовы думать, что такого рода люди составляютъ исключеніе изъ общаго закона, т. е. что все имъ достается легко, почти безъ труда, и мы способны предполагать, что они одарены отъ природы особенною способностью, чуждою другимъ людямъ. Созерцая чудесныя сочиненія Шекспира, образцовыя произведенія Мильтона и Данта, вспоминая о Ньютонѣ, открывшемъ механизмъ неба, о Уаттѣ, выстроившемъ пароходъ, или о Морзѣ, изобрѣтателѣ электрическаго телеграфа, мы приходимъ въ такое смущеніе, стараясь разсмотрѣть путь, какимъ они достигли этихъ результатовъ, что готовы скорѣе причислить ихъ къ роду людей, одареннымъ двойнымъ зрѣніемъ, чѣмъ къ людямъ съ естественнымъ человѣческомъ умовъ. Даже такихъ историковъ какъ Гизо, Гиббонъ и Бокль, выказавшихъ такую воспріимчивость къ наукѣ и такую замѣчательную силу памяти, мы способны отнести къ разряду особенныхъ людей, обладающихъ исключительными способностями не только по своей

силѣ, но даже и самому своему свойству. Но при знакомствѣ съ ихъ біографіями и біографіями другихъ великихъ людей всякая иллюзія исчезаетъ. Мы находимъ, что почти безъ исключенія всѣ великіе люди, какъто: поэты, ораторы, государственные люди, историки, полководцы или профессора, были великими тружениками, и причина, почему они превзошли другихъ дѣятелей, объясняется очень просто тѣмъ только, что они болѣе работали.

Мало геніальныхъ произведеній явилось на свѣтъ посреди роскоши и на досугѣ. Обыкновенно они вырабатываются въ промежутки другаго, несродственнаго имъ труда, посреди безпокойства и лишеній. Совершенно справедливо сказано, что люди, пролившіе свѣтъ въ міръ, не всегда имѣли масло для лампъ, при которыхъ они работали. Гейне, великій нѣмецкій классикъ, шелушилъ горохъ для своего обѣда одной рукой и отмѣчалъ Тибулла другой. Матью Галь въ бытность свою студентомъ работалъ шестнадцать часовъ въ день. Сэръ Томасъ Муръ и епископы Джевель и Бёрнеттъ начинали свои занятія каждый день въ четыре часа утра. Гиббонъ работалъ ежедневно съ шести часовъ утра. Бёркъ былъ самый трудолюбивый и неутомимый изъ людей. Паскаль убилъ себя наукою или лучше сказать усидчивыми занятіями безъ тѣлесныхъ упражненій. Мильтонъ также аккуратно писалъ свои книги, какъ купецъ и адвокатъ. «Мои утренніе часы—говоритъ послѣдній въ одномъ изъ немногихъ мѣстъ, гдѣ онъ касается своей частной жизни—всегда, какъ это и должно быть, я сижу дома; я провожу утреннее время не въ спаньѣ или въ перевариваніи излишествъ вечерняго пира, но въ дѣятельности; зимою встаю при звукѣ колокола, призывающаго народъ къ работѣ или къ молитвѣ, лѣтомъ вмѣстѣ съ птицами, и ни въ какомъ случаѣ не позже чѣмъ черезъ часъ

немедленно приступаю къ чтенію, и читаю до тѣхъ поръ, пока вниманіе начинаетъ уставать или память уже наполняется грузомъ; затѣмъ я занимаюсь полезными и великодушными занятіями, охраняющими тѣлесное здоровье и силу».

Старое понятіе о геніѣ, столь популярное у лѣнивыхъ людей, какъ о человѣкѣ, который не учась ничему можетъ все знать и который долженъ презирать всѣ правила и системы, какъ стѣсняющія его геніальныя способности, теперь совершенно освистано. Признано всѣми здравомыслящими людьми, какъ говоритъ докторъ Девей, «что геній долженъ учиться». «Только съ помощію метода можно достигнуть превосходства — говоритъ Сидней Смитъ — а это тяжелый трудъ».

Мы часто слышимъ объ импровизированныхъ произведеніяхъ великихъ людей, но еслибъ мы могли заглянуть въ ихъ литературныя мастерскія, то мы нашли бы, что всѣ эти чудесныя импровизаціи были результатомъ годовъ безпокойной мысли и заботы. Говорятъ, что Шериданъ написалъ «Пизарро» за бутылкою портвейна. Но кто только немного знакомъ съ жизнію Шеридана, тотъ знаетъ, съ какою тщательностью онъ обдумывалъ предметъ, всѣ малѣйшія подробности своихъ произведеній и рѣчей, старательно выправляя свой слогъ, такъ что по всей вѣроятности «Пизарро» было уже написано у него въ умѣ прежде чѣмъ онъ взялся за перо.

Ни одинъ человѣкъ, повидимому, не писалъ съ такою легкостью, какъ Диккенсъ. Но въ дѣйствительности лишь только онъ приступалъ къ новому сочиненію, то его душою овладѣвала одна только идея, постоянно и всюду преслѣдовавшая его. Когда его однажды попросили въ обществѣ прочитать одно мѣсто изъ его сочиненій, то онъ отвѣчалъ,

что у него нѣтъ времени для приготовленія, потому что онъ имѣетъ привычку прочитывать по крайнѣй мѣрѣ однажды въ день въ продолженіе шести мѣсяцевъ свой разсказъ, прежде чѣмъ онъ станетъ разсказывать его въ обществѣ. Что авторъ «Давида Коперфильда» имѣлъ весьма мало вѣры въ импровизацію, видно изъ слѣдующихъ его золотыхъ словъ: «Одно полезное, надежное, вѣрное, щедро вознаграждающее и достижимое качество есть вниманіе. Мое собственное изобрѣтеніе или воображеніе, каково бы оно ни было, смѣю завѣрить васъ, не послужитъ мнѣ ни къ чему безъ привычки къ обыкновенному, скромному, терпѣливому, ежедневному и трудолюбивому вниманію». Руссо, писавшій повидимому съ большою легкостью, говоритъ, что только «безпрестаннымъ безпокойствомъ, постоянными поправками онъ достигаетъ магической красоты своего слога». Мольеръ, стихи котораго текутъ такъ свободно, какъ простой разговоръ, часто думалъ въ продолженіе цѣлаго дня надъ оборотомъ куплета. Петрарка въ своихъ сонетахъ къ Лаурѣ кажется, судя по многочисленнымъ его поправкамъ въ рукописи, больше терзался риѳмою, чѣмъ потерею своей любовницы. Никто не можетъ представить себѣ, что пѣсни Беранже, поражающія насъ своею простотою и кажущіяся намъ такими же самопроизвольными, какъ чириканье воробья, стоили ему громаднаго труда, что онъ посвящалъ одной пѣснѣ цѣлые недѣли и мѣсяцы, чтобъ придать ей ту простоту, къ которой онъ постоянно стремился. У кардинала Бембо была конторка съ тридцатью отдѣленіями; написавъ сонетъ, онъ клалъ его въ первое отдѣленіе, черезъ нѣкоторое время вынималъ его оттуда, переправлялъ и клалъ во второе, потомъ снова вынималъ, опять поправлялъ и опускалъ въ третье; такимъ образомъ сонетъ обходилъ всѣ отдѣленія его конторки и появлялся въ свѣтъ, выдер-

жавъ тридцать корректуръ, какъ полное литературное произведеніе, какимъ только, настойчивый вкусъ могъ сдѣлать его. Бюффонъ, имѣвшій обыкновеніе говорить о слогѣ, что слогъ — человѣкъ, чрезвычайно медленно обращался съ перомъ и утверждалъ, что геній ничто иное, какъ терпѣніе.

Аддисонъ выводилъ изъ терпѣнія своего типографщика. Онъ постоянно останавливалъ печатаніе, вставляя новыя предложенія. Газлиттъ говоритъ, что онъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ знаетъ, что «Письма къ благородному лорду» Бёрка, самое быстрое, пылкое, блестящее и шутливое изъ всѣхъ его произведеній, были такъ испещрены въ корректурѣ, что наборщики не рѣшились поправлять по ней наборъ и сняли сперва копію. Самъ Газлиттъ провелъ много лѣтъ прежде чѣмъ ему удалось выразить на бумагѣ свои мысли, такъ что онъ часто отчаявался имѣть когда-нибудь авторскій успѣхъ. Джонъ Форстеръ былъ самый старательный и трудолюбивый писатель. Онъ говоритъ, что пересматривая свое сочиненіе, онъ всегда считалъ правиломъ не церемониться ни съ словами, ни съ сужденіями, но *рубилъ*, *кололъ*, *обрѣзывалъ*, *округлялъ*, *подрывался подъ корни* и употреблялъ другія мѣры строгости съ тѣмъ, что ему не нравилось.

Въ результатѣ сумма перемѣнъ равнялась такой же суммѣ тысячъ. Когда однажды Чальмерса послѣ его возвращенія въ Лондонъ спросили, что подѣлываетъ Форстеръ, то онъ отвѣчалъ: «Тяжело работать по одной строчкѣ въ недѣлю».

Даже блестящіе, легкіе стихи Томаса Мура были результатомъ глубокой учености. Вашингтонъ Ирвингъ говоритъ намъ, что Муръ имѣлъ обыкновеніе заниматься поэзіею гуляя по саду, и какъ-скоро въ его умѣ складывался хо-

рошій куплетъ или стансъ, то онъ входилъ въ бесѣдку и заносилъ его на бумагу. Десять строчекъ въ день онъ считалъ хорошею работою и работалъ надъ маленькою поэмою въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, останавливаясь надъ каждымъ словомъ.

Разсказываютъ, что одинъ драматическій писатель упрекалъ однажды Эврипида за то, что тотъ составилъ пять строчекъ въ три дня, тогда какъ онъ, по его словамъ, могъ бы въ это время написать до пятисотъ. «Хорошо — справедливо возразилъ Эврипидъ—но ваши пятьсотъ будутъ чрезъ три дня мертвы и забыты, тогда какъ мои три будутъ вѣчно жить». Числомъ часовъ, потраченныхъ собственно на ручной трудъ, т. е. на писаніе книги, нельзя измѣрять умственный трудъ, потраченный на составленіе этой книги. Мысли, чтобъ течь легко, должны изливаться изъ полнаго мозга. Алонзо Кано, испанскій скульпторъ, изваялъ прекрасную статую въ двадцать пять дней. Когда одинъ скряга купецъ захотѣлъ за нее заплатить ему поденно, то онъ съ негодованіемъ воскликнулъ: «Презрѣнный, я работалъ двадцать пять лѣтъ, изучая способъ сдѣлать статую въ двадцать пять дней». Одинъ англійскій журналистъ говоритъ, что какъ великіе художники могутъ окончить съ большою скоростью свои великія произведенія, такъ и великіе писатели, какъ Вальтеръ-Скоттъ, могутъ писать занимательныя сочиненія и издавать ихъ въ свѣтъ не пересматривая и не поправляя ихъ; но причина этой быстроты остается постоянно одна и та же. Долгіе годы занятій и практики такъ приготовили, приладили и выполировали умственный инструментъ, необходимый для дѣятельности рукъ, что когда двигательная сила приложена и паръ пущенъ въ ходъ, то онѣ начинаютъ дѣйствовать со скоростью и съ точностью машины.

Какъ въ литературѣ, такъ и въ каждомъ искусствѣ, произведенія, возбудившія всеобщее удивленіе были результатомъ громаднаго труда. Микель Анжело, человѣкъ, имѣвшій болѣе другихъ права полагаться на геній, говоритъ о себѣ, что онъ всѣмъ обязанъ труду. Онъ часто проводилъ цѣлыя недѣли не раздѣваясь. «Въ продолженіе девяти лѣтъ, т. е. во все время, когда я была его женою—говоритъ вдова великаго живописца Опея — я никогда не видала его удовлетвореннымъ своимъ произведеніемъ, но часто, войдя въ мою комнату и въ отчаяніи бросаясь на софу, онъ восклицалъ въ отчаяніи: я никогда, никогда не буду живописцемъ». Это было благородное отчаяніе, преслѣдованіе высокаго идеала, постоянно летавшаго передъ нимъ на горизонтѣ, которое подстрекало Опея къ высшимъ и все высшимъ усиліямъ, пока онъ не занялъ одного изъ высочайшихъ мѣстъ въ артистическомъ храмѣ своего отечества. Когда одна дама спросила Торнера, въ чемъ заключается его тайна, то онъ отвѣчалъ: «У меня нѣтъ тайны, сударыня; вся моя тайна заключается въ тяжеломъ трудѣ; это тайна, которую многіе не могутъ узнать и вслѣдствіе этого не успѣваютъ, потому что ее не узнаютъ. Трудъ — геній, измѣняющій въ мірѣ безобразіе въ красоту и проклятіе въ благословеніе».

Про ораторское искусство сказано, что нѣтъ хорошаго оратора, который не пріобрѣталъ бы успѣха насчетъ своихъ слушателей. Единственный человѣкъ, который родился ораторомъ, былъ, по словамъ Вильберфорса, Джемсь Фоксъ; онъ могъ говорить въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не утомляясь и не утомляя свою аудиторію, но и его талантъ развился вслѣдствіе постоянной практики. Сэръ Робертъ Питтъ съ малолѣтства развивалъ въ себѣ эти качества. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, то часто отецъ ставилъ его на столъ и говорилъ: «Теперь, Роббинъ, произнеси

спичъ и ты получишь въ вознагражденіе эту вишню». Когда малютка произносилъ нѣсколько словъ, ему апплодировали; подстрекающая похвала и упражненія имѣли тотъ результатъ, что онъ десяти лѣтъ обладалъ уже въ нѣкоторой степени краснорѣчіемъ. Когда онъ подросъ, то отецъ уводилъ его каждую субботу въ свою комнату и заставлялъ повторять слышанныя имъ проповѣди. Сперва успѣхи были чрезвычайно незначительны, но мало-по-малу проповѣди были наконецъ повторяемы слово въ слово. Когда нѣсколько лѣтъ спустя онъ произносилъ рѣчи въ парламентѣ, то трудно было предположить, что онъ обязанъ своимъ краснорѣчіемъ отцовскому воспитанію въ драйтонской церкви.

Америка по всей вѣроятности не производила лучшаго оратора, чѣмъ Генрихъ Клэй. Одаренный отъ природы богатыми способностями, онъ однако не составляетъ исключенія изъ общаго правила, такъ какъ онъ самъ приписываетъ свой успѣхъ единственно тому обстоятельству, что съ двадцатисемилѣтняго возраста онъ сталъ упражняться въ ежедневномъ чтеніи и въ разговорахъ объ историческихъ и ученыхъ книгахъ. «Эти усилія — пишетъ онъ — происходили на нивѣ, въ лѣсу, а иногда въ житницѣ или въ хлѣву, гдѣ слушателями были быкъ или лошадь. Этой частой практикѣ въ величайшемъ искусствѣ изъ всѣхъ искусствъ я обязанъ первымъ и главнымъ побужденіямъ, которыя подстрекали меня идти впередъ и образовали всю послѣдующую мою судьбу. Совершенствуйте, молодые люди, высочайшую способность вашей души, которой вы можете наслаждаться. Не проводите ни одного дня не упражняясь въ произнесеніи спичей. Нѣтъ искусства выше ораторскаго. Цезарь управлялъ людьми, своими рѣчами возбуждая ихъ опасенія; Цицеронъ, плѣняя ихъ склонности, господствовалъ надъ ихъ страстями.

Вліяніе одного погибло вмѣстѣ съ самимъ авторомъ, вліяніе другаго продолжается до сихъ поръ». Генрихъ Уардъ Бичеръ, въ бытность свою студентомъ богословія, постоянно упражнялся въ декламаціи, въ мимикѣ и даже занимался обработкой своего голоса. Вмѣстѣ съ товарищами-студентами онъ забирался въ рощу, находящуюся между отцовскимъ домомъ и семинаріею, гдѣ всѣ занимались подражаніемъ птичьимъ голосамъ. Разсказываютъ, что самая величайшая проповѣдь, которую когда-либо произносилъ докторъ Лейманъ Бичеръ, отецъ Генриха, была о «Божьемъ Управленіи». Когда онъ по произнесеніи ея сошелъ съ каѳедры, то его спросили, сколько времени онъ приготовлялъ эту проповѣдь, на что онъ отвѣчалъ: «около сорока лѣтъ, сэръ».

Не слѣдуетъ больше и повторять, что большая ловкость въ чемъ-нибудь есть результатъ громаднаго труда. Легкость въ чемъ нибудь пріобрѣтается трудомъ. Ничто не бываетъ легко сначала. Эмерсонъ справедливо говоритъ: «Всѣ хорошіе ораторы были плохими въ началѣ. Ни одинъ геній не можетъ разсказать съ перваго раза балладу такъ хорошо, какъ разскажетъ ее человѣкъ съ посредственными способностями въ пятнадцатый или въ двадцатый разъ. Одинъ изъ моихъ остроумныхъ друзей замѣтилъ, что природа оттого во всемъ такъ хороша, что повторяя однѣ и тѣ же вещи ежедневно, она научилась ихъ дѣлать въ совершенствѣ. Мнѣнія только такихъ людей цѣнны, которые имѣютъ большую опытность, въ противномъ случаѣ они не имѣютъ никакого вѣса».

Небольшое размышленіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что провидѣніе умно распорядилось, дѣлая величіе и успѣхъ наградою огромнаго труда. Люди такъ созданы, что способны относиться легко и даже пренебрегать всѣмъ тѣмъ,

что̀ имъ достается легко. Кромѣ того не могло бы быть исключительности величія и успѣха, еслибъ все каждому доставалось легко. Разсказываютъ, что два разбойника однажды проходили мимо висѣлицы, причемъ одинъ изъ нихъ, взглянувъ на нее, воскликнулъ: «Какъ хорошо было бы наше занятіе, еслибъ не было висѣлицъ». — «Молчи, глупая голова, —отвѣчалъ ему другой—висѣлицы намъ полезны: еслибъ не было ихъ, то каждый сдѣлался бы разбойникомъ». Точно такъ же и во всякомъ занятіи только трудности пугаютъ и держатъ въ отдаленіи недостойныхъ соперниковъ. То, что̀ Жанъ-Поль Рихтеръ говоритъ о бѣдности въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, когда послѣдній былъ въ когтяхъ безсовѣстныхъ кредиторовъ, совершенно вѣрно и по отношенію къ другимъ испытаніямъ въ жизни. «Что такое бѣдность—говоритъ онъ—и почему человѣкъ долженъ оплакивать ее? Это точно такое же страданіе, какое испытываетъ дѣвушка, когда ей прокалываютъ уши и вдѣваютъ въ рану драгоцѣнныя серьги съ брилліантами». Иногда даже самые угрюмый трудъ, какъ безобразная жаба съ жемчужинами на головѣ, при нѣкоторыхъ искупающихъ его обстоятельствахъ становится менѣе отталкивающимъ. «Самыя безобразныя ремесла—говоритъ Дугласъ Джерольдъ—имѣютъ свои минуты удовольствія. Еслибъ я былъ могильщикомъ или палачемъ, то я для многихъ занялся бы съ удовольствіемъ моимъ ремесломъ».

## ГЛАВА XVI.

### Резервная сила

Сказано про Геркулеса, бога дѣйствительной силы, что стоялъ-ли онъ, ходилъ-ли, сидѣлъ-ли или дѣлалъ что-нибудь — онъ всегда побѣждалъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ большой гонкѣ лодокъ на Темзѣ, лодки клуба Гарварда въ первыя минуты всегда имѣли перевѣсъ надъ лодками Оксфордскаго клуба. Первыя ударяли сорокъ шесть разъ весломъ, между тѣмъ вторыя только сорокъ два.

Но пройдя половину пути у первыхъ удары весломъ уменьшались до сорока и даже до тридцати девяти, тогда какъ вторыя двигались съ прежнею быстротою. Спустя нѣсколько минутъ лодки Оксфордскаго клуба торжественно выдвигались впередъ и, не смотря на послѣднія отчаянныя усилія лодокъ Гарвардскаго клуба, поддерживали свое преимущество и выигрывали призъ.

Много различныхъ объясненій давали по поводу Гарвардскаго пораженія, но самая главная причина заключается въ недостаткѣ резервной силы. Не только въ гонкахъ лодокъ, но и повсюду, во всѣхъ умственныхъ и нравст-

венныхъ битвахъ, на рынкѣ, въ сенатѣ, на каѳедрѣ, въ форумѣ, люди испытываютъ неудачу отъ ранняго истощенія, отъ недостатка запасной силы, физической, умственной или духовной, которая одна даетъ имъ возможность отбить новый непредвидѣнный напоръ волнъ. Въ составѣ арміи резервное войско имѣетъ всегда весьма большое значеніе, поэтому оно должно состоять изъ старыхъ воиновъ подъ начальствомъ опытнаго генерала. Неимѣніе его или недостатокъ въ немъ дисциплины имѣютъ гибельное вліяніе на участь всего сраженія. Кому знакомы кампаніи Наполеона, тотъ знаетъ, какъ часто почти потерянная битва обращалась въ полную побѣду, благодаря вмѣшательству императорской гвардіи, находящейся въ резервѣ. И при Ватерлоо, когда его звѣзда закатилась, несчастіе главнѣйшимъ образомъ произошло оттого, что резервная сила была значительно уменьшена и ослаблена, вслѣдствіе необходимости отбивать нападенія на правое крыло, такъ что, разбивъ частію британскую линію при Лагэсентѣ, онъ не могъ нанести смертельнаго удара.

Въ жизни все равно, что на войнѣ; часто въ рѣшительныя минуты успѣхъ или неудача, побѣда или пораженіе зависятъ отъ заключенной въ насъ резервной силы. Въ судѣ, въ сенатѣ, на каѳедрѣ и, короче сказать, во всякой сферѣ человѣческой дѣятельности тотъ только управляетъ побѣдой и владѣетъ успѣхомъ, у кого за его авангардомъ и главнымъ корпусомъ слышатся шаги резервной арміи. Еще недостаточно, если вашихъ рядовъ и шеренгъ хватитъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. Еслибъ кампанія всегда принимала ожидаемый нами оборотъ и еслибъ не было необходимости преодолѣвать непредвидѣнныхъ нами случайностей; еслибъ не было нападеній непріятеля, превышающаго насъ числомъ, ни военныхъ хитростей, о которыхъ

мы не были предупреждены, тогда только мы вышли бы побѣдителями. Но мы должны быть приготовлены къ непредвидѣннымъ кризисамъ, къ невѣроятнымъ случайностямъ, вспоминая французскую пословицу, которая говоритъ, что ничто не имѣетъ такой вѣроятности случиться, какъ непредвидѣнное. Въ особенности мы не должны обманывать себя надеждою, что не организовавъ резервной силы мы можемъ набрать для этой цѣли людей уже въ походѣ или запастись провіантомъ по дорогѣ. Еще менѣе того можемъ мы импровизировать эволюціи на полѣ сраженія, въ которыхъ мы никогда не упражнялись на парадѣ.

Но развѣ мы оцѣниваемъ вполнѣ эту золотую истину? Развѣ мы, приготовляясь къ жизненной битвѣ, видимъ въ нашихъ умственныхъ силахъ только людей сильныхъ духомъ, крѣпкихъ и здоровыхъ и исключаемъ изъ списка хромыхъ, увѣчныхъ и слѣпыхъ. и развѣ мы набираемъ постоянно новыхъ рекрутъ, помня, что война кончается только съ жизнію. Развѣ молодые люди употребляютъ годы на терпѣливое и суровое воспитаніе и на упражненіе своихъ умственныхъ способностей всѣми испытанными и неиспытанными методами дисциплины; испытываютъ-ли они ихъ въ примѣрныхъ сраженіяхъ, сосредоточивая ихъ то на одномъ, то на другомъ пунктѣ, то повелѣвая имъ брать штурмомъ какую-нибудь крѣпость заблужденія и сапировать ее, и продолжаютъ ли эти упражненія до тѣхъ поръ, пока каждый новый рекрутъ сдѣлается быстрымъ и послушнымъ солдатомъ, который будетъ стоять уже въ ряду при первомъ барабанномъ боѣ? Напротивъ, къ несчастію большинство нашихъ молодыхъ людей пренебрегаетъ этимъ воспитаніемъ, не понимая выгоды его, и съ только что набраннымъ войскомъ увѣренно идетъ навстрѣчу непріятелю? Другими словами, не начинаемъ ли мы часто

нашу дѣятельность не собравъ значительныхъ запасовъ знанія и не увеличивая ихъ ежедневно, или не живемъ-ли мы въ умственномъ отношеніи совершенно не помышляя о будущемъ. Развѣ мы не прикладываемъ всю нашу физическую и умственную силу къ занятію, не откладывая ничего въ банкъ? Откладывая на черный день деньги, собирая на будущее время дома, имѣнія, государственныя бумаги, не должны-ли мы также заботиться объ развитіи умственной бережливости?

Я не говорю, что матеріальные запасы безполезны; напротивъ того, наша послѣдняя гражданская война показала, что кромѣ храбрости и дисциплины другія вещи еще необходимы для побѣды. Мы знаемъ, что большой кошелекъ въ нѣкоторомъ случаѣ бываетъ важнѣе во время распри, чѣмъ хорошая пушка, такъ что матеріальные запасы такъ же необходимы для войны, какъ хорошіе батальоны. Но я хочу еще представить вамъ нѣсколько доказательствъ того, почему мы должны собирать и обработывать нашу резервную силу.

Во-первыхъ потому, что эта самая легчайшая и экономическая дорога къ продолженію не только военной, но и жизненной кампаніи. Долго приготовляться къ какому-нибудь занятію, упражнять и воспитывать съ этою цѣлью свои способности, мы знаемъ, стоитъ намъ большаго терпѣнія и самоотверженности; но мы спросимъ каждаго борца, не согласится ли онъ, что это всетаки самый легчайшій способъ къ достиженію своихъ цѣлей, что гораздо легче *быть*, чѣмъ *казаться*, пріобрѣсти силу, чѣмъ скрыть ея недостатокъ. Посмотрите, сколько стоитъ труда лѣнивому школьнику увернуться отъ разсказыванія урока и скрыть свое незнаніе; не гораздо-ли больше, чѣмъ приготовить его? Самое трудное бываетъ прикрыть невѣжество, ничто заставитъ пойти за что-нибудь, выдать мишуру за золото, мелководіе за глубину,

пустоту за полноту, хитрость за мудрость и ложь за дѣйствительность; прибавимъ къ этому постоянное безпокойство, что рано или поздно правда должна открыться. Между тѣмъ мы знаемъ, что знаніе, исправное воспитаніе, основательное и разнообразное развитіе нашихъ способностей, заботливое составленіе и возобновленіе нашихъ умственныхъ резерововъ—дѣло не такое трудное въ сравненіи съ предъидущимъ. Самый лучшій путь преодолѣть трудность—это смотрѣть ей прямо въ лицо.

Правда, въ настоящее время это непопулярная доктрина. Мы живемъ въ вѣкъ, въ которомъ достиженіе знанія уже облегчено извѣстными, выработанными методами; но это облегченіе трудностей можно назвать скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Когда для укрѣпленія тѣла вы, занимаясь гимнастикой, легко и безъ усталости взлѣзаете на лѣстницы, перебрасываете ядра или качаетесь на параллельныхъ бревнахъ, то не въ трудности-ли, преодолѣваемой вами, состоитъ истинная цѣнность. Дикарь думаетъ, что каждый разъ, когда онъ убиваетъ непріятеля, духъ убитаго входитъ въ него и соединяясь съ его собственнымъ увеличиваетъ его воинскую силу. Точно такъ же, когда вы преодолѣваете какое-нибудь затрудненіе, то духъ этого затрудненія входитъ въ васъ и преобразуется въ силу, составляющую вашъ резервъ. Всякая запутанная задача, рѣшенная безъ посторонней помощи ученикомъ есть, побѣда надъ самимъ собой и внушаетъ человѣку увѣренность въ преодолѣніе препятствія. Напротивъ того, студентъ, придерживающійся постоянно энциклопедіи и различныхъ руководствъ, никогда ничего не можетъ знать положительно и не въ состояніи ходить безъ костылей.

Недостаткомъ резервной силы можно объяснить многія человѣческія неудачи, которыя повидимому не имѣютъ ни-

какихъ причинъ. Отчего такъ часто вторая книга автора бываетъ весьма незначительною? Развѣ не оттого, что онъ истощилъ всѣ свои силы на первой? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ мысли его были сосредоточены на ней. Она является слѣдствіемъ его опытности за все время до появленія ея, цистерною, въ которую онъ изливаетъ свою накопившуюся жизнь. Увлеченный успѣхомъ, онъ превращаетъ цистерну въ фонтанъ, напрягаетъ весь свой умъ, но являетъ на свѣтъ однѣ только подонки масла. Первую книгу онъ написалъ, потому что имѣлъ нѣчто сказать, вторую потому, что желалъ что-нибудь сказать, и вторая есть только эхо первой.

Во-вторыхъ, резервная сила даетъ намъ бо́льшую силу въ нашей дѣятельности. Въ дѣйствительности самая большая дѣйствующая сила никогда не будетъ подстрекать насъ идти впередъ, если мы не будемъ чувствовать, что позади дѣйствующей силы есть резервная сила, которая можетъ явиться первой на помощь въ крайнемъ слу́чаѣ. Сила, истощенная за одинъ разъ, возбуждаетъ менѣе удивленія и благоговѣнія. Для произведенія высшаго впечатлѣнія мы должны чувствовать, что позади водопада Ніагары находится огромное море, питающее его, что позади авангарда— огромное войско, и что за ливнемъ слѣдуетъ сильная буря. Какіе люди въ исторіи возбуждаютъ въ насъ бо́льшее удивленіе, какъ не тѣ, которые кажутся намъ гораздо больше ихъ великихъ дѣлъ, при видѣ дѣйствія которыхъ порождаются ожиданія, превышающія все ими сдѣланное? Вся сила заключается въ ихъ сокровенной резервной силѣ, которая безъ примѣненія къ дѣлу, однимъ только своимъ присутствіемъ, производитъ такое дѣйствіе. Они выигрываютъ побѣды безъ перекрещиванія штыковъ, однимъ только выказываніемъ своего превосходства. Не прусскія ружья достали побѣды въ послѣднюю войну, но умъ и дисциплина прус-

скаго солдата—человѣка находящагося позади ружья, точно такъ же, какъ сокровенный пылъ характерачеловѣка,находящагося за словами, даетъ имъ быструю и метательную силу. Это самое придавало чудесную силу словамъ лорда Чатама и давало ему возможность поражать какъ электрическою батареею его противниковъ. Люди, слушавшіе его рѣчь, чувствовали, что онъ употребляетъ въ дѣло только половину своей силы. Магнетизмъ его особы, надмѣнная увѣренность въ своемъ превосходствѣ, нахмуреніе бровей, громовые раскаты его голоса и въ особенности видимое присутствіе всесокрушающей силы, сбивали пэровъ верхней палаты и заставляли ихъ соглашаться съ его словами.

Читая англійскихъ классиковъ, вы всегда поражаетесь заключающейся въ нихъ резервной силой. Мы чувствуемъ, читая ихъ, что мы утоляемъ нашу жажду изъ чистыхъ источниковъ, которыхъ мы никогда не можемъ исчерпать до дна, что это не цистерны, но живые фонтаны, которыхъ глубина неизмѣрима. Прочтите страницу изъ Маколея и вы всосете мысль при первомъ же чтеніи; прочтите Бэкона двадцать разъ, и вы каждый разъ будете находить новыя мысли, до сихъ поръ еще незамѣченныя. Одинъ писатель только обучаетъ, другой же подстрекаетъ умъ. Одинъ озаряетъ, другой воодушевляетъ. Одинъ сообщаетъ вамъ факты и мнѣнія, другой наводняетъ и отягощаетъ васъ умственною жизнью. Такъ въ Бароу, котораго Карлъ I называлъ дурнымъ проповѣдникомъ за то, что онъ не оставлялъ ничего говорить другому, насъ поражаетъ не полнота его мысли, но легкость, съ какою онъ разсуждаетъ о всякой тэмѣ. Будь это предметомъ математическимъ, метафизическимъ или нравственнымъ, онъ всегда можетъ на немъ явить свой высокій умъ. Онъ рѣшаетъ самыя тяжеловѣсныя богословскія задачи съ героическою легкостью, подобною той, съ ка-

кой гомеровскіе бойцы бросали камни, которые девять человѣкъ настоящаго времени не могли бы сдвинуть съ мѣста.

И тотъ, кого мы называемъ *океаномъ*, *миріадою умовъ*, *тысячью душъ*, *великимъ властелиномъ человѣческаго сердца*, который ударяетъ во всѣ его струны или, лучше сказать, которому природа дала способность выраженія всѣхъ своихъ нотъ, драматическій писатель, языкъ котораго дѣйствуетъ на насъ подобно чарамъ великаго волшебника—какая отличительная, характеристическая черта его генія, какъ не резервная сила, которая дѣлаетъ его величайшія усилія похожими на игру или забаву его могущественнаго ума, на волны, приносимыя къ нашимъ ногамъ отъ глубокаго моря, котораго никогда не касалось весло и которое не было измѣряемо лотомъ.

Біографъ нѣмецкаго метафизика Фихте, сравнивая его богатство мысли съ формализмомъ одного современнаго ему писателя, говоритъ: «Всѣ истины, написанныя послѣднимъ, недостойны десятой доли лжи, которую написалъ Фихте. Одинъ даетъ мнѣ небольшое число извѣстныхъ истинъ; другой даетъ мнѣ, можетъ быть, одну истину, но дѣлая это, онъ открываетъ передо мною безконечное пространство неизвѣстныхъ истинъ». Кто въ этихъ словахъ не узнаетъ портретовъ двухъ классовъ мыслителей, существующихъ во всякомъ отдѣленіи философіи, науки и литературы: первый—бѣдныхъ мыслителей, которые научаютъ, но не возбуждаютъ, просвѣщаютъ, но не электризуютъ; другой, къ которому принадлежатъ обширные и могущественные умы, открываетъ съ каждымъ шагомъ новыя тропинки и борется съ языкомъ въ желаніи извлечь изъ него слова, могущія вполнѣ выразить богатство его мысли. Онъ повидимому говоритъ все, что̀ ему нужно сказать, но невольно заставляетъ насъ предполагать, что онъ можетъ сказать еще гораздо больше,

и такъ легко и самоувѣренно движется въ умственномъ мірѣ, что кажется, будто онъ не только тамъ живетъ, но тамъ господствуетъ.

Природа имѣетъ свои резервныя силы. Ея могущественнѣйшія операціи производятся въ молчаніи, и дѣйствіе ихъ умножается и усиливается чувствомъ сознанія присутствія силы больше той, которую мы слышимъ или видимъ. Въ искусствѣ также есть резервная сила. Есть картины, мысль которыхъ лежитъ на поверхности и можетъ быть истощена съ перваго взгляда; есть еще другія, которыя сперва обманываютъ ожиданіе, но внимательно изучая ихъ, мы постепенно находимъ въ нихъ пылъ съ красотою, открываемъ новыя чудеса техники, скрытую глубину мысли — и тогда мы признаемъ генія въ художникѣ.

Можетъ быть лучшимъ доказательствомъ резервной силы въ артистѣ служитъ та легкость, съ какой кажутся исполненными даже тѣ его произведенія, которыя стоили ему большаго труда. Сэръ Іоссія Рейнольдсъ признавалъ достоинство Рубенса въ томъ, что онъ, казалось, дѣлалъ игрушку изъ искусства. «Картина не только должна быть сдѣлана хорошо — говоритъ онъ — но она должна казаться сдѣланною легко». Норткотъ, живописецъ, говоря о тяжелыхъ и боязливыхъ произведеніяхъ новѣйшей французской и итальянской школы, замѣчаетъ: «Они есть результаты такого скучнаго и ничтожнаго механическаго процесса, что вамъ такъ же трудно любоваться ими, какъ художникамъ было трудно рисовать ихъ. Когда произведеніе кажется заклейменнымъ на полотнѣ однимъ ударомъ, то вы восхищаетесь имъ и ваше удивленіе бываетъ такъ же моментально, какъ побужденіе генія, исполнившаго эту картину. Я видалъ картины, глядя на которыя васъ обхватываетъ дрожь и вы чувствуете, какъ будто бы вы сами подняли кисть и сдѣлали что-то».

Другая выгода резервной силы состоитъ въ томъ, что если она не можетъ насъ предохранить отъ пораженія, то она спасаетъ отъ окончательнаго разбитія и отчаянія. Военачальникъ, выставившій всѣ свои войска передъ непріятелемъ, послѣ пораженія не имѣетъ никакихъ вспомогательныхъ средствъ; каждое пораженіе будетъ для него Ватерлоо. Не такъ бываетъ съ человѣкомъ, имѣющимъ резервные батальоны: онъ сражается бодрѣе и бодрѣе послѣ всякаго пораженія. Подобно Блюхеру при Линьи, онъ можетъ быть принужденъ отступить отъ своей позиціи, но онъ отступитъ въ порядкѣ и черезъ два дня громъ его выстрѣловъ будетъ раздаваться при Ватерлоо, посылая смерть и смущеніе въ ряды своихъ прежнихъ побѣдителей. Подобно Веллингтону, онъ можетъ больше терять битвъ, чѣмъ выигрывать, но онъ организуетъ побѣду изъ пораженія и восторжествуетъ наконецъ. Наполеонъ говоритъ о Массенѣ, что онъ былъ самъ не свой, пока сраженіе не оборачивалось противъ него; когда же смерть блуждала около него, тогда пробуждалась въ немъ чудесная сила соображенія, и онъ облекался, какъ въ парадное платье, въ ужасъ и побѣду.

Мы вспоминаемъ поведеніе Шеридана въ извѣстныхъ случаяхъ, когда его войско принуждено было отступить передъ побѣдоноснымъ Эрли. «О, сэръ—сказалъ ему однажды одинъ изъ дивизіонныхъ генераловъ—мы разбиты!»—«Нѣтъ, сэръ!»—былъ отвѣтъ, и затѣмъ, схвативъ свою армію, какъ Юпитеръ громовыя стрѣлы, онъ бросилъ ее на враговъ. Вспомнимъ еще о Курранѣ. У него былъ недостатокъ въ языкѣ, отчего его прозвали «Заикою», и когда онъ попробовалъ произнести первую рѣчь, то передъ нимъ мелькали черты лицъ присутствовавшихъ въ аудиторіи и свѣчи, казалось, немилосердно освѣщали его, такъ что слова остановились у него въ горлѣ и онъ упалъ со стыдомъ и

униженіемъ на свою скамью. Но онъ зналъ свою резервную силу, и когда передъ его второю попыткою надъ нимъ смѣялись и дали названіе «orator Mum», то онъ отвѣтилъ на этотъ сарказмъ превосходною рѣчь и наконецъ сдѣлался способнымъ очаровывать разборчивое ухо верхней палаты.

Первая попытка Дизраэли была неудачна. Это убило бы обыкновеннаго человѣка. Всѣ мнимые мудрецы съ сожалѣніемъ кивали головою, но онъ отвѣчалъ: «Настанетъ день, когда вы будете рады слышать меня» — и его пророчество исполнилось. Робертъ Галль сначала также потерпѣлъ позорную неудачу. Въ первой своей проповѣди онъ спутался съ самаго начала. Закрывъ лицо руками, онъ рыдалъ навзрыдъ, говоря: «О, я потерялъ всѣ мои мысли». Вторая попытка была также неудачна, но онъ не ограничился этими двумя несчастными попытками, и сдѣлавъ третью, занялъ самую блестящую каѳедру оратора въ Англіи. Когда Торо публиковалъ несравненное свое сочиненіе: «Недѣля на рѣкахъ Согласія и Веселія», то только триста экземпляровъ были проданы, остальные семьсотъ были возвращены ему издателемъ. Какъ же отмѣтилъ онъ этотъ фактъ въ своемъ дневникѣ? «Я имѣю теперь—пишетъ онъ въ мрачномъ торжествѣ—библіотеку въ девятьсотъ экземпляровъ, изъ которыхъ семьсотъ я написалъ самъ. Не смотря не бездѣйствующую массу моихъ томовъ, я въ прежнемъ настроеніи духа принимаюсь за перо».

Поразительное доказательство пользы, оказываемой резервной силой литератору, въ особенности на полѣ состязанія мысли, представляетъ намъ фаларисская полемика, происходившая въ Англіи около двухсотъ лѣтъ тому назадъ. Она началась во Франціи въ то время, когда Фонтенель и Перро провозглашали преимущество новѣйшихъ писателей надъ древними. Сэръ Вильямъ Тэмпль напечаталъ опровер-

женіе на эту статью, въ которой стоялъ за древнихъ, доказывая болѣе изящно, чѣмъ убѣдительно, что старинныя книги до сихъ поръ самыя лучшія и въ примѣръ приводилъ басни Езопа и посланія Фалариса. Это повело къ напечатанію новаго изданія посланій учениками коллегій Христіанской Церкви и Оксфордской, подставнымъ издателемъ котораго былъ Карлъ Бойль. Между тѣмъ Вильямъ Уоттонъ, студентъ Кембриджской коллегіи, опубликовалъ весьма искусное и безпристрастное «Размышленіе о древней и новѣйшей учености», и по его просьбѣ Ричардъ Бентлей, профессоръ коллегіи «Троица», лучшій эллинистъ своего времени, прибавилъ ко второму изданію этого произведенія диссертацію въ формѣ письма къ своему другу, въ которой онъ доказывалъ, что авторомъ Фаларисскихъ посланій былъ не сицилійскій тиранъ, но одинъ изъ софистовъ позднѣйшаго времени.

Сэръ Вильямъ Тэмпль былъ очень разсерженъ появленіемъ въ печати этого письма, въ которомъ хвастовство и поверхностное знаніе какъ его, такъ и оксфордскихъ ученыхъ были такъ безпощадно изложены, и по его просьбѣ Динъ Свифтъ сдѣлалъ нападеніе на Бентлея въ «Битвѣ книгъ»; но бѣшенство этого рыцаря было еще ничтожно въ сравненіи съ бѣшенствомъ студентовъ Христіанской Церкви, которые рѣшились всей коллегіей напасть на Бентлея и уничтожить смѣльчака однажды навсегда. Въ блестящемъ и ловкомъ произведеніи, въ которомъ участвовало до полдюжины лучшихъ студентовъ, излившихъ въ немъ весь свой запасъ остроумія, сарказма и знанія, напали они на Бентлея и по мнѣнію публики выиграли полную побѣду. Восторженный крикъ вылетѣлъ изъ ихъ рядовъ и былъ повторенъ всѣми зрителями битвы; потребовалось второе изданіе книги, и даже друзья Бентлея предполагали, что онъ принужденъ будетъ замолчать навсегда. Никто не во-

ображалъ, что онъ осмѣлится когда-нибудь возразить, и еще менѣе ожидали, чтобы онъ опять когда-нибудь поднялъ голову въ республикѣ знанія, и потому чаша радости его противниковъ была полна и ликованіе ихъ не знало предѣловъ. Въ Кембриджѣ была выставлена каррикатура, которая предтавляла Фалариса, помѣщавшаго своего критика въ мѣдный bull.

Тогда-то оказалось преимущество резервной силы. Во все время этого крика литературный левъ оставался недвижимъ; онъ тихо лежалъ въ мрачномъ спокойствіи, устремивъ глаза на жертву и выжидая удобную минуту, чтобы прыгнуть на нее. Увѣреннный въ своемъ знаніи, въ сравненіи съ которымъ все собраніе его противниковъ было только собраніемъ мальчиковъ-школьниковъ, и зная, что все то, что онъ выказалъ въ полемикѣ до сихъ поръ, было только каплями его сокровищъ, Бентлей рѣшился приготовить отвѣтъ, который не только долженъ былъ уничтожить однимъ ударомъ его противниковъ, но и возстановить его репутацію какъ одного изъ величайшихъ ученыхъ, которыхъ когда-либо видѣлъ свѣтъ. Наконецъ, когда Ахилесъ былъ вооруженъ для бытвы, сигналъ былъ данъ и «безсмертная диссертація», какъ называетъ ее Порсонъ, составившая эпоху не только въ жизни величайшаго эллиниста, но и въ исторіи литературы, спустилась подобно громовымъ стрѣламъ на непріятеля:

> And in one night
> The trumpet silenced and the plumes laid low.

Никогда еще не было такого уничтожающаго пораженія. Непріятели были выбиты изъ всѣхъ позицій и послѣ этого Ватерлоо никогда не могли вновь овладѣть полемъ сраженія. Однако побѣда надъ противниками, какъ ни безсмертна

она была, составляетъ весьма небольшую часть подвига Бентлея. Глубоко посвященный въ науку, онъ на каждой страницѣ своего полемическаго сочиненія даетъ массу свѣдѣній насчетъ исторіи, хронологіи, описанія древностей, филологіи и критики, которыхъ мы, можетъ быть, не встрѣтимъ въ цѣломъ томѣ другаго писателя, *и оно изложено такъ хорошо*, что начинающій студентъ классической литературы прочтетъ его съ пользою и удовольствіемъ, а ученый человѣкъ, послѣ прочтенія, найдетъ кругъ своихъ познаній еще болѣе расширеннымъ.

Такое же ясное доказательство значенія резервной силы представляютъ пренія въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ въ тысяча восемьсотъ тридцатомъ году относительно продажи общественныхъ земель. — «Это обстоятельство — говоритъ одинъ писатель—не было очень важно, и пренія тянулись нѣкоторое время довольно скучно. Обширная резервная сила одного человѣка сдѣлала его событіемъ въ исторіи въ глазахъ современнаго поколѣнія». Вторая рѣчь мистера Гайне, на которую мистеръ Вибстеръ принужденъ былъ отвѣчать, была искусна и полна блеска; ея доводы были справедливы, ея нападенія на Новую-Англію и мистера Вибстера—остры до горечи. Но мистеръ Гайне не понималъ значенія резервной силы; онъ видѣлъ только авангардъ и дѣйствующее войско Вибстера, но не слышалъ за ними твердыхъ и мѣрныхъ шаговъ резервовъ. Это была рѣшительная минута въ карьерѣ Вибстера. Онъ не имѣлъ времени возбудить въ себѣ новыя силы и едва могъ придать блескъ своему оружію. Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ былъ спокоенъ, какъ спокойно бываетъ лѣтнее утро; но это спокойствіе было подобно затишью въ природѣ передъ бурею. Онъ измѣрялъ свою силу и овладѣвалъ собою; онъ зналъ число своего резервнаго войска. Онъ имѣлъ взглядъ главнокомандующаго, кото-

рый обхватывалъ разомъ все поле сраженія. Онъ обладалъ пророческимъ взоромъ логики и предвидѣлъ конецъ изъ начала. Вступленіе рѣчи само по себѣ было пророчествомъ и увѣренностью въ побѣдѣ. Зрители видѣли солнце Аустерлица и чувствовали, что императорская гвардія приходитъ въ движеніе, чтобъ принять участіе въ сраженіи. Онъ вышелъ изъ битвы съ безсмертнымъ именемъ защитника конституціи. О его рѣчи и о манерѣ ея произнесенія одинъ изъ величайшихъ ораторовъ сказалъ: «На мою долю выпало счастіе слышать не мало искуснѣйшихъ рѣчей величайшихъ ораторовъ, живущихъ по обѣ стороны океана, но признаюсь, я ничего не слышалъ такого, что̀ осуществляло бы мое понятіе, чѣмъ былъ Демосѳенъ». Я осмѣливаюсь прибавить, что принимая во вниманіе обстоятельства, при которыхъ рѣчь была произнесена, и въ особенности короткое время подготовки, важность предмета, обширность ея цѣлей, силу и ясность ея изложенія, силу и красоту ея слога, быстроту ума, мягкія потоки краснорѣчія, аудиторію, къ которой она относилась, дѣйствіе произведенное на слушателей—все это вмѣстѣ взятое не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ исторіи резервной силы, примѣненной на полѣ дѣятельности. Несчастныя лжемудрствованія, софизмы и отступленія быстро промчались передъ его жгучимъ краснорѣчіемъ, какъ сухая трава мчится по полю.

Вспомнимъ еще о его самоувѣренности и достоинствѣ манеръ, происходившихъ оттого, что резервная сила дала ему возможность видѣть себя болѣе чѣмъ равнымъ обстоятельствамъ. Вотъ что̀ онъ самъ говоритъ въ описаніи своихъ чувствъ во время рѣчи въ письмѣ къ своему другу: «Я чувствовалъ, какъ будто бы все, что̀ я когда-либо читалъ, видѣлъ или слышалъ, двигалось передо мною какъ въ большой панорамѣ; мнѣ оставалось только доставать и

собирать громовыя стрѣлы, чтобъ потомъ пускать ихъ въ моего соперника».

Но читатель спроситъ, какимъ образомъ пріобрѣтается эта резервная сила и какъ она собирается и обработывается?

Во-первыхъ, мы отвѣтимъ—при посредствѣ тяжелаго труда. Пріобрѣтеніе капитала денежнаго или умственнаго всегда требуетъ большаго труда. Въ жизненной классной комнатѣ каждый день разсказываютъ урокъ, которому предъидущіе дни служили приготовленіемъ. Наше дѣйствительное мѣсто опредѣляется не счастливыми отвѣтами или блестящею импровизаціею, но постояннымъ прилежаніемъ. Бонниварлъ, Гуссъ, Уйклифъ, Альфредъ, Вашингтонъ, мадамъ Роландъ, Екатерина Генуэская—обязаны своимъ величіемъ не экспромту, но неусыпному труду въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Самыя блестящія импровизаціи есть послѣдствія великаго труда. Начальникъ правосудія Персонъ въ бытность свою аттернеемъ удивилъ Александра Гамильтона, своего противника, быстротою, съ какою онъ уничтожилъ его на самыхъ сильныхъ пунктахъ. Но начавъ свою адвокатскую карьеру, онъ имѣлъ доступъ въ лучшую юридическую библіотеку въ Новой-Англіи и буквально изучилъ ее всю, дѣлая выписки изъ замѣчательныхъ дѣлъ, съ помощію чего онъ напрактиковался быстро рѣшать различные спорные пункты. Изъ этого слѣдуетъ вывести, что готовый человѣкъ, человѣкъ полный средствъ, вооруженный съ головы до ногъ для всякой случайности — есть человѣкъ, трудившійся долго и тяжело для того, чтобъ *быть* готовымъ и пріобрѣсти силу и гибкость, которыя дѣлаютъ его способнымъ для всего того, что̀ ему придется дѣлать.

Правда, есть дѣятели въ сенатѣ, въ судѣ, на каѳедрѣ, у которыхъ моментальное и полновластное управленіе своею

мыслію и словомъ кажутся инстинктомъ. Они вполнѣ распоряжаются всѣми своими способностями и знаніями и могутъ въ одну минуту сосредоточить ихъ на данной точкѣ, такъ что мы приписываемъ это качество не воспитанію, но чему-то чудесному, что́ мы и называемъ геніемъ.

Геніальные люди безъ сомнѣнія существуютъ на землѣ, но геніи девятнадцатаго столѣтія не созрѣваютъ, не бывъ посѣянными, и не могутъ быть лѣнивцами до поры до времени, пока не будетъ заявлено требованія къ ихъ уму, на которое они, озаренные вдохновеніемъ, способны отвѣтить блестящимъ образомъ. Нѣтъ, все это исчезло вмѣстѣ съ вѣрованіями въ привидѣнія. Геніи нашихъ временъ отличаются отъ обыкновенныхъ людей громадною и постоянною силою прилежанія. Поражаясь ихъ способностью и плодовитостью, мы забываемъ, что ихъ умы еще прежде часто упражнялись въ подобномъ занятіи; что не только необходимыя слова, но и необходимые доводы и комбинаціи мысли, вслѣдствіе долгой практики, сдѣлались для нихъ такъ же машинальны, какъ движенія нашего тѣла въ то время, когда мы ходимъ, говоримъ или дѣлаемъ что-нибудь очень обыкновенное.

Если одинъ человѣкъ мучается надъ какимъ-нибудь вопросомъ въ богословіи, въ законовѣдѣніи или въ медицинѣ и напрягаетъ весь свой мозгъ, тогда какъ другой быстро понимаетъ въ чемъ дѣло и совершенно легко выходитъ изъ затрудненія, то слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что послѣдній имѣетъ гораздо больше природныхъ дарованій, чѣмъ первый? Никакимъ образомъ. Это показываетъ только, что способности послѣдняго болѣе развиты и изощрены, вслѣдствіе его основательнаго знакомства съ извѣстнымъ предметомъ, и легкость, съ какою онъ исполняетъ дѣло, вовсе не доказываетъ намъ, что онъ всегда работалъ съ такою

же легкостью; напротивъ, она показываетъ намъ ту мѣру труда, съ какою онъ приготовлялся исполнить это. Совершенство въ какомъ-нибудь дѣлѣ можетъ быть только плодомъ громаднаго и тяжкаго труда, умственнаго или физическаго. «Какъ легко онъ пишетъ!»—воскликнула одна дама, читая Вашингтона Ирвинга. Не лучше-ли было бы ей сказать: «какъ легко читать его книги!»—тогда это было бы больше похоже на правду. Какъ легко идетъ локомотивъ по рельсамъ! Но сколько тысячъ людей работали въ каменоломняхъ, приготовляли желѣзо, сколько стоило труда настилать полотно, ровнять горы, прочищать путь чрезъ лѣса. Пароходъ скользитъ легко и быстро по волнамъ, но не легкая сила даетъ путешественнику прочное и быстрое движеніе. Правда, она искусно скрыта и украшена; каюты парохода роскошны, а носъ его украшенъ статуями. Но спуститесь въ огненное жилище машиниста, и вы задохнетесь тамъ отъ жгучаго воздуха; посмотрите на работающихъ кочегаровъ и прислушайтесь къ шумному потоку; взгляните на соединенную силу огня и воды, и вы убѣдитесь тогда, что легкость прекрасная и миловидная дѣвушка, но она имѣетъ ужасно грубаго дѣда, и что только медленная и тяжелая дума доставляетъ быстрое и легкое чтеніе.

При этомъ позволяю себѣ замѣтить, что прилежный трудъ долженъ прилагаться не только въ извѣстный періодъ времени, но долженъ продолжаться въ теченіе всей жизни. Первая часть резервной силы должна быть собрана и воспитана въ началѣ войны, но въ продолженіе цѣлой кампаніи ее слѣдуетъ усиливать и увеличивать новыми рекрутами. Образованіе нашихъ способностей должно начаться въ коллегіи, но оно не должно тамъ кончиться. Ораторъ до тѣхъ поръ неистощимъ, пока онъ питаетъ свой умъ; умъ безъ пищи, какъ и тѣло, теряетъ свою жизненность. Священникъ, от-

кладывающій въ сторону свои книги, какъ скоро одѣнется въ приличную сану одежду, и адвокатъ, бросающій сводъ законовъ, получивъ значительную практику—близки къ погибели. Мы хорошо понимаемъ, что каждаго изъ нихъ преслѣдуютъ тысячи различныхъ разсѣяній, что моль подъѣдаетъ ихъ время, но мы также знаемъ, что свѣтъ не приметъ этихъ извиненій.

Вы скажете, что сочиненіе двухъ проповѣдей въ недѣлю такъ много отнимаетъ времени у молодаго проповѣдника, что онъ не можетъ посвятить себя общему образованію. Но я скажу вамъ, что именно недостатокъ въ немъ общаго образованія дѣлаетъ для него проповѣди трудными и требующими много времени. Ex nihilo nihil fit. Тяжело и всегда будетъ тяжело черпать воду изъ пустой цистерны даже при посредствѣ хорошаго насоса. Проповѣдникъ, желающій постоянно плѣнять своихъ слушателей, долженъ обладать обширными резервами знанія, онъ долженъ быть похожимъ на епископа Броунрига, про котораго Фуллеръ говоритъ намъ: «Онъ не только носитъ знаніе въ карманахъ для всякой рѣчи, но имѣетъ его еще гораздо болѣе дома въ ящикахъ для серьознаго диспута». Посвятите два, три дня, которые вы употребляете на сочиненіе проповѣди, настойчивому ученію, читая лучшія книги, даже тѣ, которыя мы часто называемъ еретическими, и наполните кладовыя вашего мозга разнообразными свѣдѣніями, тогда васъ не будетъ затруднять сочиненіе проповѣди, она будетъ сама выходить изъ-подъ вашего пера, какъ вода изъ озера стремится въ фонтанъ. Горючіе матеріалы собраны, вамъ остается только приложить спичку.

Кромѣ того мы должны запастись временемъ для размышленія. Мы живемъ въ вѣкъ волненія и возбужденія; стукъ телеграфа, свистъ локомотива и шумъ движенія ма-

шинныхъ колесъ всегда раздаются въ нашихъ ушахъ. Стремленіе вѣка принуждаетъ всякаго человѣка со способностями принять участіе въ великой внѣшней дѣятельности, и вслѣдствіе этого онъ принужденъ бываетъ удалиться отъ своей внутренней жизни. Кромѣ того во всѣхъ большихъ городахъ на каждомъ человѣкѣ лежитъ множество общественныхъ обязанностей, и энергія мозга, вмѣсто того, чтобъ образовать основный капиталъ, постоянно подкрѣпляющійся новыми силами, теряется на пустяки. Если мы прибавимъ къ этому, что большинство изъ насъ отличается нетерпѣніемъ, неумѣньемъ ждать, то мы не станемъ удивляться тому, что только немногіе запасаются резервной силой, между тѣмъ какъ она крайне необходима, если мы хотимъ что-нибудь совершить достойное нашихъ способностей. Странно-ли послѣ этого, что наши умственныя произведенія такъ бѣдны, хотя наша жизнь очень безпокойна? Нужно-ли говорить, что въ то время, когда знаніе пріобрѣтается трудомъ, мудрость приходитъ въ свободное отъ занятій время, и что самыя зрѣлыя мысли выходятъ не изъ постоянно напряженнаго ума, но изъ того, который повременамъ питается «мудрою недѣятельностью».

Литераторъ въ особенности долженъ помнить, что досугъ необходимъ въ его умственной жизни. Электрическій скатъ не можетъ постоянно производить удары. Ни одно поле, какъ бы оно плодородно ни было, нельзя постоянно косить. Нѣтъ такого умственнаго резервуара, который никогда не опорожнился бы, если мы будемъ постоянно изъ него черпать, ничего въ него не вливая. Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что умъ можетъ быть опорожненъ въ болѣе короткое время, чѣмъ нужно для того, чтобы его наполнить. «Онъ наполняется посредствомъ крошечныхъ боченковъ, изъ которыхъ многіе не толще волосныхъ сосудовъ, но

когда вы пишете книгу, статью или проповѣдь, то онъ выливается чрезъ двадцатидюймовую трубку». Когда одинъ молодой священникъ просилъ у доктора Беллами совѣта, какъ писать проповѣди, то онъ ему отвѣчалъ: «Наполняйте боченокъ, наполняйте, наполняйте его, и тогда, если вы захотите выпустить, то вы получите хорошій потокъ. Но если вы вольете въ него немного, то это немногое будетъ капать, капать, капать, и вы будете цѣдить, цѣдить, цѣдить, и всетаки получите небольшую струю».

Въ-третьихъ, для пріобрѣтенія резервной силы мы должны сосредоточивать всю нашу энергію на одномъ предметѣ, избѣгая въ то же время умственной узкости.

Умъ, какъ и тѣло, требуетъ разнообразнаго упражненія и вмѣстѣ съ тѣмъ щедрой діэты. Онъ не достигнетъ никогда полнаго роста, не пріобрѣтетъ ни гибкости, ни эластичности, сидя постоянно на одной пищѣ. Нѣтъ ни одного занятія, ни одного призванія, которыя, въ случаѣ исключительнаго упражненія, ихъ, не способствовали бы ограниченности ума. Такъ, напримѣръ, если я захочу быть гребцомъ и буду имъ постоянно, то у меня будутъ сильныя руки, но слабыя ноги. Если же я буду кулачнымъ бойцомъ, то мои мускулы укрѣпятся, но мозгъ ослабнетъ; точно также и въ отношеніи ума: если я буду развивать одну только его сторону, то другія останутся необработанными и я какъ *человѣкъ* буду достоенъ презрѣнія. По этой причинѣ каждому человѣку слѣдуетъ стараться довести до совершенства свое занятіе, но для дополненія къ нему онъ долженъ позаботиться о полномъ развитіи своего ума, чтобъ быть *настоящимъ* человѣкомъ. Чтобъ быть великаномъ, а не карликомъ, въ вашемъ занятіи вы должны постоянно расти. Оконченный городъ начинаетъ уже разрушаться. Человѣкъ, переставшій умственно подыматься неминуемо начи-

наетъ опускаться. Чѣмъ разнообразнѣе ваша умственная пища, тѣмъ неистощимѣе ваши умственныя средства; чѣмъ обширнѣе кругозоръ вашей мысли, тѣмъ больше вы имѣете шансовъ на ея оригинальныя комбинаціи. Читайте различныя составляющія не вашу спеціальность произведенія по исторіи или литературѣ и выбирайте себѣ друзей не одной съ вами спеціальности, и вы будете сами удивляться, начиная писать или говорить, богатству вашей мысли и множеству примѣровъ, вертящихся у васъ на кончикѣ пера или языка. Ничто такъ не способствуетъ развитію умственной способности, какъ разговоры съ разнообразными людьми. Умственная торговля любитъ различные рынки. Только мелочной торговецъ ведетъ дѣло съ своимъ сосѣдомъ, негоціантъ же связываетъ своею торговлею всѣ четыре части свѣта.

На важности канцентрированія мыслей мнѣ кажется не приходится долго останавливаться. Избѣгая узкости ума, мы въ то же время должны помнить, что мы не можемъ собрать достаточно резервной силы, если мы будемъ расточать нашъ умъ на нѣсколько предметовъ, вмѣсто того, чтобъ употреблять его съ экономіей и направлять къ одному великому результату. Но какъ мы можемъ употреблять его экономично, когда столько предметовъ требуютъ нашего вниманія? Я отвѣчаю: сосредоточивая всѣ наши усилія на главной, существенной сторонѣ работы и пренебрегая всѣмъ другимъ, менѣе важнымъ. Мы должны поступать какъ поступалъ Вильямъ Питтъ, исполняя свои оффиціальныя должности. Онъ раздѣлялъ всѣ работы на три части: первыя—незаслуживающія быть сдѣланными; вторыя тѣ, которыя дѣлаются сами, и третьи тѣ, которыя могутъ быть исполнены каждымъ человѣкомъ.

Вотъ живой примѣръ пользы, извлекаемой нами изъ

концентрированія силъ; разсказъ этотъ былъ помѣщенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ восточномъ журналѣ. «Однажды намъ случилось—говоритъ писатель—попасть послѣ полудня въ одну сельскую церковь, и мы сѣли на закрытую скамью обширнаго клироса. Священникъ, повидимому очень слабый, съ еле-слышнымъ голосомъ, пробирался чрезъ толпу, чтобъ начать проповѣдь. Мы очень желали выйти, но къ этому не представлялось никакой возможности—церковь была полна. Что могъ ожидать народъ встрѣтить здѣсь, видѣть или слышать отъ полуживаго созданія? Въ безнадежномъ отчаяніи сѣли мы на скамью и только желали, чтобъ проповѣдь была коротка. Она началась, и при первой же фразѣ голосъ священника сдѣлался такъ же силенъ, какъ звуки рога. Какъ будто кровь въ бо́льшемъ количествѣ потекла въ его венахъ и легкія увеличились въ его грудной полости. Въ продолженіе получаса онъ держалъ насъ очарованными своею воодушевленною рѣчью, сильными доказательствами, живыми примѣрами и громкимъ голосомъ. Тогда мы узнали, какъ человѣкъ слабый, сберегая свою силу отъ недѣйствительныхъ издержекъ, можетъ еженедѣльно исполнять великое дѣло и возбуждать къ себѣ уваженіе общества. Еслибъ священникъ исполнялъ всю службу такимъ громкимъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ проповѣдь, то голосъ его сталъ бы замѣтно слабѣть, и онъ не могъ бы надѣяться произвести впечатлѣніе на слушателей, такъ что цѣлая недѣля труда была бы у него потеряна».

Робертъ Галль этимъ же путемъ сберегалъ свою физическую силу. Не смотря на свое атлетическое сложеніе, онъ въ началѣ своей рѣчи говорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что его еле могли слышать, и въ теченіе первыхъ двадцати минутъ слушатели не знали, что за гигантъ стоитъ передъ ними; но голосъ его все повышался и отъ неслышнаго

шепота переходилъ наконецъ въ трубные звуки; слушатели были очарованы его рѣчью, а когда онъ оканчивалъ, то дѣйствіе на нервную систему слушателей было подобно тому, которое производитъ громъ артиллеріи.

Наконецъ, мы должны избѣгать чрезмѣрнаго труда. Такъ какъ въ слѣдующей главѣ я намѣренъ говорить объ этомъ предметѣ, то здѣсь я коснусь его мимоходомъ. Хорошо извѣстно, что какъ тѣло, такъ и умъ, слишкомъ насилуемые, скоро теряютъ свою силу, и часто случается, что человѣкъ, обременяя себя чрезмѣрнымъ трудомъ, достигаетъ наконецъ успѣха, но бываетъ слишкомъ слабъ, чтобъ наслаждаться имъ. Можетъ ли что-либо быть безразсуднѣе этого! Когда наконецъ мы поймемъ, что увеселеніе такъже необходимо, какъ трудъ, что отдыхъ отъ труда есть предохранительный клапанъ для дѣловаго человѣка. Если мы даже бываемъ въ состояніи напрягать наши силы, то никогда не слѣдуетъ работать въ самой высшей степени, къ какой мы только можемъ. Если машинистъ будетъ пускать свой локомотивъ постоянно съ самой большой скоростью, то машина скоро не будетъ годна къ употребленію. Гоняйте лошадь каждый день съ такою быстротою, на которую она только способна, и вы загоняете ее. Всѣ машинисты устраиваютъ свои машины такъ, чтобъ въ нихъ была резервная сила. Если сила требуется равная четыремъ лошадямъ, то они придаютъ ей силу шести, такъ что машина не только можетъ работать легко, но и можетъ держаться долѣе. Наше тѣло и умъ тѣ же машины, но только болѣе запутанныя и нѣжныя, которыя должны быть употребляемы съ чрезвычайною бережливостью и экономіей. Человѣкъ, обладающій способностью къ десятичасовому умственному или физическому труду, долженъ работать семь или восемь часовъ, въ такомъ случаѣ онъ можетъ надѣяться собрать резервную силу, кото-

рая не только дастъ ему возможность легко и весело работать, но послужитъ его основнымъ капиталомъ, фондомъ банка, изъ котораго онъ можетъ почерпнуть силы въ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, ему понадобится двухдневную работу окончить въ одинъ день. Безъ резервной силы онъ будетъ не въ состояніи окончить ее, потому что всѣ силы его уходили ежедневно, и онъ не можетъ никакимъ усиліемъ выжать изъ себя новыя. Я въ особенности напираю на это, потому что сбереженіе силы необходимо дѣловымъ людямъ. Есть два сорта людей: одни флегматическіе, которыхъ нельзя упрекнуть въ этомъ недостаткѣ, и которымъ необходимѣе скорѣе кнутъ, чѣмъ узда; но есть другіе—огненные, ревностные, нервные люди и энтузіасты въ своихъ занятіяхъ, несберегающіе своей нервной силы и вслѣдствіе этого дѣлающіеся жертвой преждевременной могилы. Они разбрасываютъ свои силы повсюду и совершенно забываютъ, что безполезная растрата силы, физической или нравственной, на второстепенныя занятія наноситъ большой ущербъ нашему главному жизненному труду. Употребляйте всю вашу энергію на главный пунктъ и берегитесь расточать ее на нестоющія вашего вниманія предметы. Если вы проповѣдникъ, то не расточайте вашего дара слова на ежедневныхъ митингахъ, для того, чтобъ при наступленіи воскресенья, когда тысячи людей будутъ ожидать отъ васъ слова, не быть такимъ безжизненнымъ, какъ животное подъ колоколомъ воздушнаго насоса. Лучше потерять пинту крови изъ вашихъвенъ, чѣмъ потерять вашу силу. Въ этомъ случаѣ не подражайте одному изъ самыхъ блестящихъ ново-англійскихъ ораторовъ, мистеру Чету, несоблюдавшему ни малѣйшей экономіи въ трудѣ. Неудивительно послѣ этого, что его физическая сила была такъ быстро истощена. «Онъ издерживалъ на свой трудъ—говоритъ судья Томасъ—большое

количество излишней силы. Онъ употреблялъ все резервное войско въ дѣло, когда побѣда легко могла бы быть выиграна авангардомъ и дѣйствующею арміею». Старайтесь избѣгать этой ошибки. Считаю нужнымъ при этомъ замѣтить, что величайшій секретъ сберечь силы и основать резервный капиталъ—это не работать *напряженно* въ продолженіе многихъ часовъ безпрерывно. Въ этомъ отношеніи можно сослаться на авторитетъ одного человѣка, который самъ былъ прилежнымъ работникомъ и достигъ величайшихъ результатовъ, но никогда не работалъ съ измученными и ослабѣвшими силами, никогда не гнулъ лука до тѣхъ поръ, пока онъ переставалъ гнуться, никогда чрезмѣрнымъ трудомъ не утомлялъ своего мозга. Я говорю про Даніила Вибстера. Однажды мистеръ Уиппль совѣтовалъ ему взяться за одно чрезвычайно важное, но очень запутанное дѣло, которое требовало нѣсколькихъ дней упорнаго труда для того, чтобъ найти дорогу посреди мелей и скалъ. Встрѣтивъ мистера Уиппля рано утромъ, мистеръ Вибстеръ до обѣда вытопталъ всѣ аллеи и проселочныя дороги лабиринта и далъ такое ясное и понятное мнѣніе о дѣлѣ, что мистеръ Уиппль спросилъ его, какой онъ придерживается системы въ дѣлѣ умственнаго образованія. Въ отвѣтъ Вибстеръ ему замѣтилъ, что его система состоитъ въ законѣ самой природы, который какъ въ отношеніи тѣла, такъ и ума говоритъ, что для того чтобы, работать постоянно, надо работать умѣренно; въ примѣръ онъ привелъ лучшихъ пѣшеходовъ, которые начинаютъ съ небольшаго, именно вначалѣ съ трудомъ дѣлаютъ пятнадцать верстъ, и кончаютъ тѣмъ, что дѣлаютъ до пятидесяти верстъ въ день со скоростью пяти или шести верстъ въ часъ. Этотъ же законъ управляетъ и нашимъ умомъ. Когда его употребляютъ весь въ дѣло, то его силы дѣйствуютъ въ самой высшей степени; но послѣ его утомленія долженъ

слѣдовать продолжительный и полный отдыхъ. Мистеръ Вибстеръ при этомъ прибавилъ, что если дѣло требуетъ большаго труда, то онъ выдвигаетъ впередъ всѣ свои умственныя способности, но какъ скоро его умственное зрѣніе начинаетъ слабѣть, то онъ прекращаетъ работу и предается какому-нибудь увеселенію или полному отдыху.

Послѣднее условіе для умноженія резервной силы есть полный сонъ. Чѣмъ тяжелѣе нашъ дневной трудъ, тѣмъ больше времени должны мы посвящать сну, для пополненія ущерба нервной энергіи, нанесеннаго дневнымъ занятіемъ. Анекдоты про Брума, Наполеона и многихъ другихъ, которые будто бы спали четыре, пять часовъ въ ночь, но которые, мы подозрѣваемъ, предавались порядочному сну въ дневное время, надѣлали много вреда. Время, взятое изъ восьмичасоваго сна, не только время невыигранное, но время хуже чѣмъ даромъ потраченное. Мы можемъ обманывать себя, но не можемъ обмануть природу. Вслѣдствіе того, что она нѣсколько лѣтъ позволяетъ намъ издерживать лишнее, мы думаемъ, что она не потребуетъ отъ насъ отчета. Но она завистливый кредиторъ, который всегда надѣется съ процентами получить свои ссуды, и если мы будемъ продолжать употреблять нѣсколько часовъ сна на работу, то не смотря на отстрочку рѣшенія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ концѣ концовъ это поведетъ насъ къ полному умственному и физическому банкротству.

# ГЛАВА XVII.

## Экономія во времени.

Любишь-ли ты жизнь? Если любишь, то не расточай времени, потому что это матерія, изъ которой сдѣлана жизнь.

*Франклинъ.*

Одинъ изъ главнѣйшихъ уроковъ, который долженъ быть заученъ каждымъ человѣкомъ, желающимъ имѣть успѣхъ въ жизни, это соблюденіе экономіи во времени. Одинъ знаменитый итальянецъ имѣлъ привычку называть время своимъ состояніемъ. Справедливо какъ относительно этого, такъ и всякаго другаго состоянія, что оно только тогда бываетъ вполнѣ оцѣнено, когда бываетъ совершенно истрачено и когда жизнь уже почти кончается; тогда только мы начинаемъ думать о разумной тратѣ часовъ и сбереженіи минутъ. Къ несчастію привычка къ лѣности, невниманію и отлагательству, однажды установившись, не могутъ быть вдругъ сброшены съ себя человѣкомъ, и человѣкъ, истратившій драгоцѣнные часы жизни во время сѣянія, убѣждается, что онъ не можетъ собирать жатву въ жизненную осень. Всѣмъ извѣстна аксіома, ненуждающаяся въ подтвержденіи, что потеря богатства можетъ быть возвращена трудолюбіемъ,

знанія — ученіемъ, здоровья — умѣренностью или лекарствами, потерянное же время, канувшее въ вѣчность, не можетъ быть возвращено.

Въ длинномъ каталогѣ оправданій въ неисполненіи долга чаще всего сходитъ съ человѣческихъ устъ извиненіе недостаткомъ свободнаго времени, которое болѣе всего основано на самообманѣ. Нѣкоторые люди постоянно обманываютъ себя, думая, что они сдѣлали бы то или другое, «еслибъ у нихъ было побольше свободнаго времени». Сотни нашихъ молодыхъ людей горятъ сильнымъ желаніемъ образовать свой умъ; они понимаютъ, какъ въ вѣкъ интеллегенціи важно умственное воспитаніе и знаніе для успѣха; они видятъ поверхностно-образованныхъ людей повсюду удаленными на жизненномъ поприщѣ; но увы! ихъ каждая минута занята необходимыми занятіями и у нихъ нѣтъ свободнаго времени для чтенія и ученія. Сотни изъ нихъ чувствуютъ живѣйшую симпатію къ бѣднымъ и съ удовольствіемъ носили бы бѣднымъ бульонъ и теплыя одѣяла, а также обдѣляли бы ихъ жизненнымъ хлѣбомъ въ формѣ Библіи и другихъ книгъ, но ихъ собственныя дѣла такъ поглощаютъ ихъ время и вниманіе, что они не могутъ ничего сдѣлать для своихъ ближнихъ.

Такова отговорка, которою лѣнивцы стараются извинить себя въ неисполненіи тысячи обязанностей, диктуемыхъ имъ совѣстью. Но ни при одномъ изъ условій на совершеніе добра нѣтъ меньше шансовъ, какъ при условіи свободнаго времени. Жизнь, какъ совершенно справедливо замѣчено, состоитъ изъ эластической матеріи, и гдѣ бы ни двигался твердый трудъ, повсюду стремится на него атмосфера пустяковъ, какъ воздухъ стремится войти въ бутылку, когда мы выливаемъ что-нибудь изъ нея. Если вы хотите вытянуть воздухъ изъ даннаго предмета, то вы должны заключить его въ

отдѣльный сосудъ, въ такой твердый и такъ заботливо охраняемый, какъ это требовалось бы для защиты самаго драгоцѣннаго вещества. То же самое мы видимъ и въ часы досуга. Если кто хочетъ устраниться отъ блестящихъ бездѣлицъ, то долженъ оградить себя барьеромъ рѣшимости и предосторожности такимъ же сильнымъ, какъ въ часы занятій и ученія. Отыщите въ обществѣ людей, которые больше всѣхъ сдѣлали добра для своихъ ближнихъ; кто они такіе? Здоровый-ли народъ, имѣющій много свободнаго времени, съ обширными желудками и въ чисто вычищенныхъ сапогахъ, котораго все дѣло состоитъ въ ѣдѣ, въ спаньѣ и въ прозябаніи? Нѣтъ, они въ большинствѣ случаевъ происходятъ изъ рабочаго класса, котораго безпрерывный пароксизмъ дѣятельности продолжается отъ января до декабря. Это такіе люди, которые находятъ время участвовать въ филантропическихъ митингахъ, служить въ комитетахъ миссіонерскихъ обществъ, посѣщать церковь и способствовать своему самообразованію чтеніемъ лучшихъ книгъ и ежедневныхъ газетъ; между тѣмъ дѣловой лѣнтяй, трудолюбиво расточающій свое время въ ничего недѣланіи или лежащій дома цѣлый день на софѣ, говоритъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ выжидаетъ свободнаго часа, чтобъ написать какое-нибудь маленькое письмо. Люди перваго разряда, хотя обременены занятіями, всегда способны сдѣлать что-нибудь, и на нихъ вы при тяжелыхъ для васъ обстоятельствахъ всегда можете имѣть болѣе надежды.

Въ каждомъ обществѣ есть обыкновеніе обращаться къ такому доктору или адвокату, который больше занятъ. И это основывается вовсе не на безсмысленномъ уваженіи къ имени, а на томъ, что самый инстинктъ подсказываетъ намъ, что человѣкъ дѣлающій многое способенъ сдѣлать еще больше и наилучшимъ образомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣятельность

увеличиваетъ способность къ дѣятельности, и гораздо легче для человѣка постоянно занятаго принудить себя сдѣлать что-нибудь лишнее, чѣмъ для человѣка празднаго выйти изъ своей лѣни. Дайте дѣловому человѣку десять минутъ времени для того, чтобъ написать письмо, и онъ напишетъ его вамъ; дайте праздному для этой же цѣли цѣлый день, и онъ отложитъ его до слѣдующаго дня или до будущей недѣли. Дѣловой человѣкъ въ то время, когда другіе зѣваютъ и ищутъ возможности преодолѣть свою лѣнь, ходитъ постоянно съ широко раскрытыми глазами и съ развязанными руками, и мимоходомъ, только дотронувшись до чего-нибудь, онъ можетъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ праздный человѣкъ напрягая всѣ свои силы.

Люди, исполнившіе величайшія дѣла на земномъ шарѣ, сдѣлали ихъ не чудесными, не припадочными усиліями, но усидчивымъ, неослабѣвавшимъ трудомъ, ведя счетъ каждой минутѣ. Они обладали геніемъ тяжелаго труда, самымъ желаемымъ родомъ генія. Постоянная капля дѣлаетъ отверстіе въ камнѣ. Немного въ этотъ часъ, немного въ слѣдующій, день за днемъ, годъ за годомъ, и составится многое. Громадные дома строются изъ кладки одного кирпича на другой. Какимъ образомъ люди, умершіе милліонерами, пріобрѣли свое состояніе? Не громадною неожиданною прибылью, но мелочными и постепенными сбереженіями; не огромными суммами, полученными отъ другихъ, не обширными спекуляціями, но сбереженіями маленькихъ суммъ, такъ безразсудно истрачиваемыхъ другими; собирая по сотнѣ, по десятку и даже по одному доллару, прибавляя ихъ одинъ къ другому, они воздвигаютъ изъ нихъ пирамиду счастія. То же самое можно сказать и относительно самообразованія, пріобрѣтенія знанія и совершенія добрыхъ дѣлъ. Времени, расточаемаго людьми въ без-

цѣльномъ ротозѣйничествѣ и въ лѣнивыхъ визитахъ, совершенно было бы достаточно на исполненіе предпріятій, кажущихся имъ при ихъ привычкѣ къ праздности совершенно невозможными.

И такъ, не сожалѣйте, читатель, о вашемъ недостаткѣ свободнаго времени сдѣлать что-нибудь. Скорѣе благодарите Бога, что вы не прокляты досугомъ, потому что онъ бываетъ проклятіемъ изъ десяти случаевъ въ девяти. Если для окончанія какого-нибудь дѣла, которое пришлось вамъ по душѣ, вы не можете выбрать свободнаго мѣсяца, недѣли или даже дня, неужели вы скажете ему прости и въ отчаяніи сложете ваши руки? Нѣтъ, мысли ваши будутъ еще назойливѣе подстрекать васъ и требовать отъ васъ, чтобъ вы сдѣлали это. Попытайтесь, что́ вы можете построить изъ разбитыхъ остатковъ времени, и оно будетъ вамъ еще драгоцѣннѣе, вслѣдствіе своей краткости. Разсказываютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, на монетномъ дворѣ въ Филадельфіи, когда посѣтитель достигаетъ рабочей комнаты, то служитель ему разсказываетъ, что странный полъ былъ сдѣланъ прежде изъ дерева, но что онъ принималъ всѣ падающія частицы драгоцѣннаго металла и впослѣдствіи эти частицы сплавились и образовался золотой полъ. Учитесь такой же экономіи во времени, собирайте всѣ оскребки и обрѣзки дня, и вы будете имѣть много досуга. Будьте скрягою въ минутахъ, и вы умрете богаче умственными пріобрѣтеніями, богаче добрыми дѣлами тѣхъ, чье время было полною ихъ собственностью.

Есть люди, которые могутъ дѣлать то, что́ они дѣлаютъ, но только безъ прерыва. Они могутъ читать или думать съ пользою только въ священномъ молчаніи. Ни одна волна дикаго жизненнаго моря не должна удариться объ ихъ спокойное убѣжище. Только въ такомъ спокойствіи они мо-

гутъ думать и трудиться. Перерывы, всевозможныя разсѣянія обрываютъ нить ихъ мыслей, и они не могутъ ее вновь соединить. Такого рода люди не могутъ воспользоваться небольшими урывками времени. Другіе, напротивъ, созданы такъ, что для нихъ почти невозможно быть систематичными и постоянно прилежными; они могутъ работать только порывами, и ихъ лихорадочная дѣятельность бываетъ такъ велика, что вознаграждаетъ все потерянное время, проведенное ими въ праздности. Впрочемъ, такіе «рожденные на небѣ геніи» составляютъ исключеніе изъ общаго закона и со дня на день появляются все рѣже и рѣже на землѣ; гораздо же чаще встрѣчаются такіе люди, которые для окончанія чего-нибудь должны быть постоянно заняты, и для нихъ лучше не обладать свободною минутою, а имѣть постоянно работу, къ которой они могли бы приложить свои руки. Поразительно, къ какимъ великимъ результатамъ пришли тѣ, у которыхъ никогда не пропадала даромъ ни одна минута. Разсказываютъ про одного нѣмецкаго критика, что онъ зналъ на память всю Иліаду по-гречески. Спрашивается, сколько лѣтъ потребовалось ему для того, чтобъ запечатлѣть ее въ своемъ мозгу? У него не было ни свободныхъ годовъ, ни мѣсяцевъ, ни недѣль, потому что онъ былъ медикомъ, и онъ выучилъ ее въ то время, когда переходилъ отъ одного паціента къ другому. Докторъ Дарвинъ этимъ же путемъ составилъ многіе изъ своихъ произведеній. Переѣзжая изъ дома въ домъ въ своей коляскѣ, онъ набрасывалъ свои мысли на лоскуткахъ бумаги, которыми онъ запасался съ этой цѣлью. Локкъ носилъ съ собою постоянно записную книжку, куда онъ вносилъ замѣчательныя мысли изъ обыкновеннаго разговора. Кювье, творецъ сравнительной анатоміи, также учился переѣзжая въ своей каретѣ отъ одного паціента къ другому,

и своимъ отрывочнымъ ученіемъ сдѣлалъ болѣе всѣхъ, когда-либо жившихъ на землѣ.

Франклинъ кралъ свои часы занятій отъ обѣда и сна. Джонъ Кинсей Адамсъ до послѣднихъ дней своей жизни былъ величайшимъ скупцомъ во времени. Чтобъ увеличить его, онъ вставалъ очень рано утромъ. «Я не чувствую ничего похожаго на скуку — говорилъ онъ. — Время скорѣе слишкомъ коротко, чѣмъ длинно, и еслибъ сутки продолжались сорокъ восемь часовъ вмѣсто двадцати четырехъ, то я съумѣлъ бы ихъ наполнить». Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ очень жаловался, что различныя церемоніи и визиты его друзей отнимали у него очень много времени.

Какой молодой человѣкъ, жалующійся на недосугъ, не покраснѣетъ, сравнивая свое возраженіе съ рѣшимостью римскаго императора Марка Аврелія, на которомъ лежала отвѣтственность управленія огромной имперіей, «безъ нужды не говорить и не писать кому-нибудь въ письмѣ, что у него нѣтъ свободнаго времени, и не извинять себя въ пренебреженіи своими обязанностями относительно своихъ ближнихъ ссылкою на крайне нужныя занятія». Всѣ занятые люди находятъ, что хотя жизнь коротка, но она становится достаточно длинною, если мы будемъ сберегать каждую минуту для необходимаго труда. Они чувствуютъ, какъ чувствовалъ Арнольтъ, когда онъ отвѣчалъ на возраженія Николи послѣ того, какъ послѣднему былъ предложенъ новый трудъ. «Мы теперь стары — сказалъ Николы—у насъ нѣтъ времени, мы должны отдыхать».—«Отдыхать!—воскликнулъ Арнольтъ—развѣ у насъ нѣтъ цѣлой вѣчности для отдыха?»

По всей вѣроятности существуетъ весьма немного людей на столько занятыхъ, которые не въ состояніи были бы удѣ-

лить полчаса въ день для самообразованія, а эти ежедневные полчаса черезъ нѣсколько лѣтъ принесли бы имъ блестящіе результаты. Докторъ Чаннингъ, извѣстный своимъ умомъ, въ молодости не получилъ хорошаго образованія и урывками отъ занятій усовершенствовалъ свое воспитаніе. Такихъ примѣровъ много, и они достаточно доказываютъ, что скупо-сберегаемыхъ минутъ во время жизни бываетъ совершенно довольно для окончанія какого-нибудь важнаго предпріятія. Вотъ что говоритъ Гёте: «Не выжидайте для хорошихъ дѣйствій необычайныхъ случайностей, но умѣйте пользоваться обыкновенными положеніями. Лучше постоянная прогулка, чѣмъ кратковременный полетъ». Маленькіе камни, наполняющіе пропасти, имѣютъ такую же важность, какъ и большіе для крѣпкаго вала; точно также скудныя минуты вашего времени, хорошо употребленныя, приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ образованія человѣческаго ума. Если вы дѣйствительно цѣните умственное развитіе и стараетесь его достичь, если вы желаете совершить какое-нибудь доброе дѣло, то вы всегда *найдете* или *сдѣлаете* время для этой цѣли. Неудача въ исполненіи показываетъ слабость воли, а отнюдь не недостатокъ времени, потребнаго для исполненія.

«Старомодные скупцы—говоритъ краснорѣчивый Виртъ—совѣтуютъ намъ никогда не проходить мимо стараго гвоздя, старой подковы, пряжки или шпильки, не поднявъ ихъ, потому что если они ненужны вамъ въ настоящую минуту, говорятъ они, то понадобятся современемъ. Я же говорю вамъ то же самое относительно знанія. Какъ ни безполезно оно можетъ вамъ казаться въ эту минуту, но впослѣдствіи оно принесетъ вамъ величайшую пользу, потому что, говорю вамъ, нѣтъ ни одного порядочнаго разсказа, ни одного анекдота, который впослѣдствіи не пригодился бы вамъ».

Чтобъ быть лучше понятыми, мы объяснимъ, что говоря о необходимости экономіи во времени, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что слѣдуетъ красть время отъ необходимыхъ для насъ отдохновеній и отъ сна, или что каждая минута, въ которую человѣкъ, повидимому, ничего не дѣлаетъ, должна считаться потерянною. Весьма многіе писатели придерживаются этого мнѣнія и Джонъ Уэслей говоритъ: «Никогда не будь *незанятымъ*, никогда *не занимайся пустяками* и *не проводи даромъ своего времени*», на что докторъ Джонсонъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Слова Джона Уэслея хороши, но онъ никогда не допускаетъ отдыха. Онъ *принуждаетъ всегда идти въ извѣстный часъ*. А для человѣка любящаго складывать свои ноги и заниматься немного болтовнею, какъ я, не совсѣмъ это пріятно». Еще весьма страненъ слѣдующій совѣтъ лорда Коллинвуда, относившійся къ воспитанію его дочерей: «Онѣ не только должны читать, но имъ необходимъ еще строгій выборъ книгъ—говоритъ онъ. Онѣ никогда не должны браться за два отдѣла книгъ заразъ, и когда одинъ предметъ начатъ, то онъ долженъ быть оконченъ, прежде чѣмъ другой будетъ предпринятъ». Этотъ взглядъ весьма благовиденъ, но вся исторія и опытъ отрицаютъ его. Кошка, полежавъ на одномъ мѣстѣ, переходитъ на другое, хотя ей рѣшительно все равно, гдѣ ни лежать, и дѣлаетъ это она единственно изъ стремленія къ перемѣнѣ. Читать объ одномъ и томъ же предметѣ въ продолженіе нѣкотораго времени все равно что оставаться долго на одной и той же пищѣ. Долженъ ли человѣкъ съѣсть цѣлаго быка до перемѣны діэты? Такая діэта можетъ только окончиться умственной или физической золотухой.

Но что значитъ проводить даромъ время? Когда человѣкъ блуждаетъ по своей библіотекѣ, беретъ то ту, то дру-

гую книгу, маратъ бумагу, бросаетъ взглядъ на журналъ или газету, насвистываетъ какіе-нибудь звуки, глядитъ въ огонь камина, или когда онъ въ лѣсу прислушивается къ мелодіи птичьихъ голосовъ и, сѣвъ подъ дубомъ, прислушивается къ журчанію ручейка—проводитъ ли онъ, хотя все это имѣетъ видъ лѣни, даромъ время? Никакимъ образомъ. Гдѣ есть сильный, неусыпный, вопрошающій умъ, тамъ не можетъ быть лѣности. Въ такомъ случаѣ нѣтъ часа въ день, когда мозгъ не работалъ бы. Не обгладывая книги, онъ жуетъ жвачку; не собирая новыхъ сырыхъ матеріаловъ знанія, онъ обработываетъ тѣ, которые были раньше собраны. Счастливѣйшія мысли, самыя блестящія фантазіи, прекраснѣйшія сравненія — эти блестящія искры, эти молніи ума по бо́льшей части проявляются въ минуты отдыха, когда мы бросаемъ поводья на шею нашего крылатаго коня и позволяемъ ему идти куда угодно.

Справедливо замѣчено, что кто скажетъ на ходу истину, тотъ окажетъ этимъ большую услугу своему поколѣнію. Высказать одну такую истину важнѣе, чѣмъ выиграть битву при Граникѣ или Ватерлоо. Достичь такихъ истинъ есть величайшая задача въ жизни. Но они не всегда пріобрѣтаются разсужденіями или постоянными мыслями. Тотъ, кто повидимому проводитъ даромъ свое время, можетъ открыть новые принципы философіи или законы науки, могущіе сдѣлаться двигающимъ рычагомъ свѣта. Когда Уаттъ сидѣлъ передъ каминомъ, смотря на паръ, выходящій изъ крышки чайника, то онъ вѣроятно возбуждалъ негодованіе въ родственникахъ, которые упрекали его въ ничего недѣланіи, но онъ замышлялъ паровую машину. Милліоны видѣли это явленіе, но оно не возбудило въ нихъ любопытства, или они не были на столько развиты въ умственномъ отношеніи, чтобъ понять причину его. То же самое мы видимъ от-

носительно закона вѣса и тяготѣнія. Тысячи и десятки тысячъ до Архимеда видѣли, какъ переливается вода черезъ бокъ корабля, если другое тѣло нагружается въ него. Не нужно быть философомъ, чтобъ подтвердить этотъ фактъ, но количество воды и глубина погруженія вмѣстѣ взятыя— вотъ что́ поразило Архимеда. Ньютонъ, прыгая въ фруктовомъ саду, повидимому не съ большою пользою употреблялъ свое время, но наблюденія за падающими яблоками привели его къ открытію закона тяготѣнія. Турнфортъ часто убѣгалъ изъ класса въ лѣсъ, чтобъ тамъ собирать для себя растенія, а Смиттонъ, когда онъ ходилъ еще въ курточкѣ, былъ найденъ дѣлающимъ на крышѣ отцовской житницы вѣтряную мельницу. Первый сдѣлался знаменитымъ естествоиспытателемъ, обогатившимъ науку своими открытіями, послѣдній — великимъ инженеромъ, выстроившимъ Эддистонскій маякъ. Можетъ-ли Уэслей сказать, что Турнфортъ, Смиттонъ, точно также какъ Уаттъ и Архимедъ, проводили даромъ время, занимаясь пустяками. Такихъ примѣровъ можно разсказать множество, изъ чего слѣдуетъ, что часто подъ видомъ ничего недѣланія скрывается громадная умственная работа.

## ГЛАВА XVIII.

### Деньги, ихъ употребленіе и злоупотребленіе ими.

Экономія сама по себѣ есть большой доходъ.
*Цицеронъ.*

Долги укорачиваютъ жизнь.
*Жубертъ.*

Что провидѣніе одарило человѣка органомъ пріобрѣтанія, какъ его называютъ френологи, для мудрыхъ и благодѣтельныхъ намѣреній, и что цивилизація, утонченность, добродѣтель, мудрость и счастіе общества зависятъ отъ развитія этого органа—это такого рода истина, которую весьма немногіе рѣшатся оспаривать. Дѣйствительно, есть многіе, которые кричатъ о несовмѣстимости богатства съ добродѣтелью, но они только кричатъ и больше ничего. Какъ неосновательно они кричатъ противъ пріобрѣтанія денегъ, такъ же безтолково они апплодируютъ или осуждаютъ учрежденія и принятыя мѣры, способствующія къ увеличенію и уменьшенію общественнаго благосостоянія. Кричать противъ желанія вселенной и бороться противъ того хорошаго въ мірѣ, чему деньги служатъ синонимомъ—совершенно напрасный трудъ. Люди не будутъ слушать отвлеченныхъ доказательствъ противъ преслѣдованія денегъ,

точно такъ же, какъ самыя краснорѣчивыя похвалы бѣдности вызовутъ на ихъ губахъ только презрительную улыбку. «Не вѣрь много тѣмъ, которые повидимому презираютъ богатство—говоритъ Бэконъ—они презираютъ его потому, что не надѣются пріобрѣсти его, и горе имъ, если они достигнутъ его».

Рѣдко спартанское пренебреженіе къ деньгамъ бываетъ истинно, по бо̀льшей же части оно служитъ прикрытіемъ какихъ-нибудь дальновидныхъ цѣлей; въ девяти случаяхъ изъ десяти оно напоминаетъ собою виргиліевскихъ гарпій, старающихся возбудить отвращеніе къ пиру, которымъ онѣ сами очень желаютъ насладиться.

Нѣтъ жертвы, которой люди не принесли бы ради денегъ. Имѣя ихъ въ виду ни одинъ трудъ не кажется имъ слишкомъ утомительнымъ, ни одна опасность слишкомъ грозною. «Вѣрныхъ десять процентовъ на сто—говоритъ одинъ англійскій экономистъ — повсюду обезпечитъ обращеніе капитала, двадцать на сто произведетъ азартъ, пятьдесятъ на сто — увѣренную дерзость, а сто на сто—низвергнетъ подъ ноги всѣ человѣческіе законы». Даже проповѣдникъ можетъ усилить свой тихій голосъ до трубнаго звука когда ему будетъ предложено двойное жалованье. Мучительныя сомнѣнія и нерѣшимость исчезаютъ какъ роса, передъ логикою пяти тысячъ и громаднымъ домомъ или имѣніемъ.

Намъ легко указать на опасности, проистекающія отъ сильной любви къ деньгамъ. Бэконъ называетъ богатство «*ношею* для добродѣтели», и всѣмъ намъ извѣстно, какъ римляне въ дни своей славы презирали золото, называя его «*препятствіемъ* къ доблестямъ», и какъ они впослѣдствіи, становясь слабѣе и безславнѣе, привязались къ этому металлу и съ помощію его откупались отъ напа-

давшихъ на нихъ варваровъ. Но опасности, происходящія отъ бѣдности, въ десять разъ больше опасностей, происходящихъ отъ богатства. Когда человѣкъ подвергается постоянному недостатку не только въ предметахъ роскоши, но даже въ предметахъ первой необходимости, болѣзнямъ и отчаянію, то это дѣйствуетъ крайне неблагопріятно на высочайшія отправленія его души и ума. Бѣдный человѣкъ ежечасно подвергается такимъ испытаніямъ, о которыхъ богатый не имѣетъ понятія. Безъ сомнѣнія, часто величайшія добродѣтели процвѣтаютъ въ холодной атмосферѣ и на скудной почвѣ бѣдности, такъ, напримѣръ, въ душѣ бѣднѣйшаго изъ бѣдныхъ мы встрѣчаемъ честность, кроткое довольство, тягостное самопожертвованіе, нѣжныя привязанности и непоколебимую вѣру въ Провидѣніе; но сказать, что всѣ эти качества присущи бѣдности, значитъ сказать величайшую ложь, такъ какъ они могутъ процвѣтать и внѣ ея.

Довольно у насъ глупой сантиментальности, которая причисляетъ бѣдныхъ къ лику святыхъ за то только, что они бѣдные, и видитъ героя въ каждомъ трубочистѣ и представителей человѣческаго достоинства въ крючникахъ, которые въ дѣйствительности вѣроятно болѣе походятъ на точильщика Каннинга. Бѣдность есть такое условіе, на которое человѣкъ долженъ согласиться или вслѣдствіе крайней необходимости, или когда взамѣнъ ея ему предлагаютъ безчестіе. Всякій человѣкъ имѣетъ полное право не подвергать себя добровольно ежеминутнымъ испытаніямъ. Каждый человѣкъ откладываетъ себѣ на кусокъ хлѣба подъ старость, потому что старый человѣкъ въ богадѣльнѣ или просящій милостыни представляетъ весьма жалкое зрѣлище и возбуждаетъ, можетъ быть иногда и неосновательное, предположеніе, что онъ глупо и даже порочно провелъ свою жизнь.

Правда, мы не должны слишкомъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, но тѣ, которые думаютъ, что слова Спасителя, сказанныя относительно Іудеи, гдѣ климатъ плодоносенъ и образъ жизни простъ, могутъ быть *буквально* примѣнены въ девятнадцатомъ столѣтіи къ странѣ, гдѣ милліоны людей оспариваютъ другъ у друга средства къ существованію— тѣ люди жестоко ошибаются.

Поэтому философы не должны далеко заходить, проповѣдуя презрѣніе къ деньгамъ. Дѣйствительно, кому же, какъ не философамъ, можетъ быть яснѣе, что деньги имѣютъ великое значеніе, которое съ каждымъ новымъ поколѣніемъ увеличивается.

Эти самыя деньги или лучше сказать недостатокъ въ нихъ и стремленіе добыть ихъ дѣлаютъ людей работниками. Это раздражительное средство, мучащее дѣловыя нервы; самые величайшіе результаты дарованія, ловкости, ума, смѣтливости, соперничества зависятъ отъ постояннаго стремленія къ нимъ. Недостатокъ въ деньгахъ—великій принципъ нравственнаго тяготѣнія, единственная сила, которая способна удержать все на своемъ мѣстѣ. Эта скудость средствъ, постоянный недостатокъ, постоянное препятствіе, вѣчная борьба для того, чтобъ держать голову надъ водою и отгонять волка отъ дверей — все это предохраняетъ общество отъ распаденія на части. Еслибы каждый человѣкъ имѣлъ нѣсколькими долларами болѣе того, что́ онъ имѣетъ, то послѣдовала бы полная анархія. Всякій трудъ ручной или умственный сдѣлался бы тогда лихорадочнымъ, или, что́ еще хуже, огромное колесо промышленности совсѣмъ остановилось бы. Ради денегъ человѣкъ долженъ претерпѣвать тяжкій трудъ и развивать въ себѣ самоотверженность, такъ что пріобрѣтаніе денегъ уже само по себѣ есть воспитаніе. Оно принуждаетъ выдвинуть впередъ нашъ умъ, ловкость, энергію, бдительность,

рвеніе, явить на свѣтъ свои практическія качества и постепенно воспитать свои умственныя и нравственныя способности. Умственная дисциплина можетъ быть такъ же хорошо достигнута пріобрѣтаніемъ денегъ, какъ математикою. Душа воспитывается приходо-расходною книгою такъ же хорошо, какъ логариѳмами, и упражняется счетомъ денегъ съ такою же пользою, какъ счетомъ звѣздъ. Предусмотрительный человѣкъ необходимо долженъ быть мыслящимъ человѣкомъ и жить не только настоящимъ, но и будущимъ временемъ; онъ долженъ также упражняться въ самоотверженности, въ этой добродѣтели, составляющей главный элементъ сильнаго и хорошо образованнаго характера. Что можно сказать относительно пріобрѣтанія, то же можно повторить и относительно употребленія денегъ. Путь, какимъ человѣкъ тратитъ деньги, даетъ намъ вѣрное понятіе объ его характерѣ. По словамъ Бульвера: «деньги страшные болтуны: онѣ выдаютъ тайны своихъ хозяевъ. О добродѣтели ихъ онѣ говорятъ шепотомъ, а пороки выкрикиваютъ громкимъ голосомъ».

Деньги есть сила — онѣ даютъ человѣку положеніе и право пользоваться уваженіемъ въ свѣтѣ. Съ ними карликъ умомъ становится великаномъ по вліанію, безъ нихъ свѣдущій человѣкъ остается карликомъ по силѣ. Теперь, какъ и во времена Шекспира: «ученая голова преклоняется предъ золотымъ глупцомъ». Званіе, талантъ, краснорѣчіе, ученость, нравственное достоинство—все это пользуется нѣкоторой долей почтенія, но безъ собственности эти качества не даютъ человѣку, обладающему ими, права пользоваться большимъ вліяніемъ въ обществѣ. Они могутъ возбудить удивленіе, но только деньги даютъ силу; безъ нихъ вліяніе такъ же мимолетно, какъ благоуханіе цвѣтовъ, оторванныхъ отъ земли. Древніе карѳагеняне, бывши республиканцами, не имѣли наслѣдственной аристократіи и вслѣдствіе этого да-

вали должности только людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ. Справедливо сказано, что въ Америкѣ геральдика основана на деньгахъ. Общественное положеніе обозначается банковыми книгами. На желѣзной дорогѣ кондукторъ, подозрѣвая присутствіе ихъ, громче выкрикиваетъ станцію и минуты остановки, трактирный слуга выбираетъ лучшія комнаты, а купецъ увеличиваетъ на нѣсколько градусовъ уголъ своего поклона. Даже мѣсто въ церкви приготовляется вамъ согласно количеству вашихъ денегъ.

Теперь успѣхи цивилизаціи дѣлаютъ жизнь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе значительною, богаче случаями и удовольствіями. Наука умножаетъ съ изумляющею быстротою удобства, роскошь жизни и средства къ самообразованію; но чтобъ пользоваться ими, мы должны имѣть деньги. Деньги доставляютъ намъ теплое помѣщеніе, питательную пищу, въ случаѣ болѣзни медицинскую помощь, книги, музыку, картины, хорошее мѣсто въ концертѣ или въ библіотекѣ и даже въ церкви; главное же, онѣ даютъ намъ право на сохраненіе самостоятельности мыслей. Говорятъ, что въ Англіи человѣкъ, неимѣющій двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, не можетъ имѣть мнѣнія, и въ этой странѣ есть люди, считающіе себя слишкомъ бѣдными въ матеріальномъ отношеніи для того, чтобъ допустить себѣ «роскошь совѣсти». Съ деньгами, съ этимъ талисманомъ, человѣкъ можетъ окружить себя богатыми средствами къ удовольствіямъ, можетъ пользоваться разностороннимъ образованіемъ и можетъ привести въ исполненія великія филантропическія предпріятія, достойныя этой половины девятнадцатаго столѣтія. И вотъ, вслѣдствіе того, что средства такъ многочисленны и жизнь съ ними такъ богата въ возможностяхъ, недостатокъ въ деньгахъ никогда такъ сильно не чувствовался, какъ въ настоящее время. Хотя бѣднякъ пользуется теперь

такою роскошью, которая триста лѣтъ тому назадъ были недоступна Крезу, и хотя люди теперь заботятся, чтобъ прачка имѣла чай, однако въ настоящее время бѣдность труднѣе всего переносить. Она теперь еще болѣе тяжела, чѣмъ во времена Джонсона, тѣмъ не менѣе онъ при всей своей философіи не задумался назвать ее величайшимъ зломъ.

Недостатокъ въ деньгахъ почти болѣзнь вселенной; имъ однимъ объясняется печаль, встрѣчающаяся во всѣхъ слояхъ общества. Проходя по улицѣ, сколько мы замѣчаемъ нахмуренныхъ, озабоченныхъ лицъ, страдающихъ этою болѣзнью. Бѣднякъ не въ состояніи скрыть своего безпокойства, и сколько онъ объ этомъ ни старайся, ему все-таки это неудастся.

Есть люди, рожденные съ геніемъ для пріобрѣтанія денегъ. Ихъ талантъ—превращать доллары въ дублоны посредствомъ торговли или хитрыхъ помѣщеній капитала на проценты такъ же рѣзко выдается, какъ способность Шекспира воспроизводить Отелло или Гамлета, Рафаэля писать свои картины, Бетховена составлять свои симфоніи или Морзе изобрѣсти электрическій телеграфъ. Было бы большимъ неисполненіемъ долга, постыднымъ развращеніемъ дарованій, еслибъ они не послѣдовали внушеніямъ своего генія и не принялись за осуществленіе своихъ идеаловъ; точно такъ же Ротшильдъ, Асторъ и многіе другіе преступили бы противъ природы, употребивъ свою энергію на другое занятіе, гдѣ они оказались бы карликами, а не великанами. Лауренцъ, Корнель, также какъ Агасизъ изъ Бирштадта, пользовались тѣми способностями, которыми Богъ ихъ надѣлилъ, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права свернуть съ дороги, на которую ему указалъ Промыселъ. Академіи, коллегіи, больницы, музеи, библіотеки, желѣзныя дороги—ничто это не могло бы существовать безъ капиталовъ

и людей одаренныхъ геніемъ пріобрѣтанія, и эти учрежденія служатъ доказательствомъ пользы его существованія. Хотя милліонеръ слишкомъ часто превращаетъ свой мозгъ въ счетную книгу, а сердце въ мельничный жерновъ, однако эти недостатки его духовной природы не менѣе необходимы ему при его стремленіяхъ, чѣмъ доктору и адвокату. Говорятъ будто Агасизъ презрительно замѣтилъ, что у него нѣтъ времени заниматься произведеніемъ денегъ. Но какимъ образомъ нашелъ бы онъ свободное время изучать тайны природы, еслибъ другіе не сдѣлали для него денегъ?

Оставимъ свое притворство, говоря, что мы презираемъ деньги, и откровенно признаемъ ихъ цѣнность. Согласимся, что большинство людей разорилось отъ непризнанія ихъ стоимости, а не отъ жадности къ золоту. Въ наше время изъ двадцати одинъ только человѣкъ нуждается въ ограниченіи своихъ денежныхъ пріобрѣтаній, остальнымъ же девятнадцати необходимо, напротивъ, изученіе принциповъ производительности и бережливости. Но въ то же время мы не должны смѣшивать цѣли со средствами и придавать болѣе значенія золоту, чѣмъ тому, что̀ посредствомъ его пріобрѣтается.

Въ особенности каждый дѣловой человѣкъ, приносящій жертву золотому тельцу, долженъ стараться избѣгнуть впасть въ общую погрѣшность, предполагая, что счастіе его будетъ прямо пропорціонально его пріобрѣтеніямъ. Докторъ Джонсонъ придерживается послѣдняго мнѣнія и говоритъ: «Если шестьсотъ фунтовъ въ годъ будутъ имѣть для человѣка болѣе послѣдствій и доставятъ ему болѣе счастія, чѣмъ шесть фунтовъ, то въ той же пропорціи будетъ увеличиваться его счастіе съ увеличеніемъ дохода до шести тысячъ и болѣе». Но опытъ не подтверждаетъ этой теоріи. Когда человѣкъ можетъ удовлетворить каждое свое разумное

желаніе, то спрашивается, не принесетъ-ли ему излишнее богатство больше безпокойства и отвѣтственности, чѣмъ удовольствія?

Собственникъ капитала получаетъ сравнительно весьма незначительную выгоду отъ своего богатства; онъ не болѣе какъ главный бухгалтеръ и секретарь общества. Будь онъ богатъ, какъ Родшильдъ, онъ не можетъ съѣсть, выпить и видѣть прекрасныхъ вещей болѣе, чѣмъ каждый человѣкъ, необладающій чрезмѣрнымъ богатствомъ, но съ хорошимъ состояніемъ. Богатый человѣкъ, который желаетъ еще увеличить свои богатства, не долженъ тратить свои деньги на роскошь и на осуществленіе глупыхъ плановъ, но долженъ взяться за какое-нибудь предпріятіе, выборъ котораго зависитъ вполнѣ отъ его громадной природной догадливости, усиленной жизненнымъ опытомъ. Если, напримѣръ, онъ возьмется за постройку домовъ или желѣзныхъ дорогъ и тому подобное, то онъ этимъ дастъ кусокъ хлѣба многимъ тысячамъ работниковъ, между тѣмъ это предпріятіе принесетъ и ему весьма большіе проценты. Если же онъ будетъ одѣваться въ брилліанты, вливать себѣ въ горло дорогія вина и наполнять желудокъ французскими кушаньями, то спрашивается, на сколько онъ будетъ увеличивать свой капиталъ и способствовать благосостоянію общества, и не будетъ ли онъ этимъ способствовать разрушенію своего здоровья? «Если богатый человѣкъ—говоритъ сэръ Вильямъ Тэмпль—хочетъ быть здоровымъ, то онъ долженъ жить, какъ бѣднякъ». Что одно богатство не приноситъ счастія, это доказывается также и тѣмъ, что люди, достигнувъ вершины его, иногда съ удовольствіемъ и даже съ сожалѣніемъ вспоминаютъ то время, когда они были у подошвы его. Такъ великій царь желѣзныхъ дорогъ Гудзонъ, обѣдая съ герцогами и герцогинями въ своемъ дворцѣ, съ удовольствіемъ вспоминалъ

дни, когда онъ ужиналъ колбасою въ маленькой комнатѣ, позади своей бѣдной лавчонки въ Іоркѣ.

Ничто отвлеченно не кажется намъ такъ легко, какъ извлекать удовольствіе изъ денегъ, однако многимъ людямъ, повидимому, ничто не бываетъ такъ трудно, какъ это. Кажется восхитительнымъ то, что мы можемъ купить каждую вещь, не справляясь съ ея цѣной; но мы уже говорили раньше, что достиженіе чего-нибудь безъ большаго труда не приноситъ намъ большой радости; точно также удовольствіе блекнетъ, если оно достается безъ всякаго затрудненія.

Самый обыкновенный и благовидный предлогъ, побуждающій насъ къ пріобрѣтанію богатства съ цѣлію избѣжать необходимости строгой экономіи и долговъ, архіепископъ Уатлей называетъ безразсуднымъ и обманчивымъ. «Нужно замѣтить — говоритъ онъ — что издержки, вызываемыя дѣйствительными или мнимыми нуждами у людей, обладающихъ большими доходами, всегда больше, чѣмъ у людей, имѣющихъ весьма скудныя средства, и вслѣдствіе этого большинство тѣхъ, которыхъ мы называемъ богатыми, находится въ болѣе затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ большинство бѣдныхъ. На первый взглядъ кажется, что такъ какъ число людей, имѣющихъ большіе доходы, сравнительно гораздо меньше, то слѣдовательно число людей, находящихся въ денежныхъ затрудненіяхъ, въ бѣдномъ классѣ должно составлять огромное большинство. Но когда вы взглянете на пропорцію, то увидите совершенно противоположное. Возьмите всѣхъ людей, имѣющихъ различные доходы, и раздѣлите ихъ на нѣсколько классовъ, начиная отъ тѣхъ, которые получаютъ пятьсотъ фунтовъ годоваго дохода, и кончая тѣми, годовой доходъ которыхъ простирается до пятисотъ тысячъ, и вы увидите, что процентъ людей, находящихся въ затруднительныхъ денежныхъ положеніяхъ, постоянно увеличивается въ

той мѣрѣ, какъ мы подымаемся вверхъ. Когда же мы дойдемъ до правителей государствъ, доходы которыхъ считаются милліонами, то едва-ли найдется одинъ изъ нихъ, который не былъ бы запутанъ въ долгахъ. Изъ этого видно, что чѣмъ больше доходъ, тѣмъ труднѣе съ нимъ жить. Однимъ словомъ, стремленіе къ издержкамъ увеличивается въ бо́льшей пропорціи, чѣмъ увеличивается доходъ, и потому для достатка, какъ остроумно опредѣляется, вы должны имѣть *только* трехстами фунтами болѣе того, что вы имѣете».

Что богатство не счастіе и что оно не можетъ вполнѣ доставить его — это такая аксіома, которую я не считаю нужнымъ еще разъ объяснять; она была извѣстна древнимъ, что̀ мы и видимъ въ отвѣтѣ Солона на вопросъ Креза. Натанъ-Майеръ Ротшильдъ, еврейскій банкиръ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, богатство котораго можно было сравнить съ числомъ звѣздъ на небѣ и песчинокъ въ морѣ, не считалъ себя *счастливымъ* и постоянно высказывалъ это.

Вотъ что пишетъ къ своему другу Стефанъ Жирардъ, окруженный несмѣтными богатствами, который по предположенію многихъ долженъ былъ бы пользоваться большимъ наслажденіемъ, постоянно увеличивая свое благосостояніе. «Что касается до меня, то я, какъ галерный невольникъ, постоянно занятъ и часто провожу ночь безъ сна. Я запутываюсь въ лабиринтѣ дѣлъ и изнашиваюсь въ заботахъ. Я не придаю цѣны богатству. Любовь къ труду мое высшее побужденіе. Когда я утромъ просыпаюсь, то мое первое желаніе работать въ продолженіе дня такъ усиленно, чтобъ съ наступленіемъ ночи я, бросившись на кровать, могъ мгновенно заснуть».

Изо всего этого слѣдуетъ заключить, что деньги хоро-

шая вещь, которую всякій человѣкъ долженъ стараться пріобрѣсти для того, чтобъ избѣжать зависимости отъ другихъ людей въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, но онѣ вовсе не такъ хороши, чтобъ для пріобрѣтенія ихъ можно было бы прибѣгать къ безчестнымъ дѣйствіямъ или изъ-за нихъ испытывать терзанія совѣсти. Добываніе денегъ вредно, когда оно обѣдняетъ умъ или истощаетъ источники духовной жизни; когда оно притупляетъ чувство красоты и дѣлаетъ его равнодушнымъ къ чудесамъ природы и искусства; когда оно уничтожаетъ чувство нравственности и не позволяетъ видѣть различіе между справедливымъ и несправедливымъ, добродѣтелью и порокомъ; когда оно заглушаетъ религіозныя влеченія и вычеркиваетъ всѣ мысли о душѣ. Добываніе денегъ становится вреднымъ тогда, когда мысль о нихъ поглощаетъ весь человѣческій умъ; когда человѣкъ не заботится объ образованіи ума и чувства, не дѣлаетъ добра ни себѣ, ни ближнимъ, и только радуется увеличенію золота въ своихъ сундукахъ, увеличенію счета въ банкѣ, и старается только достигнуть возможности сказать своей душѣ: «Душа, радуйся и веселись: многое лежитъ у тебя на многіе годы».

Въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ быть достоенъ большаго сожалѣнія, какъ человѣкъ, заложившій свое тѣло и душу Мамонѣ, въ которомъ одна гигантская страсть потопила всѣ другія увлеченія; ничто не можетъ быть тягостнѣе, какъ видъ человѣка, тратящаго жизнь ради средствъ къ жизни, не обращающаго вниманія на простертое передъ нимъ небо и роющагося въ соломенкахъ, въ щебнѣ и въ пыли земной. Самый бѣднѣйшій на землѣ человѣкъ тотъ, кто богатъ золотомъ, но банкротъ умственно и духовно— *magnas inter opes inops.* Слѣдуетъ постоянно помнить, что сама жизнь важнѣе средствъ ее поддерживающихъ, важнѣе

жилищъ, земель, акцій, облигацій, дивидендовъ и даже важнѣе пищи и одежды. Главное свое вниманіе человѣкъ долженъ обращать на развитіе своего ума и на душу.

Но пусть всякій, желающій имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, справедливо уважаетъ цѣнность денегъ. Пусть онъ, съ одной стороны, не дѣлаетъ ихъ мѣриломъ или предметомъ своего успѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть онъ, съ другой стороны, не имѣетъ философскаго пренебреженія къ нимъ, которое въ жизни приноситъ величайшій вредъ. Пусть онъ борется ради пропитанія, но пусть онъ также (если не имѣетъ рѣдкаго генія для добыванія денегъ) не гонится за большимъ богатствомъ и выберетъ средину. Было написано много сочиненій объ искусствѣ пріобрѣтеніи денегъ, и хотя сравнительно весьма немногіе достигаютъ его, однако пріобрѣтеніе богатства вовсе не тайна. Въ этомъ случаѣ вся мудрость заключается въ слѣдующихъ правилахъ: тяжело трудиться, пользоваться мелкими случаями, соблюдать экономію, избѣгать лишнихъ издержекъ—вотъ все, что необходимо для пріобрѣтенія денегъ, и къ этому самый искусный писатель не можетъ прибавить ничего новаго. И дѣйствительно, добываніе денегъ—занятіе самое простое изъ всѣхъ другихъ занятій. Чтобы быть артистомъ, дипломатомъ, ораторомъ, поэтомъ, ученымъ—для всего этого надо имѣть высочайшую способность, которую весьма немногіе могутъ надѣяться найти въ себѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ занятій неутомимый трудъ и неистощимое терпѣніе не обезпечиваютъ вполнѣ успѣха, тогда какъ человѣкъ, стремящійся къ деньгамъ, знаетъ, что онъ не преслѣдуетъ химеру, привидѣніе или блуждающій огонекъ, вѣчно его манящій, но никогда непопадающій ему въ руки; напротивъ, въ стремленіи къ деньгамъ человѣкъ можетъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ съ помощію терпѣнія и труда, не обладая блестящими способностями.

Нѣтъ ни одного человѣка, который не могъ бы сдѣлаться независимымъ, если онъ только будетъ аккуратно сберегать свои доходы и воздерживаться отъ лишнихъ издержекъ. Но чтобъ сдѣлаться независимымъ, человѣкъ долженъ быть трудолюбивымъ и благоразумнымъ. Самое тяжелое слѣдовать этому послѣднему правилу. Есть сотни людей, которые въ состояніи прилежно работать, но только можетъ быть десять изъ нихъ могутъ *благоразумно* распоряжаться своими заработками. Трудящіеся люди болѣе всего расточаютъ беззаботно деньги, которыя они добываютъ трудомъ рукъ своихъ. Вмѣсто того, чтобъ откладывать часть своихъ заработковъ на черный день, они издерживаютъ все, въ чемъ и заключается главный источникъ нищеты и рабства. Человѣкъ, неоткладывающій про черный день, долженъ выбирать въ крайнемъ случаѣ или голодную смерть, или рабство, и конечно почти всегда предпочтеніе отдается послѣднему.

Главнѣйшая причина этого порока происходитъ отъ того, что люди съ пренебреженіемъ смотрятъ на небольшія сбереженія. Спросите тѣхъ, которые издерживаютъ весь свой заработокъ, почему они не откладываютъ часть его, и они вамъ отвѣтятъ: «Какая въ томъ польза, что мы отложимъ нѣсколько центовъ въ день или какой-нибудь случайный долларъ? Еслибъ мы могли постоянно откладывать четыре или пять долларовъ въ недѣлю, то это еще къ чему-нибудь повело бы?» Но такого рода разсужденіе весьма неосновательно. Они не понимаютъ, какъ велика можетъ быть сумма маленькихъ сбереженій или издержекъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Какой здоровый работникъ не можетъ сберечь въ годъ изъ своего заработка около пятидесяти долларовъ? А эта ничтожная сумма, считая по шести процентовъ на сто, уве-

личится, при ежегодныхъ взносахъ, въ теченіе десяти лѣтъ до шестисотъ пятидесяти фунтовъ, въ двадцать лѣтъ будетъ равняться 1.860, въ тридцать 3.950 и въ сорокъ лѣтъ 7.700. Этой суммы будетъ совершенно достаточно труженику на старость; она же составилась изъ сбереженія въ день четырнадцати центовъ, между тѣмъ суммы въ двадцать разъ болѣе этой безъ благоразумной экономіи проходятъ у насъ между рукъ. Какой чиновникъ, или работникъ, который тратитъ двадцать центовъ въ день на пару сигаръ, подумаетъ, что онъ выкуритъ въ продолженіе пяти лѣтъ двадцать фунтовъ долларовъ? Тяжело начинать безъ доллара въ карманѣ, но сотни людей, начавъ такимъ образомъ съ помощію маленькихъ сбереженій, сдѣлались капиталистами. Владѣльцы одного изъ главныхъ торговыхъ домовъ въ Нью-Іоркѣ пришли нѣсколько лѣтъ тому назадъ безъ цента въ карманѣ, но благодаря ихъ несокрушимому духу, постоянному труду, настойчивости и бережливости, ихъ первый долларъ послужилъ основаніемъ милліону.

Люди, пренебрегающіе небольшими сбереженіями, не могутъ образовать въ себѣ привычки къ экономіи, а не такъ важно сбереженіе, какъ образованіе этой привычки, потому что, однажды установившись, она будетъ быстро способствовать умноженію нашего капитала. Вслѣдствіе этого на начало вклада, хотя самаго ничтожнаго, нужно смотрѣть какъ на рѣшительную минуту въ нравственной судьбѣ; съ этой минуты человѣкъ перестаетъ быть рабски зависимымъ, неуважающимъ своего достоинства, и становится свободнымъ, независимымъ и увѣреннымъ въ себѣ. «Кѣмъ вы ни пожелаете быть—пишетъ Эдуардъ Бульверъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Управленіе деньгами»—всегда распредѣляйте ваши нужды такъ, чтобъ ваши средства превосходили ихъ. Каждый человѣкъ, получающій десять

шиллинговъ въ недѣлю, можетъ сдѣлать это, если онъ только захочетъ; если онъ можетъ жить на десять шиллинговъ, то онъ можетъ жить на девять и одиннадцать пенсовъ. Этимъ правиломъ обозначается разительное отличіе между бѣдностью и нуждою. Бѣдность относительна и вслѣдствіе этого не позорна. Нужда есть положительное униженіе. Если я имѣю только сто фунтовъ годоваго дохода, я богатъ сравнительно съ большинствомъ моихъ соотечественниковъ. Если я имѣю пять тысячъ, то я бѣденъ сравнительно съ большинствомъ моихъ товарищей. Съ каждымъ изъ этихъ доходовъ я могу быть относительно бѣденъ или богатъ; но съ каждымъ изъ этихъ доходовъ я буду находиться или положительно въ нуждѣ, или внѣ ея. Со ста фунтами я могу не нуждаться въ посторонней помощи и могу наконецъ имѣть свой кусокъ хлѣба и свободу. Но съ пятью тысячами годоваго дохода я могу бояться звона колокольчика въ мою квартиру, могу быть тираническимъ хозяиномъ, невыдающимъ жалованья своимъ слугамъ, и моя высылка изъ страны будетъ зависѣть отъ перваго человѣка, которому я долженъ, и который, потерявъ терпѣніе, привлечетъ меня къ суду. Всего этого я нисколько не преувеличиваю. Я знаю многихъ чрезвычайно нуждающихся людей, которые имѣютъ не менѣе пяти тысячъ дохода. Всякій человѣкъ нуждается, если онъ издерживаетъ болѣе, чѣмъ зарабатываетъ. Я могу такъ дурно распоряжаться деньгами, что съ пятью тысячами въ годъ буду испытывать всѣ ужасы бѣдности; напротивъ, я могу со ста фунтами такъ распорядиться, что буду жить въ положительномъ довольствѣ».

Одна изъ главныхъ причинъ, почему люди въ большинствѣ случаяхъ не стараются быть экономными, есть та, что съ экономіей они соединяютъ понятіе о скупости и смотрятъ на нее какъ на униженіе для человѣка съ умомъ и съ

возвышенными стремленіями. Конечно, иногда стремленіе къ сбереженіямъ заходитъ слишкомъ далеко. Такъ графъ Вестминстерскій, собственность котораго составлялъ паркъ въ десять миль длины, и котораго годовой доходъ простирался до четырехъ милліоновъ долларовъ, сходилъ съ лошади, потерявъ во время прогулки пуговицу отъ сюртука, и до тѣхъ поръ искалъ ее, пока не находилъ. Но экономія совершенно непохожа на скупость, такъ непохожа, что только экономный человѣкъ можетъ быть либеральнымъ, великодушнымъ и можетъ жить въ довольствѣ.

Веллингтонъ велъ точный счетъ своихъ расходовъ и Вашингтонъ самъ отъ времени до времени подводилъ итогъ своимъ хозяйственнымъ издержкамъ. Не только независимость отдѣльныхъ личностей, но часто цѣлаго государства зависитъ отъ упражненія въ этой добродѣтели. Какая другая причина великаго значенія Англіи, какъ не ея экономія. Развѣ не очевидно, что общественное благосостояніе находится въ тѣсной связи съ частнымъ благосостояніемъ, и что оно не можетъ увеличиваться, если частные расходы будутъ превышать доходы. Самъ Богъ преподаетъ намъ необходимые уроки экономіи: Онъ создалъ такъ природу, что ничто въ ней даромъ не пропадаетъ. Осенніе листья употребляются для удабриванія земли и способствуютъ будущему урожаю, мертвыя тѣла утучняютъ землю. Такимъ образомъ природа употребляетъ въ пользу малѣйшіе атомы, и мы должны брать примѣръ съ нея.

Всякій человѣкъ, вступающій въ свѣтъ, долженъ стараться избѣгать долговъ и вслѣдствіе этого долженъ придерживаться русской пословицы, говорящей: «по одёжкѣ протягивай ножки». Вся хитрость въ умѣніи слѣдовать этой пословицѣ заключается въ слѣдующихъ словахъ Диккенса: «Ежегодный доходъ въ двадцать фунтовъ и ежегод-

ная издержка девятнадцати фунтовъ и девятнадцати полушиллинговъ даютъ счастіе. Ежегодный доходъ въ двадцать фунтовъ и расходъ двадцати фунтовъ и полушиллинга ведутъ къ бѣдности». Диккенсъ говоритъ, что тысячи людей, жизнь которыхъ несчастна, обязаны своимъ несчастіемъ тому, что они жили выше своихъ средствъ. Рано обзаведшись семьей, молодой адвокатъ, купецъ или механикъ не довольствуются начать свою жизнь такъ, какъ начали ихъ отцы, т. е. увеличивать свои удобства жизни съ увеличеніемъ заработковъ. Они начинаютъ жить такъ, какъ долженъ жить человѣкъ послѣ долговременнаго труда и многихъ годовъ экономіи. Квартира, украшеніе и омеблированіе ея, роскошь стола, число прислуги, одежда ихъ самихъ, женъ и семейства, издержки на театръ, концерты и на кареты далеко превышаютъ ихъ средства къ жизни. Отъ этого происходитъ то, что въ скоромъ времени они впутываются въ долги, попадаютъ въ когти ростовщиковъ, принуждены бываютъ платить громадные проценты, предаются отчаянію, дурно отправляютъ свои занятія и черезъ нѣкоторое время дѣлаются банкротами — занавѣсъ падаетъ и ужасная игра въ «поддерживаніе наружнаго блеска» кончается.

Когда такого рода положеніе дѣлъ перестанетъ существовать? Я отвѣчу: никогда, если начинающіе жить не научатся чувствовать отвращеніе къ долгамъ; если желающіе хвастнуть наружнымъ блескомъ не узнаютъ, что безчестно тратить болѣе того, сколько пріобрѣтаешь, и что, какъ сказалъ сэръ Чальзъ Нэпирь нѣкоторымъ изъ своихъ офицеровъ, пить даровое шампанское, даровое пиво, ѣздить на даровыхъ лошадяхъ, значитъ быть обманщикомъ, а не порядочнымъ человѣкомъ. Одинъ изъ величайшихъ враговъ человѣческаго счастія есть долгъ. По словамъ Джонсона, онъ не только представляетъ помѣху для счастія, но онъ есть само

бѣдствіе. «Пусть будетъ вашею первою заботою,—говоритъ онъ — не быть ни у кого въ долгу. Рѣшитесь не быть бѣднымъ; все то, что́ вы можете сдѣлать во избѣжаніи бѣдности—это издерживать какъ можно меньше. Бѣдность величайшій врагъ человѣческаго счастія. Она разрушаетъ свободу и дѣлаетъ многія добродѣтели непримѣнимыми. Она унижаетъ человѣка въ его собственныхъ глазахъ, ставитъ его въ зависимость отъ купца и отъ прислуги, и отнимаетъ у него возможность называть себя своимъ собственнымъ хозяиномъ и смотрѣть смѣло въ лицо свѣта. Многіе разорившіеся люди опредѣляютъ день своего паденія тѣмъ числомъ, въ которое они въ первый разъ заняли деньги, потому что первый заемъ ведетъ за собой второй, второй —третій и т. д., и мало по малу человѣкъ окончательно запутывается въ долгахъ». Сэръ Ричардъ Стилль совершенно справедливо замѣчаетъ, что должникъ есть преступникъ предъ своимъ кредиторомъ и находится въ полной его власти, и что, слѣдовательно, впасть въ долги значить то же, что сдѣлаться невольникомъ. Намъ остается только сожалѣть, что мистеръ Стилль не слѣдовалъ на практикѣ своей теоріи и ради денегъ часто жертвовалъ своими нравственными убѣжденіями. Когда мистеръ Уистонъ упрекалъ его въ томъ, что онъ въ парламентѣ подалъ голосъ за предложеніе совершенно противорѣчившее его прежнимъ мнѣніямъ, то онъ отвѣчалъ: «Мистеръ Уистонъ, вы можете ходить пѣшкомъ, а я этого не могу». Карета имѣла такое важное значеніе для мистера Стилля, что ради нея онъ согласился отказаться отъ своихъ самыхъ любимыхъ политическихъ принциповъ и насиловалъ свою совѣсть.

Пусть каждый молодой человѣкъ, устыженный поведеніемъ этого писателя, несовмѣстнымъ съ его теоріей, остерегается скалы, о которую онъ разбился. Пусть онъ рѣшится разъ навсегда точно сознать свое финансовое по-

ложеніе, дѣлать только то, что́ не будетъ вредить его чести, и лучше покорится всевозможнымъ лишеніямъ, чѣмъ впадаетъ въ долги. Вотъ что говоритъ объ этомъ Дугласъ Джерольдъ: «Мой сынъ, если ты бѣденъ и видишь бьющія фонтанами вина, то не прикасайся къ нимъ; лучше запивай водой черствую корку хлѣба, носи поношенное платье, живи на чердакѣ, но избѣгай долговъ, и сердце твое будетъ наслаждаться миромъ».

## ГЛАВА XIX.

### Торговыя неудачи.

Для достиженія успѣха слѣдуетъ быть смѣлымъ и въ то же время—осторожнымъ.
*Наполеонъ.*

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ сыновъ молодой Америки тотъ, что они предоставляютъ ручной механическій и земледѣльческій трудъ иностранцамъ. Сыновья нашихъ фермеровъ, башмачниковъ, кузнецовъ и каменьщиковъ бросаютъ молотъ, шило, косу и пускаются въ торговыя предпріятія. Но легкость, съ какою, повидимому, мы можемъ торговлею нажить капиталы, совершенно обманчива. Статистика, напротивъ, подтверждаетъ, что изъ ста купцовъ, начавшихъ свою дѣятельность, девяносто пять терпятъ крушеніе или рано или поздно съ отвращеніемъ оставляютъ это занятіе. Генералъ Дерборнъ изъ Бостона, знакомый со множествомъ торговыхъ людей, вывелъ заключеніе, что изъ нихъ только трое на сто достигаютъ успѣха. Одинъ директоръ Соединеннаго банка доноситъ, что въ продолженіе сорока лѣтъ только шесть человѣкъ, занимавшихся торговлею, выплыли на поверхность жизненнаго океана, остальные или погибли, или потеряли свою собственность. Самое

печальное заключеніе для торговыхъ авантюристовъ дѣлаютъ Бригсъ и Калоунъ, говоря, что послѣ продолжительнаго изслѣдованія они пришли къ тому выводу, что изъ ста купцовъ девяносто девять терпятъ неудачу.

Эти факты для людей, никогда не разсматривавшихъ этого вопроса, кажутся невѣроятными, но доказательство налицо. Войдите въ городъ, съ которымъ вы были знакомы десять лѣтъ тому назадъ, и вы удивитесь, что именъ извѣстныхъ вамъ магазиновъ, кладовыхъ и амбаровъ совершенно не существуетъ. На самомъ дѣлѣ, въ торговыхъ занятіяхъ столь немногіе выигрываютъ призы и такъ многочисленны пустые билеты, что нѣкоторые люди сравниваютъ торговлю съ лотереею и говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ опытность, энергія и предпріимчивость ничто, если человѣкъ родился подъ несчастною звѣздою. Какъ мы уже замѣтили въ главѣ «Счастье и несчастье», иногда очень умнымъ людямъ, при неутомимомъ трудѣ и величайшей экономіи, не удается пріобрѣсти богатства, тогда какъ другіе, повидимому съ менѣе благопріятными для торговли качествами, постоянно замѣшиваются въ выгодныя спекуляціи, и все, до чего они дотронутся, превращается у нихъ въ золото.

Громадной пожаръ, сдѣлавшій нищими сотни купцовъ, механиковъ, фабрикантовъ и оставившій безъ крова сотни тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, удвоилъ и утроилъ состояніе людей, имущество которыхъ никогда не было застраховано, а между тѣмъ не сгорѣло. Но если мы и согласимся съ существованіемъ счастья, то всетаки будетъ безразсудно съ нашей стороны приписывать ему всѣ наши неудачи.

Теперь мы постараемся объяснить главныя причины банкротства.

Во-первыхъ—*недостатокъ торговаго таланта.* Человѣкъ

не можетъ достигнуть успѣха въ жизни, не руководствуясь въ выборѣ занятія своимъ призваніемъ. Хотя есть люди, которые способны взяться за всякое дѣло и исполненіемъ его достигнуть успѣха, но число такихъ людей весьма незначительно; въ большинствѣ же случаевъ человѣкъ имѣетъ наклонность къ какой-нибудь спеціальности, которой онъ и долженъ придерживаться. Для однихъ пріобрѣтеніе денегъ торговлею вещь очень легкая, для другихъ, напротивъ, она такъ же трудна, какъ для людей, неимѣющихъ математическаго таланта, вычислить затмѣніе солнца, или для людей, неимѣющихъ таланта къ живописи, написать картину «Сошествіе со Креста». Послѣ этого неудивительно, что эти послѣдніе дѣлаютъ ошибку за ошибкою, вслѣдствіе невѣжества или недостатка сообразительности, и терпятъ неминуемо крушеніе, лишь только надъ страною пронесется финансовый ураганъ. Но мы не будемъ останавливаться на этомъ, потому что этому предмету у насъ была посвящена предъидущая глава: «Выборъ занятія».

Вторая причина банкротства—*чрезмѣрная поспѣшность сдѣлаться богатымъ*. Исключеніе составляютъ люди, довольствующіеся медленною прибылью, способные прикладывать пенни къ пенни, долларъ къ доллару; но большинство людей презираетъ постепенное, скучное движеніе по ступенямъ богатства, напротивъ того они сломя голову пускаются за пріобрѣтеніемъ его. Оттого-то почтенный трудъ находится въ пренебреженіи; человѣкъ со способностями считаетъ для себя тяжелый трудъ недостойнымъ и бросается въ лотерею спекуляцій.

Ничто не имѣетъ такихъ роковыхъ послѣдствій для успѣха, какъ мучительное стремленіе къ достиженію богатства. Чрезмѣрное тщеславіе быть богатымъ ослабляетъ разсудокъ своей жертвы, отвращаетъ её отъ медленной,

но вѣрной прибыли и уничтожаетъ въ ней всякую способность къ спокойному и логичному разсужденію. Величайшая ошибка многихъ изъ тѣхъ, которые пускаются въ погоню за богатствомъ, состоитъ въ томъ, что они не хотятъ ползать прежде чѣмъ ходить, ходить прежде чѣмъ бѣгать и бѣгать прежде чѣмъ летать. Человѣкъ, имѣющій наличный капиталъ въ пять тысячъ, ведетъ торговлю на двадцать тысячъ, имѣющій двадцать — на сто и на сто пятьдесятъ тысячъ, а владѣлецъ ста тысячъ пускается въ такіе торговые обороты, которыми можетъ управлять только человѣкъ, имѣющій не менѣе полумилліона.

Третья причина банкротства—*страсть къ спекуляціямъ*, т. е. стремленіе многихъ людей безъ труда съ своей стороны пользоваться плодами чужихъ рукъ. Отсюда слѣдуетъ измышленіе различныхъ плановъ для быстраго пріобрѣтенія богатства и стремленіе къ эксплуатаціи чужихъ кармановъ. Всякому извѣстны перемѣны, которымъ подвергаются такіе люди: сегодня они милліонеры, завтра нищіе, и ихъ судьба хорошо выражается слѣдующими словами:

Lundi j'achetais des actions;
Mardi j'avais des millions;
Mercredi j'établis mon ménage;
Jeudi je fis mon équipage;
Le Wendredi je fus au bal;
Et Samedi à l'hôpital.

И такова карьера тысячи людей. Начиная занятіе въ понедѣльникъ, они во вторникъ пріобрѣтаютъ богатство, живутъ роскошно въ продолженіе недѣли, а въ субботу вечеромъ умираютъ съ голода. «Самый черный день—говоритъ Горацій Грилей—въ жизни человѣка тотъ, въ который онъ впервые задался мыслью, что есть болѣе легкая дорога, чѣмъ усидчивый трудъ, для пріобрѣтенія доллара. Въ этотъ день потерянъ для него клубокъ нитокъ въ ужас-

номъ лабиринтѣ, и съ этихъ поръ онъ долженъ идти туда, куда случай направитъ его шаги».

Даже изъ тѣхъ купцовъ, которые твердо рѣшились избѣгать спекулятивной игры, немногіе остаются вѣрными своей рѣшимости до конца. Большинство изъ нихъ, наживъ небольшую сумму долголѣтнимъ трудомъ и экономіей, прельщается счастіемъ сосѣда и пускаетъ свой капиталъ въ какую-нибудь спекуляцію, которая и поглощаетъ ихъ многолѣтніе труды.

Четвертая причина банкротства—частыя *перемѣны родовъ торговли*. Всякій родъ торговли имѣетъ свои особенности, свои зацѣпки, свои обороты, знаніе которыхъ можетъ быть пріобрѣтено продолжительнымъ изученіемъ предмета и опытностію. Но какъ ни очевидна эта истина, однако сотни людей безпрестанно мѣняютъ одну вѣтвь торговли на другую, прельщаясь различными разсказами о пріобрѣтеніи богатства этимъ путемъ и считая этотъ путь менѣе тернистымъ. Ничто не наноситъ такого ущерба успѣхамъ въ торговомъ дѣлѣ, какъ нетерпѣніе видѣть непосредственные результаты. Вѣрнѣйшій успѣхъ во всякомъ родѣ занятія напоминаетъ собою ростъ американскаго алое, которое въ продолженіе многихъ лѣтъ растетъ медленно и почти незамѣтно, но когда наступитъ ему время цвѣсти, то оно вдругъ выкидываетъ изъ себя стволъ въ десять и даже въ пятнадцать футовъ длины, увѣнчанный множествомъ цвѣтовъ. Мѣнять одно занятіе на другое оттого, что первое не приноситъ вамъ быстрыхъ и громадныхъ результатовъ, тогда какъ второе, повидимому, сулитъ вамъ ихъ—это величайшая ошибка. «Это значитъ—говоритъ одинъ писатель—идти назадъ и начать свое путешествіе съ другаго пункта. Различныя занятія и различные роды торговли вовсе не такъ параллельны между собой, чтобы вы могли переходить

не теряя ни одного шага съ одной вѣтви на другую, но они скорѣе радіусы, ведущіе къ одному центру. Чтобъ перейти съ одного радіуса на другой, вы должны идти назадъ къ первоначальной станціи и оттуда, перейдя на другой радіусъ, начать снова свое путешествіе. Такимъ же точно образомъ вы должны снова начинать свою карьеру».

Вотъ что́ объ этомъ же предметѣ говоритъ извѣстный американскій журналистъ: «Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, фермеръ, говоритъ, что въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ онъ не могъ сказать вамъ, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь; но онъ учился и по прошествіи десяти лѣтъ имѣлъ уже пять тысячъ годоваго дохода. Другой мой знакомый занимался производствомъ веревокъ, но онъ былъ непостояненъ, и хотя его друзья совѣтовали ему «привязаться къ веревкамъ», онъ, не надѣясь на нихъ пріобрѣсти большаго богатства, ударился въ другія предпріятія и повсюду терпѣлъ страшныя неудачи. Нѣсколько фермеровъ пришли къ тому заключенію, что коровы изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ приносятъ болѣе выгоды; они покупаютъ ихъ, строютъ хлѣвы и начинаютъ хорошо, но потомъ, вслѣдствіе ихъ незнакомства съ этимъ дѣломъ, оно идетъ у нихъ очень плохо; они продаютъ коровъ и заводятъ овецъ; но цѣна на шерсть къ ихъ несчастію въ томъ году понижается, и они слышатъ, что табачныя плантаціи приносятъ большую выгоду. Такимъ образомъ они переходятъ отъ одного предпріятія къ другому и повсюду терпятъ неудачи. Старайтесь по возможности придерживаться своего занятія».

Пятый неизсякаемый источникъ банкротствъ—*чрезмѣрная расточительность*. Одинъ ревизоръ банкротства говоритъ, что свѣряя книги и документы шестидесяти шести банкротовъ, онъ нашелъ, что *сорокъ девять* изъ нихъ обанкротились вслѣдствіе образа жизни, несоразмѣрнаго съ

ихъ средствами. Другой ревизоръ находитъ, что изъ пятидесяти двухъ неудачъ тридцать двѣ произошли отъ этой же причины, остальныя отъ различныхъ спекуляцій и весьма немногія отъ несчастья въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Количество людей, разорившихся вслѣдствіе расточительности, чрезвычайно велико какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, но въ послѣдней оно гораздо больше. Безумная любовь къ роскоши въ особенности развита между женщинами. Онѣ любятъ жить въ мраморныхъ дворцахъ, являться въ общество увѣшанными брилліантами, и нигдѣ соперничество такъ не развито, какъ въ этихъ кружкахъ, гдѣ каждая изъ дамъ старается перещеголять роскошью своего костюма всѣхъ другихъ. Высшіе классы—пропагандисты этой нелѣпой любви къ роскоши, низшіе рабски и каррикатурно подражаютъ имъ, и роскошь распространена во всѣхъ слояхъ общества, начиная отъ милліонера и кончая мелочнымъ торговцемъ. Весьма немногіе люди понимаютъ, какую огромную сумму могли бы они скопить въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, еслибы они держались вдали отъ безумныхъ издержекъ роскоши. Говорятъ что купецъ, проживавшій прежде пятьсотъ долларовъ въ годъ, проживаетъ теперь четыре тысячи. Разность чиселъ съ процентами будетъ равняться по прошествіи пятидесяти лѣтъ—милліону долларовъ.

Другая еще весьма важная причина банкротства — *система кредита*, часто переходящая всѣ разумныя границы. Зло, происходящее отъ нея, иногда доходило до такой степени, что многіе писатели совѣтовали не шутя возобновить законы относительно взысканія долговъ. Но хотя банки и кредиторы иногда служатъ какъ бы подстрекателями спекуляцій, подрываютъ правильный ходъ торговли и способствуютъ разоренію многихъ купцовъ, но всетаки смѣшно говорить объ уничтоженіи этой системы; такого

рода радикальное лекарство было бы тѣмъ же самымъ, какъ еслибы мы, желая вылечить больной зубъ, отрѣзали у больнаго голову. Нѣтъ сомнѣнія, что этой системѣ многія страны обязаны быстрымъ и чудеснымъ развитіемъ своей производительности, и потому намъ нужно только желать, чтобъ въ эту систему были внесены извѣстныя ограниченія и чтобы сроки кредита были укорочены. Впрочемъ въ такихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, судно отправляется въ Китай за чаемъ, долгій срокъ кредита вовсе не неразумѣнъ, потому что пройдетъ цѣлый годъ прежде, чѣмъ судно возвратится изъ Китая; но если купецъ купитъ въ долгъ въ какомънибудь городѣ товары, которые могутъ быть доставлены на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ чрезъ нѣсколько дней на мѣсто назначенія, то кредитъ на продолжительный срокъ есть уже злоупотребленіе и наноситъ вредъ какъ кредитору, такъ и должнику. Такого рода злоупотребленія приводятъ насъ къ тому заключенію, что только кратковременный кредитъ бываетъ полезенъ. Но чтобъ усовершенствовать кредитную систему, надо начать съ потребителей, и нельзя свалить всю вину кредитной системы на торговцевъ. Фермеры, механики, поденщики, адвокаты, доктора и священники, впадающіе въ долги, вмѣсто того, чтобъ платить наличными деньгами за предметы первой необходимости и роскоши, также отвѣтственны въ ея существованіи. Купецъ не можетъ сократить срокъ кредита, если онъ самъ по полугоду не получаетъ уплаты за свои товары.

Еще весьма частая причина неудачъ—*необдуманное вступленіе въ товарищество съ людьми, которыхъ мы весьма мало знаемъ, и недостатокъ щедрости въ торговомъ дѣлѣ.* Какъ часто мы видимъ людей, совершенно разорившихся вслѣдствіе неудачнаго выбора компаньоновъ. Относительно второй причины скажу, что скупость вездѣ достойна пре-

зрѣнія, но въ торговомъ дѣлѣ въ особенности. Никто изъ людей не впадаетъ въ бо́льшую ошибку, какъ тѣ, которые руководятся принципомъ скупости и никогда не рискнутъ долларомъ, не бывъ увѣренными, что они могутъ съ барышемъ возвратить его. Иногда, дѣйствительно, такіе люди пользуются успѣхомъ, но въ девяти случаяхъ изъ десяти этотъ успѣхъ зависитъ совершенно отъ постороннихъ причинъ. Такого рода политика походитъ на политику фермера, который изъ скупости сѣетъ три мѣры пшеницы тамъ, гдѣ слѣдовало бы посѣять пять, и зато сжинаетъ десять четвериковъ вмѣсто пятнадцати. Одинъ англійскій лавочникъ поставилъ себѣ за правило платить носильщику тяжестей на другой день, «потому что въ то время, когда носильщикъ—говоритъ онъ—чувствуетъ тяжесть ноши на спинѣ, онъ запрашиваетъ много; на слѣдующій же день онъ забываетъ свой трудъ и соглашается на половинную цѣну». Такого рода правило имѣетъ видъ хитрости, но нѣтъ другой болѣе убійственной политики. Себялюбіе есть всегда самопораженіе, и если человѣкъ съ этимъ порокомъ достигаетъ успѣха, то вовсе не вслѣдствіе постыднаго скряжничества, а съ помощью упорнаго труда, настойчивости и другихъ качествъ. Англійская пословица справедливо говоритъ: «душа въ пенни не можетъ пріобрѣсти двухъ пенни», и когда мы видимъ, какъ чрезмѣрная скупость отвращаетъ общество, дѣлаетъ много враговъ, которыхъ намъ было бы весьма выгодно имѣть на своей сторонѣ, и какъ она способствуетъ ограниченію духа предпріимчивости—когда мы видимъ все это, то слова старинной пословицы не кажутся намъ преувеличенными.

Иногда говорятъ, что для успѣха въ свѣтѣ необходимо никому не довѣряться. «До тѣхъ поръ, пока вы окончательно не узнаете, что человѣкъ честенъ, считайте его мошен-

никомъ». На это циническое и жестокосердное мнѣніе одинъ изъ писателей совершенно справедливо замѣчаетъ: «еслибы таковы были условія для успѣха, то недостойно было бы достигнуть его, и лучше имѣть постоянныя неудачи. Но это вовсе не условіе для успѣха. Отличить честнаго человѣка отъ мошенника и дѣйствовать согласно этому безспорно великое дѣло; но если мы должны относиться ко всему роду человѣческому въ нашемъ жизненномъ странствованіи какъ къ мошенникамъ или какъ къ честнымъ, то я подаю мой голосъ за послѣднее отношеніе. Дѣйствительно, мы можемъ быть жестоко обманутыми, обмороченными, и эта трата нашей силы и матеріаловъ для успѣха можетъ нанести намъ серьозный вредъ; но всякое доброе дѣло не можетъ быть совершенно изглаженнымъ. Пустите хлѣбъ въ море, и онъ можетъ возвратиться къ вамъ по прошествіи нѣсколькихъ дней. Наконецъ одно, въ чемъ я увѣренъ, это то, что Провидѣніе помогаетъ тѣмъ, кто помогаетъ себѣ, и также оно помогаетъ тѣмъ, кто помогаетъ другимъ. Мы не можемъ быть одни въ свѣтѣ; не смотря на всю нашу силу и самоувѣренность, во всякое время и повсюду мы нуждаемся въ посторонней помощи. И какъ же мы, не довѣряя другимъ, можемъ надѣяться, чтобъ довѣряли намъ».

Исторія торговли показываетъ, къ какимъ блестящимъ результатамъ приводитъ щедрость, великодушіе и благородство души. Говорятъ про Лафита, знаменитаго парижскаго банкира, что онъ вслѣдствіе своего добродушія часто бывалъ обманутъ, но тѣмъ не менѣе изъ незначительнаго секретаря онъ сдѣлался величайшимъ банкиромъ своего времени. Онъ этимъ напоминаетъ замѣчаніе Дженкинсона, въ «Векфильдскомъ священникѣ», объ его простомъ и добродушномъ сосѣдѣ Флэмборо, который тѣмъ или другимъ пу-

темъ бывалъ всегда обманутъ однажды въ годъ; «и теперь —говоритъ онъ — Флэмборо достигъ богатства, а я въ бѣдности и въ тюрьмѣ».

Еще новая и одна изъ важнѣйшихъ причинъ неудачъ есть *недостатокъ предпріимчивости*. Мы живемъ въ вѣкъ прогресса, который коснулся всѣхъ предметовъ, и однимъ изъ его плодовъ является новое торговое воспитаніе. Старая школа купцовъ пала безвозвратно. И дѣйствительно, надо правду сказать, что въ прежнее время они возлагали болѣе надежды на хитрость, ловкость и смѣтливость, чѣмъ на знаніе законовъ торговли. Долгое время обстоятельства чрезмѣрно преувеличивали незначительныя качества ума; комическій совѣтъ, данный Блэквудомъ одному торговцу, представляетъ съ весьма смѣшной стороны этотъ фактъ. «Преслѣдовать богатство—говоритъ онъ—все равно, что преслѣдовать стаю дикихъ гусей; вы можете долго гнаться за ними, но лишь только вы подымете голову, они будутъ уже далеко отъ васъ. Если у васъ нѣтъ природнаго таланта усидчивости, то вы должны пріобрѣсти его искуственнымъ способомъ: положите два фунта клея на стулъ, на которомъ вы занимаясь обыкновенно сидите, и сядьте на него; прицѣпите цѣпь къ ногѣ и привяжите себя къ прилавку, подобно парѣ лавочныхъ ножницъ; пригвоздите себя къ стѣнѣ, подобно ласточкѣ, сидящей на дверяхъ житницы. Только обладая этимъ талантомъ или прилагая всѣ старанія къ пріобрѣтенію его можно достигнуть успѣха».

Этимъ правиломъ руководились купцы прошлыхъ вѣковъ и даже первой половины этого столѣтія. Но въ настоящее время все это перемѣнилось. Медленный, неграмотный, малодушный купецъ отжилъ свой вѣкъ. Люди желающіе достигнуть успѣха въ этой половинѣ девятнадцатаго столѣтія должны отстать отъ рутинныхъ понятій старины

и идти бокъ о бокъ со временемъ. Новая эпоха произвела во всемъ метаморфозы и революцію. Со всѣхъ окружающихъ васъ сторонъ новое вытѣсняетъ старое и «улучшеніе» есть лозунгъ настоящихъ дней. Различныя машины, облегчающія ручной трудъ, сдѣланы изъ стариннаго желѣза съ помощію новыхъ изобрѣтеній; новѣйшіе корабли презрительно насмѣхаются надъ старинными суенами; рядомъ съ первыми стоитъ вновь изобрѣтенный пароходъ; шумъ локомотива какъ бы напоминаетъ намъ насмѣшку старымъ временамъ; проволоки электрическаго каната, проходящія отъ одного континента къ другому, чрезъ страны чудовищъ, куда не достигалъ никогда ни свѣтъ, ни звукъ, служатъ съ быстротою молніи обмѣну человѣческихъ мыслей. Естественно, что эти изобрѣтенія должны были оказать весьма серьозное вліяніе на торговлю, и изъ ограниченнаго дѣла она сдѣлалась дѣломъ сложнымъ и обширнымъ и стала требовать величайшаго ума, глубокаго изученія фактовъ, обстоятельствъ и плановъ.

Возрастаніе общества, дѣйствующаго на поприщѣ торговли, требуетъ отъ купцовъ обширнаго и строгаго образованія. Ни одинъ судья, ни одинъ присяжный гражданскаго или уголовнаго дѣла не долженъ такъ тщательно разбирать свидѣтельства, свѣрять доказательства, какъ значительной торговецъ долженъ уравновѣшивать возможности и рѣшатъ что̀ и когда лучше купить и продать. Время, когда одной смѣтливости и ловкости было совершенно достаточно для первостатейнаго купца, прошло; теперь ему потребно знаніе географіи, политической экономіи, нравовъ и обычаевъ жителей иностранныхъ странъ. Настоящее время требуетъ, чтобъ купецъ обладалъ щедрою и энергическою душою, и идти по старинной дорогѣ въ дѣлѣ торговли все равно, что ѣхать на быкахъ по тому мѣсту, гдѣ проходитъ же-

лѣзная дорога, или посылать какое-нибудь извѣстіе съ нарочнымъ, вмѣсто того, чтобъ передать его по телеграфу. Послѣ этого не удивительно, что люди, принимающіеся за торговлю безъ таланта, воспитанія и знанія, терпятъ неудачу.

Новая весьма важная причина неудачъ—*воровство*, развитое въ средѣ служащихъ людей—у своихъ хозяевъ, которое, если не будетъ остановлено, пожретъ, подобно раку, всѣ жизненныя силы торговаго общества. Главнѣйшія причины этого воровства заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, купецъ обыкновенно назначаетъ служащимъ въ его конторѣ такое жалованье, котораго бываетъ достаточно только для того, чтобъ отогнать голодъ отъ ихъ дверей; во-вторыхъ, онъ выбираетъ себѣ людей судя по наружному ихъ виду и не обращая почти никакого вниманія на ихъ внутреннія качества или недостатки. Неудивительно послѣ этого, что онъ бываетъ обманутъ. Такимъ образомъ прибавка жалованья и осмысленный выборъ людей могутъ если не совершенно искоренить, то значительно уменьшить это зло.

Наконецъ, причинами банкротства могутъ быть личные недостатки, какъ-то: невоздержанность, недостатокъ точности, расточительность, недостатокъ вниманія къ подробностямъ и много другихъ, на которыхъ я не хочу долго останавливаться. Но самая главная причина торговыхъ неудачъ или причина всѣхъ причинъ—обожаніе Маммоны, посвященіе себя могущественному доллару, пожирающее желаніе быть Наполеономъ биржи, нетерпѣливое стремленіе пріобрѣсти богатство не скучнымъ процессомъ труда и экономіи, но однимъ гигантскимъ прыжкомъ, подчиненіе здоровья, счастія, высочайшихъ интересовъ тѣла и души — деньгамъ, *деньгамъ*, **деньгамъ**, и превращеніе ихъ не въ средство, а въ

цѣль существованія, страшное, почти бѣшеное желаніе сдѣлать брешь въ крѣпости Маммоны, защищенной большимъ соперничествомъ, валомъ банкротства, западнями спекуляцій и нитями долговъ, осажденной фашинами капитала, огромною артиллеріею оптовой торговли и небольшими выстрѣлами мелочной торговли. Конецъ и цѣль каждаго капитана и рядоваго — первому подняться на брешь и водрузить на стѣнахъ побѣдоносное знамя. Прочь всѣ добродѣтели, осторожность и честь! Пусть летитъ честь, подгоняемая вѣтромъ. Не простирайте руку помощи къ рядомъ съ вами лежащему на землѣ товарищу. Думайте сперва о вашемъ спасеніи и даже менѣе объ этомъ, чѣмъ о славномъ концѣ, который вы имѣете въ виду. Торопитесь со всей вашей энергіей быть первымъ, не смотря на градъ пуль, летающихъ около васъ; не останавливайтесь перевязать ваши раны, и когда вы возьмете крѣпость Маммоны, то водрузите знамя на высочайшей ея вершинѣ, оглянитесь кругомъ съ торжествующей улыбкой и скажите: *«я богатый человѣкъ»*. Вотъ какими правилами руководится большинство торговыхъ людей, и эти правила гибельны для нихъ.

## ГЛАВА XX.

### Чрезмѣрный трудъ.

> Steads not, to work on the clean jump,
> Nor wine nor brains perpetual pump.
> *Emerson.*

Одинъ извѣстный англійскій журналъ содержитъ въ себѣ статью о ломовой работѣ, въ которой опровергается безразсудное замѣчаніе, встрѣчающееся у многихъ изъ новѣйшихъ писателей и моралистовъ о томъ, что усиленный трудъ есть существенное добро для человѣка и цѣль его жизни. Излишнее обожаніе труда также чрезвычайно вредная крайность. И дѣйствительно, теперь повсюду люди убиваютъ себя чрезмѣрною работою, обширнымъ и утомительнымъ трудомъ рукъ и мозга. Дѣятельность этого вѣка какая-то лихорадочная дѣятельность. По всѣмъ отраслямъ труда идетъ страшная борьба; умственное насилованіе и порча громадны. Жизнь во всѣхъ занятіяхъ напоминаетъ въ буквальномъ смыслѣ битву, гдѣ сотни людей погибаютъ подъ огнемъ.

Желаніе сдѣлаться богатымъ или великимъ заставляетъ людей работать вдвойнѣ; они крадутъ время отъ сна

и отдыха, и вслѣдствіе этого сходятъ или въ раннюю могилу, или становятся неспособными къ дальнѣйшему труду.

Изъ ученія Моисея и древнихъ космогонистовъ видно, что трудъ былъ въ началѣ проклятіемъ, слѣдствіемъ грѣха. Но проклятіе это, какъ всѣ человѣческія печали, можетъ превратиться въ благословеніе, и трудъ долженъ существовать, потому что противоположное ему качество—лѣность, гораздо хуже его; но онъ долженъ быть ограниченъ, такъ какъ вслѣдствіе жадности, нетерпѣнія и другихъ человѣческихъ страстей, онъ превращается въ ломовую работу, и тогда его уже нельзя называть благословеніемъ. Ничто въ ломовой работѣ не направлено для произведенія счастія и красоты характера; напротивъ, я стремленіе вычеркнуть все прекрасное и достойное любви въ самыхъ образованныхъ созданіяхъ. Мы должны согласиться съ Аристотелемъ, что концомъ или результатомъ труда долженъ быть *отдыхъ*. Когда, наконецъ, богословское мнѣніе, что мы живемъ на землѣ для кары и униженія, будетъ нами оставлено въ пренебреженіи; когда мы перестанемъ посвящать себя исключительно деньгамъ и представлять свѣтъ громадною мастерскою, въ которой мы должны безпрерывно работать и мучиться, пока смерть не остановитъ человѣческую машину! Наконецъ, намъ слѣдуетъ понять, что мы можемъ достигнуть успѣха въ свѣтѣ не чрезмѣрнымъ, торопливымъ трудомъ, но медленнымъ и постепеннымъ; мы должны спѣшить, но «спѣшить медленно». Грубая пасквиль на Провидѣніе предполагать, будто оно опредѣлило намъ жить трудовою, механическою жизнью или быть мельничными лошадьми, везущими постоянно кругомъ жернова и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлающимися слѣпыми, глупыми и несчастнѣйшими изъ четвероногихъ животныхъ. Заслуга человѣка состоитъ не въ чрезмѣрномъ, безчестномъ

и безполезномъ трудѣ, но въ разсудительномъ и въ уклоненіи отъ такой работы, которая не можетъ быть выполнена имъ добросовѣстно. Артуръ Гельпсъ справедливо замѣчаетъ, что «человѣкъ прежде всего долженъ быть *человѣкомъ*, а не машиною». Американцы болѣе всѣхъ народовъ страдаютъ любовью къ чрезмѣрному труду. Купецъ, адвокатъ и всякій другой дѣловой человѣкъ думаетъ днемъ и видитъ во снѣ ночью только суровыя явленія дѣйствительной жизни. Въ торопяхъ онъ проглатываетъ кусокъ говядины или залпомъ выпиваетъ чашку кофе за обѣдомъ или за завтракомъ, вскакиваетъ быстро со стула, не сказавъ никому любезнаго слова спѣшитъ волочиться за Маммоной и вступаетъ въ борьбу изъ-за денегъ. Онъ проводитъ часъ за часомъ, разсчитывая, какъ бы превратить свою сотню долларовъ въ тысячу; обѣдъ, ужинъ остаются у него на столѣ нетронутыми; не смотря на изнуренный умъ и тѣло, на глаза, смыкающіеся отъ сна, ночь застаетъ его еще занятымъ; наконецъ далеко за полночь измученный работникъ идетъ въ постель, помышляя о заботахъ этого дня и видя во снѣ мученія завтрашняго. Такой ходъ вещей продолжается изо дня въ день, наконецъ здоровье бѣднаго раба Маммоны подрывается; приглашается докторъ, который посылаетъ его куда-нибудь на воды, но онъ, вслѣдствіе различныхъ дѣлъ, не рѣшается предпринять путешествіе. Болѣзнь быстро усиливается, и ему немного приходится наслаждаться плодами своихъ трудовъ, такъ какъ онъ сходитъ въ преждевременную могилу.

Развѣ Богъ предназначилъ намъ такъ истрачивать нашу жизнь? Развѣ какая-нибудь неудача можетъ быть больше той, при которой средства къ счастію поглощаютъ результаты жизни. Мы можемъ обманывать самихъ себя, но не можемъ обманывать природу и насиловать ея законы. Бѣд-

ный изувѣръ Маммоны, думающій перехитрить природу, убѣждается наконецъ, что она отличнѣйшій счетчикъ, который, подводя итогъ его долговъ относительно себя, дѣлаетъ человѣка банкротомъ въ физическомъ отношеніи.

Видя людей сильныхъ, сломленныхъ на половинѣ жизни, мы готовы даже предполагать, что лучшею гарантіею для долгой жизни служитъ слабое сложеніе. Люди желѣзнаго тѣлосложенія и съ нервами изъ веревокъ, съ мускулами сдѣланными изъ дубовой сердцевины, съ гигантской энергіей и съ геркулесовскою силою и терпѣніемъ надѣются всегда на неистощимость своего физическаго капитала и вслѣдствіе этого становятся ранними банкротами.

Это сумасшествіе, это *самоубійство!* Названіе самоубійство здѣсь совершенно умѣстно, потому что человѣкъ какъ бы подрѣзываетъ свои вены и высасываетъ каплю за каплею кровь, что̀ еще не такъ удивительно въ дѣлѣ купца, какъ въ дѣлѣ ученаго человѣка, который дѣлаетъ пріобрѣтеніе знанія главной цѣлью жизни. Послѣднему знакомы или должны быть совершенно знакомы законы физіологіи, но факты показываютъ, что или начальныя правила ему неизвѣстны, или въ немъ нѣтъ силы воли, чтобъ заставить себя подчиниться имъ. Сколько ученыхъ людей преждевременно сходятъ въ могилу, вслѣдствіе своихъ постоянныхъ умственныхъ занятій.

Когда Лейдена, шотландскаго поклонника чрезмѣрнаго труда, доктора предупреждали о могущихъ быть послѣдствіяхъ для его здоровья, если онъ будетъ заниматься десять часовъ въ день, то онъ холодно отвѣчалъ: «Долженъ-ли я жить или умереть, но во всякомъ случаѣ *колесо должно вертѣться до конца*». Неудивительно, что онъ сошелъ въ могилу тридцати шести лѣтъ жертвою самоубійства. Александръ Николи, профессоръ еврейскаго языка, и Але-

ксандръ Мюррей преждевременно сошли въ могилу отъ той же причины. Сэръ Гемфри Дэви, на высотѣ своей славы, убилъ себя излишнимъ рвеніемъ, съ которымъ онъ занимался изслѣдованіями объ алколичéскихъ металлахъ, работая до трехъ и четырехъ часовъ ночи и вставая прежде прислуги въ лабораторіи. Излишнія занятія укоротили дни Вальтера Скотта и знаменитаго Вебера, котораго слѣдующія слова извѣстны всѣмъ уважающимъ его музыку: «Былъ бы я портнымъ, то по крайней мѣрѣ въ воскресенье у меня былъ бы праздникъ».

Разсказываютъ про сэра Филиппа Сиднея, что во Франкфуртѣ знаменитый типографщикъ Ланге совѣтовалъ ему не пренебрегать своимъ здоровьемъ во время занятій, чтобы не походить на путешественника, который въ продолженіе долгаго путешествія заботится о себѣ, а не о своей лошади. Когда дѣловые и ученые люди будутъ слѣдовать этому благоразумному совѣту! Что можетъ быть безразсуднѣе поведенія путешественника, который долженъ проѣхать пятьсотъ миль, что́ онъ и могъ бы легко сдѣлать, проѣзжая пятьдесятъ верстъ въ день, но который пускаетъ лошадь въ первый же день съ быстротою ста миль въ сутки, рискуя загнать ее на полдорогѣ. Иной бѣдный рабъ ломоваго труда предполагаетъ, что онъ *долженъ* пересиливать природу, чтобъ занять извѣстное положеніе въ обществѣ или на биржѣ. Но это ничто иное, какъ злополучное тщеславіе, вслѣдствіе котораго изнашивается и истощается преждевременно душа и тѣло человѣка.

Иные же дѣловые люди соглашаются, что ихъ чрезмѣрная и безпрерывная работа безъ отдыха есть родъ рабства; но они объясняютъ, что терпятъ его вслѣдствіе надежды приготовить въ будущемъ свободу и достатокъ, который и дастъ имъ возможность избавиться впослѣдствіи

отъ ломовой работы. Тяжелый трудъ, мучительныя заботы, утомительную умственную работу, угрюмое однообразіе настоящаго времени — все это они терпѣливо переносятъ, думая о веселомъ будущемъ, представляя въ своемъ воображеніи безконечный періодъ отдыха, свободнаго времени и наслажденія жизнью.

Но въ большинствѣ случаевъ такія ожиданія не сбываются. Жизнь незамѣтно проскальзываетъ между рукъ такихъ людей въ то время, когда они только что приготовляются жить. Въ девятнадцати случаяхъ изъ двадцати достатокъ, которому приносится столько пожертвованій, никогда не осуществляется, и даже тѣ немногіе, которымъ удается пріобрѣсти себѣ послѣ упорнаго, продолжительнаго труда свободное время, не знаютъ куда его употребить и буквально умираютъ отъ скуки. Природу, какъ мы сказали, нельзя безнаказанно оскорблять. Она великодушный даритель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокій торговецъ; когда человѣкъ долгое время работаетъ вдвойнѣ и жжетъ свѣчу съ двухъ сторонъ, то онъ дѣлаетъ гораздо меньше пересиливая и обманывая природу, чѣмъ онъ сдѣлалъ бы подчиняясь ея законамъ. Умъ властелинъ тѣла, но онъ часто попираетъ ногами своего раба; рабъ не можетъ быть на столько великодушенъ, чтобъ простить обиду, и при первомъ удобномъ случаѣ старается вымѣстить ее на своемъ притѣснителѣ. По всей вѣроятности человѣкъ, мучащій себя трудомъ безъ отдыха и удовольствія въ лучшіе годы своей жизни въ надеждѣ празднично провести ея вечеръ, никогда не будетъ наслаждаться отдыхомъ, иначе какъ въ преждевременной могилѣ. А если онъ рано не умретъ, то станетъ испытывать *скуку*, печаль души, сомнѣніе: «стоитъ-ли игра свѣчей», усталость, нетерпѣніе — короче сказать, всѣ болѣзни, частію умственныя, частію физическія,

которыя французы такъ характеристично называютъ «*maladie du quarante ans*», обхватываютъ и сламливаютъ его тѣло и умъ, лишенные привычныхъ занятій. Исторія общества полна примѣрами людей, которые, бросивъ продолжительный ломовой трудъ, не находили ни въ чемъ удовольствія и возвращались къ своимъ занятіямъ или буквально умирали отъ *скуки*.

Въ такомъ результатѣ, впрочемъ, нѣтъ ничего страннаго. Послѣ продолжительнаго и тяжелаго труда отдыхъ бываетъ пріятенъ, но послѣ окончательнаго истощенія ничто не можетъ быть несноснѣе вынужденной лѣности. Вѣроятно многіе изъ читателей знаютъ письмо Карла Лэмба къ Уортворту, въ которомъ плѣнникъ такъ живо описываетъ свои страданія, вслѣдствіе того, что онъ оставилъ ломовую работу. «Я заблуждался, *думая*, что я счастливъ, но я чувствую, что я не былъ счастливъ. Праздники прежде были для меня не слишкомъ радостны, вслѣдствіе ихъ быстраго минованія и вслѣдствіе страстнаго желанія продолжить ихъ. *Теперь же, когда праздники продолжаются постоянно, они для меня уже не праздники.* Я могу сидѣть дома въ дождливый или солнечный день, не чувствуя ни малѣйшаго желанія идти гулять». Всякій, понимающій силу привычки, пойметъ, что проведя двадцать или тридцать лѣтъ въ безпрерывной дѣятельности, нельзя разомъ прекратить ее, не нанеся сильнаго потрясенія физической природѣ; еще менѣе того удивительно, что люди, занятые постоянно ломовою работою, но незанимавшіеся развитіемъ своихъ умственныхъ способностей, бросивъ работу способны впасть въ скуку и меланхолію и придти въ концѣ дней своихъ, подобно еврейскому мудрецу, къ убѣжденію въ томъ, что все есть суета и стѣсненіе свободной воли.

На все вышесказанное намъ могутъ возразить, что пластинка меча, сломаннаго въ бою, лучше пластинки, заржа-

вленной въ бездѣйствіи. Лучше заниматься ломовой работой, чѣмъ покоиться лѣниво на постели и продремать всю жизнь; гораздо лучше судно, разбитое о скалу, чѣмъ сгнившее въ гавани, и что цѣна жизни зависитъ отъ числа исполненныхъ дѣлъ, а не отъ числа дней, сколько она продолжалась. Развѣ Гёте не считалъ Шиллера счастливымъ, за то, что послѣдній умеръ во время полнаго развитія своей дѣятельности. Иногда десять лѣтъ жизни человѣка могутъ равняться цѣлому вѣку. Развѣ мы не видѣли людей, которые умираютъ сѣдыми въ двадцать лѣтъ, или, подобно Попе, дѣлаются «шестидесятилѣтними въ шестнадцать лѣтъ».

Эти возраженія очень сильны, и мнѣ остается только замѣтить, что ревностные и удивительные работники, исполнявшіе дѣла семидесяти лѣтъ въ полдюжину или въ дюжину лѣтъ, сдѣлали бы гораздо болѣе для себя и для всего рода человѣческаго, еслибъ они чаще останавливались и наслаждались болѣе времени общественными удовольствіями. Работа бываетъ исполнена лучше, если она исполняется съ разсудкомъ, умомъ и въ особенности съ резервною силою, которая увеличивается съ годами. Кто не можетъ сожалѣть о потерѣ, понесенной міромъ, вслѣдствіе преждевременной смерти мистера Бокля. Какъ безцѣнны были бы для свѣта десять или двадцать лѣтъ жизни великаго ученаго и мыслителя! Много поколѣній пройдетъ, пока найдется человѣкъ, способный окончить трудъ, исполненный до половины Боклемъ.

Безъ сомнѣнія, въ иныхъ случаяхъ наименьшее зло есть чрезмѣрный трудъ. Человѣкъ, котораго друзья оплакиваютъ, говоря, что онъ убилъ себя трудомъ, былъ бы убитъ болѣе позорнымъ образомъ, еслибъ онъ не бросился въ умственную борьбу. Часто люди бросаются въ водоворотъ умственнаго возбужденія, чтобъ затушить тоску

ума и сердца. Бэртонъ, ипохондрикъ, написалъ «Анатомію Меланхоліи», которая по всей вѣроятности много способствовала къ продленію его жизни до шестидесятъ четвертаго года. Безъ умственнаго, почти чрезмѣрнаго труда сомнительно, чтобъ Куперъ при своемъ пасмурномъ умѣ достигъ семидесятилѣтняго возраста. Кромѣ того существуетъ какое-то очарованіе, волшебство въ литературномъ трудѣ, прекращеніе котораго приводитъ къ болѣе бѣдственнымъ результатамъ, чѣмъ прекращеніе чрезмѣрнаго труда другаго рода.

«Я долженъ писать для того, чтобъ опоражнивать мой умъ—говоритъ Байронъ—иначе я сдѣлаюсь съумашедшимъ». Когда Вальтеръ Скотта предупреждали доктора послѣ перваго апоплексическаго удара, что продолжая заниматься, онъ будетъ способствовать этимъ быстрому развитію болѣзни, то онъ отвѣчалъ: «Приказывать мнѣ не работать все равно, что поставить котелъ въ огонь и сказать ему: теперь не кипи. Я отлично предвижу, что сдѣлавшись лѣнивымъ, я сдѣлаюсь съумасшедшимъ». Онъ сдѣлался съумасшедшимъ и умеръ только отъ чрезмѣрнаго труда.

Сколько литературныхъ тружениковъ, ученыхъ, поэтовъ, живописцевъ преждевременно погибаютъ вслѣдствіе этой причины. Что должны они дѣлать, чтобъ противодѣйствовать страшнымъ дѣйствіямъ, производимымъ утомленіемъ мозга? Слѣдуетъ ли намъ совѣтовать такимъ людямъ предпринимать отдаленныя прогулки? Но къ сожалѣнію маціонъ до тѣхъ поръ, пока на нервахъ запечатлѣется усталость мускуловъ, и скука при прогулкѣ безъ общества, превращаютъ ихъ въ трудъ и вслѣдствіе этого они не могутъ служить облегченіемъ для ума. Гимнастика также не можетъ принести существенной пользы, потому что утомленіе, производимое ею, совершенно несовмѣстно съ головоломною умственною ра-

ботою. Остается одно только средство предупредить пагубныя послѣдствія чрезмѣрнаго труда—это давать себѣ отъ времени до времени продолжительные отдыхи, въ которые прогулки на свѣжемъ воздухѣ и занятіе гимнастикою приводятъ насъ къ желаннымъ результатамъ. Вакаціи и частые, хотя однодневные, праздники настоящіе предохранительные клапаны для дѣловыхъ людей, и тотъ, кто даетъ себѣ частый отдыхъ, не только можетъ продлить свою жизнь, но исполнитъ бо́льшій трудъ, чѣмъ сидя за работой отъ Января до Декабря включительно.

Но хуже всего, если мы напрягаемъ нашъ умъ постоянно въ одномъ направленіи; если въ такомъ случаѣ этотъ органъ окончательно не сломится, то произойдетъ умственное изуродованіе. Когда кормилица постоянно носитъ ребенка на одной рукѣ, то у него можетъ произойти искривленіе спины, точно также, если человѣкъ обращаетъ всю энергію своего ума на одинъ предметъ, то его мозги могутъ сдѣлаться исковерканными. Люди, привязанные къ умственному труду и неимѣющіе возможности дать покоя своимъ мозгамъ, должны попытаться по крайней мѣрѣ разнообразить свой трудъ; перемѣна одного занятія на другое есть уже нѣкоторый отдыхъ. «Обширное и продолжительное прилежаніе *исключительно* къ одному предмету— говоритъ одинъ писатель — есть корень всѣхъ несчастій. Какъ ваше тѣло можетъ быть въ дѣятельности въ продолженіе цѣлаго дня, если вы будете разнообразить ее, точно также вашъ умъ будетъ работать, если вы будете перемѣнять его занятія. Продержите пять минутъ палку въ рукѣ и ваши мускулы устанутъ гораздо болѣе, чѣмъ еслибъ вы цѣлый день управляли веслами; то же самое мы можемъ сказать и о дѣятельности мозга». Все это совершенно справедливо; однако слѣдуетъ помнить, что хотя трудъ и

будетъ разнообразенъ, но всетаки существуетъ граница для умственнаго труда, за которой умъ не можетъ находиться въ безопасности. Мозги, также какъ нивы, нуждаются въ залежняхъ. Вы можете часто останавливаться для перемѣны вашей работы, какъ останавливается мальчикъ, вертящій мельничные жернова, чтобъ перемѣнить руку, но если вы будете продолжать безпрерывно трудиться, то это, не смотря на разнообразіе труда, произведетъ истощеніе ума и тѣла. Сохраненіе здоровья при постоянномъ трудѣ требуетъ не человѣческаго, даже не геркулесовскаго, но желѣзнаго и баукутоваго *) сложенія.

---

*) Баукутовое дерево—самое крѣпкое изъ всѣхъ деревъ.

# ГЛАВА XXI.

## Настоящій и ложный успѣхъ.

To know
That which before us lies in daily life
Is the prime wisdom.

*Мильтонъ.*

Въ предъидущихъ главахъ я пытался указать вступающему въ жизнь на необходимыя средства для успѣха въ ней, подкрѣпля свои внушенія примѣрами людей, успѣвшихъ въ жизни или потерпѣвшихъ неудачи. Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что успѣхъ есть средство, а не цѣль жизни; отсюда возможенъ *неуспѣшный успѣхъ*, т. е. достиженіе цѣли жизни, не смотря на то, что вся *жизнь* была неудачна. Зачѣмъ намъ успѣхъ, къ которому мы такъ ревностно стремимся? Бросивъ взглядъ на вселенную, которой наша земля составляетъ весьма маленькую часть, какимъ незначительнымъ дѣломъ кажется онъ намъ. Неужели ради него человѣкъ долженъ ползать въ тинѣ, унижать себя, нарушать божественныя заповѣди и прибѣгать къ безчестнымъ дѣйствіямъ? Развѣ жизнь пристанище для бѣганья, на которомъ вы, хотя видите направо стоящаго слѣпца, толкаете его, чтобъ опередить своего соперника. Должны-ли мы ставить себѣ примѣромъ грубый матеріализмъ амери-

канской жизни, который проповѣдуетъ, что деньги есть великая цѣль жизни и самый вѣрный указатель человѣческаго ума. Такое мнѣніе достойно только народа, готоваго принять, какъ завѣщаніе, правила Бѣднаго Ричарда. Развѣ уже не кое-что́ имѣть безупречную совѣсть, лицо неблѣднѣющее ни при чьемъ голосѣ, мысли, которыя никогда не боятся выйти наружу, и сердце, въ которомъ, если оно даже будетъ вполнѣ открыто, не найдется ни одного безчестнаго пятна?

Но можетъ быть вы считаете популярность величайшимъ доказательствомъ успѣха; вы хотите быть фокусомъ для всѣхъ глазъ, «наблюдаемымъ всѣми наблюдателями; хотя шарлатанъ — говоритъ Каулей—удостоивается этихъ почестей чаще, чѣмъ лучшій врачъ, и палачъ чаще, чѣмъ высшій судья». Если вы живете только для того, чтобъ другіе обращали на васъ вниманіе, то ваше счастіе будетъ зависить отъ каждаго поворота флюгера, потому что вы будете находиться подъ вліяніемъ каждаго дующаго вѣтра. Вы, напримѣръ, левъ настоящаго дня, потому что вы воспламенили сердце свѣта вашимъ горячимъ чувствомъ. На другой день я левъ общества, потому что я съ опасностію жизни перешелъ по канату черезъ Ніагару, и вы совершенно забыты. Оцѣнка нашего превосходства по числу долларавъ въ карманѣ или по предсѣдательствованію въ конгрессѣ глупа и безнравственна. Развѣ мы назовемъ нашего товарища нулемъ, потому лишь только, что онъ занялъ крошечный уголокъ въ мірѣ? Развѣ многіе не были благословеніемъ для свѣта, хотя они не произвели никакого шума и умерли нищими? И развѣ тысячи не умерли богатыми и прославляемыми, бывъ умственно и нравственно совершенными ничтожествами? Развѣ не справеливо, что дорога тщеславія, по замѣчанію одного писателя, чѣмъ выше поднимается, тѣмъ труднѣе становится и наконецъ оканчивается вершиной слишкомъ

узкой для дружбы, слишкомъ крутой для безопасности, слишкомъ острой для отдыха, и занимающій ее, стоящій выше симпатіи людей и ниже дружбы ангеловъ, напоминаетъ своимъ одиночествомъ, если не глубиною страданій, Прометея, прикованнаго къ Кавказской скалѣ.

Но чего бы вы ни желали достигнуть въ свѣтѣ, вы можете пріобрѣсти это, слѣдуя слѣдующему правилу. Если вы хотите быть богатымъ или популярнымъ, то направьте всѣ ваши способности, какъ дѣлалъ Наполеонъ со своими войсками, на одинъ пунктъ, давая только повременамъ вашей умственной и нравственной природѣ отдыхъ. Но не придавайте слишкомъ много значенія этимъ успѣхамъ. Развѣ не достойны жалости тѣ, которые продаютъ безцѣнныя сокровища за деньги и которые могутъ считать себя извѣстными докторами, адвокатами, купцами, но никакъ не *людьми*. Деньги и похвалы не всегда вознаграждаютъ истинную добродѣтель; книга, какой-нибудь замѣчательный трудъ, дѣятельность архитектора и генерала могутъ имѣть успѣхъ, вслѣдствіе вкуса ихъ времени, другой же, напротивъ, можетъ терпѣть неудачу, обладая слишкомъ чистою и чувствительною совѣстью, стремленіемъ ко всему доброму и прекрасному, безукоризненною разсудительностью, слишкомъ романтическимъ и благороднымъ великодушіемъ или излишнею скромностью. Нельзя оцѣнивать человѣческій характеръ по денежному капиталу, и потому правильно понимаемый успѣхъ опредѣляется не тѣмъ, что̀ *мы имѣемъ*, но тѣмъ, кто *мы есть*.

Опытъ говоритъ, что самыя величайшія и постоянныя блага фортуны не могутъ сдѣлать человѣка вполнѣ счастливымъ, точно такъ же, какъ лишенія ихъ, всѣ вмѣстѣ взятыя, не могутъ сдѣлать несчастнымъ человѣка, имѣющаго чистую совѣсть и хорошо дисциплинированный умъ. Гёте, родившійся повидимому для того на свѣтъ, чтобъ доказать, какъ блестящій геній, здоровье, почести, вліяніе и капиталъ могутъ

сдѣлать человѣка счастливымъ, признался, что онъ во всю свою жизнь и пяти дней не наслаждался неподдѣльнымъ удовольствіемъ. Знаменитый калифъ, оглядываясь назадъ на свое блестящее царствованіе, сказалъ, что онъ только четырнадцать дней пользовался настоящимъ счастіемъ. Одинъ остроумный французъ замѣтилъ, что ни одна перемѣна во внѣшней обстановкѣ жизни, за исключеніемъ бѣдности, не принесетъ ему счастія и спокойствія болѣе чѣмъ на три мѣсяца. Такой цинизмъ, будучи всеобщимъ, остановилъ бы всѣ колеса промышленности, но къ счастію онъ имѣетъ весьма мало приверженцевъ; люди, не смотря на крики моралистовъ, продолжаютъ желать трудиться и бороться изъза благъ міра, и нужно признаться, что вопреки всѣмъ вычисленіямъ, успѣхъ даже и въ этомъ грубомъ смыслѣ весьма желателенъ. Деньги, хорошенькій домикъ, освобожденіе отъ экономическихъ заботъ, книги, живопись, музыка, путешествіе въ иностранныя земли, образованное общество мущинъ и женщинъ, уваженіе свѣта, хорошая пища—все это предметы чрезвычайно прекрасныя и въ особенности желательные для тѣхъ, которые выказываютъ къ нимъ наружное презрѣніе. Но главная наша миссія на землѣ развить честно талантъ, данный намъ отъ Бога, для чего мы должны сосредочить на одинъ какой-нибудь предметъ всю энергію нашей души. Гёте справедливо замѣчаетъ, что человѣкъ рожденъ не для того, чтобъ рѣшить задачу вселенной, но для того, чтобы найти то, что ему слѣдуетъ въ ней дѣлать и ограничить этимъ предметомъ всѣ свои способности и понятія. Найдя же предметъ для вашего дѣла, вы должны стараться сдѣлать его по возможности въ совершенствѣ, потому что этимъ вы исполните вашъ долгъ.

Если ваши дарованія незначительны, то должны ли вы отчаиваться при видѣ вашихъ медленныхъ успѣховъ? Вспомните, что имѣя какой бы ни было талантъ вы отвѣтственны въ

его мудромъ употребленіи. Если вы не можете сдѣлать того, чего вы желаете, то по крайней мѣрѣ вы можете сдѣлать часть этого. Докторъ Арнольдъ говоритъ, что пріятнѣе всего на свѣтѣ видѣть бѣдно-одаренныхъ отъ природы людей честными, справедливыми и хорошо образованными. Помните, что жизненная битва не можетъ быть выиграна при чьей-нибудь помощи и будьте вашимъ собственнымъ помощникомъ; будьте осмотрительны, прилежны, и если вы не достигнете успѣха, то по крайней мѣрѣ вы будете заслуживать его. Если ваше призваніе свѣтъ называетъ низкимъ, то старайтесь облагородить его, примѣшивайте къ нему ваши мозги, какъ это дѣлалъ Опей со своими красками, покажите свѣту, что самое презираемое занятіе, если только оно честно исполнено, можетъ сдѣлаться почтеннымъ, и что ваше сердце, какъ вдохновляющій органъ, можетъ дать или лишить его достоинства. Механикъ можетъ быть поэтомъ въ своемъ искусствѣ, поденьщикъ можетъ быть такъ же благороденъ въ своемъ дѣлѣ, какъ артистъ. Разсказываютъ про знаменитаго бостонскаго купца Вильяма Грэя, что когда онъ упрекалъ однажды одного механика за небрежность его работы, то тотъ, зная мистера Грэя еще въ то время, когда онъ занималъ весьма ничтожное положеніе въ свѣтѣ, не могъ терпѣливо перенести его порицаній и сказалъ: «Я говорю вамъ, Вильямъ Грэй, что я не намѣренъ слушать отъ васъ эти слова; я помню время, когда вы были ничѣмъ инымъ, какъ полковымъ барабанщикомъ!» — «Да это правда—возразилъ мистеръ Грэй — это правда, я былъ барабанщикомъ. Но развѣ я не хорошо барабанилъ? Что, развѣ я не хорошо барабанилъ?»

КОНЕЦЪ.

# ОГЛАВЛЕНІЕ.


Глава I. стран

Успѣхъ и неудача . . . . . 1

Глава II.

Счастіе и несчастіе . . . . . 21

Глава III.

Выборъ занятія . . . . . 36

Глава IV.

Физическая культура . . . . . 54

Глава V.

Сосредоточенность или единство цѣли . . . . . 65

Глава VI.

Самонадѣянность . . . . . 82

Глава VII.

Самобытность въ цѣляхъ и въ средствахъ . . . . . 95

Глава VIII

Вниманіе къ мелочамъ . . . . . 103

Глава IX.

Практическій талантъ . . . . . 109

Глава X.

Рѣшительность . . . . . 120

Глава XI.

Манеры . . . . . 134

Глава XII.

Привычки . . . . . 151

Глава XIII.

Самовосхваленіе . . . . . 172

Глава XIV.

Воля и дорога . . . . . 181

Глава XV.

Воля и дорога (продолженіе) . . . . . 212

Глава XVI.

Резервная сила . . . . . 228

Глава XVII.

Экономія во времени . . . . . 255

Глава XVIII.

Деньги, ихъ употребленіе и злоупотребленіе ими . . . . . 266

Глава IX.

Торговыя неудачи . . . . . 268

Глава XX.

Чрезмѣрный трудъ . . . . . 300

Глава XXI.

Настоящій и ложный успѣхъ . . . . . 311

# ПОПРАВКИ.

| *Стран.* | *Строч.* | *Напечатано:* | *Вмѣсто:* |
|---|---|---|---|
| 6 | 15 св. | надѣятся | надѣется |
| 9 | 10 сн. | и Принциповъ | «Принциповъ» |
| 10 | 2 св. | дномъ | однимъ |
| 14 | 12 » | сами | самъ |
| 52 | 6 сн. | то | кто |
| 68 | 8 » | лутенистъ | лютнистъ |
| 114 | 1 св. | многовенно | мгновенно |
| 121 | 15 » | пріобрѣтымъ | пріобрѣтеннымъ |
| 130 | 9 сн. | нижнемъ | нижней |
| 134 | 10 св. | маня | меня |
| 181 | 12 сн. | слѣдающее | слѣдующее |
| 184 | 8 св. | поливанною | половинною |
| 194 | 5 » | Вару | Варрону |
| 195 | 15 » | объясняетъ | объясняется |
| 206 | 11 » | далларъ | долларъ |
| 233 | 2 сн. | достали | доставили |
| 272 | 1 сн. | были | была |

*Цѣна 3 руб.*

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2004

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111